

Борис Алексин

НЕОБЫКНОВЕННАЯ
ЖИЗНЬ
ОБЫКНОВЕННОГО
ЧЕЛОВЕКА

III

ТОМ 2
1934–1941

Борис Яковлевич Алексин
Необыкновенная
жизнь обыкновенного
человека. Книга 3. Том 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69571651
SelfPub; 2023*

Аннотация

Продолжение романа. Действие тома 2 книги третьей охватывает период с 1934 по 1941 год и происходит в г. Армавире, г. Краснодаре, пос. Архипо-Осиповке и станице Александровке Кабардино-Балкарской республики. Главный герой, наконец, примет важнейшее решение, связанное с профессией, и будет делать всё, чтобы осуществить свои планы. В семейной жизни его ждут и любовь, и поддержка жены, и болезни, и рождение детей, и измена. Репрессии 1930-х годов коснутся близких ему людей. К лету 1941 года жизнь его семьи только наладилась...

Содержание

Часть четвёртая	4
Глава первая	4
Глава вторая	32
Глава третья	56
Глава четвёртая	70
Глава пятая	90
Глава шестая	100
Глава седьмая	114
Глава восьмая	126
Глава девятая	151
Глава десятая	171
Глава одиннадцатая	191
Глава двенадцатая	231
Часть пятая	281
Глава первая	281
Глава вторая	306
Глава третья	335
Глава четвёртая	377
Глава пятая	396
Глава шестая	413
Глава седьмая	437
Глава восьмая	449
Глава девятая	473

Борис Алексин

Необыкновенная жизнь обыкновенного человека. Книга 3. Том 2

Часть четвёртая

Глава первая

Пока Борис Алёшкин и его семья едут в скором поезде из Владивостока в Армавир, вернёмся немного назад и познакомимся с жизнью тех родственников, которые в эту трудную для него минуту решились протянуть ему руку помощи. Расскажем немного о жизни Сердеевых.

Мы знаем, что после женитьбы Д. Я. Сердеева на Л. П. Пашкевич (старшей сестре Кати) и рождения первого сына Руслана они переехали на жительство в г. Хабаровск, где вскоре у них появился второй сын Виктор, почти ровесник дочери Алёшкиных. В Хабаровске Дмитрий Яковлевич служил в аппарате Дальневосточного крайисполкома, а Людмила Петровна сперва учительствовала, а затем работала в кра-

евом отделе народного образования. Жили они у родственников Дмитрия, его матери и братьев, имевших свой двухэтажный дом на улице Карла Маркса.

Жизнь их была довольно трудной. В семье Сердеевых все братья, да и сама мать, были склонны к частым и значительным выпивкам. Как мы уже знаем, и Дмитрий выпивал основательно. На его работе это пока не отражалось, однако жену очень волновало и тревожило. На этой почве у неё были частые ссоры со свекровью, братьями мужа, да и с ним самим. И хотя Дмитрий Сердеев любил свою жену, любил и детей, но от приглашения родственников на очередную попойку отказаться не мог. Имелся у него и другой существенный недостаток, особенно обострившийся после выпивки, — это ни с чем несообразная и, как правило, ни на чём не основанная дикая ревность, которой он преследовал свою молодую, общительную и интересную жену.

Когда Дмитрию Яковлевичу предложили отправиться на учёбу, а она ему была необходима, так как у него не было даже среднего образования, Людмила Петровна горячо уговаривала его принять это предложение, хотя прекрасно понимала, насколько ухудшится материальное положение семьи и как тяжело ей придётся с двумя детьми, ведь совершенно понятно, что в этих условиях оставить у себя мать она не могла. Тогда-то и отправили Акулину Григорьевну к Алёшкиным.

Людмила Сердеева была согласна на все лишения, лишь

бы вырвать Митю из-под пагубного влияния его родственников. Понимала она также, что с теми знаниями, которые имел её муж, он скоро не смог бы выполнять ответственную работу, но зная его способности, она считала, что Дмитрий вполне достоин занять гораздо более высокий пост, чем сейчас. Вот таким образом и было принято решение о поступлении его на подготовительный курс Комвуза им. Я. М. Свердлова в г. Москве. Его приятели из Дальневосточного крайкома партии решили помочь ему материально, для чего до отправки в вуз организовали ему командировку в одну из Среднеазиатских республик на несколько месяцев. Эта командировка позволила Дмитрию заработать довольно солидную сумму.

В октябре 1933 года Дмитрий Яковлевич переехал в Москву, поселился в общежитии. Решено было, что его жена пока останется в Хабаровске, её заработок мог быть серьёзной поддержкой семье. Однако ревность Дмитрия очень скоро сделала своё дело: он потребовал немедленного приезда Милы в Москву. Пришлось подчиниться.

В ноябре 1933 года в столице собралась вся семья Сердеевых. Жилья не было, у Людмилы Петровны не было и работы. Она и дети временно поселились у знакомых, имевших всего одну комнату, под Москвой, в Павшино. Митя продолжал жить в общежитии вуза. Единственным источником их существования в это время была его стипендия и остатки того, что он заработал в Средней Азии. Почти каждый день он

приезжал домой. И тут выявилась одна его странность: оказалось, что он совсем не может переносить езды в городском транспорте: трамвае, троллейбусе и автобусе.

Года три тому назад, в период раскулачивания на Дальнем Востоке, при проверке принятого зерна в одном из сёл его контузило. На него было совершено покушение, в результате чего Митя упал с высоты более шести метров, сильно ушибся головой и получил тяжёлое сотрясение мозга. После травмы он болел недолго, но теперь, через несколько лет, она давала себя знать, особенно при нахождении в тряском, дребезжащем трамвае. Приступ головной боли, головокружение во время таких поездок доводили его до потери сознания. Естественно, что он был вынужден обратиться в больницу.

В Комвуз принимались только совершенно здоровые люди, и поэтому при первом же обращении к врачу Дмитрия Яковлевича направили на медицинскую комиссию, где после обследования было решено его отчислить. Согласно приказу по Комвuzu Дмитрий поступал в распоряжение ЦК ВКП(б). Партийные кадры были нужны везде. В особенности нехватка партийных работников ощущалась на юге страны, где было необходимо восстанавливать разрушенное троцкистами и бухаринцами сельское хозяйство. Дмитрия Сердеева, как коммуниста с большим стажем и некоторым опытом хозяйственной и административной работы, направили директором совхоза Хуторок в Северо-Кавказский край около Армавира. Это произошло в декабре 1933 года.

Он приехал на новое место работы, где, по существу, кроме названия и нескольких глинобитных мазанок не было ничего. В голой степи не имелось даже колодцев – для питья использовали дождевую воду, собираемую в особые чаны. Дмитрий понял, что, начав работать здесь, он не только не обеспечит мало-мальски приличное существование семье, но, во-первых, всё равно должен будет жить от неё отдельно (ведь школы-то там не было), а во-вторых, рискует потерять свой партийный билет. В сельском хозяйстве он разбирался очень слабо, однако, достаточно для того, чтобы понять, что с теми материальными ресурсами, которыми в то время располагал совхоз Хуторок, добиться более или менее положительных результатов невозможно. Он решил от этого дела отказаться и лучше вернуться обратно в Хабаровск на свою прежнюю должность, чем рисковать головой без видимой перспективы на успех.

С таким решением он и явился в Армавирский райисполком. Однако работников типа Сердеева, коммуниста с 1920 года, имевшего опыт партийной и административной работы, было не так много. Поэтому Армавирский исполком решил оставить его у себя, надеясь в дальнейшем согласовать этот вопрос с ЦК, тем более что Дмитрий Сердеев приехал в Армавир со всей семьёй. Его назначили на должность инструктора райисполкома.

В январе 1934 года проходила районная партконференция в г. Армавире. На ней Сердеева, как старого коммуни-

ста, избрали в состав городского комитета ВКП(б), а там и в состав бюро, и вскоре он был назначен на должность второго секретаря горкома. Конечно, после этого он получил довольно приличную по тому времени квартиру, состоявшую из двух больших смежных комнат, летней кухни и большой веранды, почти в самом центре Армавира.

Как раз в это время к Сердеевым пришло известие о трагедии, происшедшей в семье Бориса Алёшкина (об исключении его из партии), и о разрешении, полученном им на выезд с Дальнего Востока. Дмитрий Яковлевич и Людмила Петровна решили оказать помощь родственникам и пригласили их к себе.

Дорога до Москвы, а затем и до Армавира у путешественников прошла без каких-либо приключений, и на одиннадцатый день после выезда из Владивостока, ясным мартовским утром, они, встреченные Людмилой и Дмитрием, выгружались на станции Армавир. Все приехавшие – и Алёшкины, и Акулина Григорьевна, на юге оказались впервые. Их удивила по-летнему тёплая погода, обилие зелени на улицах города, уже распустившиеся листья на деревьях и какой-то особенный прозрачный воздух. Вместе с тем было неприятно и то, что отсутствовал запах и шум моря, к которому привыкли приморцы, кроме того, не было городского шума, постоянно сопровождавшего их во Владивостоке. Армавир 1934 года был городком провинциальным и тихим.

Первое время решили поселиться в квартире Сердеевых,

а через некоторое время купить отдельный дом, пригодный для жилья обеих семей. В те годы в Армавире это было сделать не очень трудно.

Допущенные прежними руководителями Северо-Кавказского крайкома и крайисполкома ошибки и прямые нарушения указаний ЦК ВКП(б) в развитии сельского хозяйства привели к ответной реакции среди кубанских казаков и прочего населения станиц, к саботажу, срыву посевных кампаний, а это, в свою очередь, вызывало далеко не всегда оправданные репрессии. В 1932–1933 гг. на благодатной Кубанской земле возник голод, который по своей тяжести мог сравниться разве что с голодом Поволжья 1920–1921 гг. Все, имевшие возможность бежать из края, бежали. Тенденция к бегству охватила не только сельское, но и часть городского населения. Правда, к весне 1934 года усилиями ЦК, коммунистов края и наиболее сознательной части населения положение удалось выправить и дальнейшее развитие голода прекратить. Кроме того, были исправлены допущенные искривления линии партии по отношению к кубанскому казачеству. В крае началось усиленное строительство совхозов, для размещения которых были использованы пустовавшие со времён Гражданской войны так называемые удельные земли, т. е. земли, принадлежавшие лицам царской фамилии и помещикам. В войну хозяйственные постройки, имевшиеся на этих землях, были сожжены и разрушены, сельхозинвентарь растащен и частично уничтожен, а освоить огром-

ные земельные массивы население окружающих станиц оказалось не в состоянии. Так и зарастали они бурьяном, превращаясь в широкую, гладкую, без конца и края, степь. Советское государство нуждалось в хлебе, нуждалось в плодородной земле, поэтому и было принято решение о скорейшем строительстве совхозов в Северо-Кавказском крае.

Очень скоро стало ясно, что приобретение дома Алёшкиным и Сердеевым не под силу. Людмила Петровна, как это с ней бывало и потом, рассчитывала воспользоваться средствами, имевшимися в семье сестры, но денег оказалось не так много, чтобы можно было купить подходящее здание, а приобретать какую-нибудь развалюху не имело смысла. Да, кроме того, деньги, привезённые с собой Алёшкиными, таяли со сказочной быстротой. Со снабжением в Армавире, как и в других городах Северо-Кавказского края, всё ещё было плохо. Для ответственных работников вроде Дмитрия Яковлевича имелись особые распределители, где, владельцы специальных книжек по твёрдым государственным ценам могли получить приличный паёк. Кое-что получала на свою ИТРовскую книжку и Мила (ИТР – инженерно-технический работник, прим. ред), но на семью из восьми человек этого, конечно, не хватало, приходилось делать покупки на рынке. Там уже продавалось почти всё, но цены были выше государственных в пять-десять раз.

Не прошло и месяца, как Борис и Катя поняли, что дальнейшее существование на средства, привезённые с Дальнего

Востока, может кончиться катастрофой. Посоветовавшись, они решили, что хотя бы Борис должен поступить на какую-нибудь работу.

Уезжая с Дальнего Востока, по совету председателя комиссии по чистке, он в Приморском обкоме ВКП(б) получил справку, в которой было сказано, что «исключённый первичной комиссией по чистке из рядов ВКП(б) в августе 1933 года Алёшкин Б. Я. решением апелляционной комиссии Приморского обкома 14 марта 1934 г. восстановлен в правах члена ВКП(б)», и что его партийный билет, а также учётная карточка, будут высланы по новому месту жительства.

Конечно, самым разумным для Бориса было бы сначала дожидаться получения партийного билета, и лишь после этого выехать, но ждать он не мог, так как билеты на поезд для всей семьи были уже на руках. Торопливость можно объяснить и тем, что он опасался, как бы руководство обкома, возвращая ему документы, не воспрепятствовало его выезду с Дальнего Востока. Остаться во Владивостоке после такого сильного и, главное, несправедливого, с его точки зрения, удара ему не хотелось.

Приехав в Армавир, Борис показал эту бумажку Сердееву, и тот так же, как и горвоенкомат, где Алёшкин становился на воинский учёт, посчитал его членом партии. Однако время шло, а обещанные Приморским обкомом документы в Армавирский горком не поступали, и если до сих пор Борис не искал работу, рассчитывая, что с полученными доку-

ментами горком предложит ему какую-нибудь более солидную должность, то теперь, учитывая задержку, он попросил Дмитрия Сердеева помочь ему с устройством на любую, даже самую рядовую службу.

Как мы уже говорили, правительство СССР и ЦК ВКП(б) приняло решение о скорейшем строительстве совхозов в Северо-Кавказском крае. Для этой цели создали специальную контору Зернострой, которая руководила деятельностью нескольких строительных управлений, почти одновременно начавших возводить необходимые помещения для центральных усадеб и участков девяти или десяти совхозов на землях, отведённых для них. По существу, это были первые крупные государственные сельские хозяйства в СССР. Они становились хозяевами огромных по тогдашним масштабам посевных площадей, измеряемых тысячами и даже десятками тысяч гектаров. Именно эта организация строила первые здания совхозов Гигант, Новопокровский, Песчанокосский и других. Правда, строительство ограничивалось сооружениями самых примитивных построек: конторы, хранилищ сельхозинвентаря и машин, сараев для скота, складов для посевного материала и минимально необходимого жилья. Но по тому времени это было довольно масштабным строительством. Работников в конторе, как правило, не хватало. Между прочим, как говорил Дмитрий, Борис Алёшкин планировался горкомом в качестве начальника одного из строительных управлений Зерностроя. Его назначение за-

держивалось только из-за отсутствия партийных документов.

Контора Зерностроя помещалась в Армавире, её глава – старый коммунист, назначенный на эту должность ЦК, постоянно испытывал необходимость в кадрах и с нетерпением ждал документов Алёшкина, чтобы оформить его назначение. Когда стало ясно, что Борис дольше без работы обходиться не может, товарищ Березовский, так звали начальника Зерностроя, предложил ему работу в аппарате конторы с последующим переводом на должность начальника одного из строительных управлений. Во время работы в Траловом тресте, руководя деятельностью отделов снабжения, финансирования и главной бухгалтерией, Борис Яковлевич со свойственной ему любознательностью старался глубже вникнуть в детали работы каждого из отделов. Со снабжением он уже был знаком достаточно хорошо по опыту в ДГРТ, поэтому больше обращал внимание на работу финансового отдела и бухгалтерии. Обладая отличной памятью и достаточной сообразительностью, он при помощи начфина треста Виноградова и главного бухгалтера Васильева, довольно быстро усвоил основные принципы финансово-счётной работы хозяйственной организации. Помогли ему в этом и уроки, полученные во время учёбы на курсах десятников Дальлеса, где преподавались основы бухгалтерии. Поэтому и теперь в Зернострое Алёшкин избрал деятельность бухгалтера-ревизора. Однако после нескольких поездок по управлениям он

пришёл к выводу, что его знаний для ревизии настоящих бухгалтеров было недостаточно. В конторе Борис уже успел хорошо познакомиться с главным бухгалтером, самим начальником конторы, да и с другими работниками и проявить себя с положительной стороны. Когда он стал отказываться от работы бухгалтера-ревизора, ссылаясь на свою не очень большую осведомлённость в различных финансовых операциях, и собирался покинуть контору, то и начальник, и главбух расставаться с ним не захотели.

В штатах конторы была вакантная должность начфина, эту работу выполнял по совместительству главный бухгалтер, но теперь, в связи с увеличением объёма работ, а, следовательно, и их финансирования, она требовала специального человека. Эту должность и предложили Алёшкину. Ему пришлось иметь дело со Стройбанком по вопросам планирования отпускаемых на строительство средств, распределения их по управлениям, организации контроля и оперативной отчётности по их использованию.

Это дело Борису Алёшкину было очень хорошо знакомо. Уже через неделю главбух говорил:

– Ну, теперь за организацию финансирования строительства я спокоен, эта работа как раз для товарища Алёшкина. Здесь он нашёл себя, и ни в какое управление я его не отпускаю.

Между прочим, говорил он так ещё и потому, что Борис согласился безвозмездно, в качестве дополнительной на-

грузки, исполнять обязанности кассира конторы. То, что он проработал некоторое время бухгалтером-ревизором и объехал почти все строительные управления, ему в дальнейшем здорово помогало. Во время этих поездок он успел ознакомиться с особенностями каждого управления и планировал выделяемые средства не вслепую, а с определённым знанием местных условий, справедливо урезая аппетиты некоторых начальников.

К середине лета Борис в Зернострое пользовался уже довольно прочным авторитетом. Он присутствовал на всех партийных собраниях конторы, в том числе и на закрытых, как равноправный член партии. И в конторе, да, по-видимому, и в горкоме никто не сомневался, что задержка партийных документов Алёшкина – следствие обычной канцелярской волокиты, осложнённой к тому же дальностью расстояния. На запрос Армавирского горкома из Владивостока ответа всё ещё не было, а время шло.

Пожалуй, только один Борис был обеспокоен, что дело тут не в волоките, а в чём-то более серьёзном, но он о своих опасениях никому, даже жене, не говорил.

Между прочим, жизнь Алёшкиных в семье Сердеевых всё более и более осложнялась. Видя катастрофическое сокращение денежных ресурсов, Катя старалась максимально экономить. Зарплаты Бориса едва хватало на питание, и Людмила Петровна, видя, что от пребывания родственников пользы нет, а только дополнительные хлопоты и неудобства, всё

чаще и чаще стала высказывать недовольствие сестре.

Надо сказать, что и Элочке приходилось несладко. Если младший сын Сердеевых Виктор был спокойным, даже несколько неповоротливым мальчиком, почти никогда не обижавшим свою ровесницу – двоюродную сестру, то старший, Руслан, характером очень походивший на отца, будучи сильнее девочки, почти ежедневно ссорился с ней. Ссоры кончались побоями, и Эла по нескольку раз в день плакала, обиженная избалованным мальчишкой.

Всё это создавало трудную обстановку в семье, и почти ежедневно, улёгшись на свою узкую кровать, стоявшую в первой проходной комнате квартиры Сердеевых, Борис и Катя советовались и искали выход из создавшегося положения. Наконец решили в ближайшее время от Сердеевых переехать и поселиться самостоятельно. Через соседку, пожилую армянку, жившую в этом же дворе, они нашли подходящее по размерам и цене жильё – отдельную комнату, расположенную недалеко от базара, в довольно хорошем кирпичном доме. Но... Как всегда, всё неожиданно изменилось.

По решению СНК СССР, в Северо-Кавказском крае создавалась новая организация – Трест зерносовхозов. Он должен был руководить деятельностью существовавших и строящихся совхозов в Северо-Кавказском крае и Донской области. Местом его пребывания был избран город Краснодар. Контора Зерностроля вливалась в этот трест как его строительный отдел. Начальнику конторы Березовскому предло-

жили сократить часть персонала конторы, а самых необходимых работников перевести в Краснодар. На переезд и аванс по найму квартир выделили определённые средства. В числе необходимых сотрудников оказался и Борис Алёшкин. Более того, ему и двум инженерам из планового отдела была поручена организация подготовки переезда конторы и найма в Краснодаре необходимых помещений для жилья сотрудников. Одновременно с этим на них же возлагалось и оборудование отведённого для стройотдела помещения в здании треста.

Посоветовавшись с женой, Борис решил принять это предложение. В Армавире никаких высших учебных заведений не было, а в Краснодаре их было несколько. Алёшкины не оставляли надежд на получение Борисом какой-либо специальности. Кроме того, дальнейшая совместная жизнь с Сердеевыми становилась уже попросту невозможной, Катя была согласна ехать куда угодно, лишь бы поскорее. Её угнетала и собственная бездеятельность в Армавире – работу найти она так и не смогла, а в Краснодаре, как городе краевом, таких возможностей наверняка было бы больше.

В первых числах августа, оставив семье немного денег, Борис вместе со своими попутчиками-инженерами, выехал в Краснодар. Прежде чем рассказать о событиях, которые произошли там с нашим героем, нам кажется совершенно необходимым немного охарактеризовать работников конторы, с которыми Алёшкин находился в наиболее тесных отноше-

ях. Начнём с начальника конторы Березовского. Он принадлежал к типу так называемых старых руководителей, которых, кстати сказать, уже и в тридцатые годы становилось всё меньше и меньше, а теперь почти и вовсе не встретишь. Обладая безупречным политическим прошлым, являясь, безусловно, преданным партии и Советскому государству, он был способным организатором, и только знаний, необходимых для глубокого серьёзного руководства делом, у него не было. В прошлом строительный рабочий Петрограда, с началом Первой мировой войны попавший на фронт, активный участник революционных боёв в Октябрьские дни, а впоследствии и на фронтах Гражданской войны, он сразу же по окончании её был назначен на какой-то ответственный пост. Благодаря напористому характеру, организаторским способностям, о которых мы уже упоминали, и твёрдой уверенности в том, что раз партия велит, то это сделать надо, он часто шёл напролом, но добивался выполнения поставленных задач, и потому считался хорошим работником. А то, что за всеми этими делами ему было недосуг учиться, пока ещё никого не смущало. Руководя конторой Зерностроя, он не только был не в состоянии разобраться во всех строительных проектах и сметах, но не мог самостоятельно составить ни одного приказа или толкового доклада в центр. Его главным девизом было: «Душа винтом, кровь из носа, но раз центр требует построить к такому-то сроку, то нужно сделать». И тут уж Березовский был беспощаден ко всем подчинённым.

Однако для действительного руководства делом он нуждался в толковых и грамотных помощниках. Одним из таких помощников был главный бухгалтер конторы, некто Погудин, действительно знавший счётное дело человек, но, к сожалению, с серьёзным недостатком (страдал длительными запоями). И, может быть, вследствие этого главбух был не всегда достаточно честен. Понятно, что он не мог долго удержаться на одном месте и переменял уже несколько учреждений, имевшихся в г. Армавире. Однако в вопросах счётного дела Погудин был настоящим виртуозом. Его отчёты в Москву всегда представляли собой образец точности и своевременности, хотя, может быть, и содержали в себе нечто такое, что могла бы раскрыть лишь достаточно глубокая и квалифицированная ревизия, но это пока наружу не выплывало.

Березовский не привык стесняться в средствах, и, хотя его зарплата в 300 рублей по тому времени была достаточно значительной, ему её не хватало. Как умел Погудин покрывать расходы начальника, превышавшие эту зарплату, ни сам Березовский, ни кто-либо из его подчинённых не догадывался. Конечно, главбух не стеснялся в изыскании дополнительных средств и для себя, и для своих друзей. В число друзей вскоре попал и Алёшкин. Его оклад составлял 120 рублей, но получая по распоряжению главбуха различные суммы в виде авансов, отчёта по которым никто не требовал, поэтому они каким-то никому не ведомым образом растворялись в дебрях бухгалтерских операций, фактически в месяц Борис

имел около 160 рублей. Точно так же повышался заработок и других нужных людей. К числу их, прежде всего, следует отнести руководителя планово-производственной группы инженера Яковлева. Этот высокий, ещё совсем молодой человек, окончивший строительный институт в Москве несколько лет тому назад, впервые руководил производственной работой такой крупной организации, как Зернострой. Он был способным руководителем и, опираясь на нескольких помощников, инженеров и техников, входивших в его группу, в том числе на инженера-инспектора Афанасьева, чувствовал себя царём в составлении проектов, планов и смет, которые для каждого управления разрабатывались в конторе Зерностроя. После передачи этих документов на места Яковлев и Афанасьев часто выезжали туда, чтобы проконтролировать ход строительства. Оба они были выходцами из нэпманской среды и, в отличие от Березовского, хотя и знали хорошо строительное дело, смотрели на ход строительства совхозов без особого энтузиазма. Они исполняли свою работу более или менее добросовестно только потому, что получали хорошую зарплату и солидный приварок к ней, как говорил Яковлев. Их командировки на места после одного-двух дней действительно серьёзной работы превращались затем в весёлые пикники. Оба они были женаты, но, считая своё пребывание в конторе временным, также, впрочем, как и существование самой конторы, жён пока держали в Москве. Детей ни у того, ни у другого не было. Вследствие сказан-

ного оба молодых человека, почти ровесники Бориса, вели свободный, холостяцкий образ жизни, требовавший дополнительных средств, которые добросердечный Погудин изыскивал, принимая и сам посильное участие в частых попойках, устраиваемых друзьями. Пока контора находилась в Армавире, где Борис ежедневно после работы возвращался в общество жены и дочки, ему от этих попок удавалось уклоняться, несмотря на неизменно поступавшие приглашения. Но именно с Яковлевым и Афанасьевым Алёшкину и пришлось ехать в Краснодар в качестве разведывательно-организационной группы. Перед этим туда ездил сам Березовский и успел положить начало работе своего отдела, в котором он уже был утверждён начальником. Добившись утверждения штата отдела, составленного Погудиным и Алёшкиным, Березовский получил в своё распоряжение несколько автомашин, в том числе одну легковую, и помещение. Договорился он в тресте и ещё об одном деле, которое, однако, пока держал в секрете и рассказал о нём только Борису.

Частые появления на улицах Армавира, и даже в некоторых учреждениях, главбуха Зерностроя Погудина в пьяном виде, его скандалы и дебоши по месту жительства уже стали известны и в горкоме партии, и в горисполкоме. Руководители этих организаций потребовали от Березовского увольнения Погудина с занимаемой должности. Мы знаем, что главбух был одним из основных людей, которые помогали Березовскому в руководстве строительством, поэтому расста-

ваться с ним ему очень не хотелось. Переезд в Краснодар давал возможность выполнить требования партийных и советских организаций. В Зернотресте Березовский поставил вопрос о необходимости замены главбуха. Подходящий человек нашёлся, это был некто Романовский, знавший счётное дело так же хорошо, как и Погудин, и, как впоследствии выяснил Борис, умевший делать всякие бухгалтерские махинации с авансами и счетами с не меньшей ловкостью, чем его предшественник. Он, хотя и не отказывался от попоек, временами устраиваемых всё теми же приятелями, никогда не напивался и всегда держался в рамках.

Говорили, что Романовский якобы в прошлом офицер, служивший в Белой армии. По строгой выправке он действительно походил на бывшего военного, однако достоверно о нём никто ничего не знал. Забегая вперёд, можно сказать, что, когда Погудин узнал о том, что в Краснодаре он работать не будет и поедет туда только для того, чтобы сдать дела новому главному бухгалтеру, он напился до безобразия, ходил по улицам возле конторы Зерностроя и громко кричал. Ругая Березовского, он заявлял, что раз его так оскорбили, то он этого не простит и дела так не оставит, все махинации конторы раскроет; что сам сядет в тюрьму, но потянет за собой и всю контору. Поскольку эти угрозы в виде пьяных криков были вообще без указания конкретных лиц, да, кроме того, к подобным дебошам Погудина в Армавире уже все привыкли, никто на них внимания не обратил. Ну, а если

бы кто-нибудь по-серьёзному занялся проверкой бухгалтерских документов ликвидировавшейся конторы Зерностроя, он, вероятно, открыл бы немало любопытных фактов. Кое о чём догадывался, а кое-что знал и Борис, но после разговора с Дмитрием Сердеевым, посоветовавшим ему о виденном и слышанном помалкивать и не в свои дела не вмешиваться, Алёшкин молчал. Между прочим, Дмитрий сказал:

– Если будешь всё рассказывать да раскапывать, ни на одном месте не удержишься.

Борис и сам заметил, что в окружавшем его мире всё как будто немного изменилось. Как-то уменьшилась былая принципиальность отдельных большевиков, и все, в том числе и члены партии, стали уделять внимание не только выполнению своих служебных, производственных и партийных обязанностей, но и личному благополучию. Они старались при каждом удобном случае улучшить своё материальное положение и, по-видимому, не всегда праведным путём. Даже Дмитрий Сердеев, бывший когда-то для Бориса если и не эталоном коммуниста, то, во всяком случае, положительным примером, во время совместной жизни в Армавире показал себя не безупречным. Иногда Дмитрию привозили пиво с пивного завода, который он курировал, или с консервного завода – ящиками консервы, и Борис не видел, чтобы тот за эти приношения расплачивался.

Такое же мздоимство в виде всевозможных угощений и подарков со стороны подчинённых конторе управлений име-

ло место и в Зернострое. И ни Березовский, ни другие руководители-коммунисты, не говоря уже о беспартийных, этими знаками внимания не гнушались. Кроме того, у Бориса Алёшкина ещё свежи были воспоминания и о его совсем недавней жизни. Ведь он, собственно, именно он вскрыл махинации Семёнова и Сытина в Тралтресте, он возбудил против них уголовное дело, и ему же это поставили в вину. Больше всех пострадал он, тогда как все остальные руководители треста остались в стороне и, по существу, отделались лёгким испугом. Так стоило ли вмешиваться и ковырять злоупотребления, имевшиеся в конторе Зерностроя? Тем более что их ещё не так-то просто будет и доказать. Алёшкин решил, что не стоит. Вопрос о его партийности повис в воздухе, а при попытке вскрыть те или иные злоупотребления в Зернострое он нажил бы новых врагов и, конечно, не улучшил бы своего положения, а, может быть, пострадал ещё больше. К тому же Зернострой уже почти перестал существовать, и Борис махнул на всё рукой.

Выше мы описали немного Яковлева и Афанасьева, а именно они оказались спутниками нашего героя в начале переезда конторы в Краснодар. В их задачу входило совместно с новым главбухом оборудовать помещение стройотдела Зернотреста, как теперь стал именоваться Зернострой, мебелью и необходимым канцелярским инвентарём. В Армавире у Зерностроя своего почти ничего не было, поэтому контора нуждалась в самых простейших вещах. Кроме того, им

нужно было подыскать квартиры для переезжавших сотрудников, всего было необходимо восемь квартир.

Березовскому квартиру дал трест, главбух Романовский – краснодарец, квартиру имел, для остальных нужно было что-то подыскать. Рассчитывать на помощь со стороны руководства не приходилось. В тот период времени в городе было довольно трудно с работой, в особенности для служащих, и поэтому аппарат треста, укомплектованный в основном жителями Краснодара, не очень-то приветливо встречал приезжих, а начальник отдела кадров прямо сказал:

– Всё это блажь Березовского! Можно было бы отлично обойтись и теми служащими, которые живут в Краснодаре, а своих зерностроителей уволить.

Но так как стройотдел имел собственный финансовый план, финансировался совсем из других источников, чем трест, он мог позволить себе некоторую самостоятельность. Да и в своей оперативной работе, по крайней мере, ещё в этом году, он продолжал подчиняться Москве, а Зернотрест пока выступал перед ним в роли заказчика. Поэтому Березовский смог отстоять то, что он наметил.

Если с оборудованием отдела дело продвигалось быстро и просто, благодаря имевшимся для этого средствам, то подыскание квартир шло значительно хуже. На переезд конторы в Краснодар распоряжением Москвы была выделена довольно значительная сумма, половина её, составившая две тысячи пятьсот рублей, была вручена Алёшкину наличными

деньгами.

В первый же день приезда, при посещении управления треста Борис разыскал Романовского, бродившего по комнатам и коридорам, представился ему и сообщил, что их группа в составе трёх человек приехала в Краснодар, чтобы провести подготовительные работы к переезду конторы.

– Ну а деньги-то, деньги у вас есть?! – нетерпеливо спросил Романовский.

– Ну, конечно, есть. Пока у меня две с половиной тысячи рублей, но есть ещё чековая книжка с подписанными товарищем Березовским чеками, и как только нам откроют в Краснодарском отделении Стройбанка счёт, мы сможем получить по этим чекам деньги, – ответил Алёшкин.

– Ну, тогда живём, – повеселел Романовский. – Об открытии счёта мы договорились ещё тогда, когда сюда приезжал Березовский, и его подпись в банке уже имеется, это вопрос нескольких дней. Теперь не пропадём!

После этого они осмотрели две комнаты, отведённые для стройотдела, на первом этаже здания, где помещался Зернотрест. Одна из них, угловая, предназначалась для кабинета начальника, другая – побольше, проходная – для размещения всего стройотдела. Сразу же они наметили, кто где будет сидеть, и составили план приобретения мебели и канцелярских принадлежностей, которые должны были обеспечить продуктивную работу отдела, как выразился Романовский. Одновременно он заявил, что в настоящее время си-

дит без денег, и попросил у Алёшкина аванс в счёт зарплаты в сумме 200 рублей. Взяв соответствующую расписку, Борис выдал просимую сумму и договорился с ним о совместном приобретении нужного инвентаря, ведь сам он не знал ни города, ни магазинов, а оба его спутника под предлогом поиска квартир с утра укатились в неизвестном направлении. Зная их легкомысленное отношение к порученному делу, Борис не сомневался, что раньше 12 часов ночи он с ними не встретится, тем более что оба инженера по случаю переезда получили солидные авансы в счёт подъёмных и были, что называется, при деньгах. Романовский после получения аванса сделался очень любезным и с удовольствием обещал помочь во всём.

Кстати, об авансе: расписку Романовского на 200 рублей Борис приложил к кассовому ордеру, как оправдательный документ. Когда же при дальнейшей выплате по ведомостям он обнаружил, что эта сумма не вычиталась из аванса Романовского, и решил поискать расписку в бухгалтерских документах, то не нашёл никакого следа. Очевидно, Романовский не хуже Погудина умел манипулировать всякими бухгалтерскими рычагами.

Контора Зернотреста занимала одно из крыльев большого здания, стоявшего недалеко от центра города, на его главной улице – Красной. До революции здесь находилось Управление атамана Кубанского казачьего войска, в этом же доме жил и он сам. Это было большое трёхэтажное здание,

имевшее форму широкой буквы П, отделённое от улицы, заросшей высокими тополями, палисадником, и имевшее с противоположной стороны большой двор. После окончания Гражданской войны здесь перебивало много самых разнообразных учреждений, а ко времени, описываемом нами, т. е. к середине 1934 года, центральную часть его занимал Адыгейский облисполком (в это время Краснодар был центром Адыгейской автономной области), в одном крыле находилось отделение Госбанка, а в противоположном разместили Зернотрест.

Как мы уже говорили, для стройконторы выделили две комнаты на первом этаже, рядом с ними помещался буфет, Красный уголок и две комнаты отдела кадров. Около последних постоянно толпилось множество народа – проводили набор рабочей силы для строившихся совхозов. Несмотря на то, что в некоторых из них были только начаты первые строительные работы, им уже предстояло в этом году посеять озимую пшеницу и начать готовиться к весенне-посевной кампании 1935 года.

Ещё когда Борис шёл из квартиры, где они временно остановились, по улице Красной в поисках здания Зернотреста, он обратил внимание на странное сочетание учреждений, расположенных здесь. Помимо театра, гостиницы и нескольких больших магазинов, почти непрерывно по дороге встречалось много маленьких пивных, магазинчиков по продаже вина и юридических консультаций. Такое странное сочета-

ние его очень удивило, о чём он и сказал Романовскому, однако тот только посмеялся.

Для приобретения мебели и прежде всего сейфа, на котором настаивал Борис (пока все выданные деньги ему приходилось носить в своём стареньком портфеле), они поехали на трамвае на так называемый Сенной базар, где находилось много мебельных магазинчиков. В большинстве из них продавалась подержанная мебель. В одном из этих магазинов заведующий оказался хорошим знакомым Романовского. Тот с ним пошушукался, и они сравнительно недорого приобрели всю необходимую для отдела мебель, в том числе и небольшой несгораемый шкаф, состоявший из двух отдельно запиравшихся отсеков и имевший в качестве подставки массивную деревянную тумбу. Отложив приобретение канцелярских принадлежностей на следующий день и наняв для перевозки двух ломовых извозчиков и нескольких грузчиков, Алёшкин и Романовский вернулись в здание треста.

К четырём часам вечера этого же дня помещение стройотдела, в том числе и кабинет начальника, в котором поставили даже диван и повесили зеркало, было обставлено большей частью подержанной, но вполне приличной мебелью. Новые письменные столы весьма внушительных размеров имелись только для начальника отдела и для главбуха, для всех остальных были куплены более или менее одинаковые однотумбовые канцелярские. Стулья оказались разными, но достаточно прочными и удобными. У одной из стен

поставили несколько шкафов для хранения всевозможных чертежей, проектов и бухгалтерских документов. Столик Бориса размещался напротив стола главбуха, а позади установили желанный сейф, в который он сейчас же запер все оставшиеся деньги, их было около полутора тысяч.

Закончив расстановку мебели и удовлетворившись внешним видом конторы, Борис и Романовский присели отдохнуть. После некоторого молчания Романовский предложил:

– Знаете что, товарищ Алёшкин, зачем вы будете тратить время на приобретение всей канцелярской мелочи? Мне пока делать нечего, и я с этим делом управлюсь сам, а вы лучше займитесь подысканием квартир.

Борис согласился и выдал Романовскому по его просьбе ещё дополнительный аванс в сумме 100 рублей. После этого они вместе прошли на телеграф и отправили Березовскому телеграмму, в которой сообщили о готовности помещения отдела и возможности переезда конторы.

Глава вторая

Говоря о подыскании квартир, Романовский предупредил, что он уже пытался принять некоторые меры по поиску жилья в зданиях Коммунхоза, но там ему ответили категорическим отказом. Теперь единственное, на что приходилось рассчитывать, так это на съём частных квартир. Этим он и посоветовал заняться и Борису, и его спутникам. Одновременно Романовский дал адреса нескольких лиц, неофициально занимавшихся маклерством, и заметил, что без их услуг не обойтись. Сказал он также, что с разрешения Березовского отдел возьмёт на себя оплату услуг этих посредников и обязательную выплату стоимости снимаемых квартир вперёд за половину или даже за целый год, как это здесь было принято. Конечно, в дальнейшем выплаченные суммы должны будут удерживаться со служащих ежемесячно.

Всё это Борис сообщил своим спутникам, явившимся домой порядочно навеселе около одиннадцати часов ночи. Они решили, что с завтрашнего дня начнут заниматься поисками. Между прочим, друзья рассказали о том, как весело они провели день. Оказалось, что, основательно закусив и выпив в одном из кафе, они тоже явились в трест, но так как Борис и Романовский в это время уже уехали за мебелью, закрыв комнаты стройотдела, то друзья вынуждены были провести время в буфете. Буфетчица, молоденькая весёлая толстуха,

очень понравилась Яковлеву. Вскоре после знакомства они уже болтали о разных пустяках самым непринуждённым образом. Афанасьев, оказавшийся в одиночестве, хмуро потягивал сухое вино и сердито поглядывал на весёлую парочку.

Просидев в буфете до его закрытия и не заметив, как в это время в их отдел выгрузили и расставили мебель, как Алёшкин и Романовский, покончив с делами и передав ключи уборщице, ушли в ближайшую столовую, оба приятеля и их новая знакомая отправились ужинать в ресторан, где и проболтались до 10 часов вечера. Проводив даму до дому и взяв с неё обещание, что они встретятся в этом же ресторане на следующий день, друзья вернулись домой. Настроение у обоих было приподнятое, особенно у Яковлева, он чувствовал, что это знакомство может обернуться приятным приключением, и потому был весел. Конечно, в их веселье было повинно и «Шато-Икем», которого за вечер они осушили не одну бутылку.

Афанасьев пребывал в менее радостном настроении, но и ему было веселее, чем днём. Буфетчица Марина обещала на следующий вечер прийти с двумя подругами, из которых одна (Марина была в этом уверена) непременно понравится Васе, так звали Афанасьева.

– Ищите третьего, что б веселее было!

Оба приятеля, явившись домой, разбудили уже спавшего Бориса и стали настойчиво его уговаривать, чтобы он принял участие в завтрашней вечерней пирушке. Чтобы отвязаться

от них, он согласился. Оба приятеля спели хором «Красотки, красотки кабаре» и тоже улеглись спать.

Их теперешнюю квартиру снял Березовский в его первый приезд как временное пристанище для всех зерностроителей, приезжавших в Краснодар. Это была большая тёмная изолированная комната бывшей барской квартиры, перешедшей в ведение Коммунхоза. Хозяйка – старая женщина, которая, сдавая комнату неприхотливым командировочным, нуждавшимся во временном жилье, имела от этого дополнительный доход.

На следующее утро приятели получили от Романовского адреса двух маклерш и отправились к ним. Каждая из женщин встретила трёх незнакомых молодых людей недоверчиво. Первое время они обе категорически отрицали всякую свою причастность к делам найма квартир, но затем, узнав, что их адреса дал Романовский, а также и то, что их труды будут щедро оплачены, стали понятливее, посетовали, что в настоящий момент ничего подходящего нет, они будут искать, и когда что-либо появится, то сообщат об этом Романовскому. Маклерши заранее предупредили, что на это потребуется несколько дней. Очевидно, им хотелось выгадать время, может быть, для того, чтобы проверить благонадёжность новых клиентов и исключить возможность подвоха со стороны милиции, а, может быть, говорили правду.

В середине дня трое наших знакомых были в стройотделе, где за своим огромным столом, на котором уже красовал-

ся массивный чернильный прибор и лежали новенькие счёты, восседал Романовский. Борис познакомил Романовского с Яковлевым и Афанасьевым. Главный бухгалтер заявил, что Березовский с остальными сотрудниками, Погудиным, следующим для сдачи дел, и со всем имуществом конторы выедут через два дня и, таким образом, будут здесь не ранее понедельника. Следовательно, всем им пока делать в конторе нечего, лучше целиком отдаться поискам жилья. Затем он передал Борису счета на купленные канцтовары и попросил новый аванс – 100 рублей.

Увидев открывавшуюся кассу, Яковлев и Афанасьев стали причитать, что пребывание в Краснодаре обходится очень дорого и что у них все полученные ранее деньги подошли к концу. С разрешения Романовского Алёшкин выдал и им по 50 рублей. После этого все пошли обедать. Яковлев забежал в буфет, чтобы напомнить Марине о предстоящей вечерней встрече.

Сытно пообедав и сопроводив кушанья довольно обильным возлиянием, Романовский пошёл домой, а три друга вышли в один из многочисленных скверов и уселись на лавочку, чтобы проветриться. Делать было нечего, и Борис спросил, что именно планируется на вечер. Яковлев и Афанасьев переглянулись, и один из них сказал:

– А ты что же, забыл? Посидим в ресторане, закусим, выпьем, а потом пойдём погуляем. Туда обещала прийти наша новая знакомая, может быть, и подруг приведёт.

Борис заметил:

– Ну, это скучно! Давайте лучше пойдём в оперетту! Видите, вон афиша. Сегодня в горсаду в летнем театре «Сильва» идёт. Пойдём, купим билеты, пригласите и своих знакомых, а?

Ребята заколебались.

– А что, если они не пойдут? – спросил Афанасьев.

– Ну, не пойдут, так и шут с ними. Мы и одни можем пойти.

Такое предложение явно не устраивало ни Яковлева, ни Афанасьева, они предпочитали провести время в ресторане, но не желая спорить с Борисом, согласились. Через полчаса купили билеты в третий ряд партера, при этом билетов было куплено шесть. Затем приятели вернулись домой, чтобы немного отдохнуть. Улёгшись на кровати, они моментально заснули.

Яковлев вскочил, когда уже было без пятнадцати минут семь, растолкал своих друзей, и, кое-как приведя себя в порядок, все отправились в путь. Оказалось, что они успели вовремя. Когда ребята поравнялись с рестораном, с другой стороны улицы уже подходила Марина со своими подругами. Это были молодые милovidные женщины, лет 20–22, только уж чересчур раскрашены, как подумал Борис. Чтобы не мешать входящим и выходящим из ресторана, образовавшаяся группа молодых людей отошла в сквер, расположенный напротив. Яковлев прямо спросил:

– Вот что, девушки, давайте не церемониться. Есть хотите?

– А что? – отозвалась на правах старшей Марина, две другие только вопросительно посмотрели на него.

– А то, что есть билеты на «Сильву». Съездим в горсад, посмотрим оперетту, а потом поужинаем. Ну как, идёт?

Все женщины радостно воскликнули:

– Идёт, идёт! Это вы замечательно придумали! Так надоело болтаться по ресторанам.

После прекрасного спектакля, делясь впечатлениями от увиденного, вся компания вернулась в ресторан, где за ужином и просидела до его закрытия. Снова было много выпито, а Алёшкин к этому не привык, и потому к концу настолько опьянел, что уже почти не соображал, что делает. Он потом смутно припоминал, что всей компанией они поздно ночью пришли в какую-то квартиру, где пили что-то ещё. Эта добавочная выпивка уже окончательно лишила Бориса способности что-либо сознавать и понимать, он не помнил, когда и как заснул.

Проснулся Борис с тяжёлой головой в незнакомой комнате, а рядом с ним на широкой кровати лежала какая-то женщина. Стараясь скрыть охватившее его смущение, он быстро оделся, ополоснул лицо над стоявшим в углу умывальником и умчался на работу. Его соседка лежала, не шевелясь, отвернувшись к стене, – спала или делала вид, что спит.

Борис примчался на работу в Зернотрест за час до начала,

взял ключи у уборщицы и мрачно уселся за свой стол. Голова его трещала. Несмотря на то, что он непрерывно курил, никак не мог окончательно прийти в себя. Его всё время мучила мысль, как он провёл эту ночь: просто ли пьяный заснул в чужой постели или совершил какую-либо грязную и позорную глупость. Воспоминание об этой ночи угнетало его, ему было мучительно стыдно, ведь он был женат уже семь лет, любил свою Катю, и до сих пор ему даже и в голову не приходило иметь близкие отношения с какой-то другой женщиной. Участвуя во вчерашней гулянке, Борис наивно полагал, что дело ограничится просто весёлым времяпровождением. Если он действительно имел близость с той женщиной, которая спала в его постели и которую он даже не рассмотрел как следует, то случившееся было не только неприятно, но грязно и позорно.

Но вот появились Яковлев и Афанасьев. По их насмешливым подмигиваниям Борис понял, что всё было не так невинно, как он в душе надеялся.

– Ты что так рано убежал? – как ни в чём не бывало спросил Яковлев. – А мы ещё чаю попили. Твоя тебя вспоминала, – продолжал он.

– Да идите вы со своими проститутками ко всем чертям! Напился, как дурак, сам не знаю, чего натворил...

– Ну чего ты натворил? – вмешался в разговор Афанасьев. – Подумаешь, святоша какой! Хватит из себя невинную барышню корчить. Готовь-ка лучше деньги, сейчас Романов-

ский нам командировочные выпишет, и мы в Новопокровский совхоз поедem. Вчера вечером ему Березовский звонил, они там чего-то напортачили, исправлять надо. Жаль, что уезжаем. Передай девочатам, чтоб не скучали, мы тебя заместителем оставляем!

Этого уже Борис выдержать не мог, он так стукнул кулаком по столу, что все лежавшие на нём бумаги и счёты полетели на пол. К нему подошёл Романовский:

– Тише, тише, товарищ Алёшкин. Чего это вы разошлись? Ну, выпили вчера лишнего, ну, там ещё чего-нибудь набеда-курили, а шуметь-то зачем? Этим дело не исправишь... Вот, выдайте нашим инженерам на командировку, а сами отправляйтесь к маклерше – той, что около собора живёт. Она мне звонила, кажется, что-то нашла.

Молча выдав Афанасьеву и Яковлеву необходимые деньги, Борис запер сейф и уныло побрёл в направлении того дома, где жила маклерша. Мысли о содеянном не оставляли его. Он твёрдо решил скрыть от Катеринки своё падение. Изменой жене позорное и глупое происшествие никак не могло считаться, ведь он не только не любил эту случайную женщину, но даже не знал её фамилии или адреса. Ночью он был пьян, а утром, угнетаемый стыдом и угрызениями совести, он с такой поспешностью покинул ставшую противной и ненавистной квартиру, что даже не обратил внимания ни на номер дома, ни на улицу, на которой тот стоял. Помнил только, что этот дом был где-то недалеко от конторы, так как

до работы он добежал за каких-нибудь 15 минут. Проклиная себя за легкомыслие, а своих не очень-то порядочных товарищей за вовлечение в пьянку, он решил как можно скорее найти хоть какую-нибудь квартиру и перевезти жену и дочь.

Маклерша, жившая около собора в большом доме на третьем этаже, встретила Бориса как старого знакомого. Она, видимо, уже удостоверилась у Романовского, что это серьёзный наниматель нескольких квартир. Её устраивало и то, что он пришёл один, а не с целой компанией: очевидно, разговор с глазу на глаз ей больше нравился. Она дала Алёшкину около десятка адресов в самых различных частях города и предупредила, что за каждую снятую квартиру ей следует заплатить 25 рублей (деньги по тому времени немаленькие). Помня заверения Романовского, что оплату маклеров берёт на себя стройотдел, Борис ничего не возразил. Он забрал бумажки с адресами и направился путешествовать по Краснодару.

Города он не знал, и поэтому добирался до указанных адресов с помощью многочисленных расспросов прохожих, иногда сделав лишний крюк. На то, чтобы обегать все адреса, пришлось потратить три дня. Наконец, он подобрал квартиры как будто всем нуждающимся. Афанасьеву, согласному на любое жильё, лишь бы оно было в центре города, Борис снял маленькую комнатку в коммунальной квартире в доме на улице Красной, со всеми удобствами, в десяти минутах ходьбы от Зернотреста; договорился с хозяевами квартиры о

том, что оставит задаток в размере месячной платы. За комнату они просили 20 рублей в месяц с оплатой за полгода вперёд. Впоследствии Афанасьев и жил в этой комнатке.

Двум инженерам-строителям нашлись недорогие подходящие квартиры в станице Пашковской. Ещё перед отъездом Алёшкина из Армавира, эти товарищи предупредили, что они желают иметь жильё на каком угодно расстоянии от работы, лишь бы подешевле.

По сведениям, полученным Романовским от Березовского, трое из намеченных к переводу сотрудников, узнав про трудности с проживанием в Краснодаре, вообще отказались от переезда, так как имели в Армавире хорошие квартиры. Таким образом, к концу третьих суток оставались неустроенными только Яковлев и сам Алёшкин. Правда, Борис забронировал для себя довольно большую комнату, тоже почти в центре города, но на первом полуподвальном этаже – сырую, тёмную и выходившую дверями прямо во двор. Комната эта была в доме Коммунохоза. Хотя своей невзрачностью и неприглядностью она прямо-таки пугала его, он всё-таки с хозяйкой договорился, дал ей пять рублей задатка и, так как пока для себя ничего другого не нашёл, оставил там и свою старую кожаную куртку. Ходить в ней по городу было жарко, а оставлять её в том месте, где они жили сейчас, он не хотел. Березовский предупредил, что оставленные вещи исчезают со сказочной быстротой, в чём он убедился на собственном опыте.

Алёшкин отправился по последнему адресу – на улицу Базовскую в дом № 128. Под этим номером значился небольшой саманный домик с хорошим двором и огородом. В нём сдавалась маленькая квартира, состоявшая из небольшой комнаты и крошечной кухоньки. Окна комнаты выходили на улицу. К большому разочарованию Бориса, старушка – хозяйка дома наотрез отказалась пустить квартирантов с детьми. Узнав, что есть ещё второй съёмщик Яковлев, у которого семья состоит из двух человек, она согласилась сдать квартиру ему. Получив задаток за полгода вперёд, старушка стала более приветливой и разговорчивой и сообщила, что по соседству, в доме № 130, в ближайшее время освободится квартира из двух комнат и что хозяин, вероятно, согласится её сдать и семейному, если ему тоже заплатят вперёд. Алёшкина это очень устраивало, тем более что присмотренная им до этого комната, по правде говоря, для жилья была попросту непригодна, да ещё и хозяйка предупредила, что помимо платы за квартиру придётся дать солидный куш управдому, чтобы тот разрешил прописать новых жильцов. Этот расход никакими сметами не предусматривался, и поэтому он лёг бы целиком на плечи Бориса. Дом же на Базовской № 130 был частным, и тут всё зависело от воли хозяина.

Вскоре вдвоём со старушкой они уже были в соседнем дворе, в той квартире, которая освобождалась. Дом, как и большинство домов этой улицы, был построен из самана, крыт черепицей и мало чем отличался от обыкновенной

украинской мазанки. Однако он был длинным и состоял из трёх квартир. Две из них – одна в глубине двора, другая фасадом на улицу – были почти одинаковой величины и состояли каждая из пары комнат, маленькой кухни и сеней. В квартире, выходящей на улицу, крыльцо было общим с хозяйским. Квартира хозяина располагалась в середине, она состояла из комнаты и кухни, здесь имелись земляные полы, хотя в остальных квартирах – деревянные, крашенные. Комнаты в освобождённой квартире были невелики и, как весь дом, низенькие: одна выходила двумя окнами на улицу и двумя во двор, имела примерно 12 квадратных метров площади, к ней примыкала вторая – в два раза меньше, с окном на улицу. Внутренние стены обеих комнат составляли стенки плиты, около которой имелся узкий проход, соединявший маленькую комнату с кухней. Единственное окно кухни выходило в промежуток между домами 128 и 130. Её размеры были не больше четырёх квадратных метров, из которых третью часть занимала плита. Дверь из кухни, как и из первой комнаты, вела в сени.

Вряд ли можно было назвать эту квартиру удобной, даже и в те времена, когда советские люди были далеко не так взыскательны, как теперь. Но Борису Алёшкину она приглянулась с первого раза. В первой комнате было светло и солнечно. Хотя в ней, как и в остальных местах, царил страшный беспорядок, сама квартира была довольно чистой, и, конечно, ни в какое сравнение не шла с той тёмной и мрачной

комнатой, которую Борис собирался снять до этого.

В квартире им встретилась молодая, немного растерянная женщина, пытавшаяся сложить и увязать в большие узлы разбросанное бельё, постель и посуду. Около её ног вертелась девочка лет двух, такая же светлоглазая и светловолосая, как и её мать. А в небольшой деревянной кроватке лежал второй ребёнок, месяцев пяти.

Старушка, зайдя вместе с Борисом без стука, сразу же приступила к делу:

– Вот, Груня, я на вашу квартиру постояльца нашла. Может быть, он у тебя кое-что из вещей купит, и не нужно будет бросать их, или на Сенной везти... Потолкуйте с ним, а я пойду, – и старушка вышла.

Хозяйка квартиры, смахнув какие-то тряпки с видавшего виды венского стула, предложила его Борису, а сама уселась на раскладную железную кровать.

– Вот ведь какое дело, мой муж Миша – лейтенант, в армии служит, срочное назначение получил в Ростов, и мы должны туда переезжать. Он-то уже две недели как уехал, а теперь написал, чтобы мы собирались, что ему вот-вот дадут квартиру. Он отобьёт телеграмму, и тогда мы должны немедленно выезжать. Мы же здесь хозяину вперёд платили, ещё за ним три месяца долгу осталось. Он, наверно, не отдаст, да и негде ему взять: неделя как жену схоронил, остался с мальчишкой, сыном. Теперь всё пьёт с горя, поди. Да, а барахло тут у меня есть кое-какое, не знаю, что с ним и делать. С со-

бой брать нельзя, на базар везти – так что за него выручишь? А здесь вряд ли кто купит... Так что, если вы согласны заплатить мне за те три месяца, что у нас хозяину уплачено, и купите кое-что из вещей, то всё и хорошо будет, можете хоть завтра и переезжать. Только я с ребятами до телеграммы мужа ещё несколько дней в маленькой комнате поживу. У вас семья-то большая?

– Да нет, – ответил Борис, – я, жена и дочка.

– Ну, тогда вам помещения хватит. Двор у нас хороший, сарайчик есть. Хозяин в огороде ещё и грядку даёт. Колодец во дворе, да и водопроводная колонка вон, на углу квартала, всего шагов сто. И жильцы у нас хорошие. В другой квартире рабочий с Кожевенного завода живёт, семья у него большая, но детишки тихие, спокойные. В доме напротив, он тоже нашему хозяину принадлежит, двое пожилых людей живут, давно уж, наверно, лет двадцать, так они тоже спокойные люди. Ну, а сам хозяин... Он когда-то извозчиком был. Он тоже мужик тихий, даже когда и выпьет, то не шумит. Если вы согласны, пойдём к хозяину, он как раз дома и, кажется, трезвый, сразу и договоримся.

Борис осмотрел ещё раз квартиру и стоявшие в ней вещи. Хозяйка заявила, что она, кроме одежды, постели и посуды, ничего брать не будет. Сравнительно быстро они договорились, и Борис стал обладателем трёх кроватей (двухспальной, узенькой раскладной и детской), обеденного и кухонного столов, двух тумбочек, двух табуреток, самодель-

ного кухонного шкафа, плетёной этажерки, трёх стареньких венских стульев, пары кадок с фикусами и даже картонной тарелкой репродуктора, висевшего на одной из стен первой комнаты. За всё это пришлось заплатить 60 рублей, кроме того, нужно было ещё отдать 45 рублей за три месяца квартирной платы. Однако договорились, что все деньги он выплатит при выезде хозяйки квартиры.

После этого Борис, сопровождаемый Груней, зашёл в квартиру хозяина. Когда она рассказала о том, что нашёлся новый жилец, согласный снимать квартиру на тех же условиях, что и она, с оплатой за жильё вперёд, Давыдыч (так обычно звали хозяина), посмотрев на обоих безразличными глазами, только кивнул согласно головой, так и не сказав ничего в ответ.

Груня показала Борису двор, свою грядку, на которой уже краснели помидоры и лежали огурцы, сарайчик с небольшим запасом дров и познакомила его с соседями по дому. Одна из них – моложавая и довольно красивая женщина лет 38, которую окружало трое ребятишек, младший держался за её юбку. Она чем-то очень напомнила Борису его ново-нежинскую хозяйку, украинку. Фамилия этих соседей Нечитайло тоже указывала на украинское происхождение. Соседка очень приветливо поздоровалась с Борисом и, узнав, что он женат и уже имеет дочурку, заявила:

– Ну, от и добре, буде с кем моим хлопцам играть. Веселее будет во дворе. Привозьте их скорейше, пока шелковица не

отошла.

А во дворе, у самых окон квартиры, облюбованной Борисом, действительно росло высокое дерево, ветви которого были густо усыпаны тёмными, по строению немного похожими на малину, ягодами. Множество их валялось под ней, на земле. У ребятишек Нечитайло, впрочем, как и у Груниной дочки, все мордашки были перепачканы чем-то лилово-красным, это, как впоследствии узнал Борис, был сок шелковицы.

Путешествуя по Краснодару в поисках квартир, Алёшкин попутно выяснил, что в этом городе имелось четыре высших учебных заведения: сельскохозяйственный, строительный, педагогический и медицинский институты. Работая в строительной организации, Борис решил, что ему лучше всего поступать по профилю. Кроме того, он знал, что в строительном институте математика – один из основных предметов, а математику он очень любил.

Покончив таким образом с жилищными делами, Борис уже готовился к тому, чтобы отправиться за семьёй. Правда, надо было ещё разделаться с той комнатой, то есть забрать у хозяйки задаток и, главное, свою кожаную куртку, которую он, как мы знаем, оставил в предполагавшемся жилье. Но хозяйка этой комнаты произвела на него такое отталкивающее впечатление, что он очень не хотел с нею снова встречаться. Он отложил завершение этого дела на будущее. Так пришлось сделать и потому, что он вдруг почувствовал себя пло-

хо. Неприятные ощущения появились ещё утром при посещении им туалета. Как ни плохо Борис разобрался в медицине, но, припоминая вычитанные когда-то сведения в книжках Янины Владимировны Стасевич, он понял, что заболел нехорошей болезнью, что на него свалилось новое несчастье. Его «приключение» было справедливо наказано.

Ужас его при осознании опасности заболевания был так велик, что будь у него в этот момент какое-нибудь оружие, вряд ли бы наш рассказ имел продолжение. На работу он явился с опозданием более чем на два часа и с таким мрачным и убитым видом, что Романовский сразу обратил на него внимание. Зная от приятелей Алёшкина о том, какую ночь они все провели несколько дней тому назад, Романовский очень быстро разгадал причину упадочного настроения Бориса. Он попытался успокоить молодого человека и даже сообщил, что в юности сам переболел подобной болезнью и что это пустяки, из-за которых не стоит расстраиваться. Однако он всё-таки посоветовал Борису сходить к врачу.

Не так легко отнёсся к положению Алёшкина пожилой рыжеватый венеролог Иван Никифорович. Отругав пациента за глупость и развратность, он предупредил, что вылечить заболевание можно будет только при серьёзном и аккуратном отношении к лечению, которое займёт около трёх недель. Попытался он выяснить адрес и фамилию партнёрши, но Борис ничего сказать не мог.

Не будем описывать тот стыд, который испытывал он во

время лечения, не остановимся и на его подробностях, скажем только, что надежды на скорейшее выздоровление не оправдались. Обстановка сложилась так, что ему пришлось поехать за семьёй не через две-три недели по окончании курса лечения, а через три-четыре дня после его начала, то есть в самый разгар болезни. Он уже никаким образом не мог скрыть от Кати своё преступление.

Его болезнь стала причиной встречи с такими замечательными людьми, какими оказались врач-венеролог Иван Никифорович и его пожилая медицинская сестра Анна Семёновна, которые отнеслись к его болезни, хоть и строго, но не презрительно, не насмешливо, а с сочувствием. Они поразили его тем, что очень старательно и внимательно, объясняя всю серьёзность его заболевания, показывали, как он должен проводить назначаемое лечение и процедуры. Между прочим, Иван Никифорович сразу же предупредил Бориса, что тот ни в коем случае не должен прерывать курс лечения, не успокаиваться, когда внешние признаки заболевания исчезнут, а продолжать до тех пор, пока это находит нужным он, врач.

Когда Иван Никифорович услышал от Бориса, что через четыре дня тот должен выехать за семьёй и пропустить, по крайней мере, двое суток, то страшно возмутился и опять накричал на Алёшкина. Затем, немного успокоившись, сказал:

– Ну, раз так уж нужно, поезжайте, но помните, к жене

вам прикасаться нельзя ни в коем случае. По возвращении немедленно явитесь ко мне для продолжения лечения. Мы, к сожалению, не располагаем ещё такими средствами, чтобы вылечить эту болезнь быстро и избежать тех осложнений, которые она может вызвать. Но недавно появилось одно лекарство, оно может в некоторой степени вам помочь, – белый стрептоцид. Попытайтесь достать его, хотя это и трудно. Вот вам рецепт, принимайте по таблетке три раза в день. Оно, хотя и не вылечит вас, но избавит от тяжёлых осложнений.

Эта беседа с врачом, как и отношение всего персонала венерологического кабинета, произвели какой-то поворот в сознании Бориса. Он видел, каким уважением и любовью пользуется Иван Никифорович среди персонала и больных, и невольно вспомнил своего деда, о способностях которого как медика в Кинешме, да и во всей Костромской губернии ходили самые лучшие отзывы. Вспомнил, как любили и слушали его мать больные. И у него возникло осознанное желание стать врачом.

Достать белый стрептоцид оказалось делом действительно очень трудным. Борис обращался в несколько аптек, расположенных в центре города, но везде встречал отказ. Выручил Романовский: как местный житель и оборотистый человек, он имел связи в аптеках, и на другой день после того, как Борис передал ему рецепт, принёс необходимое количество таблеток, но заявил, что за лекарство пришлось заплатить в три раза дороже, чем оно стоило на самом деле. Борис

моментально выложил требуемые деньги и тут же в конторе проглотил первую таблетку.

На следующий день, получив в своё распоряжение грузовую машину, он выехал в Армавир. К этому времени уже всё имущество Зерностроя, а также и люди, согласившиеся переехать в Краснодар, были уже перевезены. По решению Адыгоблисполкома грузовые машины всех учреждений города Краснодара мобилизовались на уборочную, это касалось и машин Зерностроя. Березовский, узнав от главбуха о той оперативности, какую Алёшкин проявил в подыскании квартир для сотрудников, решил одну из машин задержать и выделить её Борису для перевозки семьи.

По приезде в Армавир шофёр отправился на базу, чтобы заправить машину, отдохнуть и подготовиться к возвращению в Краснодар, куда поездка намечалась на следующий день. Борис пошёл к Сердеевым, там он был радостно встречен Катей и дочкой. Они сейчас же начали связывать остатки своих вещей, которых было ещё много, главным образом, это было бельё.

Когда Алёшкиины приехали к Сердеевым, то оказалось, что привезённые ими с собою вещи – верхняя одежда, посуда, бельё и множество других мелочей – в квартиру поместить нельзя, поэтому все они находились в сарае. Готовясь к отъезду, Катя добавила к ним и то, чем пользовалась постоянно, и то, что приобрели за время жизни в Армавири. Например, набралось порядочно книг, купленных Борисом

с рук у одной старушки.

В период сборов Катя была грустна и озабочена. На вопрос Бориса, чем она так огорчена, она ответила:

– Ты знаешь, я ведь совсем рассорилась с Милкой. Она сразу же после твоего отъезда стала упрекать меня, что мы приехали и сели ей на шею, Митя тоже очень недоволен. Он уже заметил, что ты, очевидно, всё-таки останешься беспартийным, и беспокоится, что из-за тебя может иметь неприятности. Ну, я, конечно, не сдержалась и наговорила сестрице кучу любезностей, ведь мы у них почти все наши деньги прожили! Одним словом, поцапались мы с ней здорово. А самое главное то, что она, Милка, решила маму оставить у себя. С первых же дней ведь она взвалила на маму все домашние дела. Видишь, в Хабаровске она им не нужна стала, так они её к нам спровадили, несмотря на то, что у нас Вера жила. А теперь, когда мы маму с Дальнего Востока за свой счёт привезли, так она им опять понадобилась. Да и мама тоже хороша! Уже не знаю, чем мы ей не угодили, но она встала на Милкину сторону и заявила, что останется у неё. Я, конечно, не удерживала, но всё-таки обидно...

Борис, как мог, успокоил взволнованную жену, но и к Людмиле, и к Мите, когда они вернулись с работы домой, отнёсся довольно холодно. А вот они, узнав, что Борис забирает семью и переезжает в Краснодар, стали такими же приветливыми, как и в день их приезда, но он уже знал цену этой приветливости.

Как мы уже сказали, большая часть вещей Алёшкиных находилась в сарае, кроме того, в течение дня Катя и Борис добавили туда ещё несколько узлов. Под предлогом того, что надо охранять вещи, Борис лёг спать в сарае, оставив жену и дочку в комнате, где они обычно спали до этого. Катя была удивлена и обижена, ведь это было в первый раз со времени их женитьбы, когда, находясь в одном доме, они спали врозь. Ранним утром следующего дня она пришла к Борису в сарай и прилегла рядом с ним на устроенную из тюков одежды импровизированную постель. Борис вскочил. Она удивлённо взглянула на него:

– Что с тобой, Борька? Чего ты испугался?

Понимая, что рано или поздно это придётся сделать, Борис, встав у двери сарая, рассказал ей всё. Слушая его довольно-таки путаный и сбивчивый рассказ, Катя была поражена. Как? Её Борька, клявшийся в любви и, очевидно, действительно по-настоящему любивший, ей изменил... И с кем – с какой-то продажной тварью, наградившей его позорной, грязной болезнью? Да как он мог, как он смел опозорить, обесчестить её и себя и разбить их такое, казалось, прочное счастье?! В её глазах, наполненных слезами, отразились все эти чувства: и боль, и презрение, и стыд, и возмущение, и жалость. Всё это видел, глядя на жену Борис, и был готов от стыда и презрения к самому себе провалиться сквозь землю.

Первым побуждением Кати было немедленно уйти от него: раз он такой, пусть один и живёт. Но уже через несколь-

ко минут, видя, как муж по окончании своего рассказа опустился на землю около дверного столба, закрыв голову руками, и весь сотрясался от душивших его рыданий, она пожалела его, она любила: «А ведь он дурак! Большой, а дурак. Его обвела эта тварь вокруг пальца, заразила, а теперь, может быть, ещё и смеётся над ним. Он и так очень строго наказан, а тут ещё я его брошу, он совсем пропадёт! Хоть он и сделал подлый поступок, а всё равно я люблю его, мне его жалко... Как я буду без него? Да и не одна я, нас ведь двое, а скоро и трое будет, а я ведь ещё ему и сказать ничего не успела».

В это время Борис поднял мокрое от слёз лицо и, взяв сидящую жену за руку, жалобно произнёс:

– Катя, прости меня, если сможешь! Никогда больше я тебе такого огорчения не принесу, ведь это было первый и единственный раз! И я очень жестоко наказан за это. Сейчас мне очень плохо, прости!

И в душе она простила его, но когда он покрывал поцелуями её руки, она немного брезгливо отстранилась, посмотрела на него какими-то пустыми глазами и сказала:

– Ты знаешь, Борис я сейчас соглашаюсь с тобой уезжать, не столько из-за того, что этот твой проступок могу простить, сколько из-за того, что у меня безвыходное положение. Я останусь жить с тобой из-за Элы и того ребёнка, который скоро во мне толкаться начнёт.

– Как?! – удивлённо и радостно воскликнул Борис.

– Да вот так, я опять беременна, и уже все сроки для аборт-

та пропущены, да и запрещены ведь они теперь. Хотя, если бы я знала какой ты мне «подарок» из Краснодара преподнесёшь, я бы всё равно что-нибудь сделала. Ну, да теперь уже поздно. Иди, умойся... Пойдём завтракать и давай сделаем так, чтобы никто ничего не заметил, я не хочу, чтобы о моём позоре узнали родные.

К вечеру этого же дня, запылённая грузовая машина, укутанная брезентом, из-под которого высывалась голова Бориса, въехала во двор дома № 130 на Базовской улице в Краснодаре. Когда она остановилась, из кабины выскочила молодая стройная женщина и вытащила за собой темноволосую, большеносую девочку. А из кузова машины вылез Борис и принялся помогать шофёру распутывать верёвку, которой был увязан брезент, закрывавший машину. В этом деле так же, как и в переноске вещей в дом, Борису и Кате помогали шофёр, Груня и взрослая часть семейства Нечитайло.

Глава третья

Итак, семейство Алёшкиных поселилось в Краснодаре. Примерно через неделю Груня освободила квартиру полностью. Борис и Катя сделали кое-какой ремонт, побелку и покраску в кухне и спальне (так стали называть маленькую, почти всегда затемнённую комнату), привели в относительный порядок и большую комнату. Запасли на зиму дров, сняли небольшой урожай овощей с доставшейся им грядки, завели кота и собаку Пушка (беленького, изящного шпица).

Катя понемногу полнела, и скоро её положение стало заметно всем жителям двора. Эла подружилась с ребятами Нечитайло и сыном хозяина Лёней. Все мальчики были старше её, но относились к ней очень хорошо, никто не обижал, как это было у Сердеевых. Вся детвора, конечно, и она тоже, целыми днями обрывали шелковицу и ходили с перемазанными щеками и носами, ели сливы, помидоры, арбузы, которых в Краснодаре всегда было много, и стоили они дёшево. Единственный продукт, по которому приходилось скушать всем Алёшкиным, это картошка. В окрестностях города она не росла, и поэтому стоила очень дорого – почти столько же, сколько яйца, продавали её поштучно.

Борис продолжал своё лечение, и, хотя перерыв в некоторой степени и осложнил течение болезни, тем не менее, к 1 сентября он был совершенно здоров. Иван Никифорович

предложил провести провокацию – выпить две-три бутылки пива. После этого он провёл все необходимые исследования и убедился, как он сказал, в полном излечении.

Продолжая работать в стройотделе Зернотреста, Алёшкин всё более и более отдалялся от своих прежних друзей. Те продолжали вести привычный образ жизни, т. е. почти ежедневно кутили в ресторанах. Они не раз приглашали Бориса принять в этих попойках участие, но он категорически отказывался. Уж слишком противно и тягостно было случившееся с ним, и он твёрдо решил никогда больше подобному соблазну не поддаваться. Всё своё свободное время он теперь отдавал семье и дому. Катя это видела, чувствовала, и постепенно острота причинённого ей горя начала сглаживаться. Её положение было таково, что приходилось всё больше и больше думать о себе и о том маленьком человечке, который в ней уже явственно шевелился.

Так незаметно подошла осень, а затем и зима. Обычно в Краснодаре зима бывает мягкой, почти без снега. В этот же год она оказалась необыкновенно суровой и уже с конца ноября дала о себе знать такими морозами, которых в городе даже старожилы не помнили. Вследствие сильных холодов и полной непригодности к ним краснодарских жилищ, запасы топлива у всех горожан стали быстро таять, так же было и у Алёшкиных: если при обычной погоде припасённых ими дров хватило бы с избытком на всю зиму, то тут они дотянули только до 1 декабря. Местные спекулянты, да

и крестьяне аулов и станиц, воспользовавшись бедственным положением жителей города, стали продавать на базаре дрова втрядорога. Пришлось и Алёшкиным покупать дрова кучками, возами и тратить на это очень много средств.

1 декабря 1934 года Бориса призвали в Красную армию на переподготовку. Так как в военкомате он продолжал ещё числиться в группе командно-политического состава, то и был направлен как политрук в команду территориальников. Начальником команды назначили некоего Пескарёва, имевшего звание комбата запаса. Команда состояла из трёх рот, призванные в неё должны были пройти курс обучения одиночного бойца, на это отводилось два месяца. На тот же срок были призваны и командиры запаса. Все призванные должны были получать заработную плату по месту основной своей работы. Как правило, она выдавалась за месяц вперёд.

Сборы территориальников проводились в самом городе Краснодаре. Для их проведения приспособили здание двух клубов каких-то заводов. Рядовой и младший командный состав находились на казарменном положении и жили в одном из этих клубов, другой отвели для классных занятий. Стрельбовые занятия проводились во дворе. Средние командиры, призванные из других городов и станиц, жили также в помещении клуба, а командиры-краснодарцы оставались на своих квартирах и являлись в казармы только на время занятий.

Борису Алёшкину эта переподготовка была даже на руку. Во-первых, потому, что здание этих клубов находилось

очень близко от его квартиры, а во-вторых, потому, что загружен он был относительно недолго и мог отдавать заботам о доме гораздо больше времени. При выписке зарплаты за месяц вперёд Романовский сказал Борису:

– Знаешь что, выписывай-ка ты её себе сразу за два месяца, да заодно выпиши выходное пособие. С 1 января 1935 года наш стройотдел будет финансироваться через финотдел треста, твоя должность сокращается, так что тебе всё равно придётся переходить на другую работу.

Борис особенно не удивился этому. Разговоры о ликвидации финансовой самостоятельности стройотдела ходили уже давно. Он даже был рад, что уходит с этой работы. Бухгалтерские махинации Романовского, о которых знали многие сотрудники конторы, да, вероятно, догадывался и сам Березовский, до добра довести не могли. Заявить о них соответствующим органам Алёшкин не решался. Ещё слишком свежи были воспоминания последствий раскрытия им преступления в Тралтресте. Но и терпеть их дальше было попросту страшно. Он, как начфин, мог оказаться виновным наравне с главным бухгалтером, хотя никаких выгод от этих махинаций для него и не было. Поэтому призыв военкоматом на переподготовку оказался как нельзя более кстати. Борис оформил своё увольнение буквально за два часа. Березовский пытался было протестовать, но Романовский, которому хотелось избавиться от лишнего свидетеля его дел, и Алёшкин, по причинам, о которых мы сказали раньше, сумели его убе-

дить в бесполезности всяких ходатайств. С 1 декабря 1934 года Борис Алёшкин, полностью рассчитавшись с Зернотрестом, спокойно руководил политработой в своей территориальной команде.

В начале января 1935 года Катя почувствовала приближение родов. Как обычно, это было под утро, но так как теперь в доме находилась Эла, то Борис не смог сопровождать Катю, и та сама отправилась в роддом. В то время город обслуживал единственный роддом при акушерской клинике мединститута. От квартиры Алёшкиных до него было минут 30 ходьбы. Он располагался так, что никаким транспортом Кате воспользоваться было невозможно, она пошла пешком. Как добралась до роддома, она не помнила. Запомнилось только, что всю дорогу её мучили боли и что под конец её вела какая-то сердобольная женщина, предложившая свою помощь.

Как и в первый раз, роды у Кати прошли быстро и сравнительно легко. Когда Борис отвёл Элочку в детский сад, добежал до своей команды и сообщил начальнику о событии в его семье, то сейчас же получил от него разрешение на суточную отлучку. После этого он также почти бегом направился в роддом. Там к этому времени уже появилась на свет его вторая дочка. Это было 5 января 1935 года.

Разумеется, Бориса к жене не пустили, и он был вынужден довольствоваться объяснениями какой-то совсем юной девушки, вышедшей в приёмное. Она сказала ему, что оснований для беспокойства нет, роды прошли сравнительно

благополучно и, по словам врача, дней через семь его жена и дочка будут дома. От посетителей, находившихся вместе с ним в приёмном, Борис узнал, что эта девушка – практикантка-студентка, что это не просто роддом, а клиника медицинского института, и студенты-медики здесь проходят практику. Идя домой, Борис невольно позавидовал этой девушке: «Вот она может ходить и в роддом, и в больницу, и о Кате может всё знать, а я тут хожу, как дурак. А ведь моя мама была врачом, наверно, и она бы могла прийти в роддом, и её бы пустили. Эх! Хорошо бы и мне стать доктором, да где там! Сейчас вот переподготовку закончу, надо будет работу искать, ведь теперь у нас новый член семьи прибавился. Расходы увеличатся, а работоспособный пока я один», – с такими думами Борис возвращался домой.

А дома было холодно. В Краснодаре снова наступили небывалые морозы. Дрова кончились, пришлось идти на Сенной базар. За 45 рублей Борис купил небольшой воз дубовых дров, тощая лошаде́нка притащила его на Базовскую. Разгрузив дрова и расплатившись с возчиком, Борис перепилил и переколол их. Когда он уложил их в небольшую поленницу у одной из стен сарая, то определил, что даже в случае сильных холодов этого запаса на месяц должно хватить. Затем он договорился с женой Нечитайло о том, чтобы та присматривала за Элочкой, отводила и приводила её из детского сада, пока Катя будет находиться в роддоме, а он вынужден отбывать военную службу.

Так прошло пять дней. Борис регулярно навещал жену, носил кое-какие передачи, а так как в то время ещё была карточная система, то многие продукты приходилось покупать в коммерческом магазине. Деньги таяли, но он об этом пока не думал, лишь бы скорее поправилась Катя.

А она была молодцом, и в один из последних дней, вопреки существовавшим правилам, даже вышла к нему в коридор и сказала, что, вероятно, через день или два их выпишут домой. Увидев жену – опять тоненькую, стройную, как девушку, и после вторых родов похорошевшую, кажется, ещё больше, услышав её приветливые слова, Борис вновь мысленно выругал себя самыми последними словами за совершённое предательство.

Вечером в этот день, когда они с Элой сидели около топившейся плиты, варили перловую кашу, в дверь кто-то постучал. Откинув крючок и открыв дверь, Борис увидел какую-то женскую фигуру, закутанную в шаль и одетую в старенькое, показавшееся ему очень знакомым, зимнее пальто. Когда гостя прошла в кухню и, отбросив в сторону шаль, открыла своё лицо, Борис невольно отступил на шаг назад и всплеснул руками:

– Верка, да это ты ли?

– Я, конечно, я!

– Да откуда же ты? Как ты нас-то разыскала? – спрашивал Борис, прижимая к себе Элочку, которая при виде вошедшей забралась к нему на руки.

– Сейчас всё расскажу по порядку. Дайте мне чаю, да вон у вас и каша сварилась, а я замёрзла и есть хочу. А где Катя? На работе?

Борис посадил дочку на стул и стал собирать на стол, а Вера разделась, подошла к Элочке. Та сначала недоверчиво посмотрела на неожиданно появившуюся тётю, потом, видимо, вспомнив её, доверчиво забралась к ней на колени и громко заявила:

– А мама не работает, она мне сестренку пошла покупать. Наверно, завтра принесёт!

Борис пояснил:

– Да, Катя действительно в роддоме и родила вторую дочку. Возможно, послезавтра её выпишут. Ты приехала очень кстати.

После скромного ужина, когда Элочка была уложена в свою деревянную кроватку, которую скоро должна была уступить своей новой сестрёнке, Борис и Вера перешли в большую комнату, и Вера рассказала про свои приключения.

– Когда вы с мамой уехали из Владивостока, я осталась в квартире одна и продолжала учиться в техникуме. Но уже через две недели явился завхоз Дальснабсбыта и заявил, что вы продали ему обстановку и квартиру, а к ним приехал инженер с семьёй, которого негде поселить. Им дают эту квартиру, а мне нужно её освободить. Я помнила, что перед отъездом ты говорил про договорённость о том, что меня не выелят до окончания учебного года, сказала ему об этом, но

он моих возражений слушать не стал, а продолжал настаивать на моём выезде. Я пошла в Траловый трест, рассказала всё, и мне предложили поселиться в рабочем общежитии в бухте Диомид. Ездить на занятия в техникум из Диомида оказалось очень трудно, пришлось от этого предложения отказаться. При техникуме в общежитии мест не было. Снять даже угол мне было не на что – очень маленькая стипендия. Да, откровенно говоря, и учение в техникуме мне разонравилось. Может быть, ещё и потому, что в это время во Владивосток приехал цирк, и я познакомилась с одним цирковым артистом. Этот парень уговорил меня бросить учёбу и поступить на работу в их цирковую труппу. Мне и самой было очень интересно попробовать свои силы на манеже. Выступления были такими красочными и яркими, и мне очень хотелось принять в них участие. Я ещё тогда не понимала, какой большой и тяжёлый труд предшествует всем этим красивым аттракционам. Очутившись в безвыходном положении с жильём, я, не раздумывая долго, отправилась в цирк, чтобы туда поступить. Парень, соблазнявший меня работой там, заявил, что меня примут только в том случае, если я буду его женой. Не очень-то я хорошо разбиралась во всех этих делах, и поэтому легко согласилась. Он привёл меня к директору, выдал за свою жену и сказал, что уже готовит со мной номер «Женщина-каучук». Он действительно начал со мной ежедневные тренировки, а так как я с детства отличалась большой гибкостью и ловкостью, да ещё, кроме того, занималась

гимнастикой в пионеротряде и школе, то немудрёные трюки, которые он смог мне преподать (сам-то не очень грамотный акробат), я усвоила очень быстро, внесла в них даже кое-какие усложнения и уже через месяц смогла показать довольно сносный номер. Директор одобрил моё выступление, и вскоре на афишах появилась ещё одна строчка, в которой говорилось: «Женщина-каучук. Артистка В. Пашкевич». После дебюта, который прошёл довольно успешно, мой «учитель» стал домогаться платы за обучение – добиваться того, чтобы я стала его настоящей женой. Вначале я даже не поняла, что ему от меня нужно. А когда он, наконец, применил силу, всё во мне взбунтовалось, и так как физически я была сильнее его, то он после моего толчка отлетел на несколько шагов. В этой борьбе прошло всё лето и осень, пока мы гастролировали по городам Сибири. Мой номер был средненьким, но продолжал держаться на арене, тем более что, благодаря тренировкам, я всё сильнее его усложняла. Моя борьба с «мужем» становилась всё острее и напряжённее, и, наконец, я поняла, что так дальше продолжаться не может. Этот парень стал мне не только безразличен, но из-за своих домоганий даже противен. Я чувствовала, это нужно прекращать. В цирковой жизни я разочаровалась. Увидев закулисную сторону арены, все сплетни, дразги и бесконечную зависть одних артистов к другим, поддельность многих трюков, а иногда и прямой обман легковерной публики, я поняла, что специальность цирковой артистки не для меня. Разыскала в сво-

их вещах адрес Милы и решила бежать. Небольшие деньги у меня скопились, вещички укладывались вот в этот баульчик, – она показала рукой на маленький чемодан, стоявший у двери, – так что сборы мои были недолгими. После одного из выступлений в Свердловске, не сказав никому ни слова, я отправилась на вокзал, купила билет до Армавира и укатила. В Армавире я ни Милы, ни вас, ни мамы не нашла. Соседка по дому, в котором жили Сердеевы, армянка, знала только то, что ты и Катя уехали в Краснодар, куда уехала Мила, она понятия не имела. Я решила поехать к вам. Сегодня целый день бродила по городу, пока не нашла контору Зернотреста (армянка мне говорила, что ты работаешь там), узнала твой адрес и вот заявилась к вам. Не выгоните?

– Конечно, нет. Оставайся, живи пока, а там посмотрим, – ответил Борис.

На другой день, как всегда, он отправился в роддом. В приёмном толпилось очень много народа, все шумели и горячо что-то обсуждали. Тут же было несколько врачей, и даже сам заведующий клиники, профессор Бернштейн. Борис прислушался к разговорам и вскоре узнал о несчастье, которое произошло в эту ночь в роддоме.

Здание роддома, а также и все коммуникации, подходившие к нему, не были приспособлены к таким сильным морозам, которые внезапно обрушились на Краснодар (термометр показывал 25 градусов ниже нуля). Ночью трубы, подводящие воду, замёрзли, лопнули, и паровое отопление зда-

ния вышло из строя. Температура в помещении роддома упала до таких низких цифр, что, опасаясь за жизнь новорождённых, их отдали матерям, чтобы те, взяв ребят к себе под одеяло, отогревали их теплом материнского тела. Также была вынуждена поступить и Катя.

К моменту прихода Бориса главный врач объявил, что всех матерей и детей, кого уже можно было выписать, т. е. чьим детям исполнилось хотя бы 4–5 дней, нужно немедленно забрать. Для перевозки будет выделен санитарный транспорт – машины скорой помощи, которые вот-вот придут. Тех же, кого выписать нельзя, соберут в одну из палат противоположной стороны здания, где отопление было (там стояли обыкновенные голландские печи, которые топились дровами). Новых рожениц, если таковые появятся, придётся везти в роддом станицы Пашковской.

Протиснувшись через толпу взволнованных отцов, бабушек и дедушек, Борис, наконец, смог поговорить с женщиной-врачом. К счастью, оказалось, что именно она лечила Катю. На вопрос, может ли он сейчас увезти жену и ребёнка (Борис надеялся взять легковую машину в Зернотресте), она ответила отрицательно:

– У малышки внезапно поднялась температура. Мать и ребёнок переведены сейчас в ту половину, где имеются тёплые палаты. Возможно, что охлаждение, которое произошло сегодня ночью, ещё ухудшило состояние вашей дочки. Вы не волнуйтесь, мы примем все возможные меры, – заверила она

Бориса.

Но он, терзаемый беспокойством за жизнь новорождённой, поздно вечером снова пробрался в приёмное и, хотя часы посещения уже закончились, сердобольная няня вызвала к нему жену. Катя, с осунувшимся лицом и ввалившимися глазами, закутанная в какой-то большой халат, рассказала ему, что Ниночка (так они решили назвать дочку), заболела воспалением лёгких, наверно, ещё вчера. В эту ночь положение её ухудшилось, и сейчас она была в очень тяжёлом состоянии. Взяв передачу, Катя распрощалась с мужем и быстро ушла.

Болезнь Нины длилась более двенадцати дней, и маму с дочкой выписали лишь в конце января. Вера ещё до этого отправила письмо Сердеевым, рассказала о себе и спросила, где находится Акулина Григорьевна. Адрес Сердеевых Алёшкиным был известен, так как, получив новое назначение, а именно должность заместителя председателя РИКа Ейского района, переехав в г. Ейск, Митя его сообщил. Ко времени возвращения Кати из роддома от Сердеевых пришло письмо, в котором они, ссылаясь на желание мамы, звали Веру к себе. Видя, что Борису и Кате жилось не очень-то сладко – работал пока только один Борис, в семье было уже четверо – Вера понимала, что присутствие ещё одного человека для них несомненно будет обременительным. У неё оставалось немного денег, но их могло хватить ненадолго. Побродив по городу несколько дней, Вера убедилась, что

получить в Краснодаре какую-нибудь работу, тем более не имея специальности, практически невозможно. Она поделилась своими планами с Борисом и Катей, те её не удерживали. Все мысли их в этот момент были заняты спасением новой дочурки Нины.

Через два дня после приезда Кати из роддома малышка вновь заболела пневмонией, на этот раз правосторонней (в роддоме она перенесла левостороннюю). По совету Нечитайло для лечения Нины пригласили детского врача Ашуркова. Это был старичок лет 70, среднего роста, с круглой седой головкой и бородкой, постриженной клинышком. Он и поставил диагноз. В то время такое заболевание как воспаление лёгких для стариков и грудных детей обычно являлось почти смертным приговором, а Нине не было ещё и двадцати пяти дней от роду. По существу, никакой медикаментозной терапии для лечения пневмонии у таких маленьких детей тогда не применяли, лечили компрессами, горчичниками, а, главное, надеждой на то, что организм, может быть, сам справится с заболеванием. Процент в пяти такое и случалось. Слушая наставления Ашуркова, которые тот давал жене по уходу за больной, Борис тоже старался их запомнить и снова жалел, что он не медицинский работник.

Прошли томительные 15 дней и ночей. Нина справилась и с этим заболеванием, температура нормализовалась, девочка стала лучше сосать грудь. К счастью, молока у Кати было много. В семье Алёшкиных все вздохнули свободнее.

Глава четвёртая

К 1 февраля 1935 года закончились сборы территориальников, освободился от службы и весь командный состав. Окончив службу, политрук запаса Алёшкин явился по месту своей старой работы и узнал, что, как и предполагалось, в стройотделе его должность ликвидирована, а в бухгалтерии Зернотреста ему, как не имевшему специального бухгалтерского образования, могут предоставить должность счетовода с окладом в 60 рублей. Согласиться на такую работу Борис не мог: на эти деньги было трудно прожить и одному, а как же прокормить семью из четырёх человек? Поговорив с Романовским, он узнал, что есть вакантное место начфина в Адыгейском областном потребсоюзе, и что главный бухгалтер, хороший знакомый Романовского, по его рекомендации, может быть, Бориса и возьмёт.

Через два дня Алёшкин был зачислен на эту должность и рьяно взялся за дело. Эта работа для него была совершенно незнакомой, новой, хотя речь шла о тех же финансовых делах. Если в Тралтресте он занимался финансированием промышленно-производственной организации, а в Зернострое – капитального строительства, то здесь нужно было решать финансовые проблемы торгующей организации – кооперации. Как бы там ни было, но, проплавав в делах Адыгobl-потребсоюза около месяца, к середине марта Алёшкин уже

вполне сносно разбирался во всех его экономических делах. Он планировал и контролировал финансовую деятельность двух десятков кооперативов, объединяемых Потребсоюзом.

Его работой оставались довольны и главный бухгалтер, и начальник торговой базы, с которыми ему приходилось иметь дело больше всего. Деятельность Алёшкина заключалась в оформлении ссуд под идущие и находившиеся на складах товары и своевременном их погашении, оплате счетов поставщиков, открытии аккредитивов некоторым из них и регулировании выдачи авансов закупщикам, выезжавшим для приобретения товаров в различные города СССР. Получал он 150 рублей, и, хотя работе приходилось отдавать много сил и энергии, как будто всё шло хорошо.

Налаживалось положение и дома. Правда, в марте и апреле Нина вновь переболела воспалением лёгких, но на этот раз болезни протекали легче и опять, при помощи всё того же Ашуркова, были побеждены.

Несмотря на то, что всё как будто устроилось, внутренне Борис был не удовлетворён. Он уже понимал, что его служба, позволявшая существовать более-менее сносно, очень неблагодарна. Ему волей или неволей приходится принимать участие в различных махинациях и здесь, причём в торговой базе они проявлялись, главным образом, в недостаточно обоснованном получении ссуд из банка. Искусственное преувеличение количества товаров, обеспечивающих ссуду, а, иногда, и прямая подтасовка сведений, представляемых

бухгалтерией в банк, могла послужить источником серьёзных неприятностей. Правда, всё это делалось не им: сведения и справки составлялись и подписывались главным бухгалтером и начальником базы, но сдавал их в банк и оформлял под них ссуду именно он. Борис догадывался, а иногда и просто знал о недостоверности подаваемых сведений. Знал он также и то, что, оставив это место, ему придётся потратить немало сил на поиски новой работы. И какая она может быть? Ведь, как ни говори, а настоящей-то специальности у него по-прежнему нет. Как её приобрести? Единственный выход – учиться. А на кого? И как-то сам собой пришёл уже теперь окончательный ответ: конечно, на врача. Он вновь вспомнил свою родословную: дед – земский врач, мама – врач-хирург, дядя Митя – врач, наконец, даже младшая сестрёнка Нина в 1932 году поступила в медицинский институт. «Попробую учиться на врача и я. Теперь надо поговорить с Катей, как-то она отнесётся к моему намерению учиться...»

Довольно долго Борис не решался завести разговор об учёбе. После той обиды, которую он нанёс жене, после того, как ещё во Владивостоке Катя отказалась от направления в Тимирязевскую академию в период его службы в армии, ему было неудобно, неловко и даже стыдно затевать разговор о своей учёбе. Так и шло время.

Между тем Борис приобрёл кое-какие учебники, необходимые для подготовки к экзаменам, а разговора с Катей

всё не начинал. Завела его она сама. В мае Нина настолько окрепла, что её можно было отдавать в ясли, открытые при Кожзаводе. В то время это было не очень сложно, так как содержание детей в яслях, имевшихся при крупных предприятиях, многим рабочим матерям казалось неправильным, поэтому в них были свободные места. Нина стала посещать ясли, Эла уже давно ходила в детсад. К этому времени Катя поступила работать машинисткой в Госбанк. До этого работая в спецчасти АКО и Дальснабсбыте, все необходимые материалы ей приходилось печатать самой. Используя небольшие знания, которые ей удалось получить во время занятий на курсах, она старалась печатать по десятипальцевой системе слепым методом. Надо сказать, что к концу своей работы в этих организациях она овладела техникой машинописи достаточно хорошо. Когда Катя поступала в Госбанк, ей предложили работать помощником счетовода: никакой другой работы найти не удавалось, и она согласилась. Зарплата её была 60 рублей. В самом начале работы на новом месте, в том отделении Госбанка потребовалось срочно напечатать какую-то большую ведомость. Единственная машинистка банка была загружена и печатать эту ведомость отказалась. Бухгалтер, заведующий этим отделением, был в отчаянии, и Катя предложила свои услуги. Лишняя машинка в банке нашлась, её принесли, поставили на Катин стол, и она взялась за работу. Не прошло и получаса, как ведомость была готова. Бухгалтер удивился, а проверив работу и не най-

дя ни одной ошибки, обрадовался. С тех пор почти ежедневно Кате приходилось выполнять роль машинистки для своего отделения. Работы было немного, и она с ней справлялась шутя. Отделение, в котором работала Катя, обслуживало высшие учебные заведения и научно-исследовательские институты.

Однажды посетитель Госбанка, работник НИИ масличных культур «Круглик», увидев Катину печатанье на машинке, воскликнул:

– Вот бы нам такую «пулемётчицу»!

Катя услышала этот возглас, улыбнулась, встала со своего места и подошла к окошечку, где стоял этот уже немолодой человек.

– Ну и зачем вам такая «пулемётчица»? Всё равно те же 60–65 рублей в месяц настреляет.

– Что вы, что вы! У нас в институте машинистки на сдельной работе. Так, как вы стучите, если к тому же ещё и достаточно грамотно, вы и все двести настукаете.

Катю это сразу заинтересовало. О грамотности она не волновалась – у неё имелось среднее образование, а в то время большинство машинисток не могло похвастаться и семилетним. Материальное положение семьи оставляло желать лучшего, и зарабатывать больше было необходимо, поэтому она продолжала разговор:

– Наверно, вы преувеличиваете! У вас есть вакантное место машинистки? А где этот институт? Поди, у чёрта на ку-

личках?

– Вакантная должность есть, и не одна. А вот институт наш действительно за городом находится, а вы где живёте?

– На Базовской.

– На Базовской? Ну, так это от вашей квартиры не так уж далеко. Приходите к нам на днях, а я со старшей машинисткой поговорю.

На этом и порешили.

Через несколько дней Катя направилась в «Круглик». Если, куда она носила Ниночку, оказались примерно на полпути по дороге в этот институт. Весь путь от дома до работы занимал не более 35–40 минут, при этом до банка ей на дорогу приходилось тратить примерно столько же. Да и находиться там в положении неизвестно кого – не то счетовода, не то машинистки, и получать при этом мизерную зарплату её не устраивало. Она подала заявление об уходе. Отработав в банке положенные две недели, Катя поступила на работу в Институт масличных культур.

Первый же месяц работы показал, что заработок машинистки в «Круглике» может быть довольно большим. Катя работала даже не с полной нагрузкой, многие научные термины ей были незнакомы, почерк у некоторых сотрудников был ужасным и тем не менее она заработала почти 150 рублей. «Да-а! – подумала она, – тут и больше 200 можно зарабатывать. Надо будет Борису сказать». Она уже давно заметила, что он своей работой не удовлетворён; заметила и то, что он

понемногу начал собирать учебники. Ей была понятна причина нерешительности мужа в разговоре на эту тему, и она не начинала разговор сама, только опасаясь трудностей материального положения семьи. С поступлением в «Круглик» Катерина увидела, что сможет прокормить семью и сама, так пусть хоть Борис учится.

Однажды вечером в постели она спросила:

– Борька, а ты зачем это всяких учебников накупил?

Борис в ответ что-то неопределённо пробормотал.

– Учиться хочешь? Это хорошо, только чего же ты молчишь? Почему мне ничего не скажешь?

И когда Борис вновь не нашёлся, что ответить, она обняла его, прижалась к его щеке своей и сказала:

– Учись, Борька, учись... Я теперь убедилась, что смогу содержать семью сама, а ты давай учись, нужно это.

– Ну, если я поступлю учиться, я всё равно работу не брошу. Ты не думай, что уж совсем на твою шею сяду. Вот только дома буду меньше делать.

– Для помощи по дому мы найдём кого-нибудь. Если оба работать будем, то сумеем это оплатить. А учиться надо, надо иметь за плечами специальность. Начнём с тебя, а потом, может быть, когда-нибудь и мне удастся поучиться. Ты куда же поступать-то думаешь? В строительный, ведь здесь лесного нет?

– Да нет, Катя, я думаю в медицинский поступать.

– В медицинский? – протянула Катя. – Так ты врачом хо-

чешь статью?

– Да, – и Борис перечислил все свои доводы.

Помолчав немного, Катя сказала:

– Ну что же, врачом – так врачом, только обязательно хорошим. Таким, как Ашурков, спасший нашу Нинку. Ну ладно, давай спать.

Со следующего дня Борис приступил к подготовке. Он решил заниматься сам. Раздобыв в мединституте программу экзаменов и узнав, что математику там сдавать не нужно, а только русский (письменный и устный), физику и химию, он ещё больше воспрянул духом. Борис понимал, что подготовиться самостоятельно по математике, которая на тот момент в средних школах преподавалась значительно глубже, чем в то время, когда учился он, у него бы не получилось. Нанять преподавателя, конечно, было не на что. Он надеялся, что по тем предметам, которые предстояло сдавать при поступлении, сумеет подготовиться достаточно хорошо и сам. С этого времени ежедневно часов с четырёх дня и до глубокой ночи в большой комнате горел свет от старой настольной лампы, которую вместе с таким же стареньким письменным столом Алёшкины купили на Сенном рынке, – это, обложившись учебниками и тетрадями, сидел Борис и тщательно штудировал программу средней школы по химии, физике и русскому языку.

В конце июля Алёшкин отправился в мединститут и, обратившись к секретарю приёмной комиссии, студенту пятого

курса Антипову, выяснил, что на первых трёх курсах института имеются два потока: дневной и вечерний. Поступив на вечерний, днём можно где-нибудь постоянно работать. Мужчин в институт поступает очень мало, и если Борис сумеет сдать экзамены хотя бы на тройки, он всё равно поступит. Алёшкин тут же написал заявление на вечерний поток, заполнил анкету абитуриента и, вернувшись домой, рассказал обо всём жене. По её совету он ещё усерднее засел за занятия.

Экзамены вечернего потока начались 10 августа 1935 года, первым было сочинение по русскому. В большом зале института сидело около 300 человек. На доске были написаны три темы сочинений, Борис выбрал тему о Владимире Ильиче Ленине. Немного подумав, он, без всякого черновика (хотя разрешалось его использовать), начал писать всё, что он знал и читал о Ленине у Маяковского, у других писателей, у Сталина, Ярославского и Крупской. Ведь, как никак, а он в свои 28 лет уже был достаточно политически развит и о вожде мог рассказать немало.

Два часа промелькнули, как одна минута, и, исписывая пятый лист, Борис почувствовал, что пора закругляться – время истекает, и он может не успеть проверить написанное. Так и вышло. Прозвенел звонок, по рядам прошли помощники экзаменатора, безжалостно отбирая у всех законченные и незаконченные сочинения. Взяли его и у Алёшкина, он едва успел расписаться.

Следующие два дня, в ожидании устного экзамена по русскому языку, Борис буквально не отрывался от книг, главными из них были «Грамматика» и «Синтаксис». Почти все литературные произведения, которые требовалось знать поступающим, Борис ещё раньше читал по нескольку раз, некоторые прочёл снова в период подготовки к экзаменам. Просматривая программу по русскому языку, которую, как и по другим дисциплинам, ему вручил Антипов, Борис убедился, что вроде ему опасаться нечего. О каждом произведении, указанном в программе, он мог рассказать достаточно много. Но вот с грамматическими и синтаксическими правилами дело обстояло гораздо хуже. Он ещё в школе сочинения писал неплохо, но как-то не вдумывался никогда, почему слово пишется так, а не иначе, почему фраза должна быть построена определённым образом, а не по-другому, когда и где нужно поставить запятую, а не точку и т. п. Всё это делалось механически, далеко не всегда правильно. Софья Григорьевна Воскресенская, учившая Бориса русскому языку в последнем классе второй ступени ещё на Дальнем Востоке, неоднократно говорила, что четвёрка у Алёшкина по русскому – результат его способности к изложению и большой начитанности, а отнюдь не следствие знания грамматических правил.

Борис справедливо полагал, что и здесь он по русскому письменному более чем тройку не заработает и что, конечно, экзаменатор, увидев его многочисленные ошибки, будет го-

нять его по грамматике, вот он и зубрил. Ну, а мы знаем, что зубрёжка ему никогда не давалась, и к концу вторых суток у него настолько всё перепуталось, что, идя в институт, он уже не мог сам себе путём рассказать ни одного правила.

В коридорах института толкалось много народа. В то время в этом большом здании помещалось два института: медицинский и педагогический. Экзамены в оба проводились одновременно. Толкаясь среди поступающих, как правило, на 8–10 лет моложе, чем он, ребят и девчат, и, слыша их глубокомысленные рассуждения по различным вопросам грамматики и синтаксиса, Борис совсем расстроился. Но вот открылась дверь кабинета, в котором проходили экзамены по русскому, и первая фамилия, названная выглянувшим в дверь студентом – помощником экзаменатора, оказалась его.

Он решительно шагнул в открытую дверь. В небольшом кабинете за столом сидела немолодая невысокая женщина, чем-то похожая на Софью Григорьевну, которая всегда относилась к Борису очень хорошо, и потому, увидев экзаменатора, он как-то сразу почувствовал себя спокойнее и увереннее. Может быть, этому способствовало и то, что при всякой опасности он привык внутренне собираться.

Борис подошёл к столу, сел на стул, стоявший напротив стола преподавательницы. Она взглянула на него поверх очков, через которые только что читала, как Борис заметил, его сочинение.

– Так это вы Б. Алёшкин? Я так и думала... Читая ваше

сочинение, я никак не могла себе представить, что его мог написать выпускник средней школы, и, признаться, думала, что он попросту списал или подsunул чужое, написанное более взрослым человеком. Приготовилась уж как следует его пошпиговать. Ну, а теперь, когда я увидела вас, мне всё ясно. Сколько вам лет?

– Двадцать восемь, – ответил удивлённый Борис.

– Почему же вы так поздно учиться пошли?

Борис только собрался отвечать на этот вопрос, как экзаменаторша, видимо, что-то сообразив, заговорила снова:

– Впрочем, простите, это к экзамену отношения не имеет... За сочинение я вам поставила пять – кроме двух запятых, ничего исправлять не пришлось. Жалею, что вы идёте в медицинский, а не в педагогический на отделение литературы, мне кажется, что там вы были бы более на месте. Спрашивать я вас не буду, уверена, что вы за свою жизнь успели прочитать больше, чем нужно, и поэтому по устному русскому я вам тоже ставлю пять. Желаю также хорошо сдать и остальные экзамены. До свидания, – она протянула Борису экзаменационный листок с двумя жирными пятёрками.

Не помня себя от радости, Борис схватил листок и, забыв попрощаться, ринулся к двери. Едва он выскочил в коридор, как его со всех сторон обступили абитуриенты и засыпали вопросами. Все были удивлены тем, что он так быстро вышел из экзаменационного кабинета. Сквозь толпу окруживших Бориса молодых людей к нему пробивался Антипов. Увидев

взволнованное и несколько растерянное лицо Бориса, он ещё на ходу заговорил:

– Эх, чёрт побери, опоздал! Как я хотел присутствовать на твоём экзамене, хотел как-то на этого изверга в юбке повлиять, уж больно она режет всех! Ну, да ты не горюй. Тройку мы из неё всё равно выбьем! Уж больно нам мужчины в институте нужны.

Но в это время высокая сероглазая девушка с немного вздёрнутым носом и нескладной, почти подростковой фигурой, стоявшая ближе всех к Борису и уже успевшая заглянуть в его экзаменационный листок, возмущённо воскликнула:

– Какая тройка, о чём вы говорите? У него по обоим русским пять! Посмотрите.

Антипов выхватил из рук Бориса листок, посмотрел отметки, похлопал его рукой по плечу и радостно воскликнул:

– Ну, брат, да ты молодец! Если уж тут сумел по пяти отхватить, так за остальное я спокоен. Пойду других выручать, у них дела похуже, – и Антипов стал пробиваться к выходу из коридора.

Он оказался счастливым предсказателем. Через пять дней Борис также успешно сдал физику, а ещё через пять – и химию. 25 августа 1935 года в списках первого курса Кубанского медицинского института имени Красной армии, вывешенных в коридоре, Борис Алёшкин нашёл свою фамилию и узнал, что он зачислен в первую группу вечернего потока.

Нечего и говорить, как были рады этому успеху и Борис, и Катя!

Занятия начались 1 сентября. Катя уже полностью вошла в курс своей работы в «Круглике» и, благодаря прекрасной технике машинописи, а также и отличной общей грамотности, уже заняла там весьма прочное положение. Вскоре большинство научных работников института, и даже сам Василий Степанович Пустовойт, предпочитали отдавать в печать свои работы именно Алёшкиной. Работа, хотя и давала Кате приличный заработок, требовала от неё много времени и напряжения.

Борис уходил на работу к восьми часам утра. Затем прямо из конторы Адыгблпотребсоюза в четыре часа бежал в институт и возвращался домой часов в 10–11 вечера. Эла находилась в детсаде, а Нина в яслях до четырёх часов дня. У обоих родителей не было времени ни провожать их, ни проводить с ними вечера, ни вести домашнее хозяйство, пришлось искать домработницу. При помощи соседки, старушки из дома № 128, нашли пожилую женщину, жившую через один-два квартала от Алёшкиных. Она согласилась приходить, присматривать за детьми до возвращения кого-либо из родителей, но всю остальную домашнюю работу и, главным образом, приготовление еды и стирку, хозяевам и, конечно, главным образом, Кате, пришлось оставить себе. Вставая в шесть часов утра, она готовила завтрак, а часто и обед, отводила Нину в ясли, после чего мчалась за город в свой

«Круглик». Элу иногда отводил Борис, но чаще это делала приходившая Меланья. Стирку, а иногда и заготовку еды на несколько дней, Катя проводила в воскресенье. Для хранения приготовленной еды использовался имевшийся во дворе колодец, куда кастрюлю с борщом, а иногда и котлеты, спускали на длинной верёвке, ведь тогда холодильников-то не было.

Как видим из сказанного, с началом учёбы Бориса на Катю легла огромная тяжесть всей домашней работы, не считая того, что и основным доход для содержания семьи зарабатывала тоже она. Вряд ли какая-нибудь другая женщина смогла бы выдержать такую большую, даже чисто физически, нагрузку, а эта – молодая, очень хрупкая на вид – справлялась со всем и постоянно была весела.

С первых же дней занятий в институте Борис познакомился со своими товарищами по группе, а со многими из них и подружился. В его группе было всего 18 человек, примерно по столько же было и в остальных семи группах. Таким образом, на вечернем потоке училось около 200 студентов, на дневном было немногим больше. Как правило, студенты вечернего потока состояли из людей, работавших до этого в медицине, и потому все они были не юного возраста. Правда, в каждой группе находилось несколько человек только что окончивших школу, из тех, кто не получил общежития. Познакомимся немного с теми, кого Борис считал своими наиболее близкими друзьями.

Первый, кого следует назвать, был староста группы, ставший через очень короткое время старостой потока, а затем и старостой всего курса, – это Григорий Константинович Быков, или, как его обычно все в то время называли, Гришка Быков. Вероятно, такое имя к нему не очень подходило. Когда он начал учиться на первом курсе института, ему уже стукнуло 35 лет. Он имел семью, состоявшую из жены и двоих детей. Быков в своё время окончил лётную школу и служил лётчиком гражданской авиации около восьми лет. В 1933 году у него внезапно наступило резкое ухудшение зрения, и он вынужден был эту работу оставить. Служить в каком-нибудь аэропорту и постоянно видеть самолеты, которые ему уже не суждено было водить, было слишком тяжело, и он решил переменить профессию. Его жена работала фельдшером, и, может быть, именно поэтому он пожелал тоже стать медиком. Как многие студенты вечернего потока, Быков поступил на подготовительные курсы в 1934 году и, хотя законченного среднего образования не имел, курсы закончил более или менее удовлетворительно, сдал выпускные экзамены и, как все с этих курсов, был принят в медицинский институт без вступительных экзаменов. Благодаря большим организаторским способностям и личному обаянию, он ещё в период обучения на курсах пользовался авторитетом и среди слушателей, и среди преподавателей. Естественно, что при выборах старосты первой группы, по предложению одного из преподавателей, Быков был единственным кандидатом. В

дальнейшем учёба давалась ему трудно, но он был достаточно упорен и учился удовлетворительно. С первых же дней он подружился с Борисом Алёшкиным. У них было много сходного в судьбе, разница была лишь в том, что Борис сразу же занял место первого по успеваемости не только в группе, но и на всём потоке, в то время как Гришке до этого было далеко. Кстати сказать, его дружба с Алёшкиным во многом способствовала его успехам в науках.

Вторым, не менее важным лицом в группе, считался Иван Егорович Герасименко. Это был самый старый студент не только в группе, но и во всём институте: в 1935 году, в момент поступления ему исполнилось 52 года. Этот седоватый человек среднего роста, с небольшой лысиной и довольно солидным животом, отличался очень добродушным характером. Его поступление в институт произошло не совсем обыкновенно. Более 25 лет тому назад он окончил фельдшерскую школу и всё это время работал на фельдшерском пункте в большой станице Благодатной. В ней было около 10 тысяч населения, и в 1932 году фельдшерский пункт станицы преобразовали во врачебный участок с амбулаторией и небольшой больничкой. Первое время заведовать этим участком остался тот же Герасименко, но вскоре райздравотдел прислал молодую женщину-врача. Она не имела ни опыта, ни большого желания работать в отдалённой станице и вскоре покинула её. В течение двух лет в Благодатной сменилось несколько врачей, а лечить больных по-настояще-

му продолжал старый фельдшер. Станичный совет обратился в райздравотдел с просьбой о назначении фельдшера Герасименко постоянным заведующим врачебным участком. На это пришёл ответ, что Герасименко не врач, и заведовать врачебным участком не имеет права. Тогда станичный совет возбудил ходатайство о направлении Герасименко на учёбу. Этот человек, умный и достаточно серьёзный, понимал, что знаний, полученных им 25 лет тому назад, явно не хватало, и потому и сам выразил желание поступить в мединститут. Станичный совет хлопотал за него в Наркомздраве, и тогдашний нарком здравоохранения Митерёв в виде исключения разрешил 50-летнему фельдшеру поступить в институт, но чтобы стипендию ему выплачивал станичный совет (как известно, в высшие учебные заведения принимались, да и до сих пор принимаются лица не старше 35 лет). Герасименко успешно окончил подготовительные курсы и был зачислен студентом вечернего потока в первую группу. С первых же дней учёбы они с Борисом Алёшкиным стали настоящими друзьями.

Следующий, о ком следует сказать, это некто Сергеев – единственный коммунист в группе. До учёбы он был рабочим на заводе имени Седина. Как и Быков, он не имел законченного среднего образования, с трудом поступил на подготовительные курсы, где учился весьма посредственно, а в дальнейшем с таким же трудом переползал с курса на курс при поддержке более знающих и способных товарищей, а

главное, при помощи своего партбилета, которым он не стеснялся пользоваться. Трудно сказать, что его толкнуло в медицинский институт, и почему он вдруг захотел стать врачом. Однако с первых же дней, увидев, что Алёшкин выделяется своими знаниями, он начал поддерживать с ним хорошие товарищеские отношения, хотя, как впоследствии выяснилось, втайне и пакостил ему. Борис, со своим открытым характером, к Сергееву относился самым дружеским образом и всегда помогал ему в учении.

Всего в группе было 18 человек, мы остановились лишь на трёх товарищах Бориса, хотя с полным правом можно было назвать такими же друзьями и всех остальных. Например, Мальцеву – женщину 35 лет, акушерку по профессии, муж которой уже учился на третьем курсе этого же института; или Багмет Николая, жившего с Алёшкиным на одной улице и являвшегося его постоянным спутником при возвращении из института домой. Багмет происходил из казацкой семьи какой-то отдалённой станицы, был моложе Бориса на семь лет, но поступил в институт, уже успев порядочно поработать в колхозе. В числе друзей Бориса была и Нина Александрова – выпускница одной из краснодарских школ, дочь учительницы, очень старательная и прилежная студентка, постоянно помогавшая в занятиях немного туповатому, хотя и усидчивому Багмету. Кстати сказать, их совместные занятия, в конце концов, привели к тому, что на пятом курсе они поженились. В дальнейшем мы ещё не раз встретимся

как с теми лицами, о которых только что кратко рассказали, так и со многими другими товарищами Бориса в период студенчества.

С первого курса, кроме занятий физикой, химией, немецким языком, обществоведением и физкультурой, пришлось осваивать и совершенно новые дисциплины: анатомию, гистологию, латынь и военно-медицинское дело. Правда, и химия в институте преподавалась уже совсем не так, как это было в средней школе, да вскоре, кроме химии органической, появились и такие как коллоидная, аналитическая, физическая и, наконец, биохимия.

Глава пятая

Первое время Бориса, как, впрочем, и многих других студентов, смущала сама постановка преподавания в институте. Раньше, учась в школе, да и на подготовительных курсах, все они привыкли к тому, что преподаватель, рассказывая что-либо на уроке, задаёт этот же материал по учебнику, а на следующем уроке спрашивает пройденное. Поэтому к каждому уроку нужно было готовиться. Здесь всё происходило по-другому. По каждой дисциплине тот или иной профессор читал раз или два в неделю лекцию в большой аудитории для всего потока или даже для всего курса, т. е. для 200–400 человек. Никаких приспособлений для усиления голоса лектора не было. Многие профессора являлись людьми весьма пожилого возраста, и их голос достигал едва до третьего-пятого ряда слушателей, а в аудитории таких рядов имелось около 30. Таким образом, большая часть студентов на лекциях почти ничего не слышала. Некоторых, наиболее серьёзных, это смущало, и они всегда старались занять первые пять рядов, другие занимались на задних рядах чем угодно, надеясь на возможность списать конспекты у сидевших впереди или воспользоваться учебником. Борис и большинство из его группы старались передних рядов не упустить и по возможности записать слова лектора.

Вначале большинство студентов прорабатывали прочи-

танный лектором материал по записи или по учебнику, опасаясь, что на практических занятиях его могут спросить. Но когда они увидели, что семинары заключаются совсем не в том, чтобы проверить усвоение лекции, а, как правило, на физике и химии – в проведении практических опытов, на биологии и гистологии – в работе с микроскопом, а на анатомии – в подробном изучении отдельных разделов того, что в общих чертах осветил лектор на костях, а в последствии и на трупах, то обрадовались и совсем перестали записывать лекции, надеясь всё наверстать к тому времени, когда начнутся зачёты и экзамены. Скоро стало известно, что в течение учебного года по каждой дисциплине будет два зачёта (зимой и весной) и по экзамену. Причём по некоторым – по физике и всем химиям, кроме биохимии – экзамены будут окончательными, и эти предметы более преподаваться не будут. Экзамены по остальным – переходные на второй курс.

Кое-кто из приятелей Бориса, в частности, Гришка Быков и Сергеев, по существу, заниматься самостоятельно перестали, также поступили и многие из молодёжи. У Бориса появился большой соблазн поступить таким же образом, тем более что он ведь работал на довольно ответственной работе, и его служба требовала от него немало энергии и сил.

Почему-то работа Адыгейской потребительской кооперации за последние полгода ухудшилась. В ряде кооперативов образовался завал товаров, естественно, что это происходило и на базе облпотребсоюза. Новые товары всё прибыва-

ли, реализация старых задерживалась, финансовое положение потребсоюза становилось всё напряжённее. Банк требовал погашения ссуд, а средства от низовых организаций поступали недостаточные. Алёшкину приходилось проявлять максимум изворотливости, чтобы перезаложить имевшиеся на складах базы неходовые товары, а времени на обдумывание всех этих финансовых комбинаций не было – теперь все вечера поглощала учёба, захватившая Бориса целиком. Он ведь и раньше отличался большой любознательностью и способностью к учению, а тут, столкнувшись с совершенно новыми предметами, увлёкся ими по-настоящему. И даже не вполне представляя, насколько дисциплины первого курса помогут в его дальнейшей практической работе, отдавался изучению с большой старательностью. Несколько скептические замечания старого фельдшера Герасименко, что, мол, все эти науки нужны только для общего образования, а в дальнейшем врачу вовсе и не понадобятся, пыла у Бориса не охладили.

Если в таких предметах, как физика, химия, обществоведение он мог без труда занимать первое место в группе, пользуясь своим старым багажом, то в специальных дисциплинах ему приходилось заниматься с большим напряжением. После первых же лекций Борис решил, что только в том случае он сможет более или менее хорошо сдавать зачёты и экзамены, если будет заниматься каждый день систематически. Пробездельничав, как и большинство его приятелей,

первые две-три недели, в дальнейшем он себя переломил и ввёл за правило такой порядок занятий. Возвращаясь домой в 10:30 или 11 часов вечера, поужинав, он обязательно садился за так называемый чистовой конспект. Он заключался в следующем: по каждой лекции Алёшкин прочитывал соответствующий раздел по учебнику, затем брал свой черновой конспект, записанный со слов профессора, и составлял новый конспект, пользуясь материалами учебника и лекцией. В ряде случаев одно другое дополняло и развивало, а иногда мнение, изложенное профессором, не полностью совпадало с тем, что было написано в учебнике, приходилось записывать их оба. Как правило, эта работа отнимала часа полтора. Затем Борис переписывал в чистовую тетрадь все материалы практических работ, проведённых на семинарах за истекший день.

Особенно много времени отнимала анатомия. Как известно, изучение анатомии начинается с остеологии, т. е. строения костей человеческого скелета. Костей на всех студентов не хватало, на практических занятиях над одной костью сидело три-четыре человека, а о том, чтобы взять кость домой, нечего было и думать. Для лучшего запоминания названий многочисленных отверстий, углублений, выступов и краёв каждой кости, следовало бы их посмотреть и пощупать, а такой возможности не было. В учебниках имелись рисунки, но они не запоминались. Около месяца Борис ломал голову над этим вопросом и, наконец, придумал: он стал изображения

всех костей, притом в разных проекциях, перерисовывать из книги. Это оказалось, хотя и довольно трудоёмким, но очень практичным способом для запоминания. Рисуя подробности той или иной кости, Борис как бы трогал её и, конечно, гораздо лучше запоминал название гребешка или отверстия, чем если бы учил их просто по записям. Впоследствии он делал подобные зарисовки и по гистологии, и по биологии, и по патологической анатомии, и по многим другим дисциплинам, и не только костей, но и мышц, связочного аппарата, сосудов и нервов. За время учения он нарисовал целый атлас, который сослужил ему добрую службу.

С того момента, как Алёшкин поступил в институт, время для него летело со сказочной быстротой, и, хотя дни были загружены до предела, для учения ему приходилось прихватывать и часть ночей. Да ещё иногда занятия совмещались с убаюкиванием Нины. Она из-за болезненности очень плохо спала, и Борис часто был вынужден выполнять свои домашние задания, держа дочь на руках, ведь надо было дать хоть чуть-чуть отдохнуть и Кате. На неё свалилось всё бремя домашних забот, не говоря о работе. Борис мог кое-чем помочь только в воскресенье, да ещё в те часы, когда по расписанию занятий проходило военное дело. Узнав, что Алёшкин имеет звание политрука роты (К-5), начальник военной кафедры от занятий его освободил. На первом и втором курсах студенты обучались в пределах программы рядового бойца и командира отделения. Военная кафедра привлекала Бориса,

как и других командиров запаса из числа студентов, только в качестве внештатных инструкторов по строевой и стрелковой подготовке раз в два месяца.

Первый семестр закончился. В конце декабря прошли первые зачёты и экзамен по физике. Все шесть зачётов и экзамен Алёшкин сдал на пять. С нового семестра ему установили повышенную стипендию – 45 рублей, до этого он получал 30 рублей. Это было приятно, но к улучшению материального положения семьи привести не могло.

С 1 января 1936 года Адыгблпотребсоюз из Краснодара выехал. К этому времени столицей Адыгейской автономной области стал г. Майкоп, и все областные учреждения должны были переехать туда. В Краснодаре, как главном узле железных и шоссейных дорог Адыгейской области, из облпотребсоюза оставалась только торговая база. Борис Алёшкин от переезда в Майкоп, естественно, отказался, следовательно, ему пришлось оставить и должность начфина. При помощи главбуха он получил место калькулятора (Калькулятор – специалист, который занимается подсчётом и учётом финансовой деятельности. Прим. ред.) на базе с окладом в 85 рублей, т. е. почти в два раза ниже того, который он получал, будучи начфином. Правда, и работа была значительно проще, она заключалась в таксировке счетов поставщиков и в калькуляции накладных на товары, отпускаемые базой кооперативам. Эта работа, по существу, кроме механических арифметических действий ничего не требовала. С Алёшкина

сразу снялись все многочисленные и трудоёмкие в нервном отношении заботы об обеспечении финансового благополучия потребсоюза. Вся деятельность его мозга теперь могла быть направлена на учёбу. Рабочий день Бориса стал строго регламентированным и сократился: он приходил в восемь часов на работу и ровно в три её покидал, таким образом выкраивался час-полтора на обед. Но вследствие его неуёмного характера и в этой, казалось бы, простой механической работе он не мог не найти возможности поучиться.

На базе работали трое калькуляторов – один старший и двое младших, Алёшкин был одним из них. Второй была молодая толстая женщина, с удивительно нескладной фигурой и каким-то неестественным выражением лица. Она оказалась очень добродушной и весёлой по характеру, но, видимо, из-за своей внешности неудачливой в личной жизни. Она считала на арифмометре, мог пользоваться арифмометром и Борис. Этот аппарат он знал хорошо (научился считать на нём ещё в ДГРТ), но старший калькулятор, армянин Бархударьянц, производил все расчёты только на счётах и заявлял, что это лучший инструмент для выполнения всех арифметических действий.

Бархударьянц – худенький, изящный старичок лет 55, с красивым греческим носом, небольшими карими глазами, немного вьющимися седоватыми волосами, изящно закрученными усиками и аккуратно подстриженной бородкой-эспаньолкой, на счётах не считал, а прямо-таки играл,

как какой-нибудь виртуоз-пианист на фортепиано. Косточки на спицах его счётов мелькали с молниеносной быстротой. Стук их друг о друга и о стенки действительно напоминал какую-то музыку. Огромный счёт с несколькими десятками наименований Бархударьянц калькулировал за несколько минут, причём можно было не сомневаться, что все произведённые им действия, безусловно, верны и написанная сумма правильна.

Чтобы представить себе всю сложность этой механической работы, поясним её. Поступавший на базу счёт на товар от какого-либо поставщика калькулятором проверялся, затем на указанные в нём предметы делалась оптовая наценка и выводилась новая цена, по которой склады базы в будущем должны были отпускать эти товары кооперативам. Само собой разумеется, что при этом выводилась и новая сумма счёта, она служила основанием для оприходования товара складом.

Вторая часть работы – калькуляция отпущенных товаров. Каждый склад, выдав товар кооперативу, выписывал счёт-накладную, в котором проставлял количество или вес каждого наименования товара и ставил оптовую цену на него. Калькуляторы обязаны были подсчитать сумму, на которую отпускали товар по накладной, и в соответствующей графе проставить новую – розничную цену на каждое наименование, произведя подсчёт наценки в процентах в зависимости от вида отпускаемых товаров: на разные виды товаров она

была разная. Затем следовало подсчитать сумму стоимости и, наконец, вывести общую сумму накладной по оптовым и розничным ценам.

Если учесть, что на базе находилось пять складов, что каждый экспедитор кооператива получал товары на всех, причём на некоторых из них (галантерейном или скобяном) количество наименований в одном счёте достигало 50 и более, а таксировка этих счетов требовалась в тот же день, да и кооперативов, обслуживаемых потребсоюзом, было более 20, то работы у калькуляторов имелось достаточно.

Два младших сотрудника обрабатывали счета и накладные, а старший проверял их работу. Он один пересчитывал вторично всё, что сделали те вдвоём, причём, как мы уже сказали, пользовался для этого только счётами. Ошибки в калькуляции, особенно накладных, грозили виновному неприятностями, ему приходилось переписывать всю накладную, что отнимало много времени. Бархударьянц обнаруживал даже самый мелкий просчёт. Он был последним, кто держал в руках накладную, и кооператоры, ожидавшие документ, невольно восхищались его игрою на счётах.

Борис, конечно, позавидовал такой популярности и загорелся желанием научиться считать на счётах также быстро. Бархударьянц был польщён тем, что Алёшкин обратился к нему за помощью. Старательно растолковав ему кое-какие хитрости этой техники и руководя его действиями, он вскоре мог гордиться успехами своего ученика, тем более что вто-

рой калькулятор продолжал предпочитать арифмометр. Конечно, такой виртуозности, как его учитель, Алёшкин не достиг, но всё-таки овладел техникой всех четырёх арифметических действий и вычисления процентов на счётах практически в совершенстве. Кроме того, в лице Бархударьянца он приобрёл истинного друга, не раз выручавшего его в денежных затруднениях.

Глава шестая

Мы помним, что сестра Бориса Алёшкина по матери Нина ещё в 1932 году поступила в Первый Московский медицинский институт, успешно училась и жила у своего дяди, Дмитрия Болеславовича Пигуты. К концу 1934 года постройка дома в кооперативе, в котором состоял Пигута, была закончена, и Анна Николаевна готовилась переехать из Кинешмы в Москву. Мы уже раньше говорили, что Дмитрий Болеславович многое из своих взаимоотношений с родственниками от жены скрывал, не сообщил он, конечно, и то, что у него жила племянница. Поэтому, прежде чем перевезти из Кинешмы жену, он должен был подыскать жильё для Нины Смирновой, общежитие ей не давали. Найти квартиру в Москве даже в те годы было нелегко. Так или иначе, но угол у одинокой женщины (тёти Кати, как называла её Нина), жившей где-то около Казанского вокзала, удалось снять, и, возвратившись из Костромы в Москву после каникул, Нина сразу же к ней переехала, а Дмитрий Болеславович со спокойной душой занялся перевозкой в Москву остававшихся в Кинешме вещей. Одновременно приехала и Анна Николаевна. Как будто всё утряслось.

Нина прожила год у тёти Кати, оказавшейся доброй и сердечной женщиной, как у Христа за пазухой. Разумеется, за угол платил дядя Митя: Нининой стипендии едва-едва хва-

тало на то, чтобы прокормиться. К концу 1935 года положение ухудшилось: у тётки Кати появился друг, который стал часто бывать в её комнате, причём не только в отсутствие Нины, но и при ней, и, как правило, всегда под мухой. Девушка стала мешать. Мало того, этот уже немолодой мужчина, приходя к ним и не заставая хозяйку, стал привязываться к Нине, и однажды дело дошло до того, что она была вынуждена из дома убежать и почти целую ночь прослоняться где-то около клиник института. Правда, тётка Катя на следующий день сурово отчитала своего приятеля, но Нина понимала, что такой случай может повториться, и стала вновь настойчиво хлопотать об общежитии. Хлопоты её не увенчались успехом, и тогда она решила написать о своём положении брату, Борису Алёшкину.

В Краснодаре письмо получили незадолго до нового 1936 года, как раз в самом начале зимних каникул. Катя, прочитав письмо, без долгих раздумий заявила:

– Пусть Нинка приезжает к нам и учится здесь, как-нибудь проживём. Она учится хорошо, будет стипендию получать, ну а места хватит, разместимся!

Борис, который тоже подумывал об этом, но не решался сказать, зная, как трудно приходится сейчас им всем, в особенности жене, содержавшей всю семью, благодарно взглянул на свою Катеринку, крепко её поцеловал и сел писать ответ Нине.

Через две недели после этого письма приехала она сама

с небольшим чемоданчиком, в котором основным имуществом были учебники. Нина была в том самом уже довольно-таки обтрёпанном пальтишке, которое ей купили Алёшкины в 1932 году. Довольно просто она оформилась на четвёртый курс Кубанского мединститута, и, таким образом, в семье стало два студента, а на Катю свалились заботы ещё об одном человеке, которого не только нужно было прокормить, но, в первую очередь, хоть немного одеть. За время учёбы Нина всё, что у неё имелось из одежды, поизносила, приобрести новое было не на что. Единственный её родственник, брат отца, едва сводил концы с концами. Он мог помочь Нине только тем, что содержал её у себя в Костроме во время каникул.

Появление Нины вызвало дополнительные расходы, но оно принесло и небольшое облегчение в семье. Если Борис уходил из дома в 7:30 утра, а Катя ещё раньше, то у Нины учёба начиналась позже, и она могла отвести в детсад Элу, а иногда и сделать кое-что по дому. Борис возвращался домой около 11 часов ночи, Катя около восьми часов вечера, а Нина была дома не позднее трёх. Это позволяло ей, кроме своих занятий, помогать Кате и в домашних делах, особенно нянчась с маленькой годовалой Нинкой.

Решили, что первое время вся Нинина стипендия пойдёт на её экипировку, а питание будет за счёт общих расходов семьи. Катя зарабатывала много, но для этого ей приходилось работать около 12 часов в сутки. Печатала она очень быст-

ро и, что особенно ценилось в институте, грамотно. Как мы уже говорили, ей доверяли самые ответственные документы. Для обеспечения высокого заработка, почти в шесть раз превышавшего оклад обычной машинистки, довольно часто Кате приходилось работать и в воскресенье. Тут уже и Нина, и Борис могли оказать семье действенную помощь, стараясь за этот день выполнить все возможные домашние работы. Конечно, с помощницей Меланьей пришлось расстаться: содержать ещё и её было просто не на что.

Так, в труде и учёбе прошёл этот 1936 год. Весной оба студента успешно сдали сессии: Нина перешла на пятый курс, а Борис на второй. На Доске почёта красовалась его фотография, поскольку он был одним из лучших студентов. С его курса из 400 студентов на Доску почёта попали лишь двое – Борис Алёшкин и молоденькая девушка, Лина Кравченко. Нужно заметить, что осенью 1936 года Нина каким-то образом стащила с Доски карточку брата, и с этих пор держала её у себя.

Прошедший учебный год показал Алёшкину, что он выбрал верное направление. Учёба давалась ему легко, он получал знания с большим интересом и уже сейчас, закончив всего только один курс, познакомившись лишь с самыми азами медицины, даже, пожалуй, и не медицины, а лишь основными частями и функциями человеческого организма, он понял, что эта профессия будет ему по душе.

За этот первый год Борис довольно близко сошёлся со

многими товарищами по учёбе. Этому способствовал его общительный открытый характер, а также и то, что по знаниям он стал одним из первых не только в группе, но и на потоке. Дружба с ним для многих была полезна. С середины учебного года многие из однокурсников стали пользоваться его конспектами, зарисовками, а при случае и подсказками. Так, между прочим, обстояло дело в течение всех пяти лет учёбы. Со второго семестра Быкова избрали старостой потока, а старостой группы – Алёшкина, эту обязанность он исполнял до окончания института.

Мы уже описали кое-кого из наиболее близких друзей Бориса, стоит упомянуть ещё об одном – Ване Дик, немце с Поволжья. Он был, пожалуй, моложе всех в группе и своими знаниями и старанием мог соперничать с Алёшкиным. К сожалению, с Диком произошло что-то непонятное. Незадолго до весенних экзаменов в начале 1936 года он из института неожиданно исчез. Ходили слухи, что были арестованы его родители, а вместе с ними пострадал и он.

Был ещё один друг, Герасимов, бывший председатель колхоза, почему-то решивший стать врачом. Его выбрали старостой второй группы, на этой почве он и сблизился с Алёшкиным. Герасимов – член партии, невысокий, курчавый, с чёрными волосами, всегда с немного удручённым и озабоченным лицом. Его семья осталась в одной из станиц, где жена работала в колхозе. Занимался он старательно, но мешала недостаточная общая подготовка, и он едва-едва набирал по-

средственные оценки. Может быть, он и сумел бы выучиться и стать дельным врачом, но в его жизни, как и у многих в эти годы, произошла трагедия. В последние месяцы учёбы на первом курсе во время одной из лекций он был вызван из аудитории и больше в институте не появлялся. Говорили, что работники НКВД арестовали Герасимова, как врага народа.

Всё чаще и чаще возникали разговоры об арестах видных в городе людей, якобы тоже оказавшихся врагами народа. Покончил жизнь самоубийством председатель Краснодарского горсовета. Как мы теперь знаем, наступило время «ежовщины» – оголтелой расправы с лучшими людьми партии, комсомола и советского государства, то, что через много лет получило название «культы личности».

Борис чувствовал, что и у него почва под ногами не очень прочна. Он бы беспокоился и переживал ещё больше, если бы знал своё положение точнее. Лишь по окончании института выяснилось, что один из его «друзей», коммунист Сергеев, видимо, желая выслужиться, написал на него грязный клеветнический донос, в котором обвинял Алёшкина в срыве политзанятий и в политическом разложении студентов. Донос представлял собой грубейшее извращение фактов, но если бы он попал в органы НКВД, то в те времена мог бы послужить если не полным основанием для ареста, то, во всяком случае, поводом немедленного исключения из института. К счастью Бориса, заведующий секретной частью, он же секретарь партячейки института, коммунист Шапова-

лов учился с ним в одной группе. Он был свидетелем описанных в доносе событий, видел, что факты извращены, и, положив его в дело Алёшкина, дальнейшего хода ему не дал. Так, можно сказать, чудо спасло от краха не только все мечты Бориса, но и его будущее, и будущее его семьи.

Через несколько дней после начала летних каникул, когда Борис готовился принять все хозяйственные домашние дела на себя, а Нина уже уехала в Кострому, его вызвал военкомат для направления на переподготовку как политрука запаса. В военкомате какие-либо споры были бесполезны, и Алёшкин, собрав необходимые вещи, отправился к месту назначения – в лагерь, расположенный недалеко от города Новороссийска. В полку его определили политруком стрелковой роты.

На следующий день после инструктажа он подошёл к комиссару полка и попросил принять его для личной беседы. Тот назначил ему время. Проведя утром следующего дня политзанятия в роте, проинструктировав младших командиров о плане политинформации и занятий во взводах и отделениях, Алёшкин направился к комиссару. Он сообщил о своём неопределённом партийном положении и попросил совета, как ему быть в дальнейшем. Комиссар отказался что-либо советовать, обещая доложить об этом случае в политотдел дивизии, а пока рекомендовал как можно добросовестнее выполнять свои обязанности. Борис успокоился, но через два дня его снова вызвал комиссар полка и сказал, что ввиду неопределённости партийного положения Алёшкина,

политотдел рекомендовал его от работы политрука освободить и использовать на какой-либо другой, например, интендантской должности. Борис напомнил, что он – студент мединститута, где преподавалось военное дело, и что поэтому ему, очевидно, не нужно проходить лагерные сборы. Комиссар обещал уточнить этот вопрос. Через несколько дней Алёшкину всё-таки вручили документы об освобождении от прохождения сборов, и он выехал домой.

Катя и ребята обрадовались его досрочному возвращению, конечно, был доволен и он сам. Теперь, находясь вечерами дома (на своей базе он приступил к работе с первого же дня по возвращении), Борис смог больше помогать Кате в домашних делах, а сделать планировалось много. Нужно было заготовить на зиму топливо: уголь, кочерыжки от кукурузы и дрова (всё это добывала в «Круглике» Катя). Он напил и наколот дрова, и сложил всё в сарай. Кроме того, Борис решил сделать вторые рамы к окнам комнат. Зимой 1935–1936 года (необычайно суровой) одинарные щелястые окна закрывали снаружи ставнями, а изнутри для сохранения тепла закладывали всяким тряпьём. Никогда раньше Борису не приходилось выполнять таких сложных столярных работ, как изготовление оконных рам, но с этим делом он всё-таки справился. Правда, его изделия не отличались ни красотой, ни изяществом, но главное, что своему назначению они соответствовали. Всё это, помимо труда, потребовало и дополнительных средств, а семья и так еле-еле своди-

ла концы с концами. Катя продала часть своих, ещё владивостокских, платьев. Сама она, конечно на толкучку идти не решилась и воспользовалась услугами Меланьи, ну а та, то ли по недомыслию, то ли с целью наживы, продала шёлковые, крепдешиновые и маркизетовые платья по цене ситцевых, и в результате эта «операция» принесла сушие гроши.

Борис решил продать имевшиеся у него патефонные пластинки. Патефон оставили во Владивостоке, а заграничные пластинки, подаренные Борису моряками Тралового флота, взяли с собой, было их штук 20. Борис не надеялся получить за них много, но «всё-таки хоть что-нибудь, да дадут», – думал он, подходя к комиссионному магазину на улице Горького, недалеко от его работы. У него с собой было три пластинки для пробы. Когда он сообщил приёмщику товара с какой целью пришёл, тот довольно небрежно ответил:

– Этого добра у нас вон целые полки лежат. Пожалуйста, мы возьмём, но на скорую реализацию не рассчитывайте. Ну, что там у вас?

Борис несмело достал из своего старенького дерматинового портфеля пластинки и протянул их продавцу. До сих пор с комиссионными магазинами ему дела иметь не приходилось, и он чувствовал себя очень неловко. Едва увидев пластинки, продавец мгновенно преобразился:

– Заграничные! – воскликнул он. – Так что же вы молчали? Эти пластинки мы у вас купим немедленно.

На его возгласы, оставив покупателей, подбежали два дру-

гих продавца. Несколько минут они возбуждённо о чём-то шептались, вырывая пластинки один у другого, затем приёмщик обратился к Алёшкину:

– Сколько же вы за них хотите?

Борис растерялся. Он совершенно не представлял себе, какова стоимость заграничных патефонных пластинок, но по поведению продавцов понял, что они ценятся довольно дорого, поэтому боялся продешевить. Дома они с Катей считали, что если им дадут рублей по пять за пластинку, это их здорово выручит. Он уже и собирался назвать эту цену, как вдруг один из продавцов, видимо, самый нетерпеливый и боявшийся потерять товар, сказал:

– Да что там спрашивать? Всем ведь известно, что такие пластинки сейчас стоят 40 рублей за штуку, так и надо платить.

Остальные согласно кивнули головами. Борис молчал, ошеломлённый неожиданно высокой стоимостью его товара, а приёмщик, не выпуская пластинок из рук, повторил:

– Ну как, согласны, молодой человек? Больше, чем мы даём, вам нигде не дадут. А самое главное, мы вам сразу и деньги выдадим. У вас это всё или ещё есть?

Борис, наконец, собрался с духом и сказал:

– Есть ещё несколько штук...

– Ну, так приносите и те. Если они в таком же состоянии, то мы за них тоже по 40 рублей заплатим. Инна, выпишите счёт и выдайте 120 рублей, – крикнул он кассирше.

Алёшкин подошёл к кассе, получил деньги и отправился на работу в самом радужном настроении. Ведь если принять во внимание, что стипендия у него была 45 рублей в месяц, зарплата – 85, то он только что за несколько минут получил свой месячный заработок! Теперь вопрос с деньгами на топливо, на оплату материалов для рам и даже на приобретение поросёнка, о котором давно думала Катя, решался просто.

Во время перерыва, длившегося полчаса, Борис пошёл похвастаться коммерческими успехами к одному из своих новых приятелей, заведующему складом культтоваров, некоему Козловскому. Высокий полный мужчина, с выпуклыми серыми глазами, бесцветными ресницами и такими же почти белыми волосами был по образованию учитель, и променял свою прежнюю должность на заведование складом культтоваров. Эта работа, как он говорил, была значительно более лёгкой, а доходов приносила раз в десять больше, чем его учительская зарплата. Как он ухитрялся получать дополнительные доходы со своих книжек, брошюр, письменных принадлежностей и прочего, Борис не понимал.

Узнав от Алёшкина названия пластинок, то, что они английские, а также и то, что он продал их по 40 рублей за штуку, Козловский прямо-таки подскочил от негодования:

– Эх, меня с тобой не было! Дурак ты, брат Борис! Да знаешь, за эти пластинки они сейчас по сотняге возьмут! Здорово же они тебя надули! Ну, да ладно, сделанного не воротишь. Приноси все свои пластинки мне, мы с тобой их рас-

смотрим и оценим. Может быть, я и сам что-нибудь куплю. Конечно, по сто рублей за пластинку я тебе не дам – это дело на любителя, ну уж рублей по 60, наверно, заплачу. К ним в комиссионку пойдём вместе, я сам с ними торговаться буду, у меня там половина знакомых.

Борис, хотя и очень сконфузился своим коммерческим промахом, но в тоже время и обрадовался, что у него появились кое-какие дополнительные ресурсы, которых ему очень не хватало. Дело в том, что оставив почти всю свою библиотеку во Владивостоке, Алёшкин не мог не покупать попадавшие ему довольно редкие книги. Мы уже говорили, что ещё в Армавире у одной старушки ему удалось купить собрание сочинений Дюма, Уэллса и несколько произведений Жюль Верна. В Краснодаре эти книжки он переплёл. По дороге в институт Борис проходил мимо букинистического магазина и, конечно, обязательно заглядывал в него. Однажды он обнаружил там несколько годовых комплектов «Нивы». Как ни крепился, но всё-таки один купил, остальные остались в магазине. Теперь, если их ещё не продали, он смог бы приобрести и их.

Следующим утром он собрал все оставшиеся пластинки и явился с ними к Козловскому. Рассматривая пластинки, тот восхищённо щёлкал языком и отобрал для себя пять штук.

– Совесть мне не позволяет их оценить дешевле, чем по 80 рублей за штуку, – сказал он, – но по знакомству ты мне их отдашь по 60, идёт? А прочие мы сейчас загоним в ко-

миссионку.

Борис согласился отдать ему пять пластинок за 300 рублей, а остальные решил пока подержать у себя. Необходимые деньги у него будут, ну а там – кто знает, может быть, пластинки ещё подорожают. Козловский согласился.

– Знаешь что, Борис, таких денег у меня сейчас нет, тебе придётся подождать. Я могу тебе пока дать только 100 рублей. Послушай-ка, может быть, ты что-нибудь из моего товара возьмёшь?

Алёшкину это предложение не очень понравилось. Товар, находившийся на базе, особого интереса не представлял. Видя колебания Бориса, Козловский заметил:

– Да ты ещё не знаешь, что я вчера получил, я ведь вам накладные для калькуляции не давал! Посмотри-ка, – и Козловский подвёл его к стопке каких-то коробок.

На одной из них Алёшкин прочитал: «батарейный радиоприёмник БИ-234 с комплектом батарей, стоимость 154 рубля». У него загорелись глаза. Приобрести радио? Да это было его сокровенной мечтой, на осуществление которой в своём теперешнем положении он и не надеялся.

– Вот эту штуку я согласен взять в счёт долга, – нерешительно сказал он, – но ведь их мало...

– Ерунда, не беспокойся! Я отчитаюсь, – услышал он в ответ. – Выбери любой приёмник и забирай, я сейчас выпишу пропуск.

Возвращаясь после работы в этот день, Борис летел, слов-

но на крыльях. В его руках была довольно-таки тяжёлая и большая коробка с новеньким радиоприёмником. Когда пришла с работы Катя, Борис рассказал ей о своём приобретении, о той высокой цене, по которой они могли продать имевшиеся пластинки. Та обрадовалась, но радость её ещё более усилилась, когда Борис вручил ей 100 рублей и сообщил, что на эти деньги она может приобрести поросёнка.

Через неделю в дровяном сарае, в клетушке, отгороженной стараниями Бориса, похрюкивал небольшой, но упитанный поросёнок. Белый шпиц – собачонка, неизвестно каким образом поселившаяся у Алёшкиных, с пронзительным лаем прыгала вокруг этой клетушки.

В первый же день покупки радио Борис собрал батареи, протянул антенну между двумя шестами, укреплёнными на макушках шелковиц, росших во дворе и, включив приёмник, начал ловить самые разнообразные станции.

Глава седьмая

Отвлечёмся немного от жизни нашего главного героя, в ней произошёл серьёзный поворот, поставивший на совершенно новый путь всю его дальнейшую жизнь. Оставим его за конспектированием лекций, за забавой с новой игрушкой – радио, за нескончаемыми мелкими хозяйственными делами и заботами, за проведением времени с маленькими дочками, за постоянным, иногда даже немного сердитым, ожиданием своей Катеринки, единственной настоящей добытчицы в семье. Посмотрим немного на жизнь остальных его ближайших родственников. Как всегда, для этого нам придётся вернуться немного назад.

Как мы уже упоминали, семья отца Бориса осталась в селе Новонежине Шкотовского района Приморского края. Из всей семьи там жили только Анна Николаевна – мачеха Бориса, младший сын Женя, учившийся в сельской школе, и, наконец, сам Яков Матвеевич, работавший в ней завхозом. Людмила, кровная сестра Бориса, окончив школу и проработав около года учительницей в селе Кролевец, вышла замуж за техника-строителя и вместе с ним уехала на одну изстроек в Среднюю Азию. Борис-маленький после окончания средней школы в 1934 году тоже стал учителем и начал работать в начальной школе в Зверосовхозе на острове Путятин.

В конце 1935 года Яков Матвеевич заболел, у него вне-

запно открылась рвота с кровью. В Новонежине был только фельдшерский пункт, и находившийся там фельдшер, заподозрив серьёзность заболевания, посоветовал больному немедленно лечь в больницу. Можно было ехать и в районную больницу Шкотова, но совсем недавно открылась новая и, по слухам, очень хорошая больница на Артёмовском руднике. Яков Матвеевич в сопровождении жены выехал в Артём, там он был сразу же госпитализирован.

Болезнь мужа совпала с зимними каникулами, и поэтому Анна Николаевна, поместив его в больницу и задержавшись на несколько дней в Артёме, могла ежедневно навещать его. Вскоре, благодаря назначенным ему медикаментам и строгому режиму питания, состояние Якова Матвеевича улучшилось, рвота прекратилась, боли также утихли. Врачи, лечившие больного, поставили предполагаемый диагноз: кровоточащая язва желудка. От операции решили воздержаться в связи с прекращением рвоты и кровотечения, не было данных за то, что язва прободная, а также и потому, что общее состояние больного, очевидно, перенёсшего достаточно сильную кровопотерю, было ослабленным. Консилиум принял решение проводить лечение консервативными методами.

Каникулы кончились, Анна Николаевна должна была приступить к работе. В состоянии Якова Матвеевича ничего угрожающего не ожидалось, чувствовал себя он вполне удовлетворительно, и она вернулась в Новонежино, пообещав

приехать в Артём в первое же воскресенье, через неделю.

Ровно через неделю она действительно приехала и немедленно отправилась в больницу, собираясь угостить мужа кое-какими домашними гостинцами. Обратившись к дежурному врачу с просьбой о получении пропуска для свидания с больным, получила ответ: слишком поздно, Яков Матвеевич Алёшкин умер три дня назад, и его похоронили, так как, несмотря на отправленную родным телеграмму, никто не приехал. Сражённая этим известием Анна Николаевна более часа находилась в полуобморочном состоянии, и врачи предложили ей самой лечь в больницу, но в Новонежине оставался её младший сын, которому в то время было всего 14 лет. Несмотря на уговоры, она покинула больницу, почти не помня себя от горя. Кое-как добравшись до квартиры знакомой учительницы, у которой она останавливалась, едва успев сообщить той о смерти мужа, Анна Николаевна снова потеряла сознание и сама оказалась в положении тяжелобольной. О выезде в Новонежино нечего было и думать. Проболев около недели, она сумела преодолеть горе и набраться сил, чтобы отправиться домой. Конечно, бедная женщина была не в состоянии выяснять подробности гибели мужа, а также и его последних минут жизни, это сделал её сын Борис-младший. Вскоре после отъезда матери из Артёма, он получил отправленную ею телеграмму о смерти отца. Кстати сказать, вернувшись в Новонежино, Анна Николаевна нашла дома телеграмму из больницы. Путешествуя по почто-

вым отделениям Шкотова и Новонежина, она попала к адресату через день после того, как Анна Николаевна уехала к мужу. Таким образом, Женя узнал о смерти отца раньше, чем вернулась мама.

Борис-младший, получив телеграмму матери, немедленно направился в Артём, получив для этого необходимый отпуск. Он явился в больницу и стал расспрашивать врачей о течении болезни и смерти отца. Из этих расспросов он выяснил, что на следующий день после отъезда Анны Николаевны домой у Якова Матвеевича вновь открылась рвота кровью, причём на этот раз кровотечение было настолько сильным, что пока успели позвать дежурного врача, состояние больного резко ухудшилось. Дежурный врач, а затем и заведующий хирургическим отделением пытались принять возможные в этих условиях меры, но они не помогли. Больной, не приходя в сознание, скончался. Заключение было таким: «Смерть Якова Матвеевича Алёшкина последовала от коллапса, вызванного профузным желудочным кровотечением». В то время в подобных больницах вскрытие умерших проводилось далеко не всегда, поэтому, чем было вызвано это кровотечение – язвой, раком или ещё какой-либо причиной, так и осталось невыясненным.

Борис-младший поехал в Новонежино навестить мать. Он застал её в таком плохом состоянии, что не решился оставить их с Женей одних, послал заявление с просьбой об увольнении из школы на острове Путятин по семейным обстоятель-

ствам. Его просьба была удовлетворена, и в начале 1936 года он окончательно переехал в Новонежино. Здесь в школе учителей не хватало, Борис-младший сразу же получил место завуча.

Дней через десять после смерти мужа, когда Анна Николаевна немного пришла в себя, она написала письмо старшим детям – Борису в Краснодар и Людмиле в Среднюю Азию. Борис-старший получил известие о смерти отца весной 1936 года. Почему-то эта весть, хотя и явилась для него неожиданной и печальной, не вызвала того горя, какое он испытал при известии о смерти матери и при виде умершей бабуся. Может быть, потому, что он был слишком поглощён своими семейными заботами; может быть, потому, что отец и его семья находились где-то очень далеко, и сама смерть от этого была какой-то дальней; а может быть, – и это, пожалуй, вернее всего, – того полного сыновнего чувства к отцу у него всё-таки не было. Ведь как-никак прожил он с отцом всего около полутора лет и, как мы знаем, покинул новую семью в 16 лет без особого сожаления.

За этот же период времени произошло большое и тоже трагическое событие в семье родственников со стороны жены, а именно, Сердеевых. В 1935 году Армавирский горком оказался предметом расследования партийной комиссии Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). В результате работы этой комиссии выяснилось, что работники горкома, пользуясь своим положением, использовали армавир-

ский магазин Торгсина в своих личных целях, получали там незаконно товары и совершили ряд других должностных и партийных преступлений. В результате всё руководство горкома было смещено, некоторых исключили из партии и отдали под суд, других перевели с понижением в различные районы края. Единственным, чьё участие не удалось доказать в «торгсиновской истории» в Армавире, оказался Д. Я. Сердеев, но и он участвовал в некоторых должностных проступках. Он тоже «пострадал» – его перевели в город Ейск. Будучи знакомым с работой советских учреждений, он получил назначение начальником планового отдела и заместителем председателя Ейского райисполкома. Дмитрий уехал один, семья осталась в Армавире. Его жена Людмила только в этом году поступила на заочное отделение пединститута в г. Ростове-на-Дону и продолжала учительствовать в Армавире. Оставить школу до конца учебного года она не могла.

В конце 1935 года, когда Людмила Петровна выехала на сессию в Ростов, в армавирской квартире остались Акулина Григорьевна и два её внука, Руслан и Виктор. Однажды ночью в конце ноября в квартиру ворвались грабители, связали бабушку и вместе с внуками заперли в кухне. Дочиста ограбив квартиру, они вывезли не только одежду, ковры, посуду, но даже наиболее ценные вещи из мебели. Вернувшись через несколько дней домой Мила застала там еле живую от пережитого мать (которой в то время было 68 лет), испуганных сыновей и жалкие остатки своего ранее довольно-та-

ки значительного имущества. Телеграммой она сообщила об этом мужу, тот приехал, сделал соответствующее заявление в милицию, но следов пропавших вещей так и не обнаружили. Самих грабителей, однако, нашли, Акулина Григорьевна при очной ставке их опознала.

В начале 1936 года Дмитрий Яковлевич Сердеев после длительных просьб освободился от своей должности в райисполкоме и получил назначение на пост директора Ейского станкостроительного завода. Эта должность давала более значительные материальные преимущества: оклад директора почти вдвое превышал ту зарплату, которую Митя получал в РИКе, и, самое главное, как директор, он сразу же получил хорошую квартиру – семья смогла, наконец, соединиться.

Переехав в Ейск, Людмила Петровна продолжала заочно учиться в Ростовском пединституте и одновременно стала работать в одной из средних школ города преподавателем русского языка и литературы. Со временем Сердеевы, по просьбе Акулины Григорьевны, снова вызвали к себе Веру, которая, уехав от Алёшкиных, сначала отправилась к средней сестре, Жене, жившей где-то около города Горького. Дмитрий Яковлевич пригласил приехать и деверя, Андрея Пашкевича, который жил на Дальнем Востоке на станции Ин. Сердеев обещал Андрею хорошую работу на заводе, тот ответил согласием. В середине августа 1936 года он вместе с семьёй переехал в Ейск и начал трудиться в столярном цехе

Станкостроительного завода. Как будто всё для этой семьи складывалось достаточно хорошо. Сердеевы жили в сравнительном достатке, рядом находились близкие им люди, но... Опять это проклятое «но»!

В ноябре 1936 года в Краснодар к Алёшкиным совершенно неожиданно приехала расстроенная и взволнованная Людмила Петровна Сердеева. Она привезла ошеломляющее известие:

– В октябре арестовали Митю и увезли в Краснодар. Я еду его искать.

Мила потратила больше недели, но так ничего и не сумела узнать. Не удалось даже выяснить, находился ли её муж в данный момент в Краснодаре, так и уехала ни с чем. В те годы внезапные аресты были не редкостью, однако в отношении Дмитрия Сердеева все ейские знакомые в райкоме ВКП(б), в райисполкоме и даже в прокуратуре, просто не могли себе представить причины его ареста.

Дмитрий Яковлевич, член ВКП(б) с 1920 года, имел совершенно чистое личное дело, даже из армавирской передраги он вышел незапятнанным. Социальное происхождение, его работа на Дальнем Востоке, активное участие в партизанском движении не вызывали сомнений в его преданности советской власти. Работа на заводе проходила удовлетворительно, директор не имел никаких замечаний, завод выполнял план. Никто не мог понять, за что и почему его арестовали. Больше всех, конечно, страдала его семья

и, прежде всего, жена. Единственным отградным и, пожалуй, удивительным в этом деле было то, что, несмотря на арест Сердеева, его жена и дети не были подвергнуты никаким гонениям – их оставили в той же квартире, отобрав лишь две комнаты для нового директора, Людмилу не уволили с работы, она продолжала и учиться.

Разберём происшествие с Дмитрием Яковлевичем Сердеевым до конца, для чего опишем события, происшедшие позже того времени, на котором мы остановились в начале этой главы. В конце 1937 года Людмиле Петровне через Ейское отделение НКВД удалось, наконец, узнать, что Дмитрий Сердеев «за связь с врагами народа» был решением спецтройки НКВД осуждён к отбытию пятилетнего заключения в исправительно-трудовых лагерях и уже отправлен в Ивдельлаг (располагался в Ивдельском районе Свердловской области. Прим. ред.). Через некоторое время она получила письмо от самого мужа из лагеря и немедленно написала жалобу И. В. Сталину, которая из его канцелярии была передана генеральному прокурору Вышинскому. В то время, как и в последующие пару лет, таких арестов без санкции прокуратуры, высылки в лагеря без суда было много. Также много было и неоправданно суровых приговоров. Поэтому жалобы, подаваемые родственниками осуждённых, высланных и вообще, как тогда говорили, репрессированных, рассматривались медленно и долго, так было и с жалобой Людмилы Петровны Сердеевой. Лишь в декабре 1939

года, по указанию Вышинского, Дмитрия Сердеева из лагеря привезли опять в Краснодар для производства следствия. На конец декабря назначили судебное заседание районного народного суда в станице Староминской. Оно, однако, не состоялось, так как районный прокурор, знавший Сердеева лично, ознакомившись с материалами дела, от обвинения отказался. 25 января 1940 года в Ейске проходила выездная сессия Краснодарского краевого суда, на ней пересмотрели дело и установили, что никаких оснований для привлечения Дмитрия Яковлевича к уголовной ответственности не имелось. Вечером этого же дня его освободили из-под стражи, а в марте 1940 года восстановили и в рядах ВКП(б).

После отдыха, который Дмитрию Яковлевичу был предоставлен (поездка в Крым), ему предложили вновь принять руководство Станкостроительным заводом, однако за время его более чем трёхлетнего отсутствия директором завода стал другой человек, оснований для его замены не было, и Сердеев от предложения отказался. Кроме того, жить в Ейске, где все знали, что Дмитрий Яковлевич сидел, как враг народа, для него было слишком тяжело. Людмила Петровна к этому времени закончила пединститут, и Сердеевы решили вернуться на Дальний Восток. Списавшись со старыми друзьями, в середине 1940 года они уехали в Хабаровск. Акулину Григорьевну с собой не взяли: дети уже подросли, и мать, как лишний человек в семье, только обременяла их.

Андрей Пашкевич, старший брат Кати, вскоре после аре-

ста Сердеева уволился с завода и выехал в город Бор Горьковской области, где жили две его сестры – Евгения, работавшая воспитательницей детсада, и Тамара, вышедшая замуж ещё на Дальнем Востоке за уроженца этого города и переехавшая на родину мужа в 1930 году. У Андрея, видимо, всё-таки была сильна крестьянская закваска, стремление к собственному хозяйству. В городе Бор такая возможность в то время представлялась. По его просьбе ему выделили участок земли, на котором он начал строить домик, разбил сад и огород. В Бор он выехал в 1937 году один, а семью, состоявшую из жены и двух сыновей, отправил в Краснодар. Там Алёшкины помогли им снять квартиру в своём же дворе. Наташа, жена Андрея, поступила на работу на Кожзавод.

Собственно, на этом можно было бы пока и закончить описание жизни этих родственников Бориса Алёшкина, но хочется ещё добавить несколько слов о том, за что же всё-таки репрессировали Дмитрия Сердеева. Об этом он сам, его семья и родные узнали лишь через много лет, когда прокурор, в своё время отказавшийся обвинять его, рассказал содержание постановления спецтройки, находившееся в деле Дмитрия.

На одном из партийных собраний завода в 1936 году, когда разбирался вопрос о врагах народа, Дмитрий Сердеев имел неосторожность выступить и сказать, что за время работы в Хабаровском крайисполкоме ему не раз приходилось лично встречаться и даже беседовать с Блюхером, Гамар-

ником и другими ответственными работниками крайкома, крайисполкома и ОКДЦА, которых признали врагами народа, и он просто не в силах понять, как эти люди, если они действительно являлись врагами народа, могли так искусно маскироваться. В числе слушавших его коммунистов нашлась одна особо бдительная женщина, работница Ейского райкома ВКП(б), она написала заявление в райотдел НКВД о том, что Сердеев хвастался на партийном собрании своим близким знакомством с врагами народа. Это заявление и послужило основанием для ареста Дмитрия. А когда он на допросе подтвердил, что во время работы инструктором Хабаровского крайисполкома действительно встречался с этими людьми, то за этим, конечно, последовало решение тройки НКВД об осуждении его на пять лет заключения в лагере. Теперь, после разоблачения культа личности, мы знаем, что такие случаи были не единичные. К сожалению, повторяются они и в нашем рассказе.

Глава восьмая

Однако вернёмся к основному герою нашего повествования. Причём, прежде чем продолжить рассказ о его дальнейшей учёбе, сообщим о двух эпизодах его жизни, которые мы пропустили. Ещё до начала подготовки к поступлению в вуз, Борис Алёшкин, испытывая большое неудобство от того, что он до сих пор находился в неопределённом положении в отношении своей партийности, решил написать заявление в Приморский обком ВКП(б).

В военкомате он числился коммунистом и политработником – так значилось в его военном деле, и до сих пор никто никаких изменений в него не вносил. Борис не заявлял о своём исключении из партии, так как считал, что перед его отъездом обком отменил решение предыдущих комиссий и, следовательно, в рядах ВКП(б) он был восстановлен. Но прошло уже около года, а из Владивостока никаких документов не поступало, не было у Бориса и партийного билета. В конце 1935 года на его заявление пришёл ответ, что его дело передано в ЦКК ВКП(б), куда ему и надлежит обращаться. Получив такое непонятное письмо, Алёшкин обратился с жалобой в ЦК.

Прошло ещё около полугода. Весной 1936 года его вызвал директор института. Этот вызов произошёл вскоре после исчезновения Герасимова и Дика, и Борис, зная, что он

исключён из партии, тоже мог ожидать любых неприятностей. Удивлённый и немного испуганный этим вызовом, Борис пришёл в кабинет директора института, старого врача Мотненко, в расстроенном состоянии. Тот начал разговор с вопросов о том, кем работал Алёшкин до поступления в институт и до приезда его на Северный Кавказ. Борис рассказал всё, как было, в том числе и про исключение из партии в 1933 году. Сообщил, что, несмотря на это, продолжал работать в прежней должности, что в январе 1934 года Приморским обкомом ВКП(б) был восстановлен, но до сих пор из обкома никаких документов о его восстановлении в партии не поступило. Объяснил Борис и то, что уволиться и приехать на Северный Кавказ ему удалось только поэтому, что Тралтрест на Дальнем Востоке ликвидировался.

Директор внимательно выслушал Бориса и протянул ему лежавшую перед ним бумагу:

– Ну-ка, прочти вот это. Что скажешь?

Борис взял письмо со штампом Дальневосточного краевого комитета ВКП(б), адресованное директору Кубанского медицинского института. Там было написано:

«Дальневосточный краевой комитет ВКП(б) просит сообщить студенту вашего института Алёшкину Б. Я., что решением крайкома от 15 марта сего года он назначен директором рыбомоторной технической станции в бухту Посьет. О своём согласии занять указанную должность ему следует письменно сообщить в крайком, после чего Дальневосточным от-

делением Главрыбы будет отдан соответствующий приказ, и ему переведут подъёмные для переезда к месту работы. Зав. отделом крайкома – подпись».

Борис удивлённо взглянул на Мотненко:

– Что же мне теперь делать? Я ведь в рыболовном-то деле почти неграмотен, да и техник из меня никакой, на этой работе я уж обязательно себе голову сверну... И учёбу бросать жалко, – растерянно пробормотал он.

Мотненко улыбнулся:

– А зачем бросать? Я навёл справки о вас. По отзывам всех педагогов, вы учитесь отлично. Может быть, в будущем из вас толковый врач получится. В письме спрашивается ваше согласие.

Борис как-то не обратил внимания на слова о согласии. До сих пор он всегда жил так: если комсомольский или партийный орган решил что-либо, значит, ему остаётся только подчиниться. Ведь думать о той или иной работе, о своём будущем он начал только после того, как был исключён из партии. Борис возразил:

– Но ведь Далькрайком принял уже решение. Как же так?

Мотненко ответил:

– Если бы дело касалось только исполнения решения, принятого крайкомом, то, по всей вероятности, я бы и не узнал о содержании этого письма, оно было бы адресовано лично вам. А тут, видите, обращаются ко мне, и не случайно. Дело в том, что ЦК ВКП(б) принял решение, что все студенты,

задействованные ранее на какой-либо ответственной работе, если они учатся успешно, могут быть отозваны из института только с согласия дирекции института и их самих. Если вы такого согласия не даёте, то я тоже не дам и отвечу так: «Студент первого курса Кубанского мединститута Алёшкин Б. Я. в учёбе успевает отлично. Оснований для его отчисления из института нет. Сам он желание оставить учёбу не высказывает». Ну как? Отвечать так, или ещё подумаете?

– Нет, думать тут нечего! Раз я решил стать врачом, так буду им, и из института не уйду, – твёрдо ответил Борис.

Это решение одобрила и поддержала его верная подруга, его опора, его любимая Катеринка, хотя она и понимала, какие трудности им ещё предстоит преодолеть.

Мы уже писали раньше, как прошло лето 1936 года в семье Алёшкиных. Наступила осень, начался новый учебный год, приехала из Костромы Нина, она в этом учебном году заканчивала институт. Борис начал учиться на втором курсе. Прошло чуть более месяца, как он получил письмо из ЦК ВКП(б). В этом письме сообщалось, что для решения вопроса о его партийности, ему надлежит к 20 октября 1936 года прибыть в г. Ростов-на-Дону, где выездная комиссия ЦКК будет рассматривать его дело.

Собрав необходимые деньги, взяв на работе отпуск и сообщив о своём вызове в канцелярию института, Борис выехал в Ростов. Остановился в гостинице «Дон», на следующий день явился в Северо-Кавказский крайком ВКП(б), где

заседала комиссия ЦК. Просидев в приёмной комнате с девяти часов утра до пяти часов вечера, он узнал от технического секретаря комиссии – молодого человека, очень вежливого и спокойного, что его дело сегодня рассмотреть не успеют, ему придётся прийти на следующий день. Увидев опечаленное и грустное лицо Бориса, этот паренёк сказал:

– Да вы не волнуйтесь, я смотрел ваше дело. По-моему, вас восстановят, ведь лично за вами никаких серьёзных проступков нет.

– Как восстановят?!! – изумился Борис. – Меня ведь ещё в 1934 году восстановил Приморский обком.

– Восстановил? – в свою очередь удивлённо сказал секретарь. – Ну-ка, подожди, посмотрим, – и он, порывшись на столе в стопке папок, вынул одну тоненькую, на которой в правом верхнем углу крупно было написано: «Алёшкин Б. Я.».

Развернув папку, он просмотрел несколько листков, имевшихся в ней, и сказал:

– Ты что-то путаешь, тут нет никакого решения Приморского обкома. Тут только выписка из протокола первичной комиссии по чистке, решение горкома об утверждении этого постановления и письмо директора института, где ты учишься.

Борис был поражён: «Как? Значит всё, что писал о нём Меднис, Новиков и другие коммунисты, защищавшие его, решение партийной ячейки Тралтреста, объяснявшие пол-

ную невинность его в этом деле, письмо из Приморского отдела ГПУ, в котором сообщалось, что именно он, Алёшкин, выявил виновников преступления, и, наконец, постановление бюро Приморского обкома ВКП(б) – ведь оно же было, они его зачитывали! Где же всё это? Кто мог это похитить? Ведь дело хранилось в учреждениях партии в обкоме или крайкоме, как это могло произойти?»

Он не удержался и прямо спросил об этом секретаря. Тот тоже удивился, даже как будто смутился, а затем сказал:

– Да не волнуйся ты так. К сожалению, такие вещи сейчас со многими случаются, и не удаётся ничего выяснить об исчезнувших документах. Да у тебя дело пустяковое, восстановят. Иди и приходи завтра пораньше, я тебя в числе первых пропущу.

Борис вышел. Поужинав и вернувшись в свой номер – к счастью, он был один, вторая койка пустовала, – он почти всю ночь не спал и выкурил, вероятно, не менее полсотни папирос. Всё время он вспоминал события прошедшего дня. В комнате, где он ожидал прохождения комиссии, сидело не меньше 20 человек. Большинство из них – люди пожилые, но были и такие же молодые, как Борис. Друг с другом они не общались – слишком тяжёлые испытания выпали на их долю, предстоял слишком серьёзный разговор, и потому каждый думал только о том, что его ждёт в комнате, где заседала комиссия.

Председателем комиссии был член ЦК Аронштамм, ему

помогали член бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) и представитель завода Россельмаш. Большинство из присутствовавших заходило в комнату комиссии твёрдо, с достоинством, а выходили с опущенной головой и, быстро миновав приёмную, чуть ли не бегом спускались по лестнице. Лишь два или три человека вышли с радостными и посветлевшими лицами.

У Бориса не выходила из головы мысль о пропавших из его дела документах. Но вот настал и решающий час. Секретарь сказал, что его дело уже в комиссии, и вот-вот последует вызов. Действительно, через полчаса, в течение которых комиссия пропустила трёх человек, дверь приоткрылась, и кто-то сказал:

– Алёшкин, зайдите.

Борис поднялся со стула и вдруг почувствовал, что ноги его слушаются плохо. Через несколько секунд он овладел собой и довольно смело вошёл в комнату комиссии. За большим столом он увидел трёх человек, а сбоку за маленьким столиком сидел ещё один, который вёл протокол, он спросил:

– Вы Алёшкин Борис Яковлевич?

Тот ответил «да». После этого секретарь передал папку – дело Бориса человеку, сидевшему в центре тройки. Это был черноволосый, с выпуклыми глазами, презрительно искривлёнными губами ещё не старый человек. У него было какое-то брезгливое выражение лица. Он открыл дело, бегом взглянул и спросил:

– Ну-с, чего же вы хотите?

Борис заметил, что в голосе этого человека чувствовался какой-то непонятный гнев, говорил он с сильным еврейским акцентом. Борис ответил:

– Я хочу выяснить, почему задержалось моё восстановление в партии?

– Какое восстановление?

– Я же в 1934 году был восстановлен Приморским обкомом, как исключённый неправильно. В личном деле имелись об этом соответствующие документы, а теперь их нет...

– А вы откуда знаете, что есть в вашем личном деле? – неприязненно спросил всё тот же черноволосый человек.

Борис не растерялся и, чтобы не выдать симпатичного ему технического секретаря, сказал:

– Я же вижу. Вон моё дело перед вами развёрнутое лежит.

Один из членов комиссии улыбнулся и заметил:

– Глазастый!

Председатель, Борис понял, что разговаривавший с ним человек был председателем комиссии, ещё больше насупился и стал листать большую записную книжку. Наконец, видя в ней нужное, остановился, прочёл какую-то запись, встал и, захлопнув дело Бориса, сердито сказал:

– Ну, что есть в этой папке, а чего там нет, это не ваше дело. Чем подсматривать в бумаги, в которые вам не положено смотреть, лучше объясните нам, почему вы удрали с Дальнего Востока.

– Как это удрал? – возмутился Борис. – Я выехал на учёбу с разрешения парторга треста в связи с реорганизацией, кроме того, выезд мне был разрешён Приморским обкомом ВКП(б).

– Вас назначили директором рыбомоторной станции, почему вы не приступили к работе?

– Так я уже в то время в институте учился и жил в Краснодаре.

– Значит, всё-таки с Дальнего Востока-то удрали? Ну, вот и учитесь! – как-то даже злобно сказал председатель. – В общем, ясно, можете идти!

Кто-то из членов комиссии попытался что-то спросить Алёшкина, но председатель ещё более сердито его прервал:

– Нечего с ним рассусоливать, – и, повернувшись к Борису, продолжал, – идите, идите! Решение вам сообщим по месту вашего жительства.

Борис вышел. Он уже догадывался, каким будет решение. Через комнату ожидания он прошёл, не обращая ни на кого внимания. Почти не помня себя, расплатился в гостинице, сел на поезд и уехал домой.

Дома, когда Катя пришла с работы, а детей уложили спать, Борис рассказал ей всё, что с ним произошло, и они долго просидели, обсуждая создавшееся положение. Думали они и о том, что бы произошло, если бы Борис согласился на предложение Дальневосточного крайкома и принял должность директора рыболовецкой МТС, и оба пришли к выводу, что

его отказ был правильным.

– Ведь если бы я взялся за это совершенно незнакомое мне дело, то, конечно, наделал бы массу ошибок и, может быть, был бы не только исключён из партии, но и арестован, как теперь происходит со многими хозяйственниками... Нет уж, лучше буду беспартийным. Постараюсь освоить теперь уже вполне определённую профессию, а там видно будет.

– Я тоже так думаю. Учись, Борис. Как сказал этот председатель, учись как следует, а я уж постараюсь помочь тебе. О семье не беспокойся, у меня пока ещё сил много. Ладно, давай спать, – сказала Катя.

Борис и сам понимал, что единственным его оправданием перед партией, советским народом, своей семьёй, да и перед ним самим будет его отличная учёба.

Прошёл, наверно, месяц, и из ЦК было получено письмо, в котором сообщалось, что апелляционная комиссия при Северо-Кавказском краевом комитете, рассмотрев заявление Алёшкина Б. Я. решение Владивостокского горкома ВКП(б) о его исключении оставила в силе. Решение Приморского обкома ВКП(б) не было упомянуто вовсе. К этому моменту Борис уже успокоился, да и времени для лишних волнений не было: работа, учёба, домашние заботы не оставляли места для раздумий. Возвращаться к вопросу о несправедливости решения комиссии, о подтасовке документов в деле, об исчезновении его положительных характеристик – по-видимому, намеренном, Алёшкину не хотелось. Он, правда, написал

подробное письмо на имя И. В. Сталина, в котором рассказал обо всём, но так его и не послал. Теперь он думал только о том, чтобы учиться как можно лучше и чтобы не появилось ни малейшего повода для исключения его из института.

Вскоре Борис обратился в райвоенкомат и, показав письмо из ЦК, доложил об изменениях в его партийности. В начале 1937 года проводилась переаттестация командиров запаса, он её тоже прошел, и ему было присвоено звание лейтенанта – строевого командира пехоты.

Учение продвигалось своим чередом, сдавались зачёты и экзамены. Как правило, Алёшкин всё сдавал досрочно, получая отличные оценки. Он продолжал оставаться старостой группы, продолжал помогать своим наиболее слабым товарищам.

Его сестра Нина успешно заканчивала пятый курс. Материальное положение семьи, благодаря самоотверженной работе Кати, работе самого Бориса, а также и стипендий, получаемых обоими студентами, стало более или менее удовлетворительным. Конечно, они не могли похвастаться красивой и модной одеждой, но вещи детей и взрослых были всегда чисто выстираны и починены. Время для приведения одежды в порядок Катя выкраивала только за счёт ночи. Мы уже говорили: чтобы обеспечить большой заработок машинистки на сдельной работе, ей приходилось стучать на своей машинке с раннего утра и до позднего вечера.

В конце 1936 года Катя снова почувствовала себя бере-

менной, а в апреле 1937 года уже пошла в декретный отпуск. В то время дородовый декретный отпуск, как и послеродовой, составлял 30 дней. Эту свою третью беременность Катя переносила легко. Да и по фигуре её, даже при уходе в декрет, почти ничего не было заметно.

Роды, как это часто бывает, произошли совершенно неожиданно. В конце мая, утром, проводив Бориса на работу, Нину в институт, а Элу в школу (старшая дочка Алёшкиных уже училась во втором классе), Катя чувствовала себя вполне хорошо. Собрала Ниночку и повела её в ясли. На обратном пути, почувствовав схваткообразные боли, она поняла, что настало время родить. Катя написала короткую записку Борису. Молодая, но уже опытная женщина одна отправилась в роддом.

К этому времени в Краснодаре открылся второй роддом, он находился на той же Базовской улице, где жили Алёшкины, всего в двух кварталах от их дома. Схватки у Кати учащались и становились сильнее. Превозмогая боль, а порою останавливаясь из-за неё, опираясь на заборы и стены домов, Катя добралась-таки до цели. Как она зашла в приёмное, и как её, уже почти рожавшую, положили на стол, она не помнила. В 11 часов дня 25 мая 1937 года на свет появился новый человек, это была третья дочь Алёшкиных, которую называли Майей.

Когда Борис вернулся из института, а это было около 16 часов вечера, он узнал от сестры Нины, хозяйничавшей до-

ма, что Катя в роддоме. Он немедленно помчался туда, чтобы, пользуясь своим положением медика, проникнуть к жене, но его не пустили, поздравили с дочкой и велели прийти на следующий день.

Катю выписали через неделю. Дочка была крепкой и здоровой девочкой, мама тоже чувствовала себя хорошо. Борис досрочно сдал годовые экзамены и был переведён на третий курс. Нина усиленно готовилась к государственным экзаменам. Всё складывалось достаточно хорошо. Ниночку-маленькую оставили, наконец, её многочисленные пневмонии (с момента рождения она их перенесла, наверное, пять раз), и она, окрепнув, аккуратно посещала ясли. Борис находился дома, т. е., отгуляв положенный отпуск, в связи с каникулами ходил только на работу, домой возвращался к четырём часам и мог помогать Кате по хозяйству.

Однако материально семья, только что выбившаяся из нужды, очень быстро реагировала на всякое, даже не очень значительное уменьшение доходов. Катя находилась в декретном отпуске, поэтому получала значительно меньше того, что зарабатывала раньше. Прибавление нового члена семьи, третьей дочки, вызвало дополнительные расходы, поэтому Катя, едва догуляв положенный ей декретный отпуск, вышла на работу. Маленькую месячную Майю она стала носить в те же ясли, в которых находилась и Нина. Шли они утром так: Катя несла завёрнутую в одеяло Майю, а двухлетняя Нина, иногда похныкивая, держалась за мамину юбку и

почти бежала рядом с быстро шагавшей матерью, торопившейся попасть к семи часам на работу вовремя.

В течение рабочего дня Катя приходила в ясли два раза, чтобы покормить Майю. Нину вечером забирал Борис, иногда это делала Нина-старшая, Майю всегда приносила Катя сама.

Наконец, и Нина разделалась со своими госэкзаменами, получила назначение в Комсомольск-на-Амуре и снова поехала в Кострому, чтобы отдохнуть перед дальней дорогой у дяди Юры. Борис продолжал поддерживать хорошие отношения с заведующим складом культтоваров и, продав ему ещё несколько пластинок, сумел поменять свой батарейный приёмник на новый, более совершенный, работавший от электросети – СИ-235. Этот приёмник позволял принимать почти все крупные города Европы. Продолжал Борис удовлетворять и свою страсть к коллекционированию старой «Нивы». К этому времени при помощи знакомых букинистов и торговцев с толкучки на Сенном базаре ему удалось собрать более 15 годовых комплектов.

Как ни старалась Катя, но соблюдать точно сроки кормления Майи она не могла. Надо помнить, что для этого ей приходилось со своей работы бегать в ясли, а путь занимал около двух километров. Да и на работе, при всём желании, вырваться точно в необходимое время не всегда удавалось.

Таких учреждений, как «Молочные кухни», тогда в Краснодаре не было, не было и специальных питательных смесей

для грудных детей, которые имеются сейчас. Работники яслей, чтобы унять плачущего ребёнка, давали девочке разбавленное коровье молоко и, возможно, делали это не всегда с должным соблюдением чистоты. В результате двухмесячная Майя в конце июля заболела дизентерией, вскоре перешедшей в диспепсию. Крепкая девочка через неделю заболевания превратилась в худенькую, бледную, слабенькую малышку. Как всегда, к больной пригласили доктора Ашуркова.

Мы ещё не сказали о том, что в то время в Краснодаре была широко распространена частная практика врачей. К таким частнопрактикующим врачам принадлежал и Ашурков. Ранее, когда он лечил Ниночку, каждый его визит обходился в пять рублей. В этот раз, когда он узнал, что Борис – студент-медик, он от денег категорически отказался и впоследствии неоднократно посещал Майю по собственному желанию, бесплатно. Осмотрев ребёнка и расспросив родителей, Ашурков сразу установил, что у Майи диспепсия – следствие нерегулярного кормления, как тогда говорили, перегорания молока у матери. Доктор предложил ребёнка из яслей немедленно забрать, кормить её только материнским молоком и в строго определённое время.

В амбулатории, которая обслуживала район, Кате очень долго не давали больничный лист. Молодые врачи, осматривавшие мать и ребёнка, не соглашались с диагнозом Ашуркова, а так как у девочки не было повышенной температуры, то они и не видели оснований для выдачи больничного

листа. Только после вмешательства Ашуркова они признали диагноз, но больничный так и не дали. В то время, кстати сказать, это вообще было редкостью.

Несмотря на совет доктора, Катя по-прежнему носила Майю в ясли. Состояние девочки продолжало ухудшаться. Даже после кормления грудью у неё возникала рвота, иногда доводившая её почти до потери сознания. Ребёнок становился слабее с каждым днём. Кате пришлось выпросить на работе отпуск без сохранения содержания.

После нескольких дней пребывания Майи дома и регулярного кормления её материнским молоком девочка стала поправляться. К сожалению, не обошлось и без осложнений. От невыясненной причины, а, может быть, и как следствие ослабления организма, у ребёнка на лице и кое-где на теле появилось много маленьких нарывчиков, быстро покрывавшихся корочками. Эти болячки очень беспокоили малышку. Всё тот же Ашурков установил диагноз – импетиго. Он выписал какую-то жидкую мазь с применением ртути – каломели. Однако эта мазь, как и многочисленные средства, рекомендованные соседками, особого эффекта в лечении не дала. Борис вспомнил, что когда-то подобные гнойнички были на бороде у одного из сторожей лесного склада. Помнила об этом и Катя, а также и то, что тогда этот старик вылечился каким-то лекарством, содержащим серу. Она попросила мужа попробовать выписать подобное лекарство и для дочки. Поискав в соответствующих справочниках, Борис на-

шёл средство, содержавшее серу, которое в аптеке называли «болтушкой». Её применение оказало хорошее действие.

Наконец, постоянный материнский уход, регулярное кормление и применение описанных лекарств оказали своё действие. К середине августа Катя снова стала носить девочку в ясли. К этому времени Майя уже подросла, и Катя, кроме утреннего кормления дома и вечернего в яслях, кормила её только один раз. Вскоре Майя набрала потерянный вес и стала снова подвижной и весёлой девочкой. Нужно заметить, что ни в раннем детстве, ни потом, даже во время болезни, Майя не доставляла столько беспокойства родителям, сколько её сестрёнка Нина. Спала она всегда удовлетворительно и в остальное время дня вела себя спокойно.

За время пребывания с больной дочкой дома, Катя как следует занялась обработкой имевшейся в её распоряжении грядки, и выраставшие там огурцы и помидоры обещали дать хороший урожай. Поспела шелковица, ведь около дома росло огромное дерево. Ребята Нечитайло, Лёнька – сын хозяина, Эла и Нина Алёшкины, собирая и поедая в огромных количествах ягоды этого замечательного дерева, были вечно перемазаны его соком.

В доме жили пёс Пушок, кошка Мурка, а в сарае похрюкивал уже подросший поросёнок, которого собирались осенью заколоть. Катя как-то выразилась:

– Начинаем обрастать хозяйством...

Наступила осень, начались занятия в институте. На тре-

твем курсе Борису уже по-настоящему пришлось столкнуться с практической медициной и целым рядом совершенно новых для него дисциплин. Окончившие третий курс уже считались настоящими медиками и имели право занимать фельдшерские должности. Герасименко с каждым годом, когда отходили в прошлое теоретические предметы – физика, химия, физиология и гистология, и наоборот, появлялись новые – терапия, хирургия, оперативная хирургия, топографическая и патологическая анатомия и другие, чувствовал себя значительно свободнее, так как они ему были знакомы не только потому, что он в своё время учился в фельдшерской школе, а также и потому, что он их отлично выучил за время своей 30-летней практики. Таким же студентам, как Борис, Быков, Сергеев, да и многим другим, учиться стало труднее.

Правда, именно теперь, когда в занятиях появились, как говорил Герасименко, настоящие медицинские дисциплины, студентам всё чаще и чаще приходилось сталкиваться не с трупами, не с лягушками, не с заспиртованными больными органами, а с живыми людьми, выслушивать их жалобы, осматривать, ощупывать, выслушивать и выстукивать больных, наблюдать за ходом операций, а иногда, если повезёт, и выполнять кое-какие медицинские манипуляции: делать подкожные или внутримышечные инъекции, перевязывать раны, или даже участвовать в операциях в качестве второго, добавочного ассистента. Борис только тогда, когда впер-

вые начал как-то помогать больному человеку, понял, что это действительно его призвание, именно для этого он живёт и существует. А всё то, что он делал до сих пор, все тринадцать лет, которые он потратил на другое, были чем-то проходящим, совсем не нужным в его жизни. Теперь уже не только из-за гордости, а из любви к тому делу, с которым он вплотную соприкоснулся, он не желал отдавать первенства. Чтобы удержаться на высоте, Борис должен был заниматься как можно больше и упорнее.

С середины третьего курса вторая смена должна была учиться по утрам. Начались клинические занятия, ну а в клинику вечером не пойдёшь. Оставлять теоретические дисциплины на вечер, а клинические на утро институт не мог, и потому с середины января 1938 г. все работавшие студенты, в том числе и Алёшкин, должны были всякую постороннюю работу оставить.

На семье Алёшкиных это сразу же отразилось очень тяжело. Их было пятеро, и как бы Катя ни старалась содержать такую семью, она бы не смогла. Стипендия Бориса, хотя и повышенная, могла обеспечить лишь несколько дней существования. Вряд ли Алёшкины сумели бы вывернуться, если бы о них не подумала сестра Бориса Нина. Ей в то время шёл 23 год, она понимала, как трудно приходится Кате, понимала, что Борис вынужден бросить работу, и если семье не помочь, то брат вряд ли сумеет доучиться. Она начала регулярно посылать им 200 рублей в месяц. Эти деньги, до-

вольно значительные по тому времени, оказали существенную помощь.

Между прочим, уже на этом курсе студенты обычно задумывались о своей будущей конкретной специальности. Тогда начинали функционировать научные кружки, и студенты, склонявшиеся к той или иной сфере деятельности, старались в этих кружках расширить свои знания. Борис давно решил стать хирургом, в кружке он успешно участвовал в разработке различных теоретических проблем хирургии. Кружком руководил заведующий кафедрой общей хирургии, профессор Кирилл Степанович Керопьян. Своими довольно грамотными, а иногда и оригинальными суждениями студент Алёшкин привлёк внимание профессора, в свою очередь, он был прямо-таки влюблён в своего наставника. Но однажды произошёл совершенно непредвиденный случай, который чуть не испортил всю судьбу Бориса и едва не нарушил всей его мечты. А случилось вот что. До сего времени занятия по общей хирургии проходили в клинике, в аудитории, но касались главным образом общих проблем: асептики, антисептики, анестезии, наркоза, десмургии, хирургической инфекции и т. п. Непосредственное участие в практической хирургической работе в операционной и перевязочной студенты фактически ещё не принимали. Впервые они присутствовали на сложной и тяжёлой операции на занятиях по отоларингологии. Профессор решил им показать, как делается трепанация черепа при абсцессе мозга, возникшем

после запущенного воспаления среднего уха.

Операция эта кровавая и не очень красивая. Когда группа Алёшкина стояла, окружив операционный стол, и смотрела, как профессор долбит череп больного, и из-под долота выскакивают окровавленные кусочки кости, а из повреждённых сосудов, хоть и пережатых зажимами, течёт кровь, Борис почувствовал, что ноги у него стали ватными, в глазах потемнело, больной и профессор поплыли куда-то в сторону. Он не упал только потому, что его подхватил Григорий Быков и вывел из операционной. Несколько минут у Бориса кружилась голова и, сидя на стуле около двери операционной, он так и не решился вновь зайти внутрь.

Несколько дней он переживал случившееся, и уже чуть было не решился бросить всякие мечты о хирургии. Но ведь его мать была хирургом, и он сам тоже очень хотел им стать. Пересилив себя, Алёшкин направился на дежурство в качестве санитаря в отделение неотложной хирургии, которое имелось при клинике общей хирургии. Ему хотелось проверить себя и убедиться, что происшедший с ним обморок был явлением случайным. В неотложку привозили самых разнообразных хирургических больных, а также и получивших травму на улице или на производстве. Помогая переносить пострадавших на операционный стол, укладывая, раздевая их и участвуя в операции, Борис видел большие кровотечения, огромные раны, сломанные раздробленные кости, но уже никогда больше слабости не испытывал.

Мы уже говорили, что после зимних каникул Борис оставил работу. Поэтому он уходил из дома теперь гораздо позже и имел возможность почти всегда по утрам отводить Нину. Из яслей её, как уже достигшую трёх лет, перевели в детсад, который находился почти рядом со школой, где училась Эла. Иногда она и приводила домой сестру, впрочем, чаще Нину забирал Борис, ведь он возвращался из института к трём-четырёх часам дня. Катя приходила домой в шесть-семь часов. Ей тоже стало легче, она уже не бегала к Майе в ясли, а забирала её, только возвращаясь с работы. Благодаря этому, её заработок увеличился, жизнь стала проще.

В декабре 1937 года была принята новая Конституция, а немного ранее отменена карточная система на хлеб и остальные продукты. Мы как-то об этом не говорили, а ведь всё это время, с самого переезда на Северный Кавказ семья Алёшкиных находилась в трудном материальном положении ещё и потому, что основные продукты питания отпускались только по карточкам. Норма для карточки простого служащего и для его иждивенцев была очень низкой, для более или менее сносного существования приходилось покупать продукты или на базаре, или в так называемых коммерческих магазинах, где всё продавалось по более высоким ценам. Теперь, с отменой карточек, это осталось позади. В магазинах появились в относительном изобилии все продукты первой необходимости.

Майя поправилась и окрепла, и все три девочки своими

забавными детскими проделками и шалостями доставляли родителям много радости. Одним словом, лето 1938 года Алёшкины встретили хорошо. Борис вновь досрочно сдал экзамены. В июне его призвали на военную переподготовку, теперь уже как лейтенанта запаса, но проходил он её в Краснодаре. Занятия были чисто теоретические: на карте, на ящике с песком. Повторялось изучение материальной части стрелкового оружия и новых уставов РККА. Одновременно проводились занятия и по новой книге «История партии», которую, как говорили, редактировал сам Сталин. Занятия эти отнимали всего несколько часов в день, так как считалось, что они ведутся без отрыва от производства. Борис с ними справлялся легко. Остальное время он мог отдавать хозяйственным делам, и в этом году, впервые за много лет, он по-настоящему помогал Кате в её домашней работе: стряпал, убирал в комнатах, даже иногда и стирал. Также он готовил к зиме запасы топлива, в основном добываемого Катей, это были кукурузные кочерыжки, которые нужно было уложить в сарае. Кроме того, Борис кое-что поправлял и ремонтировал в своей квартире.

Этим летом в семье Алёшкиных совершенно неожиданно прибавился ещё один член, случилось это так. Обычно, чтобы помыться, приходилось старшим ходить в баню, расположенную недалеко от Сенного базара, делалось это дважды в месяц, детей же купали дома. Как-то в июле или в начале августа, возвращаясь из бани, Борис и Катя зашли в магазин.

Там они увидели довольно большого бульдога, он им понравился. Продавцы объяснили, что этот пёс остался без хозяйна. Катя позвала его:

– Мопс, пойди сюда.

Собака посмотрела на зовущую его женщину какими-то печальными, но очень умными глазами, медленно подошла к ней и лизнула руку. Алёшкины переглянулись, Борис спросил:

– Возьмём?

Катя улыбнулась, махнула рукой:

– Возьмём!

Они вышли из магазина, продолжая звать собаку за собой. Бульдог вышел, но, к их удивлению, побежал не за ними, а впереди их, прямо по направлению к дому, как будто бы он заранее знал к нему дорогу. Так и поселился ещё один житель в квартире Алёшкиных. Теперь Катя не боялась по вечерам возвращаться домой через окраины города, её сопровождал надёжный сторож. Он не подпускал к ней никого из посторонних не только на улице, но даже и в машинном бюро.

В 1938 году произошла территориально-административная реорганизация, и Северо-Кавказский край разделился на три части: Краснодарский край, Ставропольский край и Ростовскую область. Этим летом в Краснодарском крае был большой урожай бахчевых культур. Семья Алёшкиных ела арбузы и дыни в огромном количестве. Почти через день Бо-

рис приносил домой целый мешок огромных арбузов, дыни часто приносила Катя из своего «Круглика», и они все вместе за один раз съедали 2–3 арбуза и несколько дынь. Особенно любила арбузы Нина. Обычно она забиралась на стол и, сидя около блюда с ломтями ярко красного сахаристого арбуза, поедала кусок за куском. Это арбузное пиршество проходило всегда со смехом, шутками и весельем.

Семья Алёшкиных жила теперь опять спокойно и счастливо. С Ниной-большой велась регулярная переписка, также регулярно получали от неё переводы. Изредка приходили письма от дяди Мити. Беспокоило то, что давно не было писем с Дальнего Востока от семьи отца. Собственно, после известия о его смерти, полученного в начале 1936 года, Борис писем от своей мачехи, братьев и сестры не получал. Он знал, что Людмила живёт где-то в Средней Азии, а Борис и Женя – вместе с матерью в Новонежине. Боря-младший учителем в новонежинской школе, Женя учится в восьмом или девятом классе. Другой информации о них у него не было. Да, откровенно говоря, поглощённый учёбой, семейными делами, он не особенно интересовался жизнью своих кровных братьев, сестры и мачехи.

Глава девятая

Однажды, неожиданно для Бориса, да и для всей его семьи, в начале августа 1938 года во двор, как раз в то время, когда он у крыльца своего дома заканчивал варить борщ на «мангале», а все остальные отсутствовали: Катя – на работе, Эла – в городском пионерском лагере, Нина – в детсаду, а Майя – в яслях, открылась калитка, и в ней показались Анна Николаевна Алёшкина и Женя. Если маму, хотя и очень изменившуюся, похудевшую и заметно постаревшую, Борис узнал сразу, то брата он узнать не мог: за те семь лет, что они не виделись, Женя из худенького белобрысого подростка превратился в высокого стройного юношу. Увидев вошедших, с некоторым недоумением оглядывавшихся вокруг, Борис вскочил, сбросил фартук, которым был подпоясан, и подбежал к ним:

– Мама, Женя! Вот так сюрприз! Как же вы нас разыскали? Почему не телеграфировали? – забросал он их вопросами, одновременно обнимая и целуя маму, которая едва доходила ему до плеча, и брата, бывшего почти на полголовы выше его. – Вы только вдвоём? А где Люся? Боря? – опять задал он вопросы, не дожидаясь ответа на предыдущие.

Они так и не успели ничего ответить, как он опомнился и, оборвав себя на полуслове, сказал:

– Ой, да что же это я! Пойдёмте скорее в дом, разденетесь,

умоетесь, и за стол сядем. Вон у меня уже борщ почти готов, и котлеты ещё вчерашние есть, и дыни вчера Катя принесла. Сядем, поедим, а там и ребята мои придут. Внуков своих, мама, увидишь.

Он проводил своих всё ещё молчавших гостей в комнату, показал, где умывальник, и пока они снимали верхнюю одежду и приводили себя в порядок, стал собирать на стол. Алёшкины всегда обедали в кухне, за стареньким кухонным столиком, накрытым недавно купленной клеёнкой.

Собрав приборы, поставив соль и нарезав хлеб, Борис принёс кастрюлю с борщом и начал наливать его в тарелки. Анна Николаевна и Женя всё ещё молча сели на стоявшие около столика табуретки, и только тут Борис обратил внимание на их странное поведение. Он спросил:

– Да что с вами? Что вы как в воду опущенные? Всё о папе грустите? – и тут, наконец, Анна Николаевна открыла рот.

– Эх, Борис, то уже перегорело... Было и ещё горе, а уж то, что произошло несколько месяцев назад, я и не знаю, как назвать, – её глаза наполнились слезами, и, так и не донеся первую ложку борща, она опустила её в тарелку и, достав платок, начала вытирать обильно покотившиеся по щекам слёзы.

Женя ласково погладил мать по руке и, обращаясь к Борису, сказал:

– Подожди, Бобли. Мама успокоится, покушает, и мы всё-всё тебе расскажем, за этим ведь и приехали... Мама, пере-

стань. Кушай, всё ещё хорошо будет.

Борис был очень удивлён слезами мамы. Сколько он её помнил, он никогда не видел её плачущей. Он тоже хотел произнести какие-нибудь успокаивающие слова, как вдруг входная дверь распахнулась, и в кухню, сообщавшуюся с сенями никогда не закрывавшейся дверью, с криком вбежали две девочки: Эле было уже около 10 лет, а Нине три года.

– Папа, – кричала младшая, – скажи Элке, чтобы она мне шелковицы нарвала, а то она не хочет!

Старшая, видно, приготовившись ответить сестре, запнулась на полуслове, заметив посторонних.

– Да ладно, нарву! Ой, папа, у нас гости? Кто это? – спросила она вполголоса у подошедшего отца.

Нина, вбежав на кухню, так растерянно остановилась, что Анна Николаевна и Женя невольно улыбнулись. Заметив эту улыбку, Нина сорвалась с места и мгновенно скрылась в комнате. Борис, между тем, взял за руку Элу и подвёл её к столу.

– Вот, мама, моя старшая, Эла, которую ты из роддома во Владивостоке привезла. Это твоя бабушка, – обратился он к дочке, – а это твой дядя, дядя Женя.

Эла смущённо подошла к столу. Анна Николаевна встала, поцеловала внучку и, видимо, немного оправившись, спросила:

– А что же младшая убежала? Она нас боится?

– Да нет, бабушка, не боится, она у нас с норовом, – ответила Эла, – сейчас я её приведу.

– Да она, мама, уже и не младшая, – усмехаясь, сказал Борис, – она средняя. Младшую нашу, Майю, Катя принесёт, когда с работы придёт. Да вы ешьте, ешьте, а то борщ остынет, потом обо всём поговорим. Я пойду котлеты разогрею, а ты, Эла, угощай гостей, да и Нину-то приведи, познакомь её. Сами-то есть хотите?

– Нет, мы потом, – ответила Эла, ведя за руку слегка упирившуюся сестру. – Нинка, поздоровайся с бабушкой и дядей Женей, – строго, совсем по-взрослому сказала она, и тогда Нина, немного набывчившись, протянула руку сперва Анне Николаевне, а затем и Жене.

Дядя взял девочку под мышки и крепко её расцеловал. От этого Нина совсем смутилась и убежала на улицу. Борис снова обернулся к старшей дочери:

– Сбегай-ка на Вареньеварочный, купи пенок к чаю.

– Можно и мне с Элой? – из-за двери крикнула Нина.

– Ну что ж, идите. Кринка в сенях на полке, ты, Эла, знаешь, где, а деньги у меня на столе лежат.

Через несколько минут обе девочки уже мчались по Базовской улице, оставляя за собой целые облака пыли, а Борис, разогрев в большой сковородке котлеты и перловую кашу, тащил всё это в кухню. Увидев, что гости съели суп, он отодвинул кастрюлю и, поставив на железку сковороду, предложил:

– Кушайте, пожалуйста! Знал бы, что вы приедете, что-нибудь получше приготовил, сейчас ещё дыни подам. А дев-

чата принесут пенки, тогда и чаю напьёмся. Здесь недалеко Вареньеварочный завод есть, так там каждый год в это время пенки продают. Ну, мы сладкое все любим, а денег маловато, пенки эти гроши стоят, вот мы ими и обедаемся.

Гости пообедали. Видя, что мама имеет очень усталый и в то же время какой-то встревоженный вид, Борис, так и не дождавшись ответов на свои вопросы, предложил ей прилечь на кровать, оставшуюся стоять после отъезда Нины-большой на прежнем месте. Когда мама улеглась, Борис с Женей вышли во двор и закурили. Борис несколько раз бросал курить, но около полугода тому назад закурил снова. Оказалось, что и Женя уже некоторое время курит. Расспрашивать младшего брата о том, почему они с матерью совершили такое далёкое путешествие и куда сейчас направляются, Борис счёл неудобным. Они, сидя на скамеечке у крыльца, разговорились о другом.

Борис узнал, что Женя перешёл в последний класс девятилетки, учится он хорошо, и что его мечта после школы поступить в Лесной институт. Дальнейшую их беседу прервало возвращение Элы и Нины. Эла держала перед собой большую кринку, полную тёмно-коричневых пенок и, судя по губам и пальцам обеих, можно было догадаться, что дорогой эти пенки были уже попробованы. Борис никогда не умел быть строгим со своими детьми, поэтому и тут он только укоризненно покачал головой, забрал кринку из рук Элы и отправил обеих умываться. Затем он сказал:

– Ну, ты, Женя, пока посиди, а я пойду покормлю своих сорванцов, они ведь всегда есть хотят! Скоро и Катя придёт, она сегодня пораньше хотела управиться.

Женя остался сидеть на скамейке и с интересом осматривался вокруг. Всё для него было удивительным: дома, сделанные, по-видимому, из глины, черепичные крыши, огромное дерево, росшее у самого крыльца, и множество чёрных ягод, рассыпанных под ним. Как это всё не походило на родное Приморье, нет ни сопок, ни леса, который виднелся прямо из окон дома... «Да и вообще теперь ничего нет. Как мы будем жить? Где? – думал он. – У Бобли (так он по старой привычке называл Бориса) жить, конечно, нельзя. Квартирка у них маленькая, а их пятеро... Да ведь и Люся скоро с двумя детьми приедет...»

Тем временем Борис покормил девочек, поел сам и только вышел, чтобы дать еду вертевшейся возле Жениных ног пушистой собачонке, Пушку, как во двор вошла Катя с сумкой в одной руке и с Майей на другой, следом за ней спокойно и как будто лениво шагала её верный страж Мопс. Заметив постороннего, он издал глухое ворчание, и верхняя губа его слегка приподнялась. Борис быстро подошёл к Кате.

– А у нас гости, – сообщил он, беря у нее дочку. – Да успокойся ты, Мопс, это свои. Ложись на место.

Бультерьер, всё ещё недоверчиво поглядывая на Женю, прошёл мимо него и, ткнув по дороге мордой Пушка, заглянул в его миску, лизнул там что-то и, наконец, улёгся около двери.

Катя и Борис зашли в кухню.

– Мама с Женей приехали, – тихо повторил Борис.

Катя уже видела Женю и, хотя, конечно, тоже не узнала его, вышла из дома, обняла подошедшего юношу:

– А где же Анна Николаевна?

– Мама очень устала с дороги, я её уложил отдохнуть на Нинину кровать. Пойдём обедать. Я, правда, уже поел и ребят покормил, теперь вас с Майей кормить буду, а Женю пусть племянницы занимают, – и он, подтолкнув девочек к Жене, снова вернулся в кухню.

Борщ ещё не остыл, Катя уселась обедать, напротив неё сел Борис. Катя нагнулась к нему через стол и шёпотом спросила:

– Куда они едут? К нам? Надолго ли?

– Ничего не знаю, попытался маму спросить, а она заплакала.

– Заплакала? – удивилась Катя. Она, как и Борис, никогда не видела Анну Николаевну плачущей. – Наверно, что-нибудь очень серьёзное случилось, – заметила она. – Ладно, пускай в себя с дороги придут, не расспрашивай их ни о чём, они сами расскажут.

Когда Катя поела, и они вместе с Борисом и Майей, так и сидевшей на руках отца, вышли во двор и направились к колодцу, который всем жильцам двора служил холодильником, то увидели, что Женя, Эла и Нина не только познакомились, но и подружились, и все вместе лакомились шелко-

вицей. Эла и хозяйский сын Лёня сидели на ветках дерева, рвали спелые ягоды чуть ли не с самой верхушки. А Нина, которую Женя держал на руках, получила возможность тоже рвать ягоды с нижних, свесившихся с забора ветвей. Одну из сорванных ягод она съедала сама, а другую совала в рот Жене и при этом весело смеялась.

Мы сказали, что колодец служил семье Алёшкиных холодильником – да, это так, ведь в Краснодаре не было таких погребов, как в Кинешме или Темникове, поскольку не было зимой льда. Не имелось в то время и таких бытовых холодильников, какие сейчас есть почти в каждой квартире. Летом, в краснодарской жаре, все продукты очень быстро портились, вот население и нашло выход. Почти в каждом дворе имелся колодец, как правило, очень глубокий – 10, а то и 15 метров. Вода в нём была холодна, как лёд. Водой этой, с тех пор, как в Краснодаре провели водопровод, даже и по окраинным улицам, никто не пользовался, её брали из колонок, стоявших на углу каждого квартала. Поэтому все свои, как сырые, так и варёные продукты, уложенные в кастрюли или вёдра, жители опускали на длинных верёвках почти до самой воды. Закрепив верёвку на гвозде, вбитом в сруб, получали возможность сохранять свои продукты в течение нескольких дней и даже целой недели. Один угол колодца отвели и для семьи Алёшкиных.

Между прочим, несколько ранее мы употребили слово «мангал», поясним его значение. Топить плиту или печку в

доме при краснодарской жаре летом было невозможно. Многие строили летние кухни: складывали плиту на дворе и готовили пищу на ней. Она требовала много дров или другого топлива, которое выгоднее было сберечь на зиму. Керосинки или примусы у людей имелись, но зато не было керосина. Электрических плит вообще не существовало, и находчивые бедняки придумали «мангал», который был и у Алёшкиных. Бралось обыкновенное старое, изношенное оцинкованное ведро, выкладывалось изнутри обломками кирпича, склеенных глиной так, что в середине оставалось отверстие глубиной 15–20 см и шириной немногим более 10. В него накладывались щепочки и древесный уголь, который всегда продавался на базаре. Щепки поджигались, и когда уголь раскалялся, можно было на этой «печке» варить и жарить любое блюдо. Ставился «мангал» обычно на улице около дверей. В Армавире, да и в Краснодаре подобные приспособления можно было увидеть даже на тротуарах многих улиц.

Незаметно солнце опустилось за горизонт, наступил вечер, вернее, ночь. Алёшкины всё ещё не могли привыкнуть к этому быстрому переходу дня в ночь. В тех местах, где они жили до сих пор, после захода солнца сравнительно долго держался промежуточный период, который принято называть сумерками. Здесь, на юге, в Краснодаре, этого не было. Следом за спрятавшимся солнцем наступала полная темнота, поэтому почти всегда ночь заставляла Бориса и Катю врасплох. Так было и в этот день. Ночь подкралась так неожидан-

но, нужно было ещё столько сделать, что Катя, едва успев поздороваться с поднявшейся свекровью, немедленно принялась за хозяйственные дела. Борис помогал ей. Анна Николаевна и Женя сели на скамеечке у крыльца и стали о чём-то тихо переговариваться. Катя выкупала перемазанных шелковицей младших (Майя не столько ела, сколько пачкала себя раздавленными ягодами), затем наскоро приготовила ужин, покормила дочек и уложила их спать. Было, наверно, около 10 часов вечера, когда молодые хозяева освободились и, выйдя на крыльцо, присоединились к гостям. Некоторое время все молчали, затем Анна Николаевна сказала:

– Ну, наверно, ребятишки уже уснули. Пойдёмте в комнату, я вам расскажу всё про нас. На улице разговаривать неудобно.

Они зашли в большую комнату. Девочек уложили в маленькой комнатке, так называемой спальне. В ней едва помещалась кровать Бориса и Кати и маленькая колыбелька Майи. Сегодня в эту же комнатушку втиснули и кроватку Нины, на которую уложили Элу. Нину переложили на большую кровать, она должна была спать с родителями. Жене постелили на полу в большой комнате около Бориного стола, Анне Николаевне собрали постель на кровати большой Нины. Спальня от большой комнаты отделялась дверным проёмом, который завешивался старой шалью. Катя приподняла шаль, заглянула в комнатушку и убедилась, что все дети крепко спят. После этого она присоединилась к остальным,

сидевшим вокруг небольшого стола посредине комнаты, который, хотя и назывался обеденным, но фактически служил для занятий Элы.

Анна Николаевна помолчала несколько минут, затем, как бы собравшись с мыслями, начала свой рассказ.

– Вы знаете, что папа умер в арёмовской больнице в 1935 году. Я до сих пор так и не могу выяснить истинной причины его смерти. Ему пришлось многое перенести. Он был несколько раз тяжело ранен во время Германской войны, затем в Харбине переболел тяжёлым желудочным заболеванием, это повторялось во Владивостоке в 1924 году. А его последняя болезнь наступила так неожиданно, что я просто ума не приложу, отчего она приключилась и почему так быстро привела к печальному концу. Я думаю, что тут был какой-то недосмотр врачей, но ведь теперь этого всё равно не узнаешь. Люся ещё в Кролевце, где она учительствовала после окончания средней школы, вышла замуж и в 1932 году вместе с мужем выехала на строительство в Среднюю Азию, куда-то к Ташкенту. Там, судя по её письмам, до 1937 года она жила вполне счастливо. У неё родилось двое детей – мальчик и девочка. Муж её, коммунист, по образованию техник-строитель, занимал какую-то ответственную должность, Люся работала в школе. Материально они были хорошо обеспечены. Старший сын Олег, родившийся в 1936 году, также как и дочка Аня, родившаяся в начале 1937 года, находились в яслях. В середине 1937 года на стройке нача-

ла работать какая-то комиссия, возглавляемая работниками НКВД. Кое-кого из руководящего состава неожиданно арестовали. Муж Люси очень тяжело переживал эти аресты и однажды, когда Люся возвращалась из школы, чтобы немного отдохнуть, а затем сходить в ясли за ребятами, она увидела, что на лестнице и в коридоре около их квартиры толпятся соседи и совсем незнакомые люди. Дверь была открыта. Когда она, встревоженная, вошла в прихожую, то увидела, что на полу в луже крови лежит её муж, а в комнате у стола сидят работники НКВД и что-то пишут. Ей стало дурно, и если бы её не поддержал вошедший за нею сосед, она бы упала рядом с мужем. Люсю провели в кухню, усадили на стул, дали воды, а затем один из работников НКВД принёс ей какую-то бумагу, попросил её подписать и сказал: «Мы очень сожалеем о случившемся. Ваш муж покончил с собой, причины мы не знаем. Ни в чём предосудительном он не подозревался и не обвинялся. Возможно, что на него так подействовали аресты его сослуживцев. На всякий случай мы произвели обыск в доме, но ничего не нашли. Его пистолет мы изъяли. Об обыске составили акт, который вы только что подписали. Труп сейчас заберут, нужно произвести вскрытие. Успокойтесь. Продолжайте работать в школе». Через два дня мужа Люси похоронили, она осталась вдовой. Вот так об этом событии она написала нам. Вы, конечно понимаете, как это было тяжело. Люся обещала к началу этого года приехать к нам, и мы ждали, что, приехав, она расскажет об этом траги-

ческом событии более подробно, поэтому пока вам ничего и не писали.

Анна Николаевна остановилась, глубоко вздохнула, отпила небольшой глоток чая, который ещё до этого Катя принесла и разлила всем по кружкам, поставив одновременно глубокую тарелку с пенками и такую же, наполненную ломтиками белого хлеба.

Затем Анна Николаевна продолжала:

– Это огромное несчастье, но мы не предполагали, что в очень скором времени нас ждёт ещё большее горе. Наш Борис после смерти папы, как вы знаете, переехал в Новонежино. Сначала он работал просто преподавателем физики, а с 1936–1937 учебного года его назначили завучем школы. Хотя он был ещё очень молод, но, как это отмечали все, хорошо справлялся со своими обязанностями, школа занимала одно из первых мест в районе. С 1934 года на окраине Новонежина начал строиться большой аэродром и военный городок. Борис, как вы знаете, был очень общительным человеком и поэтому быстро сдружился с молодёжью авиационного городка, с командиром авиачасти и другими лётчиками. Они вместе бродили по окрестным сопкам с охотничьими ружьями, вместе ходили в клуб на танцы или в кино, иногда к ним присоединялся и Женя. Ранней весной этого года командир авиачасти Сучков П. И. (в каком чине он был, я уж не знаю) и кое-кто из лётчиков были арестованы работниками НКВД. Через несколько дней после их ареста у нас произве-

ли обыск и арестовали Бориса. Недели две всех арестованных держали в Шкотове, а затем перевезли во владивостокскую тюрьму. Я несколько раз ездила туда, но увидеться с Борисом мне не удалось, отвозила ему только передачи. Что с ним, за что он арестован, в чём обвиняется или обвинён – мне ни у кого выяснить так и не удалось. Никто меня не принимал и не хотел слушать. Работники областного НКВД, с которыми я смогла поговорить, отвечали одно: «Не волнуйтесь, разберутся, и, если он ни в чём не виноват, выпустят». Между тем моё положение в Новонежине становилось всё тяжелее. Педагоги стали обходить наш дом стороной, в школе со мной почти никто не разговаривал, все сторонились, боялись... Директор как-то сказал, что вряд ли мне в будущем году разрешат вести русский язык и литературу в старших классах – одним словом, дал мне понять, что меня тоже считают неблагонадёжной, как мать репрессированного. Недели две тому назад мне передали записку от Бориса. Уж не знаю, каким путём она была доставлена в Новонежино, принёс мне её знакомый железнодорожник. В записке Боря просил нас не беспокоиться о нём, не предпринимать никаких мер по его освобождению, никуда не ходить и никого ни о чём не просить. Самим лучше всего как можно скорее с Дальнего Востока уехать. Мы с Женей посоветовались и решили отправиться сюда, больше-то нам ехать некуда. Правда, можно было бы поехать в Темников, но там, как мне известно из письма знакомых, с работой для учителей очень

трудно, да и из родных никого не осталось, а здесь всё-таки вы. Вот мы и приехали. Вещи наши на вокзале, да их и немного: всё, что можно было, мы, хотя и за бесценок, но продали в Новонежине. Я надеюсь, что здесь скорее сумею найти работу, найдём, вероятно, и жильё, так что в тягость вам не будем...

Борис и Катя, выслушав рассказ Анны Николаевны, ошеломлённо молчали. Затем Борис не выдержал:

– Что же это такое делается? Вон Митю Сердеева тоже неизвестно за что взяли, а ведь он коммунист с 1920 года, был партизаном на Дальнем Востоке, с белыми воевал! Ну, а Борис? Ведь ему немногим больше 21 года! Что он мог сделать, чтобы его так неожиданно посадили? Никогда я не поверю, что он может быть врагом советской власти, никогда!

– Мы тоже не верим. Да и некоторые из учителей, которые с нами ещё разговаривали иногда, не верят в это, никто этого понять не может, но ведь сделать-то ничего нельзя. Даже попытки увидеться с ним не удались, – заметила Анна Николаевна.

Катя сказала:

– Ну, как бы то ни было, а мы вам поможем устроиться, сколько сумеем. Хотя, откровенно говоря, сами-то мы не очень много можем. Я ведь простая машинистка, а Борис – студент. Вот с жильём, может быть, что-нибудь и выйдет. Боря, ведь из соседнего дома жильцы уехали, он пока пустой стоит. Поговори завтра с Давыдычем, он, наверно, пустит,

всё равно ведь сдавать будет. Ну, а в отношении работы, я думаю, что тоже всё устроится. Педагоги с таким стажем и опытом, как у вас, Анна Николаевна, на улице не валяются. А сейчас давайте-ка спать ложиться. Вон Женя уже совсем носом клюёт.

Но Борис задал ещё вопрос:

– А как же Люся? Вы уехали, а она туда к вам поедет?

– Нет, она пока никуда не поедет. Мы ей телеграмму послали, чтобы она с выездом задержалась. Если здесь обоснуемся, тогда сообщим ей, чтобы ехала сюда. Ну, а если не устроимся, пусть ещё подождёт, – ответила Анна Николаевна.

Скоро все улеглись. Женя уснул, едва положил голову на подушку, Анна Николаевна долго ворочалась на своей узенькой кровати, скрипя пружинами сетки. А Борис и Катя, находясь под впечатлением от рассказанного матерью (Борис всё-таки привык в Анне Николаевне видеть мать), тихонько перешёптывались:

– И как только она, бедная, всё это могла вынести? Сколько же ей надо было иметь сил и мужества, – шепнул он и, помолчав, добавил, – а всё-таки хорошо, что я не поехал на Дальний Восток на предлагаемую должность: вряд ли бы я уцелел. Там, видимо, чёрт знает что творится.

– Почему только там, а здесь? Вон, у нас в «Круглике» тоже кое-кого из профессоров ещё в 1936 году взяли, да и в Адыгейском облисполкоме почти всё руководство посадили,

сам же ты рассказывал.

– Да, но ведь это было в период «ежовщины», а потом Ежов сам за это поплатился. Как сообщали, за эти перегибы его самого расстреляли. Теперь ведь другой нарком, Берия. Говорили, что он друг самого Сталина. Как же теперь-то всё это происходит? – недоумевал Борис.

Он считал, что в деле с братом, как и в деле с Сердеевым, были допущены явные несправедливости, неизвестные Сталину. Если бы тот о них знал, он бы их, конечно, не допустил. Так рассуждал Борис Алёшкин в 1938 году, так, между прочим, рассуждали почти все его сверстники. Ведь это было поколение, которому довелось жить, активно работать и воспитываться в тот период, когда единственно правильную генеральную линию партии после смерти В. И. Ленина олицетворял И. В. Сталин. Он в своих речах, докладах и статьях разоблачал предательскую роль Троцкого, Зиновьева и других оппортунистов, он руководил социалистическим строительством в стране, он вскрывал и показывал всему народу ошибки отдельных партийных работников в целом ряде вопросов. Так как же он мог допустить такие несправедливые аресты? Как он мог допустить содержание в тюрьме старых коммунистов? Нет, этого просто не могло быть! Вероятно, это делали какие-то карьеристы, примазавшиеся к партии. Ему, Сталину, было ничего не известно об этом, – так думал Борис. Мы теперь, пользуясь правом автора, живущего спустя много лет после смерти Сталина, знающего и

о его ошибках, и о культе личности, и о той предательской роли, которую играл по отношению к партии коммунистов Берия, понимаем, что дело обстояло не так просто. На примере Бориса-младшего мы видим проявление необоснованных репрессий в самом неприглядном виде. Наше утверждение основывается вот на чём. В середине 1970-х годов, один очень хороший человек, дальневосточник, тоже в своё время пострадавший от репрессий, лично знавший Бориса Алёшкина-младшего, затребовал объяснение того, что же случилось с его знакомым. В ответ на это прокуратура Приморского края своим письмом от 28 апреля 1975 года сообщила, что, по имеющимся данным, постановлением военного трибунала КТОФ от 22 ноября 1965 года в числе других реабилитирован и Алёшкин Борис Яковлевич. В 1976 году Борис Алёшкин-старший сделал запрос о своём кровном брате в КГБ СССР. Через месяц в приёмной Комитета он получил следующий ответ: «Алёшкин Б. Я. арестован и осуждён в 1938 году. Отбывая наказание, умер 31 октября 1938 года». Когда Борис предъявил представителю КГБ, принимавшему его в приёмной, справку из прокуратуры Приморского края о реабилитации брата, тот заявил, что ему об этом ничего не известно. Так или иначе все эти данные подтвердили мнение и самого Бориса, и всех других родственников о честности и порядочности брата, но, к сожалению, было слишком поздно: мать умерла за два года до этого и о реабилитации своего сына так и не узнала. Кстати сказать, после смерти Анны Ни-

колаевны её дочь в оставшихся бумагах нашла письмо, вот выдержка из него:

«Новонежино, 4 февраля 1940 года.

<...> Я с ним сидел в 1938 году осенью в одной камере во Владивостоке. Исключительно прекрасный человек. Хороший товарищ, мы с ним стали такими друзьями, что трудно себе представить. Дело его было закончено и приблизительно в конце октября или в начале ноября его из камеры взяли. Я думал, что он пошёл на свободу, но, видимо, не так. Вместе со мной и Борисом сидел Вячеслав Иванович Назе, который сейчас освобождён и работает в школе села Новонежина. После моего возвращения из России, я встретился с Назе, и он мне передал, что он слышал о том, что Борис якобы находится в лагерях, где-то близ Хабаровска, но точно не знаю. Убедительно прошу вас не горевать. Я лично, зная дело Бориса, глубоко уверен в том, что он скоро должен быть на свободе. Он мне передал письмо для своей сестры (двоюродной) Т. Титовой, с которой я должен был бы связаться на случай того, если выйду на свободу и решу узнать о его судьбе. Но я адрес забыл, в силу чего не мог сообщить ничего о Борисе. Сам я сейчас работаю в Новонежине, адрес мой следующий: ДВК, Шкотовский район, село Новонежино, почтовый ящик 45, Петру Ивановичу Сучкову. Прошу убедительно писать, если что потребуется, а если Борис выйдет на свободу, то прошу немедленно сообщить мне. Кроме того, вы можете писать Назе на старое место его работы. Он

сейчас преподаёт немецкий язык.

С горячим приветом П. И. Сучков».

Писала ли что-нибудь в ответ на это письмо мать Бориса, получала ли она ещё какие-нибудь письма, неизвестно. Как мы уже говорили, о существовании этого письма дочь Анны Николаевны, Людмила, узнала только через месяц после смерти матери. Всё через того же дальневосточника удалось выяснить, что отправитель письма П. И. Сучков был командиром той авиачасти, которая в 1938 году стояла в Новонежине. Он участвовал в Великой Отечественной войне и в звании генерал-майора авиации в конце 1960-х годов вышел в отставку. После этого выехал с Дальнего Востока, и в настоящее время его место пребывания неизвестно.

Почему Анна Николаевна в своё время никому из детей о переписке с Сучковым ничего не говорила, почему не говорила о том, писала ли она ещё кому-нибудь, так, к сожалению, до настоящего времени выяснить и не удалось. Но мы в своём стремлении обелить память Бориса Алёшкина-младшего уж очень далеко шагнули вперед, вернёмся же опять в 1938 год.

Глава десятая

Узнав от Анны Николаевны о постигших их семью несчастьях, Борис и Катя сочли своей обязанностью оказать прибывшим к ним родным посильную помощь. Прежде всего, выслушав рассказ Анны Николаевны, они решили пока ни о случае с мужем Люси, ни о Борисе-младшем не распространяться. Из многочисленных примеров они прекрасно знали, как относятся люди и, прежде всего, многие руководители, к родственникам репрессированных, и потому рисковать не хотели. А Борис, кроме того, помнил, как изменилось отношение к нему со стороны многих его бывших подчинённых, когда он был исключён из партии. Ведь только очень близко знавшие его люди, оказавшиеся к тому же и истинными коммунистами, такие как парторг ЦК при Траловом тресте Меднис, директор треста Новиков, да ещё два-три человека, решились выступить в его защиту и возбудили дело о его восстановлении, и то, как мы уже знаем, из этого ничего не получилось. Решение бюро Приморского обкома ВКП(б) о его восстановлении бесследно исчезло, он, Борис Алёшкин, теперь был беспартийным, и вновь переживать всё, что могло произойти, когда стало бы широко известно об осуждённом брате, ему, конечно, не хотелось. Но в то же время и отказаться от связи с семьёй своего отца, с мачехой, заменившей ему мать, с кровными братом и сестрой, как тогда дела-

ли многие, он не мог, поддержала его в этом и Катя.

На следующий день, пока Анна Николаевна и Женя ездили на вокзал за своими вещами, Борис переговорил с хозяином дома и получил от него согласие на сдачу половины соседнего дома, состоявшей из одной комнаты и кухни. А ещё через несколько дней, устроившись немного с жильём, Анна Николаевна Алёшкина отправилась в Краснодарский краевой отдел народного образования на поиски работы. Дело это оказалось нелёгким, в самом Краснодаре ей места не обещали, а предложили выехать в сельскую школу. Бесплодно проведя в течение нескольких дней по разным школам города, Анна Николаевна, в конце концов, решила принять назначение в предлагаемое село. Времени до начала учебного года оставалось немного, до 1 сентября оставались считанные дни. Кроме того, чтобы приступить к работе самой, надо было устроить в последний класс школы Женю. Анна Николаевна отправилась учительствовать в среднюю школу в станице Нововеличковской, где мог учиться и Женя. Там учителям предоставлялась бесплатная квартира с отоплением и освещением, да и жизнь была дешевле, чем в городе. В этой же школе нашлась бы работа и для Людмилы, если бы она захотела приехать: учителей начальных классов там не доставало. К 1 сентября 1938 года Анна Николаевна и Женя переехали в Нововеличковскую, а в начале сентября к ним приехала и Люся со своими маленькими детьми: семилетним Олегом и пятилетней Аней.

С 1 сентября началась страдная пора и у Бориса. Он, студент четвёртого курса мединститута, был в числе отличников учёбы, звание это терять не хотел и поэтому принялся за занятия с удвоенной энергией. Кроме того, ему хотелось, хоть немного, но помогать семье, поэтому он вновь начал периодически работать дежурным в отделении неотложной хирургии.

Это отделение подчинялось клинике общей хирургии, располагалось при Первой городской больнице, и руководителем его, как и всей клиники, был профессор К. С. Керопьян. Он предполагал, что из Бориса Алёшкина, в конце концов, получится неплохой врач-хирург, и по мере возможности помогал ему. Теперь Борис уже исполнял обязанности фельдшера, а в конце года иногда и врача. Он ассистировал при многих операциях, обрабатывал и зашивал небольшие кожные раны, накладывал простейшие гипсовые повязки и т. п. К работе он старался относиться возможно добросовестнее, многое из того, что ещё не знал, находил в соответствующих учебниках и к концу года по хирургии значительно опередил своих однокурсников.

Благодаря самоотверженной работе Кати, регулярной помощи Нины, Алёшкины смогли снова нанять домработницу. Это была опять та же Меланья, жившая через несколько домов на той же улице. На этот раз с ней договорились и о приготовлении пищи. Готовить она умела только самые простые блюда: борщ, кашу, котлеты, но Алёшкиных это несколько

не смущало, они были довольны. Всё-таки дома находился человек, который мог собрать детей, т. е. привести Нину из детсада, иногда принести и Майю из яслей, встретить Элу из школы, накормить всех и побыть с ними до тех пор, пока придёт кто-нибудь из родителей. Большого от Меланьи и не требовалось. Стирала Катя по выходным дням сама, да и белья-то было немного. В уборке дома также, как и в походах по магазинам, и на базар, ей помогал Борис.

За мелочными, но такими важными повседневными заботами время летело быстро. Иногда в выходной приезжал Женя, чтобы закупить что-нибудь в городе для своих деревенских жителей. Раза два за зиму приезжала Анна Николаевна для участия в учительских съездах.

Зима 1938–1939 года выдалась довольно тёплой. Дети, к счастью, не болели. Уже прошли зимние каникулы, начался новый, последний учебный семестр четвёртого курса. В самом начале этого семестра неожиданно заболел один из друзей Бориса, Григорий Быков. Мы о нём уже довольно подробно рассказывали раньше, напомним только, что он был старостой курса. У Быкова обнаружили крупозную пневмонию, осложнившуюся абсцессом лёгких. Такая серьёзная болезнь, особенно в то время, когда медицина ещё не имела активных средств борьбы с гнойной инфекцией, не просто надолго приковала Гришу к больничной койке, но угрожала и его жизни. Только мощный и здоровый организм бывшего лётчика помог ему, в конце концов, справиться с болезнью

и с середины марта вернуться к занятиям.

Во время болезни Быкова, по предложению деканата, обязанности старосты курса исполнял Борис Алёшкин. Это потребовало от него и дополнительного времени, и нервов, и сил. К весне его организм ослабел. В основном все средства семьи поглощало питание, содержание жилья и минимум необходимой одежды для детей, поэтому Борис продолжал ходить в чём попало. Часто у него, да и у Кати также, бывали мокрые и озябшие ноги, на это внимания они не обращали: как-нибудь дотянуть до конца Борисова учения, а там уж оденемся и заживём по-другому, – так они рассуждали.

В конце марта Борис всё-таки свалился. Сперва своей простуде он не придавал никакого значения и продолжал, кашля и чихая, ходить и в институт, и на дежурства в больницу. Однажды ночью на дежурстве он почувствовал себя настолько плохо, что решил померить себе температуру, оказалось, что она равна 40. Дежуривший с ним врач-хирург, увидев показания термометра, вызвал из терапевтического отделения дежурного терапевта. Тот выслушал, простучал грудную клетку Бориса и определил, что у больного экссудативный плеврит. Он предложил Борису лечь в терапевтическую клинику. Случилось это в начале апреля 1939 года.

Катя не очень волновалась, когда Борис после ночного дежурства утром не пришёл домой, так бывало и ранее, он иногда из больницы отправлялся прямо в институт. Но когда Борис не пришёл и вечером, она забеспокоилась. Решила утром

на следующий день вместо работы сходить в институт или в больницу, чтобы выяснить, где же находится муж, но этого делать не пришлось. Вечером в тот же день к ней зашёл Сергеев, живший неподалеку, и рассказал о болезни Бориса.

На следующий день Катя, уйдя с работы пораньше, собрала кое-какие гостинцы и отправилась в Первую городскую больницу, в терапевтическую клинику, где лежал Борис. Мужа она застала в крайне тяжёлом состоянии. Он был в сознании, но, по-видимому, с очень высокой температурой. Он метался в жару, кашлял и, самое главное, задыхался так, что временами даже синел. Катя испугалась, заплакала. Борис, как мог, попытался её успокоить, но, наверно, он плохо сознавал, что говорит. Его слова не только её не успокоили, а, кажется, ещё больше взволновали. В это время в палату вошёл дежурный врач, увидел Катю в слезах и задыхавшегося Бориса и прервал это свидание.

На следующий день больному удалили скопившуюся в плевральной полости жидкость, откачали больше трёх литров. Борис сразу почувствовал облегчение, дышать стало легче, и сразу снизилась температура. Однако через неделю жидкость накопилась вновь, и состояние больного ухудшилось. Он болел более полутора месяцев, за это время ему пять раз производили выкачивание жидкости. Ни в ней, ни в мокроте туберкулёзных палочек не нашли (как известно, экссудативный плеврит большею частью имеет туберкулёзное происхождение), не нашли и гноеродных микробов. Та-

ким образом, он легко отделался.

Через месяц Борис почувствовал себя настолько хорошо, что потребовал от жены все свои учебники и конспекты, и, хотя ему вставать ещё не разрешали, он, лёжа в постели, начал заниматься, боясь, что может пропасть учебный год и учение затянется. «Катя не выдержит, – думал он, – ведь она, бедная, работает так много, как никто из машинисток её учреждения. Я должен перейти на следующий курс во что бы то ни стало, но как это сделать?»

Время шло, приближалась экзаменационная сессия. Студентам четвёртого курса предстояло сдать пять экзаменов. Как это сделать в его положении, Алёшкин не представлял, ведь он ещё даже не вставал с постели, и к тому же по вечерам бывали подъёмы температуры до 38 градусов. Он усиленно занимался и думал, что, может быть, хоть на «удовлетворительно», но сумеет сдать экзамены. Но ведь он лежал в больничной палате... На просьбу о выписке, с которой он обращался к профессору Жадкевичу, преподававшему у них на курсе госпитальную терапию и руководившему клиникой, в которой лежал Борис, тот только отрицательно качал головой.

В конце мая его навестил Сергеев, который стал секретарём партячейки их курса. От имени дирекции, профкома и партячейки Сергеев передал Борису 300 рублей и сказал, что эти деньги выделены ему на усиленное питание. Кроме того, он сообщил, что им с Гришей Быковым профком вы-

делил санаторные путёвки и что летом они подлечатся в санатории. Тут Борис решил попросить Сергеева о помощи. Он рассказал ему о том, что усиленно готовится к экзаменам, готов их сдать даже досрочно, но его не выпускают из больницы. Алёшкин считал, что единственный выход из этого положения – чтобы преподаватели согласились принять у него экзамены здесь, в больнице, может быть, даже прямо в палате. Сергеев удивился подобной просьбе и, конечно, в глубине души посчитал её капризом, если не бредом, больного. Однако он сообщил об этом секретарю парткома института Шаповалову. Тот передал просьбу директору института Мотненко. По предложению последнего, в деканате обсудили этот вопрос и, может быть, потому, что такого в их институте до сих пор не случалось, решили пойти навстречу. Единственным профессором, который отказался принимать экзамен у Алёшкина в больнице, был его любимый учитель Кирилл Степанович Керопьян. Он сказал так:

– Я не такой бесчувственный человек, чтобы подвергать нервным и психическим мучениям больного студента. Вот когда поправится, пусть приходит и сдаёт. Я у него приму экзамен в любое время года.

На следующий день после заседания деканата в палату, где лежал Борис, зашёл профессор Жадкевич и приблизился к его кровати:

– Ну что же, товарищ Алёшкин, удивили вы нас, но просьбу вашу мы удовлетворим. Ведь только подумайте: сколько

лет я руковожу кафедрой, сколько лет преподаю, но первый раз за всё это время больной студент просит деканат не о том, чтобы перенести или отсрочить экзамены, а, наоборот, о разрешении сдать их досрочно, и притом ещё будучи на больничной койке, – говорил профессор, обращаясь к остальным больным палаты.

В палате находилось восемь коек, на всех лежали больные, они были старше Бориса. Эти пожилые люди болели различными хроническими лёгочными заболеваниями. Хотя их болезни считались серьёзными, Борис числился одним из самых тяжёлых. И, может быть, поэтому, а, может быть, просто благодаря его общительному характеру, или потому, что почти все койки уже неоднократно меняли своих хозяев, и только Борис был старожилом палаты, все относились к нему с особым сочувствием. А то, что каждую свободную минуту он занимался чтением какого-нибудь учебника, у всех вызывало уважение.

Слова профессора палата встретила возгласами сочувствия и поддержки Бориса. От него самого или от своих соседей больные всего отделения знали о том, что он хочет сдать экзамены, находясь здесь. Все удивлялись, но поддерживали его. А Жадкевич между тем продолжал:

– Но, товарищ Алёшкин, не знаю, как другие профессора, но я вас буду гонять по всему курсу без всякой жалости, так что не надейтесь, что больничная койка вам предоставит какую-нибудь скидку. Второе: предупреждаю вас, что разрешу

сдавать экзамены только после того, как ординатор доложит мне, что ваша температура, по крайней мере, в течение двух суток будет оставаться нормальной. Да, между прочим, вашу просьбу все профессора при обсуждении в деканате согласились удовлетворить, кроме профессора Керопьяна. Он будет принимать у вас экзамены только после того, как вы выйдете из больницы. Вот так-то. Ну, готовьтесь, сообщите своему лечащему врачу, когда будете готовы, и мы с коллегами распределим порядок приёма экзаменов.

Борис не выдержал и радостно воскликнул:

– Вот спасибо-то! Значит, год не пропадёт, а терапию я готов хоть сейчас сдавать.

– Ну-ну, не хорохорьтесь. Поучите ещё, да и температура пока не нормализовалась, – и профессор вышел из палаты.

С этого времени Борис стал заниматься с ещё большим усердием. Было очень интересно наблюдать поведение остальных больных в палате. Все они сочувствовали Борису и по мере своего разума и сил старались ему помочь. Прежде всего, в то время, когда он читал какой-либо учебник, в палате воцарялась абсолютная тишина. Ходячие больные уходили в коридор или во двор больницы, чтобы не мешать студенту. По вечерам после ужина, когда все располагались на своих койках, больные часами слушали рассказы Бориса о диагностике, лечении и профилактике всех болезней, которые он в этот день прорабатывал. Видимо, эти рассказы не только приносили Борису пользу, повторявшему таким

образом материал, помогая его усвоению, но и представляли для его слушателей определённый интерес. Многие из них задавали разнообразные вопросы, на которые Борис пытался отвечать самым подробным образом. Часто во время этих бесед заходили больные из других палат, они тоже принимали участие в беседе. Обычно прекращались такие сборы только с появлением дежурной сестры, требовавшей в связи с поздним временем прекращения разговоров.

Вскоре Борис почувствовал себя значительно бодрее и крепче. Температура и днём, и вечером держалась в пределах нормы (правда, вечернюю он мерил не всегда достаточно тщательно), кашель почти прекратился, значительно уменьшилась одышка, он свободно сидел в кровати. При выслушивании лечивший его ординатор довольно кивал головой: уровень жидкости в плевральной полости не повышался. Хотя в нижнем отделе жидкость ещё была, но и врач, и профессор на последнем обходе сказали, что это уже не страшно, такое количество жидкости рассосётся само. Во время этого обхода профессор Жадкевич спросил:

– Ну как, товарищ Алёшкин, вы не передумали? Будете сдавать экзамены здесь?

– Конечно, конечно, – ответил Борис, – хоть завтра.

– Хорошо, я поговорю со всеми, кто согласился принять экзамены у вас здесь, и через Василия Егоровича (так звали ординатора) передам вам. Интервал между экзаменами мы сделаем в три-четыре дня. У вас, кроме хирургии, ещё четы-

ре предмета, так что, я думаю, за две недели вы справитесь. Возможно, к этому времени поставим вопрос и о вашей выписке, пока же с постели не вставать, только в туалет, сидеть можно. Завтра я начну, готовьтесь!

Борис обрадовался этому решению и хотя, конечно, очень волновался, но надеялся, что уж на «удочку»-то он всё сдаст.

Нечего и говорить, что в этот вечер вся палата только и обсуждала завтрашний экзамен. И дежурной сестре стоило немалого труда всех уговорить и уложить спать. Борису, в виде исключения, в связи с особым его положением, из ординаторской она принесла настольную лампу, поставила её на тумбочку и разрешила ещё раз просмотреть все конспекты по терапии. Борис понимал, что от того, как он сдаст первый экзамен, будет зависеть вопрос и о сдаче остальных. Конечно, он старался поэтому изо всех сил. Заснул он, наверно, около двух часов ночи.

На следующий день профессорского обхода в этой палате не было, и Василий Егорович утром принёс Борису записку с расписанием порядка сдачи экзаменов. Один из больных переписал расписание красивым почерком и прикрепил эту бумажку над кроватью Алёшкина.

Первый экзамен по терапии, как и обещал, проводил профессор Жадкевич. В своей записке он сообщал, что придёт сразу же после обеда – в два часа дня. До двух часов Борис снова перелистал от корки до корки Кончаловского (учебник по терапии), просмотрел все свои записи, и только после

настойчивого требования сестры и соседей-больных кое-как пообедал.

Но вот, наконец, пришло и время: в палату вошёл улыбающийся Жадкевич в сопровождении ассистентки, которая вела группу Бориса, и ординатора палаты Василия Егоровича. У студента от волнения перехватило дух. Все больные замерли на своих койках.

– Ну что же, начнём! Так, расскажите нам, товарищ Алёшкин, что вы знаете об экссудативном плеврите: патогенез, симптомы, диагностику и лечение.

Если бы Борис имел достаточно сил, то наверно подскочил бы от радости. Экссудативный плеврит – так ведь он этой болезнью вот уже полтора месяца болеет! Конечно, помимо того, что он прочитал о ней во всех имевшихся в его распоряжении книгах и тетрадках, он много раз слышал высказывания об этой болезни и Василия Егоровича, и самого профессора Жадкевича. Как же тут не рассказать? И Алёшкин подробно и толково начал излагать патогенез и течение этой болезни. Жадкевич, прервав его на середине, сказал:

– Ну, это вы знаете, наверно, потому, что сами болеете этой болезнью. Теперь, пожалуйста, опишите нам клинику цирроза печени.

Борис улыбнулся: и этот вопрос для него не был труден. В углу их палаты лежал старик, болевший циррозом. Он много раз спрашивал Бориса о болезни и рассказывал ему о своих страданиях. И на этот вопрос Жадкевич не стал до-

ждать окончания ответа, он только потёр руки. А все в институте и в клинике знали, что когда профессор потирает руки при ответе студента, значит, он доволен. После этого он задал Алёшкину ещё несколько разных вопросов, касавшихся симптомов клиники и лечения некоторых заболеваний, и получил на все достаточно исчерпывающие ответы. Он обратился к сопровождавшим его врачам:

– Ну, так что же мы ему поставим?

И тут, прежде чем врачи успели что-либо сказать, вся палата хором воскликнула:

– Отлично!

Жадкевич, а за ним и все доктора дружно засмеялись. Затем профессор сказал:

– Глас народа – глас Божий! Отлично – так отлично. Коллеги, согласны? – врачи кивнули.

– Зачётка с вами? Давайте её.

Борис полез в тумбочку, где лежала его зачётная книжка, два дня тому назад принесённая Катей. Она, кстати сказать, совсем не одобряла этого, так как боялась, что волнение и напряжение могут подорвать его силы.

Жадкевич взял зачётку, взял ручку и здесь же, на тумбочке, написал: «Терапия – отлично», и расписался.

– Ну что же, с началом вас, товарищ Алёшкин! Надеюсь, что и дальше дела пойдут также успешно.

В течение последующих двух недель Борис не замечал времени. Дни пролетали в напряжённом повторении прой-

денного и в изучении того, что он из-за болезни пропустил. На экзаменах он старался давать наилучшие ответы на задаваемые ему тем или иным профессором вопросы. Кожные болезни, акушерство и детские болезни ему удалось сдать тоже на «отлично».

Экзамены закончились, и Борис стал усиленно настаивать на выписке: перед ним стояла главная задача – подготовиться к сдаче экзамена по хирургии. За всё это время хирургией он почти не занимался. Предстояло проштудировать, кроме своих конспектов, ещё три толстенных тома учебника хирургии Шаака и Гирголава – задача не из лёгких, ведь Борис почти два месяца был оторван от занятий в институте и в хирургической клинике. Хотя за это время ничего особенно нового по хирургии не изучалось, но на практических занятиях происходило многократное повторение пройденного материала. Борис обиделся на Кирилла Степановича Керопьяна, не согласившегося принять у него экзамен в период пребывания его на больничной койке, но всё же признавал, что вряд ли он сумел бы подготовиться к самому ответственному для него экзамену достаточно хорошо, если бы продолжал лежать в больнице.

И вот Борис Алёшкин уже дома. Правда, добрался до дома он с трудом: так похудел и ослабел, что только при поддержке Кати сумел дойти до трамвая. Путь от остановки трамвая до дома они проделали с многочисленными остановками. Нечего было и думать о том, чтобы в ближайшие дни посетить

хирургическую клинику и хоть немного посмотреть на хирургических больных, получить какую-нибудь консультацию от ассистентов и от самого профессора. Надо было сперва встать на ноги.

Всё в доме было поставлено на обслуживание больного. Катя и помогавшая ей Меланья делали всю домашнюю работу и старались как можно лучше его покормить. Дочки, любившие посидеть с папой, прилагали все усилия, чтобы его не утомлять. Ему оставалось только есть, пить, набираться сил, ну и, конечно, одолевать теорию хирургии, этим он и занимался.

Скоро молодой организм взял своё. Борис стал крепнуть и дней через десять смог уже самостоятельно добраться до госпитальной хирургической клиники, то есть до Первой городской больницы, и попасть к профессору Керопьяну. Тот, занятый какой-то работой в своём кабинете, увидев входящего Бориса, поднял голову и сказал:

– А вы зачем пожаловали? У вас вид, как у ходячего скелета, кто вам разрешил сюда приезжать? Вам ещё лежать надо.

Борис немного опешил от такого приёма и пробормотал:

– Я, Кирилл Степанович, пришёл насчёт экзамена по хирургии договориться.

– Какой там экзамен, сперва в себя придите! Поправляйтесь, на практику вам ехать только через месяц, спешить нечего. Недели через две приходите, посмотрю на вас, то-

гда буду принимать. А сейчас лучше зайдите-ка к терапевтам, пусть они вас посмотрят. И не возражайте, пожалуйста, раньше чем через две недели я с вами разговаривать не буду, до свидания.

Борису ничего не оставалось, как покинуть кабинет. Он направился мимо студентов, сидевших во дворе больницы и готовившихся к сдаче экзаменов по терапии, акушерству и хирургии. Кое-кто поздоровался с ним и даже пытался поговорить. Слух о том, что он сдавал экзамены в больнице, уже распространился по институту, и многие хотели узнать, как же он их сдал. Но Борис был так огорчён холодным и сердитым приёмом Керопьяна, что, не отвечая ни на какие вопросы, постарался как можно быстрее пройти в терапевтическую клинику.

В ординаторской он нашёл Василия Егоровича, тот обрадовался встрече с Алёшкиным, расспросил его о самочувствии и потащил в рентген-кабинет. Там вместе с рентгенологом они осмотрели Бориса и пришли к выводу, что вся имевшаяся в плевре жидкость рассосалась, и только в правом нижнем углу плевральной полости образовалось слипание листков плевры.

Вечером Борис рассказал Кате о том, как его принял Кирилл Степанович, и, к его удивлению, та встала на сторону профессора:

– Ну и правильно он сделал! Ты посмотри на себя, еле еле ползаешь, окрепни ещё! Повтори всё, не торопись, куда

спешишь-то? Эх ты, горюшко моё...

Так, Борис продолжал свои занятия и своё бездельничанье. Слушал радио, фотографировал детей, жену, приезжавших к ним Веру, Анну Николаевну и Женю. Но все его мысли всё-таки были поглощены предстоявшим экзаменом по хирургии.

В этот период времени к нему как-то зашёл Григорий Быков и сказал, что на практику они поедут вместе в селение Архипо-Осиповку, расположенную недалеко от Геленджика, а после практики будут отдыхать в санатории в Геленджике. Рассказал он также, что практика на Черноморском побережье им обоим дана потому, что они перенесли тяжёлые болезни. Других студентов распределили по разным больницам и участкам Краснодарского края и Адыгейской автономной области, несколько человек оставили в Краснодаре.

Ну вот, прошли и эти, такие длинные для Бориса, две недели. Он ещё раз пересмотрел свои конспекты, взял их, зачётку и с довольно тяжёлым сердцем отправился в хирургическую клинику к профессору Керопьяну. Почему-то, несмотря на многократное повторение всего материала, он чувствовал себя не очень уверенно. Так же, как и в прошлый раз, он застал Кирилла Степановича в его кабинете. Во дворе студентов уже не было, сессия закончилась, остались только отстающие, которые пришли пересдавать хирургию. Их было немного, они сидели в коридоре перед кабинетом профессора и не решались зайти. Бориса Алёшкина они пропустили

беспрепятственно.

Кирилл Степанович приподнял голову и на этот раз, как показалось Борису, уже почти ласково сказал:

– Ну вот, это другое дело... Теперь вы, товарищ Алёшкин, становитесь на себя похожи, а летний отдых вам ещё сил прибавит. Давайте вашу зачётку, садитесь.

Борис протянул её и присел на краешек стула, стоявшего напротив стола профессора. Тот взял книжечку, раскрыл, перелистал, просмотрел все записи за четыре года учёбы, улыбнулся, обмакнул в чернильницу ручку, крупными буквами вывел: «Хирургия – отлично», и расписался.

Борис остолбенел: как так? Ни одного вопроса, ни слова! А он так учил, так старался... Кирилл Степанович, заметив недоумение студента, улыбаясь, протянул ему зачётку и сказал:

– Больше я вам всё равно поставить не могу, а на столько-то, я уверен, что вы знаете, так зачем же тратить время? После каникул обязательно приходите в отделение неотложной хирургии, практикуйтесь, теперь будете выполнять и работу дежурного хирурга. Ну, счастливо отдохнуть! – и он протянул Борису руку.

Тот растерянно пожал её, также растерянно произнёс «спасибо» и, не придя ещё полностью в себя, вышел из кабинета. Там его встретили ожидавшие студенты. В кабинете профессора Борис пробыл менее пяти минут, и поэтому его сразу же засыпали вопросами:

– Что, выгнал? Что спрашивал?

Борис растерянно улыбнулся:

– Ничего.

– Как это ничего?! Опять этот Алёшкин голову морочит!

Что хоть поставил-то? – слышались голоса.

Борис, так ещё и не опомнившийся от происшедшего, машинально ответил:

– Отлично, – и чуть не бегом рванул из коридора и помчался домой.

Глава одиннадцатая

Через несколько дней, предъявив зачётную книжку в канцелярии института, Алёшкин получил направление на практику, а в профкоме – путёвку в санаторий в Геленджик. В институте он встретил студентов своей группы, все они радостно приветствовали его. Узнав о том, что экзамены им сданы на «отлично», поздравили с переходом на пятый курс. Там же Борис встретил и Гришу Быкова, с которым договорился о совместной поездке на практику, они должны были провести её вместе.

Несколько последних дней Борис провёл с семьёй. Катя взяла отпуск без сохранения содержания, и время до отъезда мужа посвятила приведению в порядок его одежды. Это было делом нелёгким: единственный его костюм был потрёпан, но особенно плачевным состоянием отличались брюки, в таком же положении дело обстояло и с бельём. Купить что-то новое было не на что. Хотя Борис и получил стипендию за три месяца вперёд, но это была, в общем, такая мизерная сумма, которую едва могло хватить на самые насущные нужды: на расходы во время пребывания на практике и в санатории. Катя выделила немного из своих хозяйственных денег и купила Борису трусы, носовые платки и несколько пар носков. Не удивляйтесь, что мы об этом пишем. Катя и Борис были так поглощены заботами о пропитании своей семьи,

что совершенно не уделяли внимания одежде и донашивали то, что было приобретено ещё во Владивостоке.

Впрочем, в группе, в которой учился Алёшкин, почти все к своей одежде относились так же. Всё это были более или менее зрелые люди, имевшие семьи, требовавшие средств на своё содержание. Но всё-таки самыми беднейшими, если можно так выразиться, среди студентов этого курса были Григорий Быков и Борис Алёшкин.

Кончились дни сборов, Борис и Гриша сели в поезд, им предстояло доехать до Новороссийска, а оттуда катером до Архипо-Осиповки. Дорога до Новороссийска длилась ночь и прошла без каких-либо приключений. Катер уходил в семь часов вечера. Почти целый день друзья провели в осмотре города. Кстати сказать, от вокзала до пристани надо было идти пешком километра три. Этот путь Борису показался очень трудным. Свой старый чемодан, помимо белья и другой одежды, он набил книгами по терапии, хирургии и другим болезням, справедливо полагая, что на практике они могут пригодиться. Чемодан его весил килограммов 16. Этот вес для Бориса оказался настолько тяжёлым, что на полдороге от вокзала до пристани он совершенно выдохся. Быков, который болел раньше приятеля и поэтому раньше окреп, да и вообще-то был намного сильнее, увидев отчаянное положение Бориса, несмотря на сопротивление, отобрал его чемодан и взвалил на себя оба. Так он и донёс их до пристани. Там, сдав вещи в камеру хранения, друзья отправились

в город.

Город Новороссийск им не понравился. После Краснодара, утопавшего в зелени, он им показался каким-то скучным и серым. И действительно, с расположенных на окраине города больших цементных заводов очень часто проносились над городом облака цементной пыли и дым из заводских труб. Это оседало на улицы, дома и деревья города, потому всё было покрыто каким-то сероватым налётом. Из порта в город проникали запахи нефти, машинного масла и летела та же цементная пыль от погрузки цемента на пароходы. К большому удивлению Бориса, в городе совсем не пахло морем, как во Владивостоке.

Во время жизни на Дальнем Востоке на берегу Тихого океана Борис привык, видя морскую даль, ощущать и своеобразный, ни с чем не сравнимый запах моря. Он был везде: в Шкотове и во Владивостоке, по всему побережью. Здесь же такого запаха он не почувствовал. Ощущалась морская свежесть, запах морской воды, но того специфического, чем-то очень приятного приморского запаха не было. Впоследствии Борис узнал, что этот запах – следствие прибываемого к берегу большого количества морской капусты и других водорослей, а в Чёрном море они не росли.

Алёшкин и Быков совершенно не представляли себе, что такое Архипо-Осиповка. Лишь прожив там около двух недель, они узнали историю этого села. Определим немного события и заблаговременно познакомимся с тем местом, где

нашим друзьям предстояло проходить свою первую медицинскую практику.

Ещё в первой половине прошлого столетия на побережье Чёрного моря в различных бухтах были разбросаны военные посты, состоявшие из нескольких десятков казаков, поселённых в двух или трёх, большею частью саманных, казармах. В то время эти посты часто подвергались нападению горцев: осетин, адыгейцев и других. Так произошло и с тем постом, который располагался в небольшой бухточке, находившейся в сотне вёрст к юго-востоку от Новороссийска. В бухту впадала небольшая горная речка. Вдоль неё селились семьи казаков, служивших в охране военного поста. Сам пост окружала невысокая крепостная стена. Однажды ночью на пост напал большой отряд горцев, сопротивление казаков было сломлено, многие были убиты и ранены. Они не ждали пощады – понимали, что им самим и их семьям в посёлке грозила гибель. Среди оставшихся в живых казаков нашёлся один, решивший пожертвовать собой, но спасти оставшихся товарищей и жителей посёлка. Он схватил горящий факел и, дождавшись, когда почти весь отряд горцев вошёл в пределы крепости, закричал:

– Братцы, отходи к морю, бросай крепость, всё равно не удержим!

Когда он заметил, что почти все, кто мог передвигаться, вышли за стены, а горцы, не обращая внимания на стоявшего с факелом человека, занялись грабежом казарм, бросился к

пороховому погребу. Группа чужаков, заметив бегущего казака, погналась за ним, желая взять его живым. Но он успел, добежав до погреба, открыть люк и бросить туда горевший факел. Запасы пороха были достаточно велики, поэтому раздался сильный взрыв, разрушивший погреб, казармы и большую часть стен. Все находившиеся внутри, в том числе и этот казак, погибли, остальные горцы в страхе убежали прочь. Этого казака звали Архип Осипов. Взрыв услышали на соседних постах. К утру в бухточку зашёл военный корабль, который увёз раненых казаков. Через некоторое время военный пост восстановили. К концу XIX века надобность в нём отпала. Посёлок же продолжал жить. В этой долине, укрытой от северных и западных ветров, хорошо росли фрукты, ягоды, население занималось их разведением. Село получило название в честь отважного казака. На месте гибели героя поставили большой каменный крест с надписью: «Герою русского народа солдату Архипу Осипову».

Вот сюда и ехали Борис Алёшкин и Григорий Быков. К этому времени от крепости остались лишь развалины, а крест всё ещё продолжал возвышаться над той площадкой, где когда-то она стояла. Как мы уже говорили, в то время наши приятели не знали истории этого по-своему знаменитого села. Может быть, в действительности всё происходило и не совсем так, как мы это описали, но легенда, рассказанная старожилками Архипо-Осиповки, нами передана точно. Подтверждением её служил и крест на развалинах крепости.

В бухту катер пришёл ранним утром. Пристани не было, судно ткнулось носом в песчаное дно, с него сбросили трап, и пассажиры сбежали по нему на мелкую гальку. При подходе к бухте Борис и Гриша увидели на высоком отроге горы белый одноэтажный дом. Дорогой они познакомились с жителем Архипо-Осиповки и от него узнали, что этот дом и есть та самая больница, в которой, как они предполагали, под руководством местных врачей будут отрабатывать практику. Друзья заранее распределили между собой обязанности: Борис Алёшкин решил, что будет работать под руководством хирурга, а Григорий Быков брал на себя терапевтическое отделение. С этими намерениями они и подошли к воротам.

Было, наверно, часов семь утра, когда молодые люди, проделав путь около двух километров от берега и поднявшись на высоту около 300 метров, входили в больничный двор. Как и в Новороссийске, Быков нёс оба чемодана, а Борис шёл сзади, причём, так как путь шёл всё время в гору, то даже и без груза он ему показался довольно трудным. Борис перенёс плеврит, вызвавший за время своего течения не только перегрузку сердца, но и смещение его жидкостью, это значительно ослабило сердечную деятельность, и она пока не восстановилась полностью. Даже не очень значительная нагрузка вызывала у Алёшкина одышку и сердцебиение. Григорий это видел, и потому всё, что требовало физического напряжения во время пути, взял на себя. Несмотря на протесты Бориса, он обходился с ним как с больным.

Когда друзья вошли во двор больницы и в растерянности остановились около большой клумбы, к ним подбежала одетая в чистенький белый халатик девушка.

– Здравствуйте, вам кого? – весело спросила она, глядя снизу вверх на Быкова.

Борис выдвинулся из-за Гриши и довольно сурово сказал:

– Нам нужен главный врач.

Девушка перевела взгляд на него и усмехнулась.

– Ах, главный? Ну, так у нас всего один врач, он же и главный, он же и лечащий, это Домна Васильевна, она вот в этом доме живёт. Сейчас я ей скажу, подождите, посидите вот на скамеечке около клумбы, я быстро.

Через несколько минут с крыльца небольшого дома, стоявшего напротив здания больницы, сошла невысокая полная рыжеватая женщина лет 45. Подойдя к нашим героям, она взглянула на Бориса, а затем обернулась к Григорию Быкову:

– Больного привели? Вы, вероятно, отдыхающие? Что же, я скоро начну амбулаторный приём, вот только позавтракаю. Вы квартиру себе уже нашли?

Прежде чем Быков собрался что-либо ответить, опять в разговор вмешался Борис:

– Совсем я не больной, с чего это вы взяли? Болел, но теперь поправился. Мы студенты, прибыли для прохождения практики.

– Студенты! – засмеялась женщина. – Вот уж не думала! В прошлом году присылали совсем молоденьких девочек. Ну

что же, это даже лучше, тем спокойнее я буду. Мне, правда, вчера из райздравики говорили, что сегодня приедут практиканты, но я никак не думала, что будут такие солидные люди. А у вас, молодой человек, вид действительно болезненный. Ну, да ничего, здесь чудесный климат, и за два месяца пребывания вы хорошо поправитесь. Клава, проводите товарищей в отведённую для них комнату, да позаботьтесь о завтраке, а я минут через двадцать подойду.

Клава, услышав, что это вовсе не отдыхающие, а студенты, даже рот раскрыла от изумления, и так, не промолвив ни слова, направилась к больнице, жестом пригласив прибывших следовать за собой. Пройдя по довольно длинному коридору больницы с большими окнами на одной стороне и местами открытыми дверями палат на другой, Клава подошла к самой крайней одностворчатой двери, раскрыла её и, показав рукой внутрь, сказала:

– Входите, вот ваша комната. Устраивайтесь, а я сбегаю на кухню и скажу тётке Агаше, чтобы она вам принесла завтрак.

Войдя, Борис и Гриша увидели, что оказались в обыкновенной больничной палате на двоих. Там стояли две койки, застланные суконными одеялами, у изголовья располагались тумбочки, у окна небольшой стол, а около него два стула. На окне висели марлевые занавески, а посередине стола была стеклянная банка с небольшим букетиком цветов. На стене около двери висели две вешалки с железными крючками.

Григорий опустил чемоданы на пол, снял с себя и пове-

сил на вешалку старый плащ-полупальто лётчика, в котором всегда ходил в институт.

– Ну, что же ты не раздеваешься? – спросил он Бориса, который пока ещё так и стоял в своём сером полувоенном плаще.

Тот молча стал его снимать и также повесил на вешалку. Быков между тем прошёл вперёд, подошёл к окну, отодвинул занавески, и оба они увидели замечательную картину. Окно выходило в большой фруктовый сад с абрикосами, сливами и персиками. Сад занимал весь склон горы, спускался до площадки, на которой чернели какие-то развалины и стоял огромный каменный крест. Чем кончалась эта площадка с развалинами, видно не было. Прямо за ней виднелось безбрежное море. В эти утренние часы оно казалось совершенно неподвижным и блестящим, как зеркало, в лучах поднимавшегося из-за соседней горы солнца. В правом углу этой картины вдалеке виднелись песчаные берега небольшой речки, впадавшей в бухту. В самом центре – казалось, что очень далеко от берега – совсем небольшой точкой виднелся тот катер, который только что привёз Бориса и Григория. Оба они невольно залюбовались этим видом. Гриша распахнул окно, и в комнату ворвался свежий, удивительно чистый, наполненный запахом созревших плодов и каких-то цветов, воздух.

– Да, Борис, здесь от одного воздуха поправиться можно! Ну а практика – что же, попрактикуемся и здесь. Мо-

жет быть, эта Домна Васильевна окажется опытным, хорошим врачом и у неё будет чему поучиться...

В это время раздался стук в дверь, она открылась, и в комнату вместе с уже знакомой Клавой вошла пожилая женщина с подносом. На нём стояли миски с рисовой кашей, эмалированные кружки, очевидно, с каким-нибудь суррогатом кофе, на тарелочке – два больших помидора и несколько ломтей серого пшеничного хлеба.

– Ой, да мы, кажется, немного поторопились, – сказала Клава, – они ведь даже ещё и не умылись! Спасибо, тётя Агаша, поставьте всё на стол и идите. Пойдёмте, я покажу вам умывальник, он здесь, в коридоре.

Ребята раскрыли чемоданы, достали полотенца, сбросили пиджаки и вышли вслед за Клавой в коридор. В конце его они увидели ещё одну, совсем узенькую дверку. Клава показала на неё рукой:

– Вот, здесь, умывайтесь.

Комнатка, в которую вошли Борис и Гриша, оказалась туалетом, в ней же у стены находился и умывальник.

Сидя за завтраком, который оба практиканта уплетали с отменным аппетитом, они обменялись впечатлениями о виденном и пришли к выводу, что им такую практику деканат института назначил, чтобы они могли окрепнуть и отдохнуть. Алёшкин так и сказал:

– Это не практика будет, а какой-то добавочный санаторий, тут и одному-то врачу делать нечего, а нас здесь будет

трое. Зато воздух здесь отличный.

После завтрака Быков, потрогав щетинистый подбородок, сказал:

– Побриться бы не помешало.

Но в это время в дверь снова постучали, и вошла Домна Васильевна, сопровождаемая всё той же Клавой.

– Позавтракали? Вот и отлично. Вкусно было? – и, получив утвердительный ответ, продолжала. – Да, у нас кухарка тётя Агаша очень хорошо готовит, все больные её хвалят. Пойдёмте, я покажу наши владения. Клава, дай докторам халаты.

Вошедшая с Домной Васильевной Клава держала на руке два свежeweглаженных белоснежных халата. Борису халат пришёлся впору, ну а высокому и широкоплечему Григорию халат был и коротковат, и узковат. Клава, посмотрев на торчащие из рукавов Гришины руки и то, что халат оказался на целую четверть выше его колен, фыркнула. Домна Васильевна строго взглянула на девушку, чем немедленно прекратила её смешливое настроение, и сказала:

– Что же ты, Клава, неужели не могла найти халата побольше? Иди и сейчас же принеси другой.

– Домна Васильевна, я самый большой взяла. Ещё только профессорский остался. Он, пожалуй, подойдёт, его можно?

– Ну, конечно, можно, нужно даже.

Клава скрылась, унеся с собой незадачливый халат. Быков смущённо сказал:

– Да ведь у нас в чемоданах есть свои халаты, они чистые, только, наверно, смялись в дороге.

Ребята действительно захватили с собой студенческие халаты. Но Домна Васильевна решительно заявила:

– Здесь будете ходить в наших халатах. Сейчас наденете профессорский, а потом что-нибудь подберут. Кстати, не подумайте, пожалуйста, что этот халат у нас действительно профессор надевает. Нет, профессоров здесь мы и не видим, а это когда срочно сложную операцию сделать надо, мы по телефону из Геленджика районного хирурга вызываем. Вот для него и держим этот халат, он солидный мужчина.

Наконец, вопрос с халатами разрешили, профессорский оказался Быкову впору. Домна Васильевна, Борис и Гриша гуськом направились по коридору, шествие замыкала Клава. У неё в руках было полотенце с мокрым концом. Они зашли во все палаты, впрочем, их было всего три – одна инфекционная, одна мужская и одна женская. В каждой палате стояло по восемь кроватей.

В инфекционной больных не было, лишь пустые койки сверкали белизной простыней и подушек. В женской лежали трое. Поговорив с больными и дав указания Клаве, Домна Васильевна прошла к мужчинам, их было четверо: один лежал в гипсе, у другого были завязаны пальцы правой руки, остальные двое, по-видимому, болели какими-то сердечными заболеваниями. Домна Васильевна выслушала их и сказала сестре, чтобы им продолжали давать назначенное лекар-

ство, а больному с перевязанными пальцами велела сделать перевязку.

Коридор оканчивался стеклянной перегородкой. Перед ней, рядом с палатой, находилась дверь ещё одной комнаты, небольшой перевязочной. По размерам она была такой же, как и комната, в которой поселились наши друзья. Посередине стоял деревянный стол, покрытый клеёнкой, у окна – столик с медикаментами и подготовленными для работы инструментами, у одной из стен – стеклянный шкаф, на полках которого Борис успел рассмотреть довольно солидный набор хирургических инструментов. Выйдя из перевязочной, процессия, вызвавшая своей необычностью самые различные толки среди больных, направилась к стеклянной перегородке и через её дверь прошла во вторую, значительно меньшую половину больницы.

Не успели они переступить порог, как Борис и Гриша невольно вздрогнули от громкого стонущего крика, раздавшегося где-то впереди. Домна Васильевна повернулась к Клаве:

– Разве в «кричалке» кто-нибудь есть?

– Да, сегодня ночью из аула привезли. Мария Антоновна говорит, что, наверно, сегодня родит, – ответила Клава, не обращая внимания на крик.

– Здесь у нас родильное отделение. Роддом всё никак достроить не могут, видели, наверно, вон, недостроенный стоит, – подойдя к окну, Домна Васильевна показала рукой на

видневшееся во дворе двухэтажное кирпичное строение, с зияющими проломами окон и дверей, но уже подведённое под крышу. – Вот и пришлось своё хирургическое отделение роженицам отдать. Правда, операционной, когда надо, мы пользуемся, но обычно в ней акушерка Мария Антонова роды принимает. При патологии и мне вмешиваться приходится.

Заглянув в первую маленькую палату, в которой лежали две женщины и двое новорождённых, ласково поздоровавшись с ними и спросив их про самочувствие, Домна Васильевна, сопровождаемая Борисом и Гришей, подошла к большой комнате, находившейся в центре этой части коридора. Собственно, это были две комнаты. В первую, маленькую, дверь вела прямо из коридора, она была как бы преддверием операционной, это практиканты поняли по имевшемуся там оборудованию. В следующей – большой комнате, имевшей два окна, – посередине стоял операционный стол, который, как уже знали и Борис и Григорий, при помощи добавочных приспособлений можно было легко превратить и в гинекологическое кресло, и в родильный стол. Туда заглянули через дверь, и Борис, сравнив это помещение с маленькой и довольно невзрачной комнаткой, которая служила операционной в отделении неотложной хирургии, был и удивлён, и обрадован. «Ну, здесь можно будет по-настоящему оперировать», – подумал он.

Между тем Домна Васильевна, выйдя из предоперационной, показала рукой на дверь следующей палаты и сказала:

– Там у нас сейчас «кричалка», хотя вообще-то эта палата предназначена для больных, ожидающих операции. Ну, вот и всё. Сейчас зайдём в амбулаторию.

Вход в амбулаторию находился с противоположной стороны здания, к нему вела особая калитка и дорожка с улицы. Амбулатория состояла из ожидальни, комнаты примерно в 12 кв. метров, и кабинета врача, небольшой комнатушки, в которой едва помещался стол, кушетка, небольшой шкаф с инструментами, пара стульев для врача и пациента. Очевидно, этот кабинетик служил одновременно и местом простейших амбулаторных манипуляций.

После осмотра амбулатории, где уже несколько больных ожидали приёма, побывали на кухне, находившейся в том же доме, где и квартира врача. Затем Домна Васильевна пригласила практикантов к себе. Усадив их за стол, на котором стояло огромное блюдо клубники, она познакомила их со своим мужем, он оказался бухгалтером этой же больницы. Угостив практикантов клубникой, она сказала:

– Ну вот, товарищи, хозяйство я вам показала, так что теперь можете работать. Я вчера оформила себе отпуск, ведь я уже два года не отдыхала. В прошлом году отпуском воспользоваться не смогла: заменять меня в районе некем, а практикантами прислали таких молоденьких девочек, что оставить участок на них я не решилась. В этом году мне обеща-

ли прислать людей посолиднее, вижу, что обещание сдержали, и поэтому уезжаю отдыхать вместе с мужем со спокойной совестью. Судя по возрасту, вы в прошлом фельдшеры, а, следовательно, прибавив к своему опыту результаты четырёхлетней учёбы, справитесь с участком хорошо. Ну, а в крайнем случае поможет и район, с ним всегда по телефону связаться можно, тут всего три часа езды на автобусе. Мы с Павлом Петровичем, – она кивнула на мужа, – решили вашу работу оплатить: выделяем вам одну врачебную и одну фельдшерскую ставку, ну а вы поделите, как захотите. Я думаю, что вам по очереди надо работать на амбулаторном приёме и в больнице. Работы тут не очень много, местные жители обращаются нечасто. Сейчас начнётся наплыв отдыхающих, тогда работы прибавится. Сюда любят приезжать на лето разные известные лица – артисты, писатели и т. п. На больших курортах им покоя не дают, а здесь они живут, как обыкновенные граждане. Вот даже Игорь Ильинский снимает квартиру у речки и целыми днями удит рыбку, и никто его не тревожит. Местные жители почти все свои дома на лето сдают приезжим, а сами ютятся в сараюшках да курятниках. Питаться будете в больнице бесплатно, ну а чего будет не хватать, купите на базаре, базар здесь хороший. Фруктами из сада можете пользоваться сколько угодно. Вечерами в кино в дом отдыха можете ходить, тут километрах в трёх на той стороне долины за речкой есть дом отдыха Центросоюза имени Цюрупы. Купаться можете и в речке, и в море... Ну, я

пойду амбулаторный приём проводить, а вы устраивайтесь, присматривайтесь, сегодня вечером ещё поговорим, а завтра и за работу. Мы рано уезжаем, как только катер придёт.

Борис и Григорий, ошеломлённые услышанным, вышли от Домны Васильевны, вернулись к себе в комнату и уставились друг на друга. Некоторое время они молчали, затем Быков заговорил:

– Ну, Борис, кажется, мы с тобой влипли в историю. Ведь Домнушка вообразила, что мы с тобой бывшие фельдшеры, придётся вечером настроение ей испортить. Скажем, что мы в медицине такие же младенцы, как и те девушки, что у неё в прошлом году практиковались.

– А, может быть, не нужно говорить? Возьмёмся и будем работать за неё, неужели не справимся? Ведь мы уже четыре года проучились, неужели зря? А, Гриша?

– Да тебе-то хорошо так говорить, ты в хирургии-то собаку съел, так что с этим делом справишься. Ну, а я? Ведь Жадкевич мне «удочку»-то и то еле-еле поставил. В терапии я плавал, а про хирургию и говорить нечего.

– А мне всё-таки кажется, что если будем заранее паниковать, задержим Домну Васильевну, то у нас никакой практики не получится. А так мы начнём самостоятельно думать, и ты, Гриша, увидишь, что и у тебя дела пойдут лучше. Помощников у нас много, все учебники с нами, да и здесь живые люди есть, спросим, посоветуемся. Рисковать, конечно, мы не будем. Если трудно придётся, в Геленджик позвоним,

оттуда помощь вызовем, – убеждал товарища Борис.

В конце концов, Быков согласился с доводами Алёшкина, и утром следующего дня, провожая Домну Васильевну, они ей ничего не сказали. После её отъезда практиканты, которых Клава (единственная медсестра на участке) и остальной персонал больницы почтительно называли докторами, приступили к работе. Борис начал амбулаторный приём, а Григорий отправился на утренний обход в больницу. Осмотрев и поговорив с лежавшими там больными, он уселся заполнять истории болезни. Это дело ему было достаточно хорошо знакомо, ведь, проходя занятия по субординатуре в клиниках ещё с третьего курса, всем студентам приходилось этим заниматься. Он подтвердил назначения, данные ранее Домной Васильевной, и Клава их выполняла.

Борису пришлось немного труднее. В амбулатории врач работал один, поэтому не только беседовать с больными и выписывать им лекарства, иногда прибегая к захваченному с собой справочнику, но и выполнять все манипуляции, то есть инъекции и перевязки, приходилось самому. С первым же уколом, который нужно было делать какой-то старушке, ежедневно получавшей инъекции сердечных средств, Борису пришлось попотеть. Вот уж когда он пожалел, что ничего этого им делать во время пребывания в клинике почти не приходилось. Там всё это выполняли медсёстры, а студенты-субординаторы только записывали назначения в истории болезней, да и сами-то назначения эти потом проверя-

лись настоящими ординаторами. А тут нужно было не только решить, какое лекарство назначить, но и суметь самому его ввести. Хотя инструменты и шприцы Клавой были обработаны и лежали в стерилизаторе, требовалось надеть на шприц иголку, открыть ампулу, набрать из неё лекарство, обработать кожу в нужном месте и, наконец, сделать укол. Причём всё это делалось под придирчивым и не очень-то доверчивым взглядом больной.

Свою первую самостоятельную инъекцию Борис запомнил на всю жизнь. Игла почему-то никак не хотела надеваться на канюлю шприца, кончик ампулы никак не отламывался, да и ампула, и шприц, и ватный тампон, смоченный спиртом, никак не умещались в руках. Но зато, какая же была радость, когда после инъекции больная произнесла:

– Спасибо, доктор! У вас лёгкая рука, совсем не больно было.

Непростой была и первая перевязка, ведь даже в неотложной хирургии, где Алёшкин часто дежурил, ему почти не приходилось делать перевязок, это выполняли медсёстры или фельдшеры, а тут всё нужно было сделать самому. Бинт, как назло, сползал вниз (Борис перевязывал фурункулу на ноге мальчика, приведённого матерью), и он потратил на то, чтобы как-то завязать ногу, наверно, вдвое больше перевязочного материала, чем это было нужно.

Дальнейший приём пошёл лучше. Борис, слушая жалобы, выстукивал и выслушивал пациентов, осматривал боль-

ные места, ставил диагнозы и выписывал необходимые лекарства. Он использовал все свои знания, которые получил во время учёбы, заглядывал в справочник, лежавший у него на столе, и всё-таки далеко не всегда был уверен, что его диагноз верный и лечение правильное. Да, наверно, и на самом деле в этот первый день его самостоятельной работы от волнения и сознания своей неподготовленности, он наделал много ошибок.

Как бы там ни было, этот день закончился. В два часа, приняв около двух десятков самых разнообразных пациентов, Алёшкин с облегчением вышел во двор и увидел, что Быков сидит на лавочке и весело болтает с Клавой. Он даже разозлился: «Вот ведь как, тут пыхтишь, пыхтишь, а Гришка себе сидит и зубы скалит... Ну, ничего, посмотрим, как ты завтра приём проведёшь!»

После обеда они пошли в село. Как мы знаем, Архипо-Осиповка располагалась в долине небольшой речки, которую окружала с двух сторон. Село состояло из сотни саманных домишек, окружённых садами, огородами и цветниками. В центре находилось небольшое кирпичное здание – школа, а напротив магазин и чайная, в которой не было чая, но зато всегда имелось вино – как местное, так и привозное. Тут же находилась небольшая базарная площадь с длинными деревянными столами, на которых у нескольких продавцов лежали горки помидоров, огурцов и абрикосов. Борис и Гриша купили килограмм помидор и вернулись домой. Де-

лать было нечего, и, затворившись в своей комнате, они принялись вновь и вновь перелистывать учебники. Тут Борис не выдержал и рассказал о своих затруднениях другу, тот засмеялся:

– Ну, это-то меня не страшит! Пока я в больнице лежал, я часто сёстрам помогал и уколы делать, и банки ставить, так что в этом деле я спец, – горделиво сказал он. – А вот диагноз поставить, да правильно рецепт написать – это мне, действительно, трудно будет, тут уж я без твоей помощи не обойдусь.

Так и началась практика этих студентов. Впоследствии им пришлось осматривать самых разнообразных больных, класть их в свою больничку, лечить их заболевания. Вероятно, обошлось без грубых ошибок, так как больные выздоравливали. Было два или три случая пневмонии, закончившихся благополучно, несколько простудных заболеваний, желудочно-кишечных и даже один очень сильный солнечный ожог, который произошёл у одной солидной дамы, жены какого-то московского артиста, приехавшей отдохнуть в Архипо-Осиповку вместе с мужем. В первый же день, улёгшись на берегу под палящими лучами солнца, она заснула. Муж в это время где-то недалеко удил рыбку. Проспала она, наверно, часов пять и, конечно, получила сильнейший ожог. Когда на другой день после загорания женщина в сопровождении мужа явилась на приём к Борису, она была одета в какой-то лёгкий халат, да и тот держала руками так, чтобы он

не прикасался к телу. После того, как она, по просьбе Бориса, расстегнула халат и предстала перед ним в костюме Евы, он прямо-таки испугался: вся грудь, живот и большая часть её бёдер были покрыты огромными волдырями, а кожа между ними имела багрово-красный цвет. Она заснула, лежа на спине, и таким образом сожгла переднюю поверхность тела. Конечно, пришлось положить её в больницу и заняться лечением этих ожогов. В то время лечение включало в себя вскрытие пузырей, удаление поверхностной части кожи и обработку обожжённой области крепким раствором марганца до появления плотных корок, ведь никаких антибактериальных средств, применяемых сейчас внутрь или в виде инъекций, для лечения таких больных тогда не имелось. Никакие повязки на ожоги накладывать было нельзя. Борис видел, как однажды в клинике Керопьяна лечили одного рабочего, получившего ожог битумом, и решил применить этот же способ. Над кроватью устроили каркас из веток ивы, которая росла по берегам речки, на него натянули плотную марлевую сетку. Сделали это для того, чтобы ни простыни, ни одеяло не касались тела больной. Результат увенчался успехом. Женщина, в конце концов, выздоровела, но весь свой отпуск – месяц провела на больничной койке, а её мужу пришлось курсировать между базаром и больницей, доставляя супруге овощи и фрукты.

Через неделю Борису пришлось сделать и первую операцию. Один незадачливый отдыхающий во время рыбалки,

закидывая удочку, зацепил крючком губу своего пятилетнего сына и, страшно испугавшись, с ревушим мальчишкой на руках, в сопровождении разгневанной супруги, явился в амбулаторию. Борису пришлось вызвать на помощь Гришу, который взял в свои могучие объятия барахтавшегося и плачущего ребёнка. После этого они выпроводили из амбулатории родителей и осмотрели больного. Мальчик, как только родители вышли, плакать перестал. Разрезать ребёнку губу, чтобы вытащить зацепившийся крючок, Алёшкину не хотелось: остался бы большой шрам, и к тому же нужно было обезболить, а это вызвало бы отёк губы. Может быть, откусить ушко крючка с кусочком привязанной к нему лески и протернуть крючок? Тогда он свободно бы выскочил из ранки, но где взять кусачки?

Борис оставил Гришу с ребёнком, а сам пошёл на кухню и спросил у тётки Агаши, кухарки, нет ли где-нибудь в больнице кусачек, которыми было бы можно перекусить стальную проволоку. Та ответила, что в больнице никаких инструментов нет, но что кусачки, вероятно, найдутся у её мужа, и если они очень нужны, она их сейчас же принесёт.

Борис прошёл мимо встревоженных родителей, которые, очевидно, не очень-то доверяя местным докторам, собирались взять ребёнка и отвезти его в Геленджик. Борис успокоил их, хотя сам пока ещё был не очень-то уверен в благополучном исходе операции. Вскоре тётка Агаша принесла кусачки, Гриша взял кончик крючка пальцами, приподнял его,

а Борис обеими руками стал сжимать кусачки. Мальчик, видно, понял, что ему хотят помочь, и не сопротивлялся. Перекусить крючок оказалось непросто, он был из хорошей стали. Но вот кусачки щёлкнули, и часть крючка вместе с кусочком лески упали на пол, а захватить жало крючка пинцетом и протернуть его вперёд, чтобы он проскользнул через отверстие в губе, было секундным делом. Запищал мальчик только тогда, когда Борис смазал ранку йодом.

Когда Гриша вынес ещё плачущего ребёнка родителям, те уже успели основательно поругаться между собой. Быков с высоты своего роста снисходительно поглядел на них и сказал:

– Ну, чего вы расстраиваетесь? Доктор Алёшкин всё хорошо сделал, и ранки у вашего сынишки почти нет. Через неделю заживёт. Завтра ещё приходите, мы посмотрим.

Не помня себя от радости, мать схватила ребёнка и побежала с ним к калитке, а сконфуженный рыбак с удилищем на плече поплёлся сзади.

Практика молодых медиков с каждым днём увеличивалась потому, что в Архипо-Осиповку прибывали отдыхающие. В больнице и на амбулаторном приёме количество пациентов росло, вместе с этим росла и уверенность в своих знаниях и силах у обоих практикантов, ведь очень многое из того, о чём они знали только по книгам или из лекций профессоров, теперь увидели воочию. Пословицу «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» они теперь оценили в

полной мере. И, пожалуй, правильно заметил Григорий, что эта пословица в медицине и подтверждается, и расширяется. Он уточнял, что самое лучшее – не только услышать, прочитать или увидеть, но и сделать самому. И это действительно было так.

К концу первого месяца практики и Быков, и Алёшкин, предоставленные, по существу, самим себе, волей-неволей освоили целый ряд медицинских манипуляций, о которых в период учёбы или слышали, или видели, как их выполняют другие, чаще всего средний медицинский персонал. Внутримышечные или подкожные инъекции теперь они уже считали совершенным пустяком, вполне свободно делали и внутривенное вливание. Пришлось им неоднократно вскрывать и лечить различные абсцессы. Научились они достаточно грамотно распознавать пневмонии и некоторые заболевания сердца. По их собственной инициативе, каждый из них принял по нескольку родов. Таким образом, к концу их практики они могли смело вписать в свои дневники-отчёты, что много работы выполнено ими самостоятельно. Вряд ли бы это удалось сделать в какой-нибудь более крупной больнице, где многое из того, что они делали здесь, администрация им бы просто не доверила, да это и не понадобилось бы. Там, как правило, имелось достаточно врачей и среднего медперсонала, который выполнял все эти функции, здесь им приходилось действовать самим.

С первого июля у практикантов появилась дополнитель-

ная работа, которая их не очень обременяла и даже давала ряд преимуществ. Как правило, в село Архипо-Осиповку, от которой больница находилась на расстоянии полутора километров, на лето в здание школы приезжал детсад из города Батуми от какой-то довольно богатой портовой организации. Эта организация ремонтировала здание школы, что было выгодно сельсовету, а затем привозила в него 50–60 ребятишек, которые в течение июля-августа великолепно отдыхали.

В климатическом отношении Архипо-Осиповка находилась в очень благоприятных условиях. Окружённая с севера и востока Кавказским хребтом, она была открыта только южным и юго-западным ветрам, идущим с моря. Летом такие ветры бывали редко, поэтому здесь всегда было тихо и очень тепло. Микроклимат этой долины был гораздо мягче, чем в Туапсе или даже в Сочи. В селе не было никаких промышленных предприятий, шоссейная дорога проходила километрах в трёх отсюда. Единственный небольшой дом отдыха имени Цюрупы находился от села в трёх-четырёх километрах в другой долине. Вдоль протекавшей через село небольшой речки имелась достаточно лугов и лужаек для гулянья, а отроги гор, спускавшиеся к морю, были покрыты многообразной кавказской растительностью. Одним словом, место для отдыха детей было идеальным.

Батумский детсад использовал Архипо-Осиповскую школу уже не первый год. Заведующая этим садом – старая коммунистка, латышка по национальности, товарищ Варайт-

кис, долгое время жила в Грузии, хорошо изучила обстановку этого села и поэтому, в целях экономии средств, вместе с детьми вывозила только самый необходимый персонал – трёх воспитательниц и повара, остальных она находила на месте. Нянями, уборщицами и работницами на кухне всегда с охотой нанимались крестьянки из села, а медицинское обслуживание брала на себя местный врач, Домна Васильевна. Так же ожидалось и в этом году, но врача на месте не оказалось, и Варайткис уже собиралась телеграфировать в Батуми об отправке к ней кого-нибудь из поликлиники порта.

Гриша Быков по дороге в магазин никогда не упускал случая промочить горло парой стаканчиков местного вина в чайной, где он, конечно, заимел знакомых. От них он и узнал о затруднении у заведующей батумским детсадом. Недолго думая, он сразу же направился к ней, представился и сравнительно быстро договорился об условиях работы в детсаду обоих практикантов. Им предложили то же вознаграждение, которое получала Домна Васильевна, и, кроме того, они могли бесплатно обедать со служащими детсада. За это нужно было ежедневно осматривать всех ребятишек, выявлять заболевших и, естественно, лечить их. В случае тяжёлого заболевания ребёнка следовало немедленно эвакуировать парходом в Батуми.

Кстати сказать, за то время, пока Борис и Гриша обслуживали этот детсад, к их счастью, ни одного тяжёлого случая не было, ну, а с более простыми и лёгкими они довольно

успешно справлялись, тем более что детсад (зная о скудных возможностях местной больницы) привёз с собой солидный запас медикаментов, в том числе и таких дефицитных по тем временам средств, как красный и белый стрептоцид, акрихин, дизентерийный бактериофаг и многое другое.

Когда Быков рассказал о своей договорённости с зав. детсадом Борису, тот пришёл в ужас, ведь они не врачи, а тем более не детские! Правда, экзамен по детским болезням они сдали, но одно дело – экзамен и совсем другое – когда в твои руки, под твою ответственность попадает 60 маленьких ребятшек.

Однако, в конце концов, Грише его удалось уговорить. Сам-то он сдал детские болезни с трудом на тройку, а договариваясь с заведующей, был уверен, что основную тяжесть и руководство медобслуживанием детей возьмёт на себя отличник Алёшкин. Конечно, без него он бы на такую авантюру не решился. Но уж больно вкусным был обед, которым его угостили в детсаду, да и перспектива получить на двоих ещё один врачебный оклад тоже привлекала. Вот таким образом практиканты получили практику и по детским болезням.

В общем-то, детсадовцы были здоровы, условия их содержания, питания и ухода за ними не вызывали сомнений, и поэтому всё обошлось благополучно. Единственным затруднением для наших «врачей» оказалось то, что они не знали грузинского языка: почти все дети не говорили и не понимали по-русски. Поэтому осмотры детей, так же как и приём

больных, приходилось делать в сопровождении одной из воспитательниц, более или менее сносно говорившей по-русски и служившей переводчицей. Две другие русский язык знали совсем плохо и от перевода отказывались.

Начиная с 1 июля, Быков и Алёшкин по очереди посещали утром с 8 до 9 часов детсад, осматривали детей, давали назначения и лекарства заболевшим, после чего мчались обратно в свою больницу, где продолжали рабочий день до обеда. Обычно детский медосмотр проводил тот из них, кто в этот день выполнял обязанности ординатора в больнице. К обеду оба они появлялись в детсаду, обедали вместе с заведующей и воспитательницами, а затем дежуривший по больнице возвращался в неё, а оставшийся повторно осматривал больных детей или следил за их купанием в речке.

Иногда по вечерам все работники детсада и кое-кто из медперсонала больницы отправлились в дом отдыха, чтобы посмотреть кино. Борис чувствовал себя после болезни ещё очень слабым, и потому в этих походах участия почти не принимал. Он обычно подменял Быкова и оставался дежурить по больнице. Тем не менее за два месяца он всё-таки успел посмотреть кинокартины «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году». Это были первые фильмы, в которых так хорошо был показан вождь и его ближайшие соратники, и прежде всего И. В. Сталин. Картины эти всем очень нравились.

Но вот подошёл к концу июль, вернулась Домна Васильевна, обошла своё хозяйство, познакомилась со всеми его де-

лами, узнала, как работали без неё практиканты, и, не найдя в их действиях грубых ошибок, выставила обоим по отметке «отлично». Затем её муж выплатил им положенную зарплату. С лёгким сердцем ребята отправились для отдыха в Геленджик по тем путевкам, срок которых начинался 29 июля.

Борис Алёшкин и Григорий Быков за время своей работы сдружились и с коллективом больницы, и с персоналом детсада, поэтому, когда они садились на катер, на берегу стояла довольно значительная группа провожающих, дружески махавшая им руками и платками.

Промелькнула ещё одна страница жизни Бориса Алёшкина. Никогда он больше не встретился ни с одним из тех людей, с которыми так тепло простился в Архипо-Осиповке, но воспоминание об этом замечательном местечке побережья Чёрного моря и о хороших людях, с которыми ему пришлось познакомиться и вместе работать, осталось у него на всю жизнь.

Дорога до Геленджика заняла несколько часов. После высадки на пристань Григорий и Борис, расспросив находившихся на маленьком базаре людей, быстро нашли нужный им санаторий, в то время их в Геленджике было совсем мало. Санаторий, а точнее дом отдыха санаторного типа, оказался не очень большим одноэтажным домом, расположенным на склоне горы и окружённым садом. Он находился недалеко от центра посёлка и метрах в двухстах от берега моря. Комнаты в доме отдыха были большими и светлыми. Одну сторону

дома окружала веранда, где отдыхающие собирались по вечерам, слушали радио, играли в шахматы, шашки и домино. На этой же веранде «культурник» проводил и свои мероприятия: игры, а иногда и танцы.

В комнате стояло восемь кроватей. Случилось так, что, кроме Быкова и Алёшкина, здесь же отдыхали ещё два студента из Кубанского мединститута. В основном же дом отдыха заполняли рабочие и служащие краснодарских заводов – Кожевенного, имени Седина и Новороссийского цементного. Всего в доме отдыха находилось 120 человек. Вскоре все перезнакомились и ходили на пляж или в горы большими группами.

Конечно, с современной точки зрения, ни по материальному обеспечению, ни по организации питания, ни по медицинскому обслуживанию этот дом отдыха не отвечал даже минимальным требованиям. Но большинство из отдохавших там, как и Алёшкин, были в таком месте впервые, и уже то, что их почти ежедневно осматривал врач, довольно сытно кормили, что они могли целыми днями отдыхать – купаться, гулять, смотреть по вечерам кино, участвовать в самодеятельности, сколько угодно читать или играть в какие-нибудь игры – доставляло большую, до сих пор не испытанную радость.

Единственной неприятностью для наших друзей было то, что, несмотря на заработанные ими деньги, они выглядели самыми бедными из всех отдыхающих. В течение последних

лет оба они в основном были заняты только тем, чтобы хоть как-нибудь прокормиться самим и прокормить свои семьи. Все запасы одежды за годы учёбы основательно поизносились, а приобретать новое было не на что. Катя, провожая мужа на практику и на курорт, потратила не одну ночь на то, чтобы как-то привести в порядок единственный имевшийся у него костюм, но он был уже настолько стар, что после ежедневной двухмесячной носки штопка во многих местах протёрлась. На единственных брюках Бориса, на самом неподходящем месте стали заметны дыры. Теперь он надевал их только тогда, когда отправлялся куда-либо за пределы дома отдыха, на пляж, а в самом доме отдыха Борис ходил в трусах, ссылаясь на большую жару, то же самое приходилось делать и Григорию. Иногда, направляясь в кино или на танцплощадку в соседний санаторий, Борис надевал брюки, одолженные у кого-нибудь из товарищей по палате. Быкову было труднее. С одеждой у него обстояло дело также, как и у Бориса, но он имел фигуру намного больше, чем у других, живших с ним рядом, поэтому надеть чужое он не мог. Стремясь максимально сохранить свои расплывшиеся брюки, однажды Гриша явился на танцплощадку в трусах. До этого в таком виде танцевать никто не решался, и появление Быкова вначале ошеломило всех, а затем вызвало протест женской половины присутствующих. Грише пришлось танцплощадку покинуть. Это происшествие вызвало немало веселья.

Между тем и у Алёшкина, и у Быкова имелись кое-ка-

кие деньги, заработанные на практике, ведь каждый получил зарплату врача за два месяца работы в больнице и по половине месячного оклада за работу в детсаде. Этих денег вполне хватило бы на то, чтобы купить себе костюмы, хотя бы самые простые. Но, к их чести надо сказать, что ни тот, ни другой даже не подумали о том, чтобы истратить деньги на себя. Оба они знали, как тяжело сейчас приходится их жёнам, поэтому, не сговариваясь, решили привезти заработок домой. Для себя они использовали только деньги из полученной вперёд стипендии, а их, откровенно говоря, осталось очень немного.

Время отдыха пролетело быстро. Вернувшись в Краснодар, Борис застал свою семью здоровой и весёлой. Все эти месяцы Катя усиленно работала, зарабатывала порядочно, от Нины деньги поступали регулярно. Поскольку самого Бориса не было, расходы на содержание семьи немного сократились, и материальные затруднения уменьшились. Кроме того, и Меланья оказалась достаточно хозяйственной и экономной женщиной. Всё это позволило Борису, по совету Кати, потратить большую часть из привезённых им денег на приобретение нового полушерстяного костюма, в котором он 1 сентября и отправился в институт.

Вскоре после начала занятий жизнь семьи Алёшкиных вошла в обычную колею: учёба, работа, кое-какие домашние дела, забота о подрастающих ребятишках. Дни летели с такой быстротой, что Борис и Катя не успевали опомниться,

как кончался месяц и начинался другой. Почти незаметно наступили зимние каникулы, начался 1940 год. Борис стал больше времени проводить с дочерьми, и, пожалуй, только в этот период времени узнал их поближе. Он был удивлён их непохожестью. Старшая Аэлита – весёлая и общительная девочка, ей шёл двенадцатый год, и она была уже рассудительной пионеркой. В школе Эла активно участвовала в общественной жизни. Она не была отличницей, но занималась достаточно ровно и с этой стороны никаких огорчений родителям не доставляла. Эла очень заботливо и ласково относилась к младшим сестрёнкам, которые в свою очередь отвечали ей тем же.

Нина, средняя дочка, которой уже исполнилось пять лет, в противоположность Эле была строптивой и довольно капризной девочкой. Мы помним, что в младенчестве она много болела и прямо-таки чудом да большим умением лечившего её старого доктора Ашуркова осталась жива. Эта болезнь наложила на девочку свой отпечаток. До трёх лет она очень плохо спала и могла плакать по любому поводу. В пять лет своим упрямством и капризами она часто выводила из себя отца и даже мать. Единственным человеком, умевшим довольно быстро с ней справиться, была Эла, её она слушалась беспрекословно. И если у старшей сестры находилось время на то, чтобы поиграть с Ниной, то последняя была очень счастлива. Несмотря на свою замкнутость, тихость и те недостатки, о которых мы уже говорили, средняя дочка

была, в общем-то, ласковой девочкой.

Полной противоположностью обеим была младшая, Майя. Ей шёл третий год. Рано отданная в ясли, привыкшая там к постоянному общению и ссорам со сверстниками, так же бурно вела она себя и дома. Характером девочка вышла в того из своих предков, который отличался буйным и своевольным поведением. Майя в приступе гнева могла наброситься с кулачками не только на Нину, но и на старшую сестру, но такие бурные ссоры у девочек бывали редко. Старшие при вспышках гнева младшей всегда уступали ей.

Все эти особенности своих детей Борис, пожалуй, рассмотрел только в январе 1940 года, когда все каникулы провёл с ними.

К концу зимних каникул к Алёшкиным совершенно неожиданно приехала сестра Бориса Нина, и не одна, а с мужем Сергеем. Как выяснилось, Нина ещё в начале 1939 года вернулась из Комсомольска-на-Амуре в Кострому, где поступила на работу в туберкулёзную больницу. Почти сразу же после возвращения с Дальнего Востока она вышла замуж за шофёра, работавшего в одном из гаражей города. В Краснодар Нина приехала для того, чтобы родить в акушерской клинике своего института, надеясь на помощь Кати по уходу за ребёнком в первые дни. Жена её брата была, хотя и молодой, но уже опытной матерью, она как-никак в свои 32 года воспитывала троих детей.

Нина приехала буквально накануне родов и через четыре

дня была помещена в акушерскую клинику, в положенное время у неё родился крепкий мальчик. Погостив у Алёшкиных после выписки около двух недель, эта новая семья – Сергей, Нина и их сын Вася, выехали в Кострому.

Борис и Катя вновь впряглись в свои повседневные заботы, а их прибавилось. Образовав свою семью, Нина больше не могла помогать семье брата, как раньше, и если посылала иногда деньги, то нерегулярно и меньшие суммы. Естественно поэтому, что наряду с занятиями в институте, которых на пятом курсе стало меньше, Борис снова начал работать в отделении неотложной хирургии при клинике профессора Керопьяна. Теперь он уже с успехом заменял врача, ему помогли опыт, полученный во время его предыдущей работы, а также практика в Архипо-Осиповке. Конечно, на качестве его работы отражался и всё более и более возрастающий объём его теоретических знаний.

Теперь Борис умел не только обрабатывать поверхностные кожные ранения и зашивать их при необходимости, но оказывал и более серьёзную помощь: накладывал гипс при переломах, вправлял вывихи и даже несколько раз самостоятельно оперировал острые аппендициты и ущемившиеся грыжи. Правда, в этих случаях для наблюдения за своей работой он всегда вызывал из клиники дежурного ассистента. Кроме того, Алёшкин совершенно самостоятельно проводил и необходимые операции по вскрытию всякого рода гнойников и абсцессов, в том числе и маститов. Конечно, в его

распоряжении имелся соответствующий высококвалифицированный средний медперсонал – фельдшеры и медсёстры, и только опираясь на их опытность и знания, Борис решался на выполнение тех или иных достаточно серьёзных оперативных вмешательств.

Вся эта работа происходила в свободное от занятий в институте время, и денег фактически не приносила. По-прежнему основная нагрузка по содержанию семьи лежала на плечах Кати. Для того, чтобы заработать как можно больше, она трудилась не только по вечерам, но и в выходные дни. А Борису приходилось тогда выполнять большой объём домашней работы.

Приближалась весна, с нею – экзаменационные сессии, а за ними – и госэкзамены. Но до этого, ещё в начале марта, в институте произошли, как это бывает и сейчас, распределения по местам. В институт поступила разрядка от Наркомата здравоохранения РСФСР, а кроме того, явились и вербовщики: представители отделов кадров НКВД, НКО, Морфлота и Крайнего Севера. После проведения общего собрания курса желающим студентам предоставлялась возможность побеседовать с этими вербовщиками и выбрать то или иное поприще. Из группы, в которой учился Алёшкин, только Сергеев договорился с представителем НКВД (кстати сказать, он после окончания института и до 1954 года так и прослужил в должности начальника санчасти одного из лагподразделений в каком-то отдалённом лагере НКВД). Почти все

другие студенты этой группы были людьми неюными, семейными и стремились попасть на работу в те места, где жили и работали до начала учёбы.

Бориса Алёшкина профессор Керопьян приглашал остаться в ординатуре своей клиники, и тот уже собирался принять это предложение. Но почти одновременно с этим в жизни Бориса произошло ещё одно, совсем неожиданное событие: его вызвали в суд в качестве ответчика.

Хозяин дома, в котором жила семья Алёшкиных, ещё в 1938 году женился второй раз. Его новая жена, моложе его лет на 15, настояла на том, чтобы он продал большую часть своего дома, т. е. две сдававшиеся внаём квартиры. Тот сделал, как она сказала, найдя в начале 1940 г. в качестве покупателей каких-то северян, пожелавших обосноваться в Краснодаре. Новые хозяева, купив дом с начинкой, как тогда говорили, первым делом постарались избавиться от жильцов этих квартир, которые, конечно, им были не нужны. Ни жившие в квартире, находившейся в глубине двора Нечитайло, ни семья Алёшкиных, занимавшая так называемую переднюю квартиру, выходившую окнами на улицу, освободить занимаемую площадь не захотели, да и не могли. Во-первых, потому, что на данном этапе жильё их устраивало, а во-вторых, потому, что в это время в Краснодаре был уже осязаемый жилищный кризис, найти квартиру многосемейным было просто невозможно. Новые домовладельцы подали на квартирантов в суд, вот и пришлось Нечитайло и Алёшки-

ну предстать в качестве ответчиков перед Народным судом третьего участка г. Краснодара по иску о выселении их из занимаемых квартир. Суд удовлетворил иск домовладельцев и обязал Нечитайло освободить квартиру в течение месяца, а Алёшкина, студента, – немедленно по окончании института, то есть не позднее июля 1940 года.

Нечитайло, старый кадровый рабочий, вскоре получил комнату от своего завода, и со всей семьёй (семь человек) стал жить в ней. А Алёшкины, по настоянию хозяина, переехали в его квартиру, оставив свою самую лучшую и большую из имевшихся в доме новым домовладельцам.

Этот суд совпал с периодом распределения будущих врачей, и потому Борис, зная, что институт не сможет ему предоставить жилья, а самому найти подходящую квартиру не удастся, от предложения профессора Керопьяна вынужден был отказаться.

Как студент-отличник он одним из первых был приглашён в комиссию по распределению. Ему предложили несколько мест в станицах Краснодарского края, Ростовской области, Северной Осетии и Кабардино-Балкарской АССР. Посоветовавшись с Катей и друзьями, Борис остановил свой выбор на КБ АССР, как наилучшей в климатическом отношении. После перенесённого в 1939 году плеврита он чувствовал себя всё ещё не совсем окрепшим. Да, надо сказать, что и Катя после нескольких лет такой напряжённой, изнуряющей работы, нуждалась в каком-то отдыхе. Если бы Борис остался

ординатором, его зарплата была бы так мала, что для более или менее нормального содержания семьи ей по-прежнему приходилось бы много работать. Вот и решил Алёшкин ехать в КБ АССР на место заведующего врачебным участком, а уж чистой хирургией заняться как-нибудь потом.

Весенняя экзаменационная сессия началась с первых чисел апреля. Борис теперь был занят серьёзной подготовкой к экзаменам и только изредка мог дежурить в отделении неотложной хирургии.

Глава двенадцатая

Однажды, во время его дежурства, около пяти часов вечера привезли девочку лет двенадцати, сбитую автомашиной. У неё имелось несколько тяжёлых ранений мягких тканей живота и бёдер и, кроме того, был открытый перелом правой голени. Борису предстояла сложная работа: надо было вправить перелом, очистить рану, загипсовать ногу, обработать и зашить разрывы мягких тканей. Девочка ослабла, она потеряла много крови, необходимо было сделать переливание. К счастью, нужная кровь в клинике нашлась. Пока Борис устанавливал систему для переливания крови, искал вену и вводил иглу, он заметил, что сестра перешёптывалась о чём-то с фельдшером и как-то странно на него поглядывала. Он подумал, что он сделал что-нибудь не так, но, проверив и убедившись, что всё правильно, кровь пошла нормально, а бледненькое личико девочки начало покрываться румянцем, успокоился.

В это время в операционную зашёл дежурный ассистент, он осмотрел всё сделанное Алёшкиным, одобрил его действия и, также странно посмотрев на него, сказал:

– Слушайте, Алёшкин, пройдите в клинику, там вас жена ждёт. О больной не беспокойтесь, мы завершим всё без вас и отправим её в палату. Завтра её посмотрите.

У профессора Керопьяна было заведено правило, что

больных, оперированных в неотложке, несколько дней одновременно с ассистентами и ординаторами клиники наблюдали и оперировавшие их врачи.

Борис, переодев халат, вышел во двор, пересёк его и направился в хирургическую клинику. Он предполагал, что Катя пришла, чтобы посоветоваться с Керопьяном насчёт своего здоровья. Уже около месяца её беспокоили боли в животе. Борис полагал, что это последствия каких-то простудных детских заболеваний, так как никаких данных за острый аппендицит не находил, но считал нужным проконсультроваться с профессором, тот любезно согласился её осмотреть.

Когда он шёл по коридору, убедился, что Кати там не было. Поискав её глазами, он собирался спросить дежурную медсестру. Та, увидев его, подошла сама. Весь персонал клиники знал Бориса, и сестра сразу сказала:

– Борис Яковлевич, она вот здесь, – и указала на дверь палаты № 7.

– Как здесь? Почему? – вырвалось у Бориса.

Сестра усмехнулась:

– Да не почему, а с чем, надо бы спросить, она здесь лежит. Её только что прооперировали, сам Кирилл Степанович! У неё самый обыкновенный аппендицит. Да вы не волнуйтесь, уже всё хорошо, сейчас сами с профессором поговорите, он как раз там. Когда она приехала, то хотели за вами послать, а тут профессор оказался. Он к вам собирался, ему сказали, что у вас тяжёлый больной. Зная, что ваша же-

на должна прийти, он увидел её и взял на осмотр, а затем приказал немедленно отвести в операционную. Сам пошёл мыться и сказал, чтобы вам пока ничего не говорили. Ну, а как закончил, и когда её в палату отвезли, он послал к вам Михаила Петровича, чтобы вас подменил.

Борис, уже почти не слушая сестру, быстро подошёл к двери палаты и, открыв её, почти нос к носу столкнулся с профессором Керопьяном. Тот, не давая ему открыть рта, спросил:

– Ну, как там у вас? Всё сделали? Кровь перелили?

– Да, да, – торопливо ответил Борис, – а здесь что?

– Острый катаральный аппендицит, вырезал собственноручно. Кажется, всё в порядке, пройдите к ней, а то она волнуется, но только, чур, долго не задерживаться, а я пойду, посмотрю вашу пациентку. Вот и проверим работу друг друга, – насмешливо закончил Керопьян.

Пропустив профессора, Борис вошёл в палату и сразу же среди шести коек увидел ту, на которой лежала его Катеринка. Она была бледнее, чем обычно, лежала на спине и бодро улыбалась ему. Борис подошёл к ней, нагнулся, поцеловал её и сел на стул рядом с кроватью. Остальные больные женщины немного удивлённо поглядели на доктора, целующего больную, с которой только что долго беседовал сам профессор.

– Борька, ты тут не сиди долго, иди скорей домой, там Меланья ведь уходить должна, Майю-то она принесла, наверно,

а за Ниной не сходилла. Эла во второй смене, так что Нину привести некому, она там, в детсаду, наверно, уже изревелась вся. Иди скорей за ней.

– Да как же так, почему сразу ты попала на операцию? Ты же хотела только показаться. Ты же знаешь, что тебе сейчас оперироваться было нельзя, как же это профессор-то не досмотрел?

– Ладно, ладно, потом расскажу, сейчас не до того. Кирилл Степанович очень хороший. Ко мне завтра придёшь, принесёшь чего-нибудь кисленького. Иди, иди, – снова повторила она и сморщилась. – Заморозка начинает отходить, больно становится.

Борис беспомощно оглянулся, но в это время в палату вошла сестра и оказала:

– Борис Яковлевич, пора! Кирилл Степанович сказал, чтоб вы уходили. Вашей жене покой нужен, я ей сейчас буду температуру мерить.

Борис поцеловал Катю и вышел из палаты. Сняв халат и запрятав его в свой старый потёртый портфель, он направился к детсаду, где и нашёл действительно зарёванную Нину и рассерженную воспитательницу, которой из-за неё пришлось задержаться на работе.

Дома, отпустив Меланью, Борис занялся хозяйством. Накормил детей, в том числе и вернувшуюся из школы Элу, и, поручив ей укладывать малышей спать, сел заниматься. На следующий день предстояло сдавать экзамен по глазным бо-

лезням.

Хотя Алёшкин прозанимался часов до двух ночи и успел добросовестно прочитать все конспекты, мало что из прочитанного укладывалось у него в голове. Все его мысли были заняты Катей: «Как она там? Ведь ей сейчас, наверно, очень плохо? И почему Керопьян решил вдруг сразу оперировать? А что я ей завтра понесу? Надо будет лимон купить, а ещё что? Печенье, может быть, сыру?» – так думал Борис и мысленно представил себе свою Катеринку. Ведь вот ей уже скоро 33 года, троих детей родила, а выглядит как 19-летняя девушка – такая же стройная, такая же подвижная, как и в юности, и удивительно трудолюбивая. «Как она сейчас много работает, и всё ведь из-за меня. Да, послала мне судьба замечательного спутника жизни, а я её так мало ценил», – думал он со стыдом. «А ведь я её так и не расспросил, почему операция была такой экстренной, завтра попробую...»

Экзамен по глазным болезням принимал любимый всеми студентами профессор Очаповский. Экзаменовал он обычно сам, ассистенты на его экзамене только присутствовали. Все дополнительные вопросы задавал только он. Очень часто, когда студент плавал в ответе, и любой другой профессор давно бы уже отправил его повторять материал и готовиться к переэкзаменовке, Очаповский, добродушно щуря свои близорукие глаза и ласково улыбаясь, продолжал задавать всё новые и новые вопросы. Наконец, убедившись, что студент всё-таки хоть что-то усвоил по его предмету, гово-

рил, обращаясь к ассистентам:

– Ну, вот видите, он (или она) кое-что знает! Поставим ему (или ей) «удочку» и попросим никогда не лечить глазные болезни.

Идя на этот экзамен, кажется, в первый раз за всё время учёбы в институте, Борис Алёшкин не чувствовал себя достаточно уверенно. «Хоть бы на «удочку» сдать!» – думал он, входя в кабинет Очаповского. Но, вероятно, помогла некоторая опытность в сдаче экзаменов за пять лет учёбы, да и то, что в течение года Борис регулярно конспектировал лекции и прорабатывал проходимый материал по учебнику. Он без особого труда довольно подробно ответил на вопросы билета и также чётко рассказал о методе профессора, академика Филатова, по лечению катаракты, о котором в своё время рассказывал на лекции Очаповский, бывший другом и последователем Филатова. В учебнике об этом методе ничего не говорилось, и тут уж Бориса выручила его память. Профессор, даже не дослушав его ответ на этот дополнительный вопрос, обернулся к своим ассистентам:

– Ну, тут мы можем быть спокойны, – и поставил Борису в зачётке «отлично».

Сдав экзамен, Алёшкин забежал в магазин, купил лимон, печенье, конфет, сыра, масла и со всем этим помчался в больницу. Зайдя в палату, где лежала Катя, он был встречен всеми больными уже как старый знакомый. Кате были свойственны большая общительность и какое-то особое умение

завоёвывать авторитет и уважение окружающих. В послеоперационной палате, где все больные обычно стонали, часто вызывали сестру и вообще вели себя беспокойно, она терпеливо переносила боль, а утром уже со всеми подружилась.

Кстати сказать, почти десять лет спустя Борису самому пришлось пройти через подобную операцию, и тогда он понял, как трудна была первая ночь для Кати. Она же, как ему говорили её соседки, вела себя бодро и стойко.

Все в палате уже знали, что эта молодая и худенькая женщина – мать троих детей, уже 12 лет замужем. Знали они и то, что её муж – студент последнего курса мединститута, иногда в неотложной хирургии подменяет врача. От дежурной сестры всем стало известно, что Борис Алёшкин в тот момент, когда оперировали его жену, спасал в неотложке пострадавшую девочку, поэтому после приветствия первым вопросом Кати был:

– Ну, как там девчужка-то? Ты у неё был? Видел её?

Борис даже растерялся, он, откровенно говоря, был так поглощён мыслями о жене, заботами о домашних делах и только что сданном экзамене, что как-то совсем забыл о своей маленькой пациентке. Поэтому он немного смутился и ответил:

– Я ещё у неё не был, прямо с экзамена к тебе. Как ты-то? Катя улыбнулась:

– Я отлично, видишь, даже смеюсь! Конечно, болит немного, ну да терпеть можно.

Все женщины наперебой заговорили:

– О, она у вас молодец! Мы ведь все тоже оперированные, знаем, как в первую ночь после операции бывает, а она хоть бы разочек застонала!

Катя замахала на них руками, что, видимо, причинило ей боль и, немного сморщившись, запротестовала:

– Да будет вам! Трусиха я ужасная, так боялась операции, а она оказалась совсем не страшной. Вот сейчас немного болит. И, самое главное, Борька, велит не шевелиться! Вот ведь какое несчастье-то, операция-то моя совпала, – она, немного покраснев, почти шёпотом добавила, – ну, ты знаешь, с чем... Тогда Кирилл Степанович на это внимание не обратил, а вот сегодня Михаил Петрович посмотрел и велел лежать на спине и не двигаться, а это самое трудное.

Тем временем, слушая жену, Борис вытаскивал из своего портфеля принесённые покупки и складывал их на тумбочку. Катя, увидев всё, что он принёс, возмутилась:

– Да ты с ума сошёл! Куда это мне столько, мне и вообще-то есть почти не дают! Ты, что, не знаешь разве? Бери сейчас же обратно большую часть, детям скормишь. Да зайди к своей пациентке и ей что-нибудь оставь.

Она настояла на том, чтобы Борис большую часть продуктов убрал обратно в свой портфель, а затем спросила:

– Да, а как твой экзамен-то? Не выгнал тебя Очаповский?

– Да что ты, он же никого не выгоняет. Я получил «отлично».

– Молодец! – гордо сказала Катя. – Ступай домой, занимайся хозяйством, детьми, да готовься к следующему экзамену. А ко мне каждый день не бегай!

– Ладно, ладно, ты поправляйся быстрее. А как же я не найду, если всё равно теперь каждый день в этой больнице буду, то на дежурстве, то на консультации. Следующий-то экзамен гинекология, а клиника профессора Вачнадзе в этой же больнице.

Поцеловав Катю и простившись с остальными больными, он вышел в коридор. Узнав у дежурной сестры, куда положили оперированную вчера в неотложке девочку, Борис открыл дверь в её палату. У постели больной сидела пожилая женщина с печальным лицом и заплаканными глазами. Сама девочка довольно бодро глядела своими чёрными глазками и, видимо, узнав подходившего врача, вдруг воскликнула:

– А вот и мой доктор пришёл! Здравствуйте!

Алёшкин направился к её кровати, но тут заметил у окна Кирилла Степановича Керопьяна и Михаила Петровича и подошёл к ним. Поздоровавшись, немного встревоженно спросил:

– Ну как, Кирилл Степанович?

– Что как? С женой, что ли?

– С девочкой! Да и с женой, конечно, тоже.

– С девочкой хорошо, всё правильно сделал, на «отлично». Думаю, недели через две выпишем, а через месяц-полтора и гипс снимем. А с женой не совсем ладно. Когда я её

посмотрел, то решил, что операция требуется срочная, а уже потом выяснилось, что оперировал-то я её в неподходящий момент. Ну, да организм у неё здоровый, будем надеяться, что со всем справится. Вы к ней что ли?

– Нет, я у неё уже был.

– А, теперь пациентку навестить пришли! Что же, это правильно, своих больных никогда забывать нельзя.

Через неделю Катя была уже дома, а Борис сдал следующий экзамен. Оставались ещё два, следом предполагался небольшой перерыв и самое главное – государственные экзамены.

Уже через два дня пребывания дома Катя начала рваться на работу, ведь за всё время болезни она могла получить деньги по больничному листу не из расчёта своего среднего заработка, а из размеров основного оклада, то есть меньше в несколько раз. Мы знаем, каким тяжёлым было финансовое положение этой уже довольно-таки многочисленной семьи, в деньгах они нуждались постоянно, и малейшее сокращение Катиного заработка заметно отражалось на их жизни. Несмотря на уговоры Бориса, Катя решила с понедельника, т. е. всего спустя неделю после выписки, приступить к работе, хотя её больничный лист ещё не был закрыт. Да и дома-то, только что вернувшись из больницы и увидев кучу грязного детского белья, Катя не могла откладывать необходимую стирку.

Борис в субботу отправился досрочно сдавать предпо-

следний экзамен, а Катя, проводив Элочку в школу, Нину в детсад и отнеся Майю в ясли, решила заняться глаженьем. Пожалуй, следует напомнить, что стирка в то время проводилась с применением такой «машины», как стиральная доска и хозяйственное мыло, это требовало значительных физических усилий. Катя во время стирки и на следующий день чувствовала какие-то неясные боли внизу живота. Конечно, она никому об этом не говорила и сама старалась не обращать на них внимания.

Глажение выстиранного белья проводилось тяжёлым утюгом, нагреваемым углями. Для того, чтобы угли как следует разгорелись, нужно было этим утюгом как следует помахать, Катя так и сделала. Как раз в это время она внезапно почувствовала сильную боль в животе, ей пришлось поставить утюг, а сама она, скорчившись, опустилась прямо на пол. Боль длилась несколько минут, затем прошла. Катя решила, что это пустяки, и всё уже прошло. Она поднялась, положила перед собой гладильную доску, поставила на неё разогревшийся утюг, расстелила на доске какое-то бельё и только начала гладить, как вдруг дверь отворилась. Она увидела на пороге своего брата Андрея, а за ним Митю Сердеева. Появление этих людей было так неожиданно и так обрадовало Катю, давно уже не видевшую брата и Митю (о котором думала, что он в заключении), что она даже растерялась и в первые мгновения изумлённо смотрела на вошедших, не зная, что сказать. Гости тоже как будто немного смутились,

однако первым опомнился Андрей. Он шагнул вперёд и, подойдя к сестре, своим обычным, чуть глуховатым негромким голосом произнёс:

– Ну, здравствуй что ли! – и обнял Катю.

Затем она также обнялась с Митей Сердеевым, но всё это делала, как во сне, потому что в животе у неё вновь возникла совершенно необъяснимая, но такая сильная боль, что она едва держалась на ногах. В её сознании мелькала мысль, что надо бросить гладить и что-то приготовить, чтобы угостить приехавших гостей, но всё это было как в каком-то тумане. Неожиданно она побледнела, слегка вскрикнула и как подкошенная упала на пол. От нового приступа боли она потеряла сознание.

Андрей воскликнул:

– Катерина, да ты совсем больна, как же тебя одну оставили? Где Борис-то? Ах ты, Боже мой, что же делать-то? – с этими словами он подхватил сестру на руки и положил на кровать.

Катя пришла в себя.

– Ну что, тебе лучше? Что с тобой? Чем помочь-то, говори, – продолжал спрашивать Андрей.

Катя слегка застонала и едва проговорила:

– Я после операции... Что-то с животом... – и от нового приступа боли вновь потеряла сознание.

Андрей понял, что нужна немедленная медицинская помощь. Он обернулся к Сердееву:

– Беги, Митя, позвони по телефону, вызови врача. Выясни, где тут поблизости телефон есть. Скажи, что ей очень плохо, и нужно в больницу срочно, а я с ней побуду.

Узнав от соседей, что телефон есть в булочной и что врача нужно вызывать из Первой городской больницы, откуда выезжают, чтобы оказать скорую помощь на дому, Сердеев побежал к булочной. Машина пришла через полчаса. За это время Катя несколько раз приходила в себя и отрывочными фразами, довольно бессвязно сумела рассказать о только что перенесённой операции аппендицита и об этих неожиданно появившихся сильных болях, которые доводили её до потери сознания.

Встреченный Митей врач осмотрел Катю и обнаружил у неё, кроме резкого напряжения брюшной стенки, повышенную температуру. Он поставил грозный диагноз – перитонит. По его словам, больная нуждалась в немедленной госпитализации.

Вы помните, что это происходило в начале апреля, то есть в самый разгар весны. В это время на Кубани и в Краснодаре, особенно на его окраинных немощёных улицах, бывала такая непролазная грязь, что передвигаться приходилось лишь по узким плохоньким тротуарам, а перейти улицу можно было, только погрузившись в вязкую чёрную грязь почти по колени. Автомашина скорой помощи едва смогла добраться до Садовой улицы, то есть почти за полтора квартала от того дома, где жили Алёшкины.

Катя, хотя и почувствовала себя немного лучше после укола, сделанного врачом, идти к машине сама не могла. Гости, появившимся у Алёшкиных после многих лет разлуки, пришлось тащить на носилках свою заболевшую родственницу. Катя успела попросить их остаться дома, хозяйничать самим и дожждаться Меланью или Бориса. Они её успокоили.

Машина ушла, а гости, вернувшись в пустую квартиру, принялись за хозяйство. Прежде всего, они убрали раскиданное во время всей этой истории бельё, вынесли на улицу утюг, растопили плиту и поставили кипятиться чайник. Оба они прекрасно знали, каково материальное положение этой семьи, поэтому ещё по дороге к ним закупили разных продуктов: колбасы, консервов, масла, хлеба, булок, пряников, конфет для детей и две бутылки водки.

Пока они приводили квартиру в порядок, пока кипятился чайник, время подошло к часу дня. Обычно в это время возвращалась из школы одиннадцатилетняя Эла. Когда она вошла в квартиру и увидела двух мужчин, она очень испугалась и даже собралась бежать к соседям, чтобы звать их на помощь. Но почти сразу же она вспомнила по имевшимся у них фотографиям дядю Андрея и дядю Митю и немного успокоилась. Узнав, что мама опять попала в больницу, Эла расплакалась. Оба дяди усадили девочку за стол и стали пить чаем с пряниками и конфетами.

Около двух часов дня пришла Меланья. Она в это время, пока Катя была в больнице, всегда приходила, чтобы приго-

товить обед и принести из яслей Майю. Увидев гостей, она, как и Эла, вначале испугалась. Узнав, что это ближайшие родственники хозяев, Меланья успокоилась и только была огорчена, что Екатерина Петровна вновь заболела.

Несмотря на только что пережитый страх, волнение за Катю и то беспокойство, которое их не покидало, когда они узнали, что её необходимо немедленно везти в больницу, оба мужчины невольно рассмеялись, услышав, как величают их Катю, эту девчонку, – Екатериной Петровной. В их сознании как-то до сих пор не укладывалось, что она уже совсем взрослый и солидный человек.

Между тем, Меланья успела слазить в «холодильник», т. е. вытащить из колодца привязанные на верёвке кастрюли с борщом, сваренным Катей накануне, и тушёным мясом с фасолью. Решив, что этого хватит накормить гостей и детей, она отправилась за Майей.

Борис, сдав предпоследний экзамен по психиатрии на «отлично», в самом радужном настроении возвращался домой. Путь из клиники психзаболеваний проходил мимо детсада, где находилась Нина, и Борис решил забрать её домой пораньше, чтобы не ходить за ней после. С трудом перетащив дочку через улицу на ту сторону Базовской, где был их дом, он, весело разговаривая с ней, приближался к нему. Борис не ожидал, что так быстро управится с экзаменом, он думал быть дома не раньше 5–6 часов вечера, и предупредил об этом Катю. Сейчас было около трёх – он знал, что Катя об-

радуется его раннему приходу, радовался и сам. Ну а Нина была довольна уже тем, что её взяли из детсада на целых три часа раньше. Так они и шли в самом весёлом настроении.

Дома их ждала и неожиданная радостная встреча, и известие о новом несчастье. Увидев около своего крыльца сидящих с папиросами Андрея и Митю, Борис очень обрадовался. Нинка, как всегда при встрече с незнакомыми, а оба этих дяди были для неё совсем чужими, спряталась за папу, уцепившись за его штаны. Борис, обнимаясь с обоими родственниками, звал их в дом, радостно и возбуждённо докладывая о том, что ещё один трудный экзамен одолел и что теперь остался последний, а там уже он настоящим врачом будет. Госэкзамены – это уже невысокий порог, его-то он преодолет. Войдя, он удивился:

– А где же Катя? Почему она меня не встречает? Она же сдачу моих экзаменов, как свою воспринимает! Да, и на самом-то деле, что бы я без неё с этой вот колготнёй делал? – он показал на Элу и Нину, которые, уже взявшись за руки, стояли в дверях квартиры. – Ведь если б не она, так не то что экзамены, а вообще я учиться не смог бы. Катенька, где ты там? Почему мужа не встречаешь?

Но тут Эла не выдержала, слёзы побежали у неё из глаз и она, всхлипывая, проговорила:

– А маму опять увезли в больницу.

– Как опять, почему? – растерянно спросил Борис.

Андрей и Митя усадили его на лавку и, как могли, пере-

сказали ему те события, свидетелями и участниками которых они были.

– Какой диагноз поставил врач? Как вы сказали, повторите, – нетерпеливо говорил Борис.

– Кажется, перитонит, – ответил Андрей.

– Перитонит? – воскликнул Борис.

Он-то хорошо понимал, какое страшное заболевание диагностировал врач у его жены. Даже теперь, спустя почти полвека, перитонит вызывает серьёзные опасения у всех лечащих врачей, а в то время подобный диагноз был равносителен смертному приговору. Если с операцией хоть немного запаздывали (проходило более шести часов), этот приговор судьбой приводился в исполнение.

Легко понять поэтому, какой тревогой наполнилось сознание Бориса и как сжималось его сердце, когда он, не дослушав до конца рассказ Андрея и Мити, уже мчался в больницу, куда, как ему сказали, отвезли Катю. Через полчаса, уже в халате, он в приёмном покое узнал у дежурного врача о том, что Екатерина Алёшкина поступила в больницу с предполагаемым диагнозом «перитонит», что её уже осмотрел профессор Керопьян и диагноз этот не подтвердил. Обнаружилось сильное маточное кровотечение, значит, имелись основания подозревать внематочную беременность или искусственный аборт. Для консультации был приглашён профессор Вачнадзе, заведующий кафедрой гинекологии. Он тоже осмотрел больную и положил её в своё отделение.

Через несколько минут после этого Борис уже явился в палату, где лежала его Катя. Боли, которые причиняли ей такие невероятные страдания, прошли, она чувствовала себя опять чуть ли не полностью здоровой. Увидев входящего Бориса, она попыталась присесть на кровати, но находившаяся в палате сестра строго на неё прикрикнула:

– Больная, вы забыли, что сказал профессор Вачнадзе? Две недели лежать на спине, не вставая! Или вам опять хочется под нож попасть, теперь уже к другому профессору? Лежите спокойно!

Тем временем Борис подошёл к кровати, на которой лежала жена, и тоже потребовал, чтобы она не шевелилась. Сестра, думая, что Алёшкин – кто-нибудь из дежуривших студентов-кураторов, ещё раз подтвердила распоряжение Вачнадзе:

– Вот, слышите, и молодой доктор тоже говорит, лежите спокойно.

С этими словами она вышла из палаты.

Катя набросилась на Бориса с вопросами:

– Ты Андрея и Митю видел? Разговаривал с ними? Зачем они приехали, просто в гости? Ты их покормил? Там на сегодня еда есть, а на завтра скажи Меланье, пусть купит и приготовит. Деньги там, в комодке, ещё есть немного. Ну а если не хватит, сходишь в «Круглик» и по моему больничному листу получишь. Вот от Нины что-то давно нет, ну, да ей ведь теперь не до нас, у неё своя семья образовалась. Да,

а как с экзаменом-то?

– Отлично!

– Ну, я так и думала. Ты ведь у меня молодец! Да и я тоже почти совсем здорова. Я думаю, что дней через пять дома буду. И чего это сестра придумала – две недели лежать? Да разве я пролежу? Я от одного лежания заболую!

В перерыве между Катиными фразами Борис сумел кое-как объяснить ей, что с родственниками он поговорить пока не успел: узнав о её болезни, немедленно отправился в больницу. Завтра он её навестит, принесёт ей продуктов, а в понедельник поговорит с Вачнадзе и всё как следует узнает.

– А пока, – сказал Борис, – надо строго выполнять то, что он приказал. Вачнадзе зря не скажет.

Поцеловав свою Катюшу, Борис вышел из палаты. Домой он возвращался уставший и голодный, но уже значительно более успокоенный. Пока он сидел у Кати, успел прочитать на температурном листке, висевшем на её кровати, диагноз заболевания, который ей был поставлен уже в гинекологической клинике самим профессором Вачнадзе, – «острый двухсторонний аднексит», воспаление яичников. Заболевание это было тоже достаточно серьёзным и требовало длительного лечения, а иногда и вмешательства хирургов-гинекологов, но оно непосредственно жизни больной не угрожало. Самое главное, чем оно могло навредить впоследствии, это привести к бездетности. Очевидно, воспаление явилось следствием того, что аппендэктомия делалась в неподходя-

щий период, как деликатно выразился Керопьян, то есть, по-просту, во время менструации, что тогда считалось серьёзным противопоказанием. Между прочим, как впоследствии узнал Алёшкин, у профессоров Керопьяна и Вачнадзе по поводу этого случая были довольно большие разногласия.

Домой Борис вернулся часов в восемь вечера. Уже темно. Меланья успела принести Майю, накормить детей и гостей, и маленьких даже уложить спать. Когда Борис входил в кухню, она уже укутывалась в свой большой шерстяной платок, с которым, кажется, не расставалась ни зимой, ни летом, и собиралась уходить домой. Борис достал деньги из комода, дал ей и, так как следующим днём было воскресенье, и он намеревался весь день провести дома, то попросил её только сходить в магазин и на базар, купить и принести продукты. Обед он решил сварить сам, также и понынчиться с детьми. Борис просил Меланью в понедельник прийти утром пораньше, чтобы отнести Майю в ясли, отправить Элу в школу, а Нину в детсад. Ему в этот день предстояло сдавать последний экзамен, а перед этим хотелось поговорить с профессором Вачнадзе.

Проводив Меланью, Борис подсел к кухонному столу, за которым сидели Андрей и Митя. Они уже пообедали и поужинали, и сейчас, в ожидании Бориса и известий о Кате, разговаривали о разных семейных делах. Перед ними стояла наполовину опорожнённая бутылка водки и два стакана. Когда Борис, налив себе из стоявшей на плите кастрюли борща,

уселся за стол, гости стали настаивать, чтобы он тоже выпил водки. У него не было абсолютно никакого желания, но пришлось всё же выпить налитые полстакана, затем он с жадностью принялся за еду.

Наевшись и закурив, Борис с большим интересом выслушал рассказ Мити о его приключениях, мы о них уже знаем. Рассказывая о том, что ему пришлось пережить, Дмитрий Яковлевич Сердеев подливал да подливал себе из бутылки, и к концу его рассказа она опустела. Правда, он предлагал налить и Андрею, и Борису, но те категорически отказывались. Следует отметить, что оба они почти никогда не пили ни вино, ни водку. Если иногда и опрокидывали одну-две рюмки, то только по каким-нибудь торжественным случаям, да и то в самое последнее время. У Андрея перед глазами был пример его отца, который своим пьянством, по существу, развалил семью, сделал несчастной мать, и поэтому как к пьяницам, так и к самой водке у него выработалось какое-то инстинктивное отвращение.

Борис ещё хорошо помнил то время, когда он сам голосовал за исключение из комсомола тех, кто выпил хотя бы рюмку водки. Да и во всей семье Алёшкиных отношение к спиртным напиткам было резко отрицательное, поэтому в компании после одной-двух рюмок он от дальнейших угощений отказывался. К тому же слишком свежим был в его памяти случай, когда, поддавшись на уговоры приятелей, он напился так, что не только потерял своё достоинство, но совершил

такое преступление, такой проступок, так оскорбил свою Катеринку, что запомнил это на всю жизнь.

Совсем иначе было в семье Сердеевых: без водки у них, собственно, не проходило и дня. Дмитрий Яковлевич, как и его братья, привык всё свободное время проводить за выпивкой. Отдых, праздник без вина для них был не праздник. Впоследствии это очень тяжело отразилось не только на самом Дмитрие Сердееве, но и на его сыновьях. Но в описываемое нами время, когда Митя был ещё сравнительно молод, своё пристрастие к водке он объяснял так:

– Если бы вы, – говорил он, обращаясь к Борису и Андрею, – испытали то, что испытал я!.. Если бы вы видели ту оборотную сторону медали, которую видел я, вы бы не так ещё запили... Ведь все мои идеалы, всё, за что я воевал в партизанах в 1920 году, за что я сражался с кулаками в 1930-х годах, оказалось втоптаным в грязь! Ведь вместе со мной среди настоящих бандитов, воров и грабителей, находились честные советские люди: старые коммунисты, прошедшие годы на царской каторге и в царских тюрьмах, люди, которые не раз жертвовали своей жизнью, не раз проливали свою кровь за наш советский народ, за партию. Они вдруг оказались врагами народа, как это могло случиться?! Я этого понять не могу. Ну, со мной как-то разобрались, но ведь это произошло только потому, что моя Людмила Петровна десятки раз стучалась во все двери, до самых высоких! И что же оказалось? Что я отбыл три года в тяжелейших условиях

заклучения ни за что! Что я совсем, совсем ни в чём не виноват! Меня не только освободили, а беспрекословно, без какого-либо замечания и в партии восстановили, вот как раз сегодня и билет вернули. Я за тем сюда и приезжал. Но ведь три года жизни у меня вычеркнули! Люди, которые это сделали, спокойно сидят на своих местах. Мало того, теперь, когда я вернулся полностью реабилитированным и мне предлагают снова занять ту же должность, с которой меня арестовали, эти люди по уголкам продолжают шушукаться и утверждать, что, видимо, за Дмитрием Сердеевым что-то было, зря бы три года не продержали... Теперь, как ни смывай, а пятно-то это останется. С этого запьёшь! – и Дмитрий Яковлевич допил остатки водки из своего, уже почти пустого, стакана.

Во всё время рассказа Сердеева, Борис молчал и думал. Думал он о том, а что же произошло с ним, с Борисом Алёшкиным. Его вышвырнули из партии, по существу, без всякой мало-мальски серьёзной причины, приписав ему такие проступки, которых он никогда не совершал, и которые по самому своему содержанию можно было бы назвать попросту глупыми. Припомнилось ему, что когда он рассказывал о своём состоянии после исключения тому же Дмитрию, бывшему в то время партийным работником, с каким недоверием тот слушал его исповедь. Так и казалось, что он воскликнет:

– У нас зря не исключают!

Ну, а сейчас он на себе испытал, как это бывает. Научило ли это его чему-нибудь?

Затем мысли Бориса невольно обратились к брату: «Ну вот, взяли Борьку – мальчишку! За что? Где он? Что с ним? Рассказать об этом сейчас Сердееву? Нет, – подумал Борис, – не нужно! Он ведь не поймёт! Это он сейчас под влиянием водки так распустился, а протрезвеет и опять будет кричать. слава Сталину, он непогрешим, и его действия, а также и действия его ближайших соратников, могут быть только правильными! Лучше промолчать». Однако он всё-таки спросил:

– Ну и что же ты решил?

– Решил уехать из Ейска. Поеду опять на Дальний Восток, в Хабаровск. Я там списался кое с кем из тех, кто уцелел. Обещают дать работу в крайисполкоме. Милочка закончила заочный институт, сейчас педагог с высшим образованием, так что для неё работа тоже всегда найдётся. Вот так-то...

В разговор вмешался Андрей:

– Ты, Борис, знаешь, я тоже из Ейска уехал. Как только Митю посадили, стали и на меня косо смотреть, как-никак родственник репрессированного. Пришлось работу на заводе оставить... А тут такой случай подвернулся: Тамара с мужем в город Бор, около Горького, переселилась, к себе звала. Я поехал. Место понравилось, поступил столяром на один из Горьковских заводов. В Бору получил участок земли, сейчас на нём маленькую хибарку строим. Наташа и ребята пока в Ейске живут. К себе я их взять ещё не могу, некуда, может быть, через полгода или год, а пока придётся врозь по-

жить. Пока Милочка в Ейске жила, Наташа была согласна там жить, а сейчас, когда Сердеевы уезжать собрались, она никак не хочет оставаться. Вот и приехал поговорить, может, она где-нибудь здесь устроится? Ты не подскажешь, Борис?

Тот довольно уверенно ответил:

– Здесь недалеко есть Шорно-седельная фабрика, там всё время рабочие нужны, особенно женщины. Работа, правда, не очень лёгкая, но, как видишь, найти её нетрудно, а вот с жильём – это труднее. Впрочем, завтра поговорим с нашим хозяином Давыдычем. У него знакомых много, может быть, он что-нибудь и посоветует. А сейчас давайте-ка спать, уже скоро два часа ночи. Меланья вам обоим на полу постелила, вон в той большой комнате, там ещё Эла и Нина спят, ну а я с Майей на нашей постели буду спать.

Прошло ещё около получаса, и в этой маленькой квартирке на окраине города Краснодара наступила полная тишина, прерываемая только храпом Мити да Мопса.

Мопсом, как мы знаем, звали большого бульдога, жившего у Алёшкиных уже около двух лет. Эта огромная собака была как бы членом семьи и по ночам укладывалась на свою подстилку у входных дверей. Это было надёжнее любого замка.

На следующий день поговорили с Давыдычем, продавшим, как известно, свой большой дом и поселившимся с женой и сыном в другом, маленьком, стоявшем не в этом дворе. Его семья занимала половину дома, вторую половину он был

согласен сдать за подходящую цену. Андрей остался очень доволен тем, что всё так хорошо устроилось. Заплатил Давыдычу за полгода вперёд и, попросив Бориса помочь Наташе в поступлении на работу, решил в этот же день вернуться в Ейск. Митя, с утра расправившись с оставшейся второй бутылкой водки, был уже в таком состоянии, что соглашался ехать с Андреем куда угодно.

Перед отъездом Андрей, расспросив у Бориса, вернувшегося из больницы, о Кате и узнав, что её состояние довольно серьёзное и что она проболит не менее двух-трёх недель, да и после выздоровления будет вынуждена какое-то время избегать всякой физической работы, решил помочь Алёшкиным. Он сказал:

– Сейчас мама у Тамары, у которой двое ребят, но Тамара здорова, да и я буду там рядом. Скоро и Женя приедет, она тоже хочет жить в этом городке. Я думаю, что пока там можно обойтись и без маминой помощи, пусть она у вас поживёт, Кате поможет.

Борис с радостью согласился на это предложение. Как ни тяжело было материальное состояние их семьи, такой человек, как Акулина Григорьевна, всегда мог принести только пользу.

Катю выписали из больницы через две недели. Она после этой второй госпитализации очень ослабела. У Бориса теперь появилось значительно больше свободного времени: он за время болезни жены успел сдать последний экзамен,

а сейчас готовился к государственным экзаменам, это отнимало не так много времени. Конечно, полностью заменить жену он не мог, и ей пришлось бы трудно, если бы Андрей не выполнил своего обещания и не прислал маму. Акулина Григорьевна, приехав, сразу же взяла все хозяйственные домашние дела в свои руки и дала возможность Кате окрепнуть, а Борису спокойно готовиться к госэкзаменам.

Как-то в беседе между собой Алёшкины помечтали о том, что неплохо было бы, если бы мама пожила у них, когда они переедут на новое место, где Борис уже будет врачом. Но их мечтам, даже о том, чтобы мама пробыла у них до окончательного выздоровления Кати, не суждено было осуществиться. Немногим больше, чем через неделю после приезда Акулины Григорьевны, пришло гневное письмо от Тамары, которая осыпала незаслуженными упрёками и даже оскорблениями и сестру, и её мужа за то, что они посмели забрать к себе маму, которая так необходима ей, Тамаре. Между прочим, в письме имелись такие фразы: «Вы вспоминаете о маме только тогда, когда она вам нужна! Я этого позволить не могу, и поэтому требую, чтобы вы немедленно вернули маму ко мне!»

Как содержание, так и тон письма глубоко оскорбили Алёшкиных. Они никогда бы не осмелились сами вызывать маму, если бы не предложение Андрея. Уезжая с Дальнего Востока все её дочери, в том числе и Тамара, оставили мать на произвол судьбы, и неизвестно, что бы с ней случилось, ес-

ли бы не Алёшкины, которые увезли её с собой. Они тогда нуждались в её помощи, однако, как только Сердеевы начали настаивать на приезде мамы, да и сама она изъявила такое желание, то и Борис, и Катя немедленно с этим согласились.

Получив такую отповедь от Тамары, супруги решили немедленно отправить маму в Бор. Однако перед этим они, не упоминая о том, как глубоко их обидело письмо Тамары, сообщили Акулине Григорьевне, что Тамара просит её вернуться. После недолгого раздумья Катина мама решила уехать.

Этот эпизод оставил такое неприятное чувство у Алёшкиных к Тамаре, что в дальнейшем они с ней настоящих родственных отношений уже не поддерживали.

Спустя месяц после выписки Кати из больницы она приступила к работе, а у Бориса начались госэкзамены. Председателем экзаменационной комиссии был профессор Миранов, зам. директора Ростовского медицинского института. Говорили, что он очень строг и придирчив, и все выпускники основательно трусили. Конечно, волновался и Борис. Он, правда, был уверен в том, что экзамены сдаст. Но ему, как и ещё двум или трём студентам их выпуска, очень хотелось получить диплом с отличием, ведь в течение всех пяти лет учёбы у него была только одна четвёрка. Для получения заветного диплома требовалось все госэкзамены сдать на пятёрки, это было нелегко.

Однако, когда экзамены начались, у Алёшкина, как и во

время сдачи обычных институтских экзаменов, появились спокойствие и уверенность. Он, как выражаются спортсмены, обрёл какое-то второе дыхание и отвечал на попадавшие ему в билетах вопросы с такой уверенностью и твёрдостью, что оказался-таки в числе тех четырёх счастливицков, которые получили дипломы с отличием. Если принять во внимание, что в 1940 году Кубанский мединститут выпустил около 400 врачей, из них только четверых с отличием, то гордость Бориса Алёшкина была понятна.

Решение госэкзаменационной комиссии состоялось 29 июня 1940 года, а дипломы выпускникам, в том числе и нашему герою, вручались 1 июля 1940 года на торжественном вечере, посвящённом выпуску. По поручению студентов, с ответной речью на поздравления преподавателей и других лиц, присутствовавших на этом вечере, выступил Борис Алёшкин. Он постарался вложить в свои слова всю страстность и энергию, на которую был способен. В выступлении от имени выпускников он дал слово выполнять обязанности врача, использовать полученные от своих преподавателей знания на пользу советскому народу с таким старанием, чтобы им никогда не пришлось краснеть за своих учеников. Выступление было встречено горячими аплодисментами как студентов, так и преподавателей.

После торжественной части организовали товарищеский ужин, танцы и просто дружеские беседы. Многие из выпускников впервые сидели за одним столом со своими препода-

вателями, пили вино, произносили тосты, шутили и радостно смеялись. Как-никак, а пять лет тяжёлого труда за учебниками и конспектами остались позади, а впереди... Да, большинство не знало, что их ждёт впереди. Многие, особенно молодые, видели будущее в радостном, радужном свете, и далеко не все представляли, что настоящая учёба, с суровым преподавателем – жизнью только начинается, и что на их долю в особенности достанется очень много тяжёлых испытаний.

Пожалуй, серьёзно об этом думали всего десятка полтора человек. Это были люди, ещё до института немало пережившие и понимавшие, как трудно им придётся в будущем. Хотя весёлое оживление было и среди них, но вместе с тем они вели и серьёзные беседы, стараясь напоследок наговориться друг с другом. В этой группе были такие люди, как старый фельдшер Мартыненко, акушерка Мальцева, бывший лётчик Быков, бывший судья Акоев, командир запаса Сергеев и другие. Среди них находился и наш герой Борис Алёшкин. Эта группа окружила наиболее любимых профессоров – К. С. Керопьяна, Очаповского, ректора института Авророва и долго беседовала с ними на самые различные темы. Лишь в пятом часу утра, спохватившись, что уже многие молодые выпускники, разбившись на парочки и мелкие группы, понемногу покидали рекреационный зал, где проходил ужин, выходили на улицу и в парк, стали и они расходиться. Никто из них не знал, что это их последняя встреча, что больше

они никогда не соберутся. Лишь по отдельности им удастся встретиться с некоторыми из присутствовавших здесь через много, много лет.

Домой Борис явился в шесть часов утра. Его верная Катя, хотя и лежала на постланной на полу перине (летом из-за жары они почти всегда спали на полу), не спала и встретила мужа слезами. Это был и упрёк за то, что он так долго не приходил, но это были и слёзы радости о том, что теперь все эти тяжёлые годы закончились, впереди у Бориса хорошая специальность, обеспеченная работа, и что теперь всей семье Алёшкиных будет жить намного легче. Борис обнял свою Катеринку, как мог, успокоил её, а там молодость взяла своё, и они оба сладко уснули.

На следующий день Алёшкин получил стипендию за два месяца вперёд, так как ему полагался отпуск после окончания учёбы. Он решил его не использовать, а немедленно выехать в Кабардино-Балкарию, куда получил распределение, чтобы познакомиться с новым местом работы и побыстрее переехать.

Хозяева дома, зная, что судом Алёшкину разрешено проживание в их доме только до окончания учёбы, всё настойчивее требовали освобождения квартиры. Конечно, если бы Борис подумал об этом заранее, то мог бы занять квартиру во втором домике Давыдыча, и если бы ему в Кабардино-Балкарии почему-либо не пришлось по душе, он мог бы остаться работать в Краснодаре. Кстати сказать, во время послед-

ней беседы на выпускном вечере профессор Керопьян ему это и предложил, заявив, что место в хирургической клинике Первой городской больницы для него всегда найдётся. Но теперь, когда в этой квартире поселилась со своими детьми жена Андрея Наташа, переехавшая в Краснодар из Ейска, остаться здесь было невозможно. Ничего другого, как Кабардино-Балкария, для Бориса не оставалось.

В первых числах июля он уже приехал в отдел кадров Наркомздрава Кабардино-Балкарской АССР. Зав. отделом кадров, немолодой кабардинец, не очень чисто говоривший по-русски и, как сразу стало видно, к медицине имеющий самое отдалённое отношение, получив новое пополнение (впоследствии выяснилось, что из Кубанского института в этом году в Кабарду направили трёх человек), не обращал внимания на дипломы, а старался укомплектовать наиболее удалённые от столицы республики, города Нальчика, участки, и преимущественно те, где врачи обычно не задерживались. Особенно он поступал так с теми, кто не имел никакой протекции. Опять-таки, как выяснилось потом, двух других выпускников, имевших кое-какую «руку» среди руководящих работников Нальчика, он оставил в городе: одну назначил на должность инспектора в отделе Наркомздрава, а другую направил в только что открывшийся дом отдыха под Нальчиком, в Долинск.

Вот и пришлось Алёшкину попутешествовать по горным аулам Кабардино-Балкарии в поисках более или менее под-

ходящего места. А если принять во внимание, что в его распоряжении не было никакого транспорта, и большую часть путешествия ему пришлось проделать пешком или на попутных машинах с ночёвкой в каком-нибудь сарае, то понятно, что эти поездки отняли немало сил. Питался он при этом чем попало и как попало, поэтому немудрено, что после третьего такого посещения одного из аулов, в котором, как и в предыдущих, не было не только больницы, но даже и выделенная под амбулаторию сакля была заколочена досками, и никаких медицинских работников там уже в течение полугода не имелось, то Борис вернулся в гостиницу совершенно разочарованным. Он решил на следующий день добиться приёма у наркома здравоохранения и потребовать предоставления ему места в какой-нибудь районной больнице как хирургу, учитывая, что у него диплом с отличием. Но этого не случилось. Часов в 10 вечера он почувствовал сильный жар, и началось обильное послабление, повторявшееся многократно. Вызванный по его просьбе врач установил дизентерию. И Борис Алёшкин вместо дальнейших поисков работы был госпитализирован в инфекционное отделение Нальчикской городской больницы.

В то время дизентерия считалась заболеванием очень серьёзным. Лечение её проводилось довольно примитивно, главным образом, с помощью диеты и постельного режима, из медикаментов употребляли только слабый раствор глауберовой соли. Врач, лечивший Алёшкина, узнав, что перед

ним коллега, добыл где-то бактериофаг, применение которого значительно ускорило лечение. Тем не менее пребывание Бориса в больнице, несмотря на сравнительно быстрое улучшение общего состояния, должно было продолжаться не менее двух недель, причём выйти из больницы он сумел только тогда, когда результаты анализов показали, что он здоров. При помощи этого же отзывчивого врача Борис послал телеграмму Кате, чтобы успокоить её и объяснить причину своей задержки.

Лечащий врач имел полезные знакомства в Наркомздраве Кабардино-Балкарии. Перед выпиской своего больного он связался со знакомыми и попросил их побеседовать об Алёшкине в отделе кадров.

Когда наш герой явился в отдел кадров и довольно зло заявил посылавшему его заведующему, что если Наркомздрав Кабарды не может ему предложить ничего другого, кроме того, что он видел, то он вынужден будет вернуться в институт и просить назначения в другое место:

– Те аулы, куда вы меня посылали, имеют не врачебные, а фельдшерские пункты. Кроме того, что там нет никаких условий для работы врача, там абсолютно негде жить семейному человеку. Сельсоветы отводят и для работы, и для жилья одну саклю, в которой и одному-то человеку поместиться негде, а о том, чтобы жить семьёй в пять человек, и думать нечего! Всё местное население по-русски не говорит, а я пока по-кабардински не научился. Так что, если в вашей

республике ничего более подходящего нет, то верните мне моё направление, и я спокойно от вас уеду!

То ли сердитая тирада Алёшкина подействовала, то ли сказалась появившаяся протекция, но зав. отделом кадров на этот раз оказался более внимательным и вежливым. Он предложил Борису осмотреть Майский район. Там, он сказал, население говорит по-русски и, по их данным, имеется несколько мест как в самом районном центре, так и в некоторых станицах.

– Сообщение между Нальчиком и Майским, расположенным на железнодорожной станции Котляревской, хорошее, путешествие туда займёт немного времени. Ну, а уж если и там вы ничего подходящего не найдёте, тогда мы вас отпустим, – заключил свой ответ зав. отделом кадров.

На следующий день, рассчитавшись с гостиницей, Борис отправился в посёлок Майский, куда благополучно прибыл поездом после полутора часов езды. Он без труда нашёл районный отдел здравоохранения, в котором застал двух фельдшеров: один исполнял обязанности районного эпидемиолога, а другая была кем-то вроде секретаря или заместителя заведующего райздравом.

Алёшкину объяснили, что заведующая здравотделом – врач Раиса Иосифовна Белова одновременно работает терапевтом в поликлинике и сейчас находится на приёме. Чем её ждать, лучше пойти прямо в поликлинику и там с ней поговорить. Пожилая, довольно-таки любезная женщина взялась

сама проводить Бориса.

Раиса Иосифовна приняла Алёшкина в своём врачебном кабинете. Прочитала его направление, ознакомилась с дипломом и проявила какой-то чересчур преувеличенный интерес к тому, чтобы как можно скорее спровадить его из Майского. Она стала говорить о плохом климате Майского, об очень трудном положении с жильём:

– Хотя наша районная больница и не полностью укомплектована, я советую вам на Майском не настаивать. Километров за 18 отсюда есть чудесная станица – Александровка, в ней имеется амбулатория и больница на 25 коек. Станица расположена на берегу рек Терека и Лезгинки, климат там чудесный, она ближе к горам. Кроме того, там большой Крахмальный завод, и с квартирой устроиться будет несомненно лучше и проще. Съездим туда, вам понравится там больше, чем в Майском!

Борис Яковлевич был уже достаточно опытным человеком и по поведению Раисы Иосифовны прекрасно понял, что у неё есть причины не оставлять его в Майском. Он согласился осмотреть Александровку, зная, что если будет настаивать на получении места в Майском, то с зав. райздравотделом ему будет очень трудно, вернее, почти невозможно сработаться. Он только никак не мог понять, почему у этой женщины такое предубеждение против него.

Понял это он значительно позднее, когда уже освоился с работой в этом районе. У Бориса Алёшкина, кроме офици-

ального направления из крайздравотдела и диплома с отличием, был ещё и отзыв из клиники неотложной хирургии, в котором говорилось, что он рекомендуется для самостоятельной хирургической работы в масштабах районной больницы. Эта характеристика была подписана профессором Керопьяном. Как оказалось, муж Раисы Иосифовны служил заведующим хирургическим отделением райбольницы посёлка Майского, но так как никакой специальной хирургической подготовки не имел, то в больнице почти и не оперировал. Всех нуждавшихся в оперативном вмешательстве он отправлял в г. Нальчик. Естественно, что появление в райбольнице оперирующего хирурга ни его, ни его супругу никак не устраивало. Но, повторяем, всё это выяснилось гораздо позже, а в тот момент Борис о таком мотиве со стороны зав. райздравотделом даже и не подумал.

К концу беседы с Беловой в кабинет вошла фельдшер, сопровождавшая Бориса, и заявила, что сейчас в Майском находится легковая машина директора Александровского крахмального завода и что шофёр через час поедет домой и может подвезти доктора Алёшкина в Александровку. Раиса Иосифовна этому обрадовалась и сказала, что она закончит приём и они поедут вместе.

Через час они сидели в старенькой машине ГАЗ, которая тащилась по пыльной просёлочной дороге, тархтя всеми своими почти рассыпающимися частями. Сидя на потёртом и местами порванном сидении, Борис невольно вспом-

нил автомашину «Антилопу-Гну», так красочно описанную Ильфом и Петровым в «Золотом телёнке», и нашёл, что этот драндулет, как он мысленно окрестил директорскую старушку, пожалуй, мало чем отличается от знаменитой «Антилопы». Его предположения вскоре подтвердились. Когда до Александровки оставалось километра два, спустило правое заднее колесо, запасного не было, заклеить порвавшуюся камеру не удалось, и шофёр, очевидно, привыкший к подобным происшествиям, попросту снял крышку и камеру, и остаток дороги машина проделала, катясь на металлическом ободе колеса. Это стало причиной страшной тряски и грохота, в особенности, когда машина переезжала по ветхому деревянному мосту через Лезгинку.

Ну вот, наконец, она остановилась у ворот завода. Усталые и запыхавшиеся пассажиры вышли и направились в так называемую пропускную завода. Это было небольшое деревянное здание, расположенное у самых ворот. Одна половина его служила местом для вахтёров, открывавших и закрывавших ворота, а другая, площадью около 12 квадратных метров, была амбулаторией завода.

Когда зав. райздравом и Алёшкин зашли в помещение амбулатории, они застали там человека лет 55, маленького, сморщенного, с рыжими редкими волосиками на голове и подбородке. Он был одет в какой-то неопределённого цвета халат, видимо, бывший когда-то белым, а теперь, после длительной носки и не слишком старательной стирки, дав-

но утративший свой первоначальный цвет. Человек сидел за столом и, опершись локтями на большой журнал, сделанный из конторской книги, дремал. Рядом с книгой стоял стакан с воткнутыми в него деревянными шпателями, там же лежал старенький деревянный стетоскоп. Около окна стоял небольшой шкафчик, на полках которого красовалось несколько пузырьков, очевидно, с лекарствами.

При виде вошедших человек поднялся, посмотрел на них мутноватым взором, затем, очевидно, узнав Раису Иосифовну, как-то боком подскочил к ней, низко поклонился, а потом вытянулся, как солдат по стойке смирно.

Зав. райздравом заметила:

– Пётр Кузьмич, а вы опять...

Затем обернулась к Борису и сказала:

– Вот это один из ваших помощников – Пётр Кузьмич Гусев, фельдшер завода. Другой живёт в станице, мы его увидим, когда будем знакомиться с амбулаторией и больницей. Кроме того, в станице есть и роддом, там работает опытная акушерка, её мы тоже навестим. А сейчас, прежде всего, надо познакомиться с директором завода, он здесь главное лицо – больше, чем председатель стансовета или председатель колхоза. Основная часть населения работает на заводе. Пётр Кузьмич, товарищ Текушев на заводе?

– Да, да здесь, Раиса Иосифовна, пойдёмте к нему!

Но в это время дверь амбулатории открылась, и показался коренастый, седоватый круглоголовый мужчина, одетый в

зеленовато-серый френч – такой, как в подражание Сталину, тогда носили почти все большие и маленькие руководители. Он подошёл к Беловой, поздоровался с ней за руку, затем протянул руку Борису и, улыбнувшись, сказал:

– Ну, что, опять комиссия? Опять санитарное состояние проверять пришёл или теперь по прививкам, а?

В его речи звучал явный горский акцент, и некоторые слова он произносил неправильно.

– Да нет, Исуф Банович, – заметила Белова, – сегодня не комиссия. Нового доктора вам привезла, ведь ваш врачебный участок пустует уже около полугода, а объём работы большой.

– Ну что же, доктор – это хорошо. Давай своего доктора! Выдержим и это. Хотя, я должен сказать, что чем меньше докторов, тем меньше больных, это я уж на практике убедился, а мне больные здорово мешают...

– Вы всё шутите, Исуф Банович, а мне не до шуток: санитарная, просветительная и лечебная работа по участку запущены, дел здесь очень много. Доктор с хорошими рекомендациями, прямо из Краснодара, вы знаете, как он здесь сейчас нужен! Человек он семейный, осядет в станице, вашему заводу большая польза будет. Вот только с жильём... Квартиру ему нужно.

– А-а, квартиру, – протянул Текушев, – ну что ж, идите в стансовет, может быть, они найдут что-нибудь.

– Да где же стансовет возьмёт? – возразила Раиса Иванов-

на. – Ведь все дома раскулаченных вы забрали, а других у него нет, тут уж только на вас надежда.

– Ну, на меня надежда плохая, мне для своих работников квартир не хватает. Чего ж мне о ваших заботиться? Мне для завода вон и одного Гусева довольно, так что и не думайте, и не надейтесь...

Во время этого диалога Борис Алёшкин молчал. Ему понравился внешний вид станицы, утопавшей в зелени садов, понравилась широкая улица, уходящая от завода куда-то вдаль, как будто прямо к синеющим в дали горам, понравилась быстрая речка Лезгинка, чистый, ароматный воздух, который ветерок доносил откуда-то с дальних виноградников и полей. Да и то, что он получал в своё подчинение несколько человек средних медицинских работников и целую больницу на 25 коек, было немаловажно: он мог бы развернуть здесь свою врачебную работу так, как ему бы хотелось.

В конце концов, любая работа ему была необходима как воздух, ведь Катя проживает последние деньги, а семья требует постоянных и немаленьких расходов. Улучив момент, когда собеседники замолчали, он решился вставить и своё замечание:

– Да, жаль, что у нас ничего не получается... Мне, по крайней мере, по первому впечатлению место это понравилось, думаю, что и жене оно бы тоже показалось неплохим... Да, раз здесь завод, может быть, и для неё работа нашлась бы, но без жилья мы, конечно, приехать не сможем, у нас

семья...

– Постой-ка, а кто по специальности твоя жена, тоже врач? – заинтересовался Текушев.

– Да нет, – ответил Борис, – она не медик, она машинистка. Правда, квалифицированная, в научно-исследовательском институте работала.

– Машинистка! Так что ж ты молчал, чудак-человек? Мне как раз очень нужна машинистка, даже секретарь-машинистка! Я для неё квартиру сейчас дам, пусть у неё муж хоть врач, хоть фельдшер, хоть кто угодно будет! Пойдём, сейчас квартиру покажу! – с этими словами Текушев схватил Бориса за руку и потащил его к выходу, следом за ними отправилась и зав. райздравом.

Завод и его подсобные помещения располагались у самого въезда в станицу, на месте впадения Лезгинки в Терек. Путь до центра станицы, куда вёл Текушев приезжих, составил расстояние почти два километра и занял около получаса. За это время директор завода продолжал расспрашивать Алёшкина, или Бориса Яковлевича, как он теперь уважительно стал его называть. Узнав от него, что Екатерина Петровна только в течение последних лет работала машинисткой, а до этого была кадровым работником и даже заведовала секретной спецчастью различных учреждений, он обрадовался, кажется, ещё больше и уже совсем дружелюбно сказал:

– Ну, так ты (он сразу же перешел на «ты»), Борис Яковлевич, не волнуйся, устройтесь очень хорошо. Это тебе я

говоря! Такой квартиры ты и в городе не найдёшь! А жена и жалованье хорошее будет получать, и обеспечена будет всем. Мы на заводе квалифицированных работников ценим. Подумаем, даже и тебе работу подыщем...

Всё это Текушев произносил с невероятным кавказским акцентом, и огромным самомнением, и самодовольством. При этом он обращался только к Алёшкину и совершенно игнорировал присутствие Беловой, которая, чуть поотстав, еле попевала за быстро шагавшими мужчинами. Между прочим, Борис заметил, что все встречные мужчины и женщины удивлённо поглядывали на эту странную группу, о чём-то переговаривались между собой, кланялись, причём мужчины обязательно снимали шапки. Уже впоследствии Алёшкин узнал, что такую прогулку к центру станицы директор завода совершал пешком чуть ли не в первый и единственный раз в жизни. Поэтому встречные, удивляясь пешему способу передвижения Текушева, невольно обращали внимание и на его спутников.

Подойдя к центру станицы, директор свернул направо и, пройдя ещё пару домов, остановился у большого деревянного дома, выходявшего на улицу пятью высокими окнами. Указав на него Борису, Текушев немного насмешливо заявил:

– Ну, вот и твоя, вернее, твоей жены квартира!

Алёшкин и Белова взглянули на указанный дом, он действительно был хорош. В отличие от большинства станич-

ных построек, сделанных из самана, он был деревянным, под железной крышей, на высоком каменном фундаменте. Дом окружал садик и большой двор, ограниченные высоким деревянным забором, из-за которого доносились весёлые детские голоса. Заглянув в калитку, Борис увидел, что по лужайкам двора бегают несколько десятков маленьких детей. Тут Раиса Иосифовна довольно сердито заявила:

– Исуф Банович, что вы нам голову морочите? Ведь это же ваш детский сад и ясли! Неужели вы их закрыть задумали? Так вам ведь этого райисполком не разрешит, да и я первая буду против!

Текушев рассмеялся:

– Вы, Раиса Иосифовна, меня дураком и лгуном не считайте, а то я и обидеться могу! Для детсада на территории завода мы уже построили новое помещение. Нам здесь его держать неудобно: здесь для него нет ни кухни, ни склада, всё с заводской столовой возим, а там будет всё под боком. О переводе детсада я с предриком (председатель районного исполнительного комитета. Прим. ред.) уже давно договорился, дело задерживалось только строителями. Теперь там осталось доделать очень немного, я думаю, что через неделю или дней через десять мы это помещение освободим. Я, правда, хотел сюда главного инженера переселить, да пусть пока на старой квартире на заводе поживёт, она вполне хорошая, да и к производству поближе. Конечно, весь дом я вам не отдам, – обернулся он к Алёшкину, – ну а большую

половину получите. Пойдём, посмотрим внутри!

Но Борис от этого предложения отказался, он заметил:

– Неудобно как-то там всё сейчас осматривать. Да, я думаю, и ни к чему... Эта квартира нам подойдёт!

– Вот, сразу видно делового человека! – сказал Текушев. – Раз договорились, значит, и хорошо! Везите скорее ко мне вашу жену, она мне вот как нужна! – и он провёл ребром ладони по горлу.

Белова обернулась к нему:

– Исуф Банович, вы уж, пожалуйста, помогите нам до Майского добраться, а то у председателя колхоза лошадей не допросишься.

Текушев подмигнул Борису:

– Вот всегда так: Исуф Банович, дай, Исуф Банович, помощи, а чуть что на заводе или в станице неладно – кто виноват? Опять Исуф Банович! Ну да ладно, раз мне такого работника привезут, так и быть, помогу. Моя-то машина совсем развалилась, придётся полуторку послать.

В это время к разговаривавшим подъехала довольно изящная бричка, на козлах которой сидел молодой кабардинец. То ли по собственной инициативе, то ли по приказанию кого-либо из работников конторы, как только директор отправился пешком в центр станицы, почти следом за ним выехала и бричка.

– Садитесь, как-нибудь уместимся. До завода подвезу, а там машину будете ждать.

Подъехав к воротам завода, которые моментально отворились, Текушев сказал:

– Посидите немного здесь у проходной, я машину сюда вышлю, – видимо ему очень не хотелось, чтобы зав. райздравом, да и этот новый доктор тоже, заезжали с ним на территорию завода.

Усевшись на скамеечке у ворот завода, Раиса Иосифовна обрадованно заявила:

– Какое счастье, что у вас жена оказалась таким нужным и ценным работником! А то я не знаю, что бы мы и делали. Всё лучшее, что осталось после раскулачивания, директор завода забрал себе и занял под квартиры для своих служащих и рабочих. Еле-еле кое-что сумели для учителей выколлотить, а медикам так ничего и не досталось. А теперь всё очень хорошо устроилось. Лучшей квартиры вам здесь просто не найти, и не только потому, что дом и двор хороши, но и по месту расположения, ведь от этого дома до больницы всего каких-нибудь пять минут хода, до роддома и того ближе, да и до амбулатории не больше десяти минут. Жаль, что мы не посмотрели все эти учреждения.

Но Борис заметил, что это пока не имеет особого значения. Он ещё не решил, примет ли предложение, ведь тут основную роль играла Катя. Если она не захочет или не сможет работать у этого не очень-то симпатичного и довольно чванливого кабардинца, тогда вся затея с Александровкой лопнет. Да, кроме того, и здоровье у Кати после перенесённых

болезней ослабло, большая нагрузка ей была не по силам, а, судя по заинтересованности Текушева, работы здесь для неё предстояло много. Кроме того, Александровка всё-таки находилась в глуши, от железной дороги 18 километров, поэтому он ответил:

– Время уже позднее, я хочу сегодня же ехать в Краснодар. Поезд в Майском будет в девять часов вечера, и если дадут машину не лучше той, на которой мы ехали сюда, то мы только-только успеем приехать к поезду. Я посоветуюсь с женой и, если решу принять ваше предложение, то дам телеграмму.

Минут через 15 из ворот завода выехала полуторка, а ещё через полчаса Алёшкин и Белова были на станции Котляревская. До прихода поезда, направлявшегося на станцию Кавказскую, где Борису предстояла пересадка, оставалось около получаса. Алёшкин купил билет, а Раиса Иосифовна, прохаживаясь с ним по перрону, продолжала уговаривать его приехать в Александровку.

Уже более года этот большой врачебный участок пустовал. На заседаниях крайисполкома перед Беловой не раз ставился вопрос о том, чтобы она подобрала туда врача. Ей предлагали даже, хотя бы на время, отправить туда мужа, это, конечно, никак не устраивало супругов. Продолжая расписывать Алёшкину прелести жизни и работы в Александровке и стремясь как-то сильнее повлиять на него, она всё больше и больше упирала на материальную сторону этого

предложения:

– Вы сразу получите, во-первых, две ставки, во-вторых, бесплатно отличную квартиру, в-третьих, Текушев обещал вам дать работу у себя, это будет тоже с полставки, ну и, наконец, в-четвёртых, жена ваша сразу получит хорошую работу. Соглашайтесь!

Борис продолжал отвечать неопределённо. В душе-то он уже был согласен, ему понравилась, по крайней мере, по внешнему виду, предлагаемая квартира, ведь она ни в какое сравнение не могла идти с той саманной халупой, в которой они жили тогда. Понравилась и сама большая станица, утопавшая в зелени садов, и то, что он с первых же шагов будет вполне самостоятельными врачом и сможет поставить дело так, как захочет. Между прочим, об этом же говорила и Раиса Иосифовна, заранее обещая ему полную свободу действий, но... Подошёл поезд, Алёшкин вскочил на подножку, держа в руке свой маленький чемоданчик, обернулся, помахал Беловой рукой и вошёл в вагон.

К утру поезд остановился на станции Кавказской, оттуда отправлялся местный поезд в Краснодар. Он стоял в тупике, на каком-то запасном пути, и пока Борис бежал к нему со станции, уже готовился к отправлению. В вагоне находилось много народа – это были торговки и торговцы овощами, фруктами, птицей и другими сельхозтоварами, спешившие на базар в Краснодар, куда они должны были прибыть часам к 10 утра. Примерно в это же время явился домой и Борис.

Его появление было неожиданным и очень обрадовало домашних. Ведь Катя получила только извещение о болезни мужа, о том, что он находился на лечении в горбольнице города Нальчика, а о том, что он поправился и уже куда-то успел съездить, она ничего не знала, поэтому очень беспокоилась. Катя уже думала ехать самой в Нальчик, оставив девочек под присмотром Наташи и её ребят, которые уже переехали в Краснодар и поселились в одном доме вместе с Давыдычем. Наташа устроилась на работу на Шорно-седельную фабрику.

Конечно, на Бориса сразу же посыпалось множество самых разных вопросов. День был воскресный, Катя только что накормила детей завтраком, и все они отправились во двор, окружили огромную шелковицу и, как всегда, успели перемазаться соком её вкусных ягод. Ну, а взрослые – Катя, Наташа и Борис уселись за кухне и принялись завтракать. За завтраком Борис поведал о своих путешествиях самым подробным образом. Рассказал о том, что он видел в кабардинских аулах, как там заразился, заболел, лечился в Нальчике и, наконец, направился в Майское. Затем рассказал о красивой станции Александровке, об интересных перспективах работы для него и о Крахмальном заводе. Говоря о последнем, он рассказал и о Текушеве, который, предоставляя квартиру, поставил основным условием то, чтобы Катя работала у него секретарём-машинисткой. Выслушав его, Катя сразу же согласилась, заметив при этом:

– Борис, ведь у нас другого и выхода нет. После твоего отъезда наша хозяйка уже три раза приходила, требуя немедленного освобождения квартиры, снова грозила судом. Да и деньги кончились. Нам без работы никак нельзя, мы все пообносились, ребятишки почти совсем голые. А там и ты будешь порядочно получать, и я сразу буду обеспечена работой, так что едем! Ну, а Текушев... Что же, ведь не съест меня. Думаю, что сумею с ним сработаться.

Наташа поддержала Катино решение, и уже в понедельник отправили телеграмму в Майский райздравотдел о том, что Борис Яковлевич Алёшкин согласен занять место заведующего врачебным участком в станице Александровка.

Часть пятая

Глава первая

Самым главным явился вопрос о деньгах на переезд. Единственной ценной вещью у Алёшкиных оставался радиоприёмник СИ-235. В то время новый он стоил не многим более двухсот рублей и, хотя Борис пользовался им уже два года, он находился в хорошем состоянии. Примерно эту сумму за него можно было получить, тем более что в продаже приёмников почти не было. Но деньги нужны были немедленно, следовательно, и приёмник требовалось продать как можно скорее.

При первой же встрече хозяйка потребовала от Бориса немедленного выезда с квартиры, он предложил приёмник ей. Муж хозяйки несколько раз говорил о своём желании приобрести его. Если бы Борис был более умелым продавцом, то он бы получил со своих хозяев действительную стоимость приёмника, но, как мы знаем, в подобных делах он оставался всё ещё неопытным, и потому быстро согласился на предложенную хозяйкой цену в 150 рублей. Этого было явно недостаточно. Катя обратилась в своё учреждение с просьбой о займе, из кассы взаимопомощи ей выдали ссуду – 300 рублей.

Теперь имевшихся в распоряжении Алёшкиных денег должно было хватить и на оплату дорожных расходов, и на первые дни существования по прибытии на новое место, а когда получат первые зарплаты, тут уж горевать будет не о чем, – так думали и рассуждали супруги.

За время пребывания в Краснодаре Борис, как это было и раньше, продолжал увлекаться собиранием книг. В своё время во Владивостоке ему удалось собрать довольно личную библиотеку, но при переезде почти всю её они там и оставили. За время жизни в Армавире Борис купил несколько собраний сочинений у одной старушки, приносившей старые книги на дом. Он приобрёл сочинения Дюма, Уэллса и других. В Краснодаре он обнаружил в одном букинистическом магазине годовые комплекты журнала «Нива». За шесть лет жизни в этом городе Борис успел приобрести и в магазинах, и прямо на толкучке базара подшивки этого журнала с 1894 по 1916 год включительно. В своё время он переплёл все эти книги, так как большинство их находилось в растерзанном состоянии. В результате образовалось несколько десятков объёмистых томов, представлявших большую тяжесть. Конечно, вести с собой в Александровку такое количество книг было невозможно, и Борис оставил их на сохранение хозяину дома. Кстати сказать, в дальнейшем он так никогда их и не увидел.

На ликвидацию оставляемой мебели и остальные сборы у Алёшкиных ушло три дня, после чего они и отправились в

дорогу. Поезд отходил из Краснодара поздно вечером. Погрузив свои пожитки и ребятишек на подводу, Борис Яковлевич и Екатерина Петровна в сопровождении племянника Севы – сына брата Кати, Андрея, отправились на вокзал, где этот 18-летний паренёк помог им погрузиться в вагон.

Утром они приехали на станцию Кавказскую, но сразу попасть на уходящий в сторону станции Котляревской поезд не сумели, и пришлось им просидеть с детьми на вокзале целый день.

Этот день обоим Алёшкиным запомнился надолго. Во-первых, надо было кормить дочек, а с собой из еды они взяли очень немного, надеясь быстро добраться до места. Как известно, с деньгами дело обстояло неважно, поэтому воспользоваться услугами станционного буфета не могли. На при вокзальном рынке всё стоило очень дорого, пришлось ограничиться хлебом и овощами. Это, конечно, не могло способствовать хорошему настроению детей, и если старшая Эла всё понимала и вела себя соответствующим образом, то младшие – пятилетняя Нина и трёхлетняя Майя ничего признавать не хотели, требовали молока и многого другого, что они видели в витринах вокзального буфета. Борису и Кате пришлось потратить немало сил, во-первых, на то, чтобы успокоить голодных ребятишек, а также на то, чтобы уследить за ними. Обе младшие дочери не хотели сидеть на одном месте, беспрестанно убегали от сложенных в углу зала ожидания вещей, и родителям всё время приходилось их разыскивать.

Но, наконец, кончилось это мучение, и началось другое. Погрузка в поезд происходила поздно ночью, вещей набралось всё-таки много, а Борис был всё ещё недостаточно физически силён, да и Катя – всего два месяца, как вышла из больницы, и таскать узлы, мешки и чемоданы с вещами ей было просто не под силу. Никаких носильщиков на Кавказской, конечно, не имелось. Борису пришлось носить вещи несколько раз, а стоянка поезда продолжалась всего десять минут. Катя сильно переживала: она с младшими ребяташками и частью вещей была погружена в поезд первой, Эла оставалась караулить остальные вещи, а Борис продолжал их постепенно перетаскивать. Причины для волнения были: успеют ли Борис и Эла сесть вовремя в поезд? Но, в конце концов, всё окончилось благополучно.

Перед выездом из Краснодара Борис отправил в Майский райздравотдел вторую телеграмму, поэтому, когда поезд в десять часов утра прибыл в Майское (ст. Котляревская), их уже встречали Белова и её муж. Они помогли Алёшкиным перенести вещи на привокзальную площадь, где все вместе стали дожидаться обещанную Текушевым машину.

В ожидании прошло около часа. За это время Раиса Иосифовна, у которой своих детей не было, попыталась поближе познакомиться с Ниной и Майей. В руке она держала веер, который привлёк внимание Майи. Женщина заметила это и дала девочке подержать его, говоря Кате:

– Какие миленькие у вас дети, особенно вот эта! – и она

протянула руку к Майе.

Девочка, возбуждённая и утомлённая дорогой, предыдущим днём, проведённом на вокзале в Кавказской, и дальнейшей поездкой в общем переполненном вагоне, вообразив, что эта почему-то не понравившаяся ей тётка хочет отнять веер, со всего размаха стукнула им будущую начальницу Алёшкина по лицу. Та вскрикнула и отскочила на несколько шагов. Борис и Катя очень смутились происшедшим, оба набросились на Майю, отобрали у неё злосчастный веер и, не обращая внимания на её рёв, с извинением отдали его владелице.

Но вот подошла машина, шофёр помог погрузить все вещи. В кузов сели Борис, Эла и Нина, а в кабину рядом с шофёром уселась Катя с Майей на руках. Ещё до этого Раиса Иосифовна вручила Алёшкину приказ о назначении его заведующим Александровским врачебным участком и по совместительству заведующим Александровской участковой больницей.

Она попросила Бориса после того, как он в течение 3—4 дней осмотрится на месте, приехать в райдрав и поделиться своими впечатлениями об участке. Одновременно она предложила ему набросать план работы участка на оставшуюся часть 1940 года. Перед отъездом ей оставалось только пожелать им счастливого пути. Раиса Иосифовна хотела подойти к кабине и попрощаться с Катей и Майей, но муж её задержал:

– Не подходи близко, ведь она дерётся!

До Александровки Алёшкины доехали благополучно, правда, натерпелись страху, когда переезжали через реку Лезгинку. Мост через неё строился, наверно, ещё в прошлом веке, и на проезд автомашин рассчитан не был, а теперь на Крахмальный завод автомобили проезжали по нему много раз в день, привозя кукурузу и забирая готовую продукцию – крахмал. Свою грузовую машину имел и колхоз. Чинить мост должны были бы оба – завод и колхоз, но, как это часто бывает, ни директор завода, ни правление колхоза брать на себя эту заботу не хотели, о совместной работе договориться не могли. Вот и мучились шофёры, демонстрируя прямо-таки виртуозную ловкость, ведя свои машины по прыгавшим и проваливавшимся корявым брёвнышкам, из которых состоял настил моста.

Но вот полупторка, оставляя после себя тучи пыли и ворча довольно-таки поношенным мотором, поехала по улицам станицы. Она быстро миновала расстояние от завода до того красивого дома, который был обещан под квартиру Алёшкиных, но вместо того, чтобы остановиться здесь, также быстро помчалась дальше, и прежде, чем Борис успел опомниться и постучать в кабину шофёра, подъехала к почти противоположному краю станицы. Шофёр затормозил, выскочил из кабины и сказал:

– Ну, давайте ваши вещи, приехали! Я помогу разгрузиться. Мне надо побыстрее, ещё в Муртазово ехать, главбуха

привезти.

Машинально подавая первый узел, Борис всё-таки спросил:

– Куда же это мы приехали? Ведь товарищ Текушев мне квартиру в другом месте обещал.

Шофёр усмехнулся:

– Сразу видно, что вы нашего директора не знаете. Он много чего наобещать может, ну а выполнить – это ещё как сказать! Завтра сами с ним разбираться будете, ну а сегодня в этой хате переночуете. Эй, Маркеловна, принимай гостей! – крикнул он, обращаясь к пожилой женщине, которая, увидев подошедшую машину, и сама спешила к приехавшим, пробираясь сквозь заросли кукурузы и подсолнечника в её огороде.

Разгрузка закончилась, когда Маркеловна вышла из калитки, а шофёр, обдав тучей пыли уныло стоявшую у сложенных кучей вещей семью, уже удалился в конец улицы. Ребятишки, обрадовавшись тому, что они всё-таки куда-то приехали, и духота, теснота в душном поезде, и мучительная тряска в машине, наконец-то, закончились, успели подбежать к забору огорода и с интересом рассматривали высокую, почти двухметровую кукурузу и такие же высокие подсолнухи, которые им, с высоты их детского роста, казались настоящими джунглями.

Подойдя к приехавшим, Маркеловна приветливо поздоровалась и сказала:

– Ой, да какие вы ещё молоденькие, а вот уже трое детей! Трудновато вам будет. Этот дом, – она показала на саманную хату, примыкавшую к огороду и выходявшую наружными дверями прямо на улицу, – принадлежит заводу. Раньше он у какого-то богатого казака для жилья пришлых батраков отводился, с 1932 года его завод забрал. Он от завода далеко стоит, поэтому в нём жить никто не захотел, а вот в прошлом году сын мой из армии пришёл, нанялся на завод рабочим, меня привёз, нас сюда и поселили. Неделю тому назад комендант завода велел большую комнату освободить, сказал, что в ней доктор жить будет. Ну, мы переселились в маленькую: сын переехал, а я и раньше на кухне спала. Вчера рабочие пришли, побелили большую комнату, спасибо, и кухню побелили. Я сегодня там пол вымыла, окна протёрла, так что можно въезжать, только мебели там нет – одна старая деревянная кровать... Да вы не горюйте, – снова обратилась она к обоим Алёшкиным, убитый вид которых внушал невольное сожаление, – у нас здесь хорошо. Ведь мы почти на самом краю живём, там вон поле, луг, а версты через две начинаются горы и лес... Устройтесь. Давайте-ка я помогу вам вещи перенести.

Алёшкины переглянулись, Катя вздохнула и первой взялась за один из узлов.

Через четверть часа вся беспорядочная куча вещей Алёшкиных уже лежала посередине довольно большой и относительно чистой низенькой комнаты. Катя растапливала на

кухне плиту, ставила на неё чайник и кастрюлю с картошкой, которую дала Маркеловна. Сама хозяйка побежала к соседям, чтобы купить для ребят молока. Хлеб у неё был. Борис пытался соорудить из имевшихся постельных принадлежностей постель для ребят на полу и для себя с Катей на деревянной кровати. Все остальные вещи он сложил в одном из углов комнаты, решив, что разборкой их они с Катей займутся позже.

Дочери успели подружиться с соседними девочками, и, уже забыв свои дорожные мытарства, весело о чём-то с ними болтали, очевидно, рассказывая о себе и знакомясь с окружающей обстановкой.

Время, однако, шло, уже стемнело. Ужин был готов. Маркеловна принесла парное молоко и зажгла единственную в доме маленькую керосиновую лампу. Несмотря на обиду и расстройство по поводу обмана со стороны Текушева, Борис и Катя поужинали с аппетитом, так как в дороге почти ничего не ели. Дети не отставали от взрослых.

С деньгами дело обстояло плохо, и неизвестно, когда они появятся, а кормить дочек и есть самим нужно было каждый день. Поэтому они договорились с Маркеловной о том, чтобы она давала им овощи со своего огорода, а также уговорила бы соседей о продаже им молока в долг. На хлеб, мясо, сахар, соль и кое-какие другие продукты, которые нужно было купить, по расчётам Кати, имевшихся денег должно было хватить дней на 10–15.

Маркеловна ужинала с ними, кстати сказать, очень польщённая тем, что приехавшие городские люди – доктор и его жена общались с ней как с равной и не только пригласили к своему столу, но и угостили тем, что привезли с собой из Краснодара, заварили настоящий чай и пили его с сахаром.

Она сразу согласилась на просьбы Алёшкиных и даже принесла в большую комнату стул из комнатки сына и одну из лавок с кухни. Дело в том, что и она, и её муж, погибший в Гражданскую войну, и выращенный ею сын до этого жили в одной из станиц на Кубани. Они были, как тогда называли всех приехавших на Кубань или Дон русских и украинцев, иногородними. Вся её жизнь прошла в батрачестве у каких-то зажиточных казаков, а со стороны последних отношение к иногородним было, как к людям низшей категории. После революции, а вернее, после Гражданской войны, отношение это менялось далеко не сразу. Даже в это время, в конце 30-х годов, в такой станице, как Александровка, где большинство населения составляли бывшие терские казаки, к иногородним всё ещё относились весьма недружелюбно. Поэтому даже самое простое, просто по-человечески обязательное внимание к себе такие люди, как Маркеловна, воспринимали, может быть, даже с немного преувеличенной благодарностью.

После ужина все улеглись спать. Детей настолько утомила дорога, пережитые впечатления, связанные с ней, что они уже во время еды клевали носом, а Майя, устроившись на

маминых коленях, спала совершенно откровенно.

На другой день утром Борис Алёшкин отправился принимать своё хозяйство и знакомиться со всем, чем ему предстояло управлять. Первым делом он зашёл в больницу. Там уже знали о его приезде, к нему готовились, так как зав.райздравом, получив телеграмму Алёшкина, сразу же уведомила об этом фельдшера Чинченко, который временно замещал должность заведующего врачебным участком. Ну а о том, что Борис Яковлевич уже в станице, в больнице узнали от завхоза, который ранним утром виделся с шофёром, доставившим семью нового доктора.

Когда Борис вошёл в небольшой, частью деревянный, частью саманный дом, на крыльце которого висела вывеска «Александровская станичная больница», он был приятно удивлён. В коридорчике-прихожей, отличавшейся чистотой, его встретила медицинская сестра лет 25, которая каким-то чутьём (как показалось Борису) сразу узнала в нём врача и будущего начальника. Она вежливо поздоровалась с ним и сказала:

– Пройдёмте, доктор, в ваш кабинет, я вам там халат приготовила.

Алёшкин последовал за ней и оказался в крошечной комнатке, размером едва ли больше, чем купе обыкновенного железнодорожного вагона. У окна стоял маленький стол, около него стул, а у стены кушетка. На стене висели белоснежный халат и шапочка, которые сестра и подала Борису.

После того, как он оделся в свою первую собственную рабочую одежду, присев на стул, он спросил:

– Много в больнице больных?

– Всего пять человек. Сейчас лето, болеть некогда! Больше дома болеют, ну а тяжёлых Антон Иванович сам не кладёт.

– Что же, – поднялся Борис, – давайте познакомимся. Меня зовут Борис Яковлевич, а вас?

– Я уже знаю, – ответила медсестра, – нам Антон Иванович про вас говорил... Меня зовите Нюся.

– Ну, хорошо, Нюся, тогда пойдёмте, посмотрим наших больных и всю больницу. Да, а где Антон Иванович?

– Он сейчас в амбулатории приём ведёт, велел мне показать больных, больницу, а затем проводить вас к нему.

– Я сам провожу доктора, – сказал вошедший в это время в комнатку высокий, худой, рыжеватый мужчина с лицом, тронутым оспой, небольшими светлыми усами и каким-то проницательно-хитроватым выражением бледно-голубых, почти бесцветных глаз.

– А вот и Василий Прокопыч, наш заведующий хозяйственной частью. Знакомьтесь, доктор, – сказала Нюся.

Заведующий подошёл к Алёшкину и протянул ему руку:

– Будем знакомы, – сказал он неожиданно приятным, чистым голосом, – я завхозом здесь уже десятый год работаю, почти вместе с Антоном Ивановичем Чинченко пришёл.

Поздоровавшись с завхозом, Борис ответил:

– Очень хорошо. Я думаю, что мы с вами тоже порядочно поработаем, а сейчас вам подождать придётся: я сперва с Нюсей обход в больнице сделаю, ознакомлюсь с лечебным помещением, а потом и в амбулаторию пройду.

– Слушаюсь, я пока на кухню схожу, да и своё хозяйство к показу подготовлю – склад и т. п., – сказал Василий Прокопыч и вышел.

Почти одновременно с ним через другую дверь вышли из кабинета и медики. Они попали в такую же маленькую комнату, у одной из стен которой стоял довольно высокий деревянный шкафчик со стеклянными дверцами. На его полках, покрытых марлей, лежали кое-какие медицинские и зубоврачебные инструменты, из стаканчика торчало несколько термометров. В середине стоял заметно пожилой железный стол, покрытый клеёнкой. Своим видом он напомнил Борису о столах старой институтской анатомички, да он, наверно, таким и был, но здесь, очевидно, служил столом перевязочным, а, может быть, и операционным. При виде его Алёшкин невольно улыбнулся и, повернувшись к Нюсе, спросил:

– А это что за комната?

– Это процедурная, мы здесь уколы делаем, а Антон Иванович иногда проводит и операции.

– Операции? – удивился Борис Алёшкин. – Какие же?

– Разные: чирьи, нарывы вскрывает, как-то даже «сучье вымя» вскрывал. Хотя больная кричала здорово, но потом быстро поправилась. А вот на этом кресле, – она показала на

белый деревянный стул с приделанными к нему подлокотниками и подголовником из простого деревянного бруска, стоявший в углу комнаты, – Антон Иванович и зубы удаляет.

Кроме перечисленной мебели, у окошка стоял маленький деревянный столик, покрашенный белой краской, на котором в небольших стеклянных баночках были налиты какие-то растворы и положены мази. В большом стакане находилось несколько шпателей, четыре пинцета лежали на железной крышке от маленького стерилизатора. В самом стерилизаторе лежали два шприца разных размеров. В противоположном углу комнатки висел обыкновенный рукомойник, под которым на подставке стоял железный таз банного типа. Вся комнатка была свежeweыбеленной, пол покрашен и тщательно вымыт.

Алёшкин невольно подумал: «Да, в этих условиях пока, пожалуй, особенно хирургией не займёшься. А что касается зубов... Я ведь даже и не видел, как их удаляют. На таком стуле драть зубы – как раз будет, как в чеховской “Хирургии”».

Тем временем они с медсестрой вышли через дверь, расположенную напротив окна, в довольно светлую комнату размером около 20 кв. метров. Там в два ряда стояли восемь железных солдатских кроватей, они были аккуратно застланы чистым постельным бельём и покрыты серыми суконными одеялами. На трёх из них лежали женщины. Они с любопытством уставились на вошедших.

Борис Яковлевич, войдя в палату, поздоровался с больными, на что те довольно дружно ответили. Нюся держала обыкновенную ученическую тетрадь, в которой был список больных. Против каждой фамилии по-русски стояло название лекарств, дозировка и режим приёма. Подойдя к лежавшей с краю пожилой женщине, медсестра сказала:

– Тётю Дусю Антон Иванович только вчера положил, говорил, не воспаление ли лёгких у неё. Он сказал, вот доктор приедет (это про вас), и пусть первой посмотрит её.

Борис понял, что это экзамен, и, пожалуй, посерьёзнее государственного. Он подошёл к больной и спросил, как её зовут. Та слабым голосом ответила, что звать её Евдокия Пархоменко, она доярка. Вчера пришла в амбулаторию, потому что голова болела, и кашель открылся, а Антон Иванович взял, да и положил в больницу. Борис снова обратился к больной:

– А как вас по отчеству?

Та немного удивлённо взглянула на доктора и сказала:

– Мироновна.

После этого она закашлялась и, нагнувшись с постели, выплюнула в стоявшую под кроватью стеклянную банку большой сгусток мокроты. Борис, взглянув туда, спросил у Нюси:

– А где её история болезни?

Медсестра немного удивлённо посмотрела на Алёшкина и ответила:

– Я не знаю... Вот! – она протянула тетрадь. – Как только

поступит больной, так я в эту тетрадку записываю. Антон Иванович после осмотра назначение сюда же велит записать. Вот тёте Дусе прописал банки поставить и от кашля кодеин давать. Порошки у меня там, в процедурной, в шкафу лежат.

– Ну а температуру-то вы больным меряете?

– Конечно, меряем и вот здесь же, в тетрадке, записываем. Антон Иванович при осмотре больных всегда эти записи смотрит. У тёти Дуси вчера вечером около 40 было, а сегодня утром уже 38.

Взглянув повнимательней в Нюсину тетрадь, Борис увидел, что вторая половина листа была разграфлена на клетки, в которых записывалось число и буквы – У/ В, а под ними температура больного.

– Ну, ладно. Мы потом ещё поговорим об историях болезней... А теперь, Евдокия Мироновна, снимите-ка рубашку, я вас послушаю. Сесть можете?

Женщина взглянула на медсестру и поднялась на постели лишь после того, как та ей повторила:

– Садись, тётя Дуся, садись, доктор послушает. Ведь вчера Антон Иванович слушал, ничего не случилось с тобой! Садись-ка.

Сев, женщина с недоверием смотрела на какую-то маленькую блестящую штучку с длинными резиновыми трубками, висевшую у доктора на груди. Тот взял её в руку, а трубки вставил в уши, затем приложил эту штучку к спине больной. Антон Иванович вчера её слушал трубкой, да и всегда он

больных трубкой слушает, а этот доктор – какой-то непонятной штучкой.

Кстати сказать, и Нюся с некоторым удивлением смотрела на довольно диковинный аппарат в руках у молодого доктора. А это был самый обыкновенный фонендоскоп, с которым сейчас знакомы даже маленькие дети, но в те времена он только ещё входил в употребление, и даже многие профессора в институте, который закончил Алёшкин, предпочитали старую заслуженную трубку (стетоскоп), а иногда и просто собственное ухо. Все студенты, однако, считали первым, что необходимо приобрести, фонендоскоп. Конечно, окончив институт, купил его и Борис.

Очень внимательно выслушал Алёшкин свою первую пациентку и также, как и Чинченко, диагностировал у неё правостороннюю пневмонию. Кроме того, он, конечно, тщательно её проперкутировал (простучал), а прислушиваясь к ударам сердца, уловил, кроме учащённого ритма, шумы, которые он хорошо помнил из практических уроков профессора Жадкевича, называвшиеся систолическими. Напрягая память, он вспомнил советы учителей, хотя сделать это ему было и нелегко, ведь на него смотрело несколько пар внимательных, изучающих, оценивающих, недоверчивых глаз.

Закончив осмотр больной, Борис обернулся к медсестре: – Нюся, банки поставьте сегодня ещё раз, больше справа. Кодеин продолжайте давать. Да, надо будет ей хотя бы раз в день камфару вводить подкожно. Вы это умеете делать?

– Ну конечно. Когда укол сделать? Сейчас?

– Нет, лучше к вечеру.

– Доктор, а можно без уколов? – каким-то жалобно-умоляющим голосом спросила больная.

– Вот все они так, – заметила Нюся, – боятся этих уколов, как чёрт ладана... Раз доктор сказал надо, значит надо! Не бойся, не бойся! Я не больно сделаю. Ложись.

– Да, Евдокия Мироновна, – подтвердил Борис, – вам необходимо лежать, вставать совсем нельзя, и укол нужно непременно сделать. Лежите спокойно, я вас завтра ещё посмотрю, да, может быть, и вечером загляну.

– А это вот Валя и Ксюша, они с малярией, – сказала медсестра, когда Борис Яковлевич и она подошли к двум другим больным, лежавшим во втором ряду кроватей, находившихся ближе к окнам.

– Одна уже завтра на выписку, Антон Иванович сказал, а вторая ещё полежит, у неё вчера такой приступ был, прямо страх, – продолжала Нюся.

– Чем вы их лечите? – спросил Борис.

– Акрихином, конечно. Антон Иванович обещал для Клавы из Майского хинина привезти, а, видно, не дали.

Алёшкин взглянул на двух молодых женщин, которые в свою очередь глядели на него. Подойдя к той, которую звали Валей, и которая не лежала, а сидела на кровати, завернувшись в старенький серый байковый халатик, очевидно, больничный, он довольно строго сказал:

– Ложитесь, пожалуйста, в постель. Когда я буду приходить с обходом, все больные, как бы они себя ни чувствовали, должны обязательно лежать, а вы, Нюся, проследите за этим, да и другим сёстрам передайте.

Тем временем больная, немного напуганная строгим тоном молодого доктора, сбросила халатик и юркнула под одеяло. Уложив её на спину и пощупав живот, Борис ощутил большую и плотную селезёнку. Он спросил:

– Давно вы больны малярией?

– Да, почитай, с детства. Она нестрашная: потреплет, потреплет маленько, а там опять ничего, – бойко ответила Валья.

«Да-а, ничего! – подумал Борис. – А селезёнка-то вон какая... Она же хроник. Мало того, что сама болеет, ведь через комаров и других заражает». Вслух он спросил Нюсю:

– А много ли у вас в Александровке малярии?

– Это вы у Антона Ивановича спросите, он лучше знает. Ну, а у нас больные не переводятся: не успеем одного выписать, как новый появляется. С этого года начали акрихинизацию проводить, да должна бригада из района приехать на борьбу с комарами... Наверно, теперь меньше будет.

– Наверно, – согласился Борис, – ну а как у неё с температурой? – показал он на Валью.

– Да вот уже неделя, как температура нормальная, и приступов не было.

– Ну что же, это хорошо. А лечиться, Валентина, вам всё-

таки придётся ещё долго. Приходите регулярно в амбулаторию, мы вам будем давать бесплатно лекарства, ведь у вас хроническая малярия, с ней надо бороться, забрасывать лечение нельзя.

Нюся повернулась к больной:

– А я тебе что говорила? Так ведь вы не слушаетесь, только бы из больницы выписаться, а там на всё наплевать! И Антон Иванович не раз говорил. У вас в семье уже сколько больных? Может быть, ты их заразила. Слушай, что доктор-то говорит.

Больная смущённо прикрыла глаза и в полголоса сказала:

– Я теперь поняла, буду слушаться.

Борис стал осматривать вторую малярийную больную, которая как-то странно осунулась и, став апатичной и безвольной, находилась в таком состоянии, что как будто с ужасом ждала чего-то. Заметив, что состояние больной вызвало некоторые недоумение у врача, Нюся заметила:

– У Клавы скоро приступ начнётся, у них всегда так перед приступом.

Борис промолчал и направился к выходу из палаты.

– А разве к мужчинам мы не пойдём? – удивилась медсестра.

– А как к ним пройти?

– Вот, – и Нюся показала на дверь в боковой стене палаты.

Эта дверь соединяла обе палаты. Таким образом в любое время дня и ночи больные из обеих палат могли сво-

бодно проникать к соседям. Алёшкин внутренне усмехнулся, вспомнив, как строго разделялись мужские отделения от женских в их клинике при Первой горбольнице.

В мужской палате, где стояло тоже восемь коек, находилось всего два человека. Один из них – седой старик с жёлтой морщинистой кожей и вздутым животом – лежал на спине, смотрел в потолок и никак не реагировал на вошедших. Про него Нюся сказала:

– Это Петрович, старый почётный малярик. Каждый год раза по два, по три лежит. Я вот третий год здесь работаю, а он за это время уже, наверно, раз десять лежал. Не долечивается: как только приступы немного ослабнут, так и бежит из больницы, ну а когда снова прихватит, возвращается. Сейчас у него приступ недавно начался, полчаса тому назад я ему температуру измеряла – 40,5 °С.

Борис понял, что такого больного в настоящий момент лучше не тревожить.

Из этих случаев новый доктор сделал вывод, что борьба с малярией в Александровке, да, вероятно, и во всём районе, ведётся далеко не удовлетворительно. Кстати сказать, в то время в самом Краснодаре, да и вообще на Кубани, малярия являлась самым распространённым заболеванием и не прекращалась потому, что в большинстве сельских лечебных учреждений её залечивали, а не вылечивали, и, по существу, плодили хроников, распространявших заболевание.

Второй больной – молодой парень, которого Нюся назвала

просто Колькой, имел на правой голени огромный фурункул размером с хорошее яблоко. Фурункул был завязан повязкой с ихтиоловой мазью. Нюся сняла повязку, и Борис как следует рассмотрел и ощупал уже готовый к вскрытию абсцесс. Его необходимо было вскрыть и потому, что в паховой области у Кольки увеличился и уплотнился лимфоузел, а кожа над ним покраснела. Медсестра, накладывая снова повязку, сказала:

– Антон Иванович хотел ему нарыв разрезать, да Колька не даёт, боится. Решили ждать, пока сам прорвётся. Мы ему сейчас красный стрептоцид даём, температура немного меньше стала...

Выйдя из мужской палаты, Борис и сопровождавшая его медсестра очутились в небольшом коридорчике, выходявшем на застеклённую веранду, окружавшую почти весь дом. С одного края веранды был отгорожен небольшой закоулок – уборная, которой пользовались все ходячие больные, впрочем, и неходячие тоже, как сказала Нюся. С веранды по крыльцу в несколько ступенек Борис и Нюся спустились во двор, огороженный высоким плетнём, где на расстоянии 10–12 шагов от здания больницы стоял ещё один маленький саманный домик. В этом домике в одной половине находилась кухня, а в другой прачечная. В небольшой пристройке к домику, сделанной из плетня, обмазанного глиной и побеленного известью, располагался хозяйственный склад.

Осмотрев небольшую кухню, на которой хозяйничала мо-

лодая, черноволосая, проворная женщина, которую Нюся почтительно называла тётёй Наташей, Борис увидел, что всё здесь сияло ослепительной чистотой. Такой же чистой и опрятной была и сама кухарка. В кухне стоял вкусный запах украинского борща, кроме того, в кастрюле на плите что-то ещё аппетитно булькало.

Поздоровавшись, Алёшкин спросил у Натальи Карнауховой (так звали кухарку), что она сегодня готовит на обед, и узнал, что будет борщ и тушёное мясо с картофелем, а на третье компот. Кроме того, для тяжёлой больной с температурой – бульон с клёцками и манная каша. Наталья сказала, что Антон Иванович каждое утро перед обходом больных заходит на кухню, и они составляют меню на день в зависимости от того, какие продукты есть на складе.

– Больные на питание не обижаются, – заметила Нюся, – многие дома едят гораздо хуже.

В это время на пороге в кухне показался завхоз и пригласил Бориса осмотреть его хозяйство. Наталья предлагала попробовать борщ, который уже готов, но Борис отказался, пообещав снять пробу в другой раз.

Василий Прокопыч подвёл Бориса к противоположной стороне домика и открыл дверь небольшого помещения. Там на большой печи они увидели котёл, в котором в это время кипятилось бельё. Посередине на скамейке стояла объёмистая ванна, над которой склонилась немолодая женщина, усердно стиравшая простыню на широкой стиральной доске.

На приветствие Бориса она подняла усталую голову, кивнула и снова принялась за работу. Когда Алёшкин и завхоз вышли из этого душного и жаркого помещения, Василий Прокопыч заметил:

– Наша Пелагея не больно разговорчива, недавно мужа похоронила, от малярии помер. Уж как его ни лечил Антон Иванович, не помогло. А у неё четверо ребят. Вот теперь и взялась работать за двоих – за санитарку и за прачку... Ну, да она справляется. У нас такая прачка была, что после неё хоть всё бельё перестирывай. Товарищ Чинченко её рассчитал, хотел другую взять, а Пелагея уговорила отдать эту работу ей, вот теперь и старается. Ну, а вот и мой склад, – продолжал завхоз, отпирая большой висячий замок дощатой двери своего сарайчика.

В сарае стоял большой ларь, в отделениях которого находились крупы нескольких сортов. В углу на специальной подставке стоял мешок с сахарным песком, а на прикрепленных к стене полках – пачки чая и банки с лавровым листом, перцем, солью. В другом углу сарая, в большом фанерном ящике был насыпан картофель, а рядом на доске лежало несколько вилок капусты. В картонных коробках – морковь и свёкла.

– Мясо и запасы овощей я здесь не держу. Это так, только на один-два дня. Антон Иванович договорился с председателем кооператива, у них при магазине хороший погреб есть, там мы эти продукты и держим. Молоко, да часто и овощи тоже, из Муртазова вожу, масло покупаем в кооперативе. На

дворе у нас хороший колодец есть, воду из него берём – там, в углу, – сказал Василий Прокопыч, когда они с Борисом вышли из сарая. – В саду когда-то были абрикосы, черешни, сливы, да сейчас за садом уже давно никто не ухаживает, так что он почти не плодоносит.

Борис осмотрел и эту часть своего нового хозяйства. Явная бедность больницы его расстроила, но он был доволен тем, что получил это в полное своё владение, и теперь только от него зависело, как привести всё в образцовый порядок и лучшим образом преобразовать.

– Хорошо, Василий Прокопыч, мы с вами потом обсудим все хозяйственные дела, а сейчас пойдём в амбулаторию. Пожалуйста, проводите меня.

Завхоз запер свой склад, и они вышли на улицу.

Глава вторая

Утром Алёшкин так спешил в свою больницу, что даже не успел толком рассмотреть ничего вокруг. Теперь, выйдя на широкую, заросшую травой и обсаженную деревьями старинную улицу, он осмотрелся. Почти рядом с больницей стоял большой одноэтажный кирпичный дом.

– Это наша семилетка, – сказал Василий Прокопыч, заметив взгляд Бориса, – а вот, почти напротив неё, домик в четыре окна, это владения Матрёны Ильиничны – роддом наш. Может быть, зайдём к ней?

– Нет, – ответил Борис, – сперва в амбулаторию к Антону Ивановичу.

Они свернули в узенький проулочек между школой и больницей и вскоре очутились на небольшой площади. Там находилось несколько длинных деревянных столов, около которых стояли женщины. На столах лежали горками свежие овощи, куриные яйца, стояли кринки свежего и квашеного молока. Покупателей почти не было.

– Это наш базар. Сегодня день не базарный, да и поздно уж. Они с шести часов утра торгуют, а сейчас, поди, уже десять есть, – заметил завхоз.

Миновав базарную площадь, они вышли на извилистую, более узкую, чем главная, улицу. Прокопыч сказал:

– Это Теречная улица, а вон и амбулатория.

Улица оправдывала своё название – дома на ней находились только с одной стороны, другую сторону образовывал высокий обрывистый берег, за которым виднелась быстротекущая река.

«Так вот он какой, Терек-то!» – подумал Борис, но сейчас же его взор перенёсся на дом, к которому они почти подошли. Как и все дома в станице, он был обнесён высоким плетнём, образовывавшим большой заросший травой двор. У забора росли ровными рядами какие-то деревья. Над высоким деревянным крыльцом висела вывеска «Амбулатория». Сам дом был почти также велик, как и тот, в котором была обещана Борису квартира. К крыльцу вела протоптанная дорожка, а рядом на лавочках, врытых в землю, сидели человек десять мужчин и женщин. Некоторые держали на руках детей. Увидев подходивших Алёшкина и Прокопыча, все встали и почтительно поклонились новому доктору.

Войдя в дом, Борис увидел большую светлую комнату. У трёх стен её стояли скамейки, на них тоже сидели ожидавшие приёма пациенты. Во внутренней стене комнаты находились две двери, на которых висели таблички «Врач» и «Перевязочная». В углу, противоположном от улицы, стоял большой шкаф, огороженный прилавком, над шкафом висела табличка «Аптека».

Завхоз подошёл к кабинету врача и постучал. Оттуда слышался надтреснутый басок:

– Войдите!

Борис, войдя вслед за Прокопычем, увидел вставшего из-за стола коренастого пожилого человека, с седеющей головой и чёрными усиками. Голова у него была немного несоответственна с туловищем, лоб пересекала глубокая поперечная складка, а подбородок резко выдавался вперёд. Он улыбался, но улыбались только губы, а чёрные глаза смотрели немного удивлённо и настороженно.

– Антон Иванович Чинченко, фельдшер, исполняющий обязанности заведующего врачебным участком, – отрекомендовался он.

– Борис Яковлевич Алёшкин, врач, назначенный заведовать Александровским врачебным участком и больницей, – представился в свою очередь Борис и, вынув из кармана выписку из приказа, вручённую ему в Майском заведующей райздравом, протянул её Чинченко.

Тот отстранил руку Бориса с протянутой бумажкой и произнёс:

– Что вы, что вы, Борис Яковлевич, какие бумажки! Мне о вашем назначении Раиса Иосифовна ещё два дня назад сказала, когда я в Майском был. Мы уже ждали вашего приезда. Пожалуйста, садитесь! – и Чинченко вышел из-за стола, показывая Борису на деревянное кресло, стоявшее за ним.

Но Алёшкин ответил:

– Нет, нет, садитесь пока вы в своё кресло, я вот здесь на кушетке присяду. Там много больных дожидается, поэтому не будем долго разговаривать. Вы, Антон Иванович, продол-

жайте приём, я мешать не буду, сейчас уйду. Мне хочется ещё роддом посмотреть. Мы лучше вечером поговорим. Вы когда вечерний обход в больнице делаете?

– Да когда как придётся. Если вызовов на дом немного, то часов в 5–6. Если много, то вечером и вовсе в больницу не попадаю. Когда вы хотите со мной встретиться? А, может быть, ко мне домой зайдёте? Я ведь в этом же доме живу.

– Нет, Антон Иванович, спасибо за приглашение. В другой раз, а сегодня давайте встретимся в больнице часов в шесть.

– Слушаюсь. Нужно всех служащих собрать? – немного обиженно ответил Чинченко.

– Нет-нет, сегодня мы с вами вдвоём поговорим, а всех соберём дня через два, когда я немного с обстановкой ознакомлюсь. Хорошо?

– Как вам будет угодно...

– Ну, вот и договорились. Василий Прокопыч, проводите меня до роддома, пожалуйста, а то я у вас здесь ещё заблужусь, пожалуй, – усмехнулся Борис. – Ну, так до вечера, – и он поднялся с топчана, накрытого клеёнкой, который изображал из себя врачебную кушетку.

Но в этот момент дверь кабинета открылась, и в неё быстро вошёл запыхавшийся фельдшер заводского здравпункта, уже известный нам Пётр Кузьмич:

– Ух, я запарился, за вами бегая! Уж и на квартире у вас был. Хорошо, здесь застал! Исуф Банович, директор наш, ве-

лел обязательно вас разыскать. Почему, говорит, он ко мне не зашёл, сердится!

Было видно, что директора завода Текушева в Александровке все основательно побаивались. При словах Петра Кузьмича и Антон Иванович, и Василий Прокопыч поднялись и с некоторой тревогой смотрели на нового доктора. Но Борис решил сразу показать, что он видел таких, как Текушев, немало, знает им цену и угодничать не намерен.

Из ранее описанного мы знаем, что Алёшкин был не новичком в хозяйственных и административных делах, сам в своё время занимал немаленький пост, и потому нам его поведение не может показаться удивительным. Ну а таким людям, как его будущие сотрудники, видимо, привыкшие беспрекословно повиноваться и всячески угождать всесильному Исуфу Бановичу, ответ, который они услышали от Алёшкина, показался прямо-таки ужасающим. Борис посмотрел на Петра Кузьмича и спокойно сказал:

– Странно, зачем же вы за мной бегали? Я товарищу Текушеву не подчинён, да и не собираюсь ему подчиняться! Я приехал на свой врачебный участок, должен сперва всё осмотреть, со всеми познакомиться, ну а потом, если у меня появятся какие-нибудь вопросы к директору Крахмального завода, я и с ним побеседую. А если я ему уж так нужен, пусть бы сам сюда зашёл.

Чинченко счёл нужным заметить:

– Вы, Борис Яковлевич, напрасно так с Текушевым, ведь

здесь многое от него зависит. Он, когда захочет, то нам помогает и топливом, и транспортом. С ним ссориться невыгодно, да и опасно: говорят, его брат или брат его жены в Совнарком Кабардино-Балкарии работает.

Борис улыбнулся:

– Знаю, знаю, мне Раиса Иосифовна про его связи и важность все уши прожужжала, когда мы с ней в Майское с завода возвращались. Но я-то себя подчинённым товарищу Текушеву не считал и считать не буду. Вот моя жена – другое дело, она к нему на службу поступать собирается. Ну, так сама с ним и договорится, она у меня человек самостоятельный. Да, по-моему, Текушеву-то и не я нужен был, а именно моя жена.

Когда Борис произнёс эти слова, он заметил, что его собеседники как-то странно между собой переглянулись. Он немного удивился этому, но продолжал:

– Пётр Кузьмич, пожалуйста, передайте директору завода (он умышленно не назвал его фамилии), что жена моя, Алёшкина Екатерина Петровна, зайдёт к нему завтра утром, чтобы договориться о работе, может быть, и я с ней приду. Да не бегайте вы по его поручениям, как мальчик на побегушках! У вас своя работа есть, и её бросать нельзя, да теперь и свой начальник есть, – Борис снова улыбнулся и показал пальцем себе на грудь.

Алёшкин не сомневался, что содержание этой беседы и его довольно резкие слова, сказанные в адрес Текушева, по-

следнему будут известны не позднее, чем через час, но он этого и хотел. Уж очень ему не терпелось хоть немного осадить этого чванливого и, очевидно, довольно-таки туповатого бюрократа-кабардинца.

Из амбулатории они вышли втроём, оставив Чинченко продолжать приём терпеливо ждавших своей очереди больных. Пётр Кузьмич помчался на завод, а Борис Яковлевич и Василий Прокопыч, обойдя амбулаторию с другой стороны, через узенький проулочек вышли на главную улицу и очутились почти напротив родильного дома. Обращаясь к завхозу, Борис сказал:

– Ну, теперь я всё найду сам, а вы идите по своим делам, да вечером загляните в больницу, мы там с Антоном Ивановичем будем.

Перейдя улицу, он подошёл к деревянному, ещё не старому домику с крыльцом, выходившим прямо на улицу. Четыре окна домика, завешанные марлевыми занавесками, выглядели приветливо и уютно. Алёшкин поднялся на крыльцо.

Дом этот, как и многие из богатых домов станицы Александровской, стоял на высоком кирпичном фундаменте. Борису понравилось, что наличники окон и ставни выкрашены светло-голубой краской; крыльцо, ведущее к входной двери, не только было вымыто, но даже и выскоблено так, что выглядело намного чище, чем пол в палатах больницы. У двери лежал половичок. Видно было, что в этом доме следят за

чистотой с особым усердием.

Пройдя через небольшую веранду, Борис чуть не столкнулся с маленькой бойкой старушкой, одетой в старое ситцевое платье. В правой руке она держала плетёную из прутьев корзинку – очевидно, собралась куда-то по хозяйственным делам. Так, внезапно встретившись, от неожиданности оба немного смутились. Первая нашлась старушка. Она, видимо, знала чуть ли не всех жителей станицы, поэтому сразу поняла, что Борис приезжий, а так как приезжим мог быть только новый доктор, то она тут же определила, кто перед ней стоит.

– Здравствуйте! Вы наш новый доктор? – полувопросительно-полуутвердительно спросила она.

– Да.

– Ну, а я местная акушерка и заведующая вот этим роддомом, Матрёна Васильевна.

– Борис Яковлевич Алёшкин, – представился в свою очередь Борис.

– Ну, что же мы здесь стоим, зайдёмте ко мне, – и Матрёна Васильевна, бросив корзинку на одну из полок веранды, быстро прошла вперёд.

Открывая дверь, она громко крикнула:

– Надя, Надя, встречай, к нам гость пожаловал, – и, пропуская через маленькую кухню вперёд Бориса, показала ему рукой на открытую дверь, ведущую в комнату. – Проходите, пожалуйста.

В этой комнате они застали вторую пожилую женщину.

Лицом она очень походила на Матрёну Васильевну, но фигурой превышала её как по высоте, так, главным образом, по объёмам чуть ли не вдвое. Встречая Бориса и отодвигаясь вглубь комнаты, чтобы дать ему возможность войти, так как она своей комплекцией загромождала почти весь проход, женщина успела сказать:

– Здравствуйте, милости просим! Присаживайтесь к столу. Меня звать Надежда Васильевна. Обедать будете?

– Нет, нет, спасибо, я всего на минуточку.

– Вот-вот, всегда так! – возмутилась прошедшая вслед за Борисом Матрёна Васильевна. – Все врачи к нам заходят только «на минуточку»! Не слушай его, Надя, собери нам хоть чайку.

Борису понравились и обе эти старушки, и бесцеремонность, с которой Матрёна Васильевна распорядилась его угощением, и та удивительная чистота, и уют, которые бросились в глаза и на крыльце, и на веранде, и в крошечной кухоньке, и в комнате. В последней большая часть была занята двуспальной кроватью, гардеробом и старинным буфетом, сквозь стеклянные дверки которого виднелись такие же старинные тарелки и чайный сервиз.

Через полчаса, сидя за столом со стаканом отлично заваренного чая и полным блюдечком самого любимого Борисом вишнёвого варенья, он держал в руках мягкую, сдобную, точно только что вынутую из печи очень вкусную булочку. Борис слушал рассказ Матрёны Васильевны о работе роддо-

ма, о людях и о той жизни, которую ей и её сестре Наде пришлось пережить. Часто рассказ прерывался репликами этой самой Нади, которой очень хотелось внести дополнительные объяснения и пояснения, упущенные, по её мнению, Матрёной из деликатности.

Из этих, вообще-то, сбивчивых и не всегда последовательных объяснений Алёшкин узнал, что Матрёна Васильевна работала в молодости акушеркой в Ростове-на-Дону, в самом большом клиническом роддоме. В период Гражданской войны она потеряла мужа, а затем и сына. Ростов ей опостылел, и она поехала акушеркой на село. Работала в разных амбулаториях, принимала роды и на дому. С 1930 года, когда открылся в станице Александровской колхозный роддом, она переселилась сюда, и работает здесь вот уже десять лет. Года три тому назад к ней переселилась сестра Надя, до этого она жила в Ленинграде вместе с дочерью. Когда дочь вышла замуж, она решила жить отдельно и приехала в Александровку. Так эти две сестрицы теперь здесь и жили.

Узнал Борис также и то, что сама Матрёна Васильевна получала зарплату от райздравотдела, а всё содержание роддома возложено на колхоз, и ей приходится немало воевать с председателем, требуя выделения людей (санитарок) и необходимых материальных ресурсов для содержания роддома.

После чая Алёшкин вместе с акушеркой обошли помещения роддома. Он состоял из маленького тёмного коридорчика-прихожей, в который выходило четыре двери: одна –

входная с веранды, другая вела в небольшую комнатку-«кричалку», где стояло три кровати, застланные чистым бельём и тёмными суконными одеялами, такими же, как в больнице, однако с надетыми на них белыми пододеяльниками. Третья дверь соединяла коридор с комнатой, где стояло три большие кровати для взрослых и три маленькие – для детей. В это время здесь лежала одна женщина и один ребёнок, родившийся всего сутки тому назад. Бориса поразила та ласковость, и даже нежность, с которой Матрёна Васильевна обращалась к роженице и ребёнку, сморщенным, красным ещё комочком сладко посапывающему в своей кроватке. Очень ему понравилось и то уважительное внимание, с которым молодая мать слушала замечания акушерки. Сразу было заметно, что Матрёна Васильевна пользуется здесь непререкаемым авторитетом и большим уважением. Мысленно Алёшкин позавидовал этой маленькой старушке и в душе дал себе обещание добиться такого же уважения к себе со стороны своих больных.

Заглянув в «родилку», куда вела четвёртая дверь, Борис увидел, что там стоял обыкновенный металлический стол, в углу гинекологическое кресло и сбоку шкаф, с довольно большим набором акушерских инструментов и несколькими пузырьками с лекарствами.

После осмотра роддома молодой врач и старая акушерка вновь вернулись в её квартиру, сообщавшуюся с роддомом через веранду. За всё это время Алёшкин не увидел ни од-

ного человека из младшего персонала и невольно задал по этому поводу вопрос. Акушерка ответила:

– О, колхоз постоянных людей никак выделить не может, да ведь и не идёт никто: оплата-то трудоднями, а на трудодень они почти ничего не получают. Колхоз не из богатых. Вот мои бывшие пациенты устанавливают между собой дежурство и приходят ко мне утром и вечером, чтобы убрать помещение и бельё постирать. Ну, а поесть... Тем, кто в «кричалке», не до еды, а тем, кто родит, из дома приносят. Я уж только слежу, чтобы не слишком много приносили, да иногда приходится кое-что из продуктов браковать. Да потом, ведь у нас здесь все здоровые лежат. Чуть только что неладно, сейчас же в Муртазово в родильное отделение больницы везут, тут недалеко – километра три. Они, хотя и другого района, но роженицам никогда не отказывают. Ведь у нас этим заниматься некому: Антон Иванович в акушерском деле ничего не смыслит, он и в роддоме-то раз в году бывает! Ну а врачи... – Матрёна Васильевна немного помолчала, как бы не решаясь сказать, затем все-таки сказала. – Ну а врачи, не в обиду будь вам сказано, в большинстве своём молодые девушки, роды один раз в жизни в клинике видели. От них помощи тоже ждать нельзя. Да и где они, эти врачи-то? Больше года ни одна из них не задерживалась, а последние три года и совсем никого не было. Из мужчин вы вот первый, кто на нашу Александровку согласился. Мне передавали, что приедет только что окончивший молодой врач, а когда я вас

увидела, то даже удивилась: по вашему возрасту совсем не видно, что вы только что из института.

Пришлось Борису вкратце рассказать о себе, о том, что ему уже 33 года, что учиться он пошёл поздно и врачебного опыта у него, наверно, примерно столько же, сколько у тех девушек, которые до него были, хотя жизненного побольше. Не удержался Алёшкин и невольно рассказал о том курьёзном случае, благодаря которому он попал в Александровку, что главным лицом в получении жилья, а, следовательно, и возможности работать в станице, оказался не он, а его жена, которую директор завода Текушев хочет взять к себе на работу машинисткой.

Узнав об этом, обе старушки почему-то заволновались, потом Надежда Васильевна (она была более решительная и прямолинейная), сказала:

– Эх, Борис Яковлевич, не ехала бы я на вашем месте в Александровку, ведь про Текушева-то целые сказания ходят: он ни одной молодой женщине проходу не даёт! Жена у него болезненная, родила ему пятерых детей, а теперь и не нужна стала, вот он и кидается на всех молодых. Жена ревнует, чуть до драк дело не доходит. Так что ваша супруга прямо, как Красная Шапочка, волку в лапы попалась!

Алёшкин, хотя и встревожился этим сообщением, вспомнив то, как переглядывались его подчинённые, узнав, что его жена поступает на службу к Текушеву, всё же постарался виду не подать:

– Ну, вы мою Катю не знаете, она себя в обиду не даст!

Прощаясь с Борисом, обе старушки просили его поскорее познакомить их с Катей, да и самому не чуждаться их, а заходить как можно чаще. Он обещал. Обе старушки как-то сразу очень расположили его к себе, чего он, к сожалению, пока не мог сказать про своих непосредственных помощников.

Было уже около двух часов дня, когда Борис направился домой. По дороге он решил зайти к председателю сельсовета, чтобы сообщить ему о своём приезде и о том, что он приступил к работе. Нужно было представиться и председателю колхоза. Последний оказался на месте, более того, у него в этот момент находились и предсельсовета и секретарь партячейки Прянин. Глава сельсовета был, видимо, удивлён и польщён тем, что прибывший в станицу врач счёл нужным ему представиться. До сих пор новые врачи приходили к нему только тогда, когда им было что-нибудь нужно. Почувствовали невольное уважение к Алёшкину и остальные присутствующие. Председатель сельсовета, желая показать свою учтивость, спросил Алёшкина, как он устроился с квартирой. Он подумал, что квартиру врачу выделил колхоз, а председатель колхоза, услышав этот вопрос, был очень удивлён, так как предполагал, что квартиру дал сельсовет. Когда же врач сообщил, что жильё ему обещался дать директор завода, то оба руководителя только руками развели.

Алёшкин упомянул, что и по больнице, и по роддому, да и по другим вопросам у него будет ещё немало просьб и пред-

ложений, и что, когда он осмотрится немного, тогда с ними и придёт. После этого он распрощался и направился к выходу. Поднялся со своего места и Прянин. Это был высокий белокурый мужчина, лет 35, он сказал:

– Подождите, доктор, пойдём вместе, дорогой поговорим.

Идя по пыльной улице по направлению к тому дому, где поселились Алёшкины, Прянин, который почему-то очень расположил к себе Бориса, уже вкратце знал историю, заставившую согласиться Бориса на работу в Александровке. Выслушав его, он успокаивающе сказал:

– Ну, ничего, Бог не выдаст, свинья не съест, перемелется, мука будет. А в отношении работы жены не волнуйтесь, моя тоже на заводе работает, заведует складом. Текушев пробовал к ней лезть, ну, да она его быстро отшила, да и я с ним поговорил, теперь он хвост немного прижал. Ну, а если вашу жену обижать станет, мы за неё заступимся. Если он вам обещанную квартиру даст, так это было бы прекрасно: дом хороший, и от работы близко. Ну, пока, я пойду, – и не доходя двух или трёх домов до квартиры Алёшкиных, Прянин свернул в проулок.

Когда Борис вернулся домой, его уже ждал вкусный обед. Катя, хотя и не развязывала всех вещей, всё же достала необходимую посуду и при помощи Маркеловны приобрела кое-какие продукты. Все члены семьи в питании избалованными не были, поэтому приготовленный обед им показался очень вкусным. А когда он закончился прекрасным арбузом, то все

чувствовали себя на седьмом небе.

Борис решил пока ничего не говорить жене о том, что он узнал о Текушеве, чтобы не волновать и не расстраивать её. Он справедливо рассудил, что его Катя сама достаточно хорошо разбирается в людях, быстро раскусит этого ловеласа и сумеет дать ему отпор. В душе он решил, что в случае необходимости не посчитается ни с чем и со своей стороны тоже сумеет осадить любвеобильного директора, особенно теперь, когда у него с первых же минут сложились такие хорошие отношения с секретарём партячейки. На своё районное начальство Алёшкин не полагался и, как мы впоследствии увидим, вполне резонно.

Вечером, в шесть часов, Борис был уже в больнице, где его встретила встревоженная медсестра Нюся. На вопрос «что случилось» она ответила:

– Да как же, Борис Яковлевич, у нас сегодня в больнице что-то невообразимое делается! Обыкновенно больше трёх-пяти человек никогда не было, а сегодня с амбулаторного приёма Антон Иванович десять человек прислал! Женская палата занята полностью, и в мужской только одно место осталось. Да все старики и старухи – мы таких раньше никогда и не клали, у них не разберёшь, что и болит-то!

Борис был слишком опытным человеком, чтобы сразу же не понять, что Чинченко решил ему подложить свинью, мол, с большим количеством больных доктор сразу же зашьётся, может быть, и сбежит, а выпишет направленных им больных,

так недовольство у населения вызовет. «Ну, хорошо, – внутренне усмехнулся Алёшкин, – потягаемся! Это даже лучше, что Антон Иванович так сразу коготки начинает показывать».

– Ничего, Няся, не волнуйтесь. Будем лечить больных, только порядок заведём другой. Сегодня я этих больных смотреть не буду. Антон Иванович назначение сделал?

– Да в том-то и дело, что ничего не назначил никому, только бумажечки с диагнозами прислал! Да вон он и сам идёт, поговорите с ним сейчас.

– Ну-ка, дайте мне эти бумажки.

Борис забрал все клочки, на каждом из которых крупным размашистым почерком Чинченко была написана фамилия больного, русскими буквами диагноз и больше ничего, прошёл в свой кабинет, сел за стол и, отодвинув в сторону кучку записочек, развернул тетрадь, в которой был список больных, и положил её перед собой.

Через несколько минут в кабинет вошёл фельдшер, сел на стул, стоявший около стола, искоса взглянул на кучу своих записочек и спросил Алёшкина:

– С чего же мы начнём, Борис Яковлевич?

Борис поднял на него свои глаза, до сих пор изучавшие записи в тетрадке, и совершенно спокойно, но в то же время довольно твёрдо сказал:

– С наведения порядка, Антон Иванович!

– То есть как? – немного возмущённо воскликнул Чин-

ченко. – До сих пор наш участок считался одним из лучших! Какие беспорядки вы за один день успели заметить?!!

Алёшкин улыбнулся:

– До сих пор участок, которым временно заведовали вы, действительно считался одним из лучших, мне об этом и Раиса Иосифовна говорила.

– Ну, вот видите!

– Да, – продолжал Борис, – но это было так, пока врачебным участком заведовал фельдшер. С сегодняшнего дня им заведует врач, и с этой точки зрения участок может считаться, если не самым худшим, то одним из худших. Вам понятно?

В это время дверь кабинета открылась, и показался завхоз. Борис Яковлевич недовольно взглянул в его сторону:

– Василий Прокопыч, подождите где-нибудь во дворе, нам с Антоном Ивановичем поговорить надо.

Когда за завхозом закрылась дверь, Алёшкин продолжал:

– Так вот, Антон Иванович, – он пододвинул к фельдшеру кучку записочек, – я вас прошу, чтобы таких фокусов вы больше не устраивали. Погодите, погодите, сейчас говорить буду я, – прервал он пытавшегося что-то сказать фельдшера. – Завтра же утром вы осмотрите всех этих больных; на тех из них, кто действительно нуждается в госпитализации, заведёте истории болезни так же, как и на тех, кто лежал в больнице до сегодняшнего дня. А всех, кого вы прислали зря, сами же завтра до моего прихода выпишите. Понятно?

Во время этого монолога врача Антон Иванович сперва возмущённо, затем удивлённо и, наконец, несколько испуганно смотрел на Алёшкина. До сих пор таким тоном с ним ещё никто не разговаривал.

Фельдшер Антон Иванович Чинченко имел за плечами уже более 20 лет стажа. По окончании Краснодарской фельдшерской школы, ещё в двадцатые годы, он сразу же попал на самостоятельный фельдшерский участок и за это время, конечно, приобрёл немалый практический опыт, хотя и перезабыл многое из того, чему его когда-то учили, да и не узнал того нового, что за это время в медицине произошло. Он не столько успешно лечил, сколько умел создавать видимость успешного лечения и благополучия в работе участка. Поэтому такой резкий тон Алёшкина его удивил, возмутил, и, наконец, испугал. В душе фельдшер понимал, что многого не знает, многого не доделывает, но так как в райздраве и в станице все боялись, что участок может остаться вообще без медика, а окружавшие Антона Ивановича медработники – ротный фельдшер, пьяница Пётр Кузьмич и медсёстры в больнице – в счёт идти не могли, то, считаясь незаменимым, Чинченко и вёл себя соответствующим образом. И вдруг с самого первого дня появления нового врача – такое резкое и суровое нападение!

Антон Иванович молчал.

– Я спрашиваю вас, товарищ Чинченко, вам понятно моё приказание? – повторил вопрос Борис.

Антон Иванович как-то вяло и растерянно ответил:

– Понятно...

– Ну вот, значит, и договорились. Да, ещё вот что, давайте сейчас распределим наши обязанности. По штату, которой дала мне Раиса Иосифовна у нас... – с этими словами Алёшкин вынул из кармана аккуратно сложенный листок бумаги, развернул его и положил перед собой. – Так, значит, у нас по штату три врачебные должности: зав. участком, зав. больницей и врач-терапевт; кроме врачебных, три фельдшерских, четыре для медсестёр и одна акушерка. Зав. врачебным участком придётся быть мне. Заведующим больницей буду тоже я, а должность врача-терапевта также, как и одну из фельдшерских, займёте вы, Антон Иванович, если не возражаете. Одна фельдшерская на медпункте в станице Котляревской – там её занимает, кажется, медсестра, а одна пока вакантна. Из четырёх должностей медсестёр три заняты в больнице и одна в амбулатории, как мне говорили, все укомплектованы. Акушерку Матрёну Васильевну я уже видел, и как у неё обстоят дела, знаю. Пётр Кузьмич, фельдшер завода, содержится за счёт завода и нам подчиняется только в медицинском отношении, верно ведь?

– Да, так, – каким-то безразличным тоном произнёс Чинченко.

– Конечно, Антон Иванович, вы остаётесь моим самым главным заместителем, и даже больше: я считаю, что вы и моим учителем будете, ведь в практическом отношении я от

вас, конечно, отстаю... Ну а то, что я хочу завести здесь свои порядки – это естественно, и вы на это не обижайтесь. Расскажите мне, пожалуйста, о всех наших работниках, чтобы завтра, когда мы общее собрание соберём, и я со всеми познакомлюсь, я уже мог кое-что о них знать.

Последние фразы Алёшкина немного улучшили состояние духа Чинченко, и он довольно подробно и толково охарактеризовал каждого медработника участка. Из его характеристик Борис узнал, что Матрёна Васильевна – хорошая акушерка, но, видать, из «бывших» и «о себе много воображает». Пётр Кузьмич – старый ротный фельдшер (название «ротный» говорило, что Кузьмича обучали на курсах во время службы в армии, т. е., по существу, давали ему знания в объёме санинструктора), и что по своим знаниям он этому названию и соответствует. По выражению Чинченко, он часто любил «закладывать», а так как спирт на заводе всегда можно было достать без труда, то Кузьмич почти постоянно находился в подпитии.

Рассказал Антон Иванович и про медсестёр. По его словам, все они были старательными и исполнительными, но недостаточно медицински грамотными, за исключением Марии Ивановны, работавшей в медпункте на ст. Котляревской, «которая и фельдшеру не уступит».

– Ну а как наш Василий Прокопыч?

– Он, хоть и жуликоват, но мужик оборотистый, а нам без такого и нельзя. Вот, взять хотя бы нашу лошадь – как её со-

держат, где? Прокопыч поставил её у себя: обхаживает, кормит её и, хотя, конечно, пользуется ею и для себя, но и мы в любое время её берём. А то ведь раньше как было: лошадь-то эту по решению РИКа колхоз выделил, и стояла она в колхозной конюшне, любой колхозный начальник от председателя до бригадира гонял её, когда кому вздумается. Ткнёшься куда-нибудь ехать – нет лошади. Вот, я договорился с председателем колхоза, и решили её определить к Василию Прокопычу. Теперь я знаю, что, когда мне нужно, я всегда её могу взять. Вы, конечно, уж как там сами решите, но, по-моему, так лучше будет.

– Ну что ж, ладно, пускай пока лошадь у Василия Прокопыча стоит, а там видно будет... Вы меня, Антон Иванович, простите, если я что-нибудь резкое, может быть, и обидное сказал, но я вас обидеть не хотел. Просто мне важно, чтобы между нами установились определённые отношения... Ну, уже поздно, пойдёмте по домам, а в больницу вы уж, пожалуйста, завтра с утра приходите, разберитесь со всеми больными. На остающихся заполните истории болезни, вот эти, – и Алёшкин вынул из ящика стола пачку чистых бланков. – И, пожалуйста, Антон Иванович, когда я здесь, без консультаций со мной людей в больницу не направляйте, а то мы её быстро завалим, и нам тогда туго придётся. Ну, до свидания.

Борис поднялся и протянул руку Чинченко, тот пожал её, и они вышли на веранду. На веранде сидели Василий Прокопыч и сменившая Нюсю медсестра Клава. Это была свет-

ловолосая, довольно высокая женщина, очевидно, со своим нравственным характером. Коротко поздоровавшись с вошедшими, она сразу же обратилась к Чинченко:

– А что с новыми больными делать? Назначений никаких нет...

Ей ответил Борис:

– Не беспокойтесь, до утра они подождут, а утром Антон Иванович придёт и всё расскажет.

Этот ответ не понравился медсестре. Она подумала, что новый врач, как и все предыдущие, задержавшиеся в Александровке не более чем на полгода, будет жить и действовать по указке Чинченко. Она недовольно хмыкнула и прошла в мужскую палату.

На улице было совсем темно, и Алёшкин, ещё раз попрощавшись с Чинченко, попросил Василия Прокопыча пройти с ним до дома. Во-первых, для того, чтобы поговорить с ним о хозяйственных делах больницы, а во-вторых, чтобы в темноте не заблудиться в этой ещё совсем незнакомой ему станице.

Дорогой Борис узнал от завхоза кое-какие подробности деятельности Чинченко, в том числе и то, что для себя Антон Иванович почти все продукты берёт со склада больницы. Выяснилось это таким образом. Василий Прокопыч, как только они прошли мимо закрытой лавки кооператива, спросил:

– Борис Яковлевич, я завтра буду для больницы продукты

покупать здесь, в магазине, и в Муртазово поеду. Что для вас купить?

Алёшкин смутился, с собой у него денег не было. Он знал, что у Кати тоже их оставалось очень мало. Поручать же Василию Прокопычу покупать что-либо, не дав денег, он считал неудобным. Видимо, понимая положение врача, завхоз заметил:

– Да вы, Борис Яковлевич, о деньгах не думайте. Мы все расходы на больницу спишем, ведь Антон Иванович всегда так делает.

От удивления Алёшкин даже остановился. Ему и в голову не приходило, что можно брать что-либо из продуктов, предназначенных для больных. Несколько мгновений он молчал, затем с возмущением воскликнул:

– Вот что, Василий Прокопыч, если вы хотите со мной дальше работать, то мне таких предложений не делайте, да и товарищу Чинченко без моего разрешения никаких продуктов не выдавайте! Учтите, я ваши расходы, как по деньгам, так и по продуктам буду очень тщательно проверять. Кстати, через неделю будет 1 августа, вот вы мне и подготовьте отчёт о расходах по участку и по больнице за восемь месяцев.

Услышав такую отповедь, завхоз обиделся и немного испугался. Он знал, что больших злоупотреблений за ним не числилось, ну а мелких было достаточно. Тем временем они подошли к дому, где жил Алёшкин, и тот, протянув руку, сказал:

– До свидания, Василий Прокопыч. Завтра, как из Муртазова вернётесь, поговорим, зайдите ко мне. Я вечером обязательно в больнице буду.

Ещё днём Алёшкин договорился с Чинченко о распределении времени работы между ними. По этому расписанию Борис с утра делал обход в больнице, затем с 10 до 15 часов вёл приём в амбулатории, а вечером, часов с 5 до 7–8 снова работал в больнице. Антон Иванович должен был утром посещать больных на дому, вести санитарно-просветительную работу, а с 3 до 8 часов вечера проводить амбулаторный приём. Исключение составил только следующий день, когда фельдшеру было поручено разобраться с госпитализированными им больными.

Итак, все действующие лица сегодняшней истории, наконец-то, остались наедине. Василий Прокопыч, попрощавшись с врачом, вначале хотел пойти к Чинченко, но затем раздумал. У него с фельдшером сложились не очень-то приятельские отношения. Во-первых, потому, что Антон Иванович хорошо знал обо всех махинациях и мелком жульничестве, которые допускались завхозом, а во-вторых, потому, что Чинченко довольно глубоко запускать руку в больничную кассу и на склад, а на долю завхоза оставалось всё меньше и меньше. Кроме того, шагая по дороге домой, Прокопыч всё время думал: «И что это за врача нам прислали? Он в хозяйственных делах как ревизор какой-то разбирается... До него врачихи приезжали, так те по хозяйству ни во что не вника-

ли, им можно было что хочешь наплести, а этот точно сам завхозом был. Антон Иванович – дока в этом деле, но новый, кажись, похлеще, вон и самого Чинченко, кажется, скрутил, тот из больницы-то прямо не в себе вышел. Учить их стали, что ли по-новому? Ну ладно, посмотрим, как дальше дело пойдёт, а всё-таки надо поближе к новому держаться...»

На самом же деле Алёшкина учили также, как и всех студентов медицинских вузов – много лекций по всяким медицинским вопросам, а вот о том, как нужно хозяйничать на вверенном врачебном участке, никто ничего не говорил. И если бы не тот опыт, который получил Борис за время работы в Дальлесе, Дальгосрыбтресте и Тралтресте, а затем и в облпотребсоюзе, то и он о хозяйственных вопросах никакого понятия бы не имел. Даже во время практики в Архипо-Осиповке они с Быковым занимались только лечебными вопросами и понятия не имели, на какие средства, каким образом покупаются продукты для больницы, как ведутся там хозяйственные дела.

Лёжа на огромной деревянной кровати рядом с уснувшей Катей и мерно посапывавшими в углу на перине ребятишками, анализируя прошедший день, Борис вынужден был признать, что за всё время почти двенадцатичасового дня он занимался чем угодно – и организационными вопросами, и хозяйственными, и даже борьбой с назревавшей склокой, но почти совсем не уделил внимания лечебному делу. «А как будет дальше? – невольно испугался он. – Неужели и впредь

на настоящую медицину у меня времени оставаться не будет? Плохо тогда моё дело». Так, с этими невесёлыми мыслями Борис и уснул.

Мы столь подробно остановились на событиях одного дня потому, что это был первый самостоятельный день врача Алёшкина, и всё, с чем он в этот день соприкоснулся, было для него совершенно новым, необычным и незнакомым. До сих пор, дежуря в клинике, в окружении знающих, опытных наставников и помощников, медсестёр и фельдшеров, часто гораздо лучше его знавших, что ему нужно делать, всегда подсказывавших ему правильные действия, он знал, что за стенкой операционной, или палаты, или, во всяком случае, в этом же здании находятся его учителя, готовые в любой момент прийти ему на помощь. Здесь же он был не только полностью предоставлен сам себе, но даже встречал противодействие и желание прощупать его, проверить его знания.

Работая в клинике, он никогда не думал о том, откуда берётся дистиллированная вода, необходимые растворы, стерильные инструменты, медикаменты и, наконец, кто и как кормит и одевает больных. В первый же день со всеми этими вопросами ему пришлось столкнуться и сразу обнаружить злоупотребления и неисполнение простейших медицинских правил. Этот день надолго, если не навсегда, запечатлелся в памяти Бориса Алёшкина, вот поэтому-то мы и уделили ему так много места. Как вы уже догадываетесь, подобных дней в его долгой врачебной жизни будет ещё очень, очень много,

а некоторые из них окажутся в сотни раз тяжелее и труднее.

Долго не спал в эту ночь и Антон Иванович Чинченко. Придя домой, на лавочке около крыльца он застал Петра Кузьмича, который специально дожидался его, чтобы расспросить, что за человек новый врач и чего нужно опасаться. Ожидания Кузьмича не оправдались: Чинченко не стал ему ничего рассказывать, а только посоветовал перечитать имевшийся в здравпункте «Справочник для фельдшеров» и отправил его обратно, на завод, а сам ещё долго сидел на этой же скамеечке и курил папиросу за папиросой. Его покоробили замечания и тон, которым они были сделаны, услышанные от нового врача. Разозлило и то, что затея с проверкой доктора путём умышленной загрузки больницы хрониками, не удалась. И чем дольше он думал, тем больше приходил к выводу, что Алёшкин всерьёз задумал здесь остаться, ведь он привёз сюда свою большую семью. Вероятно, его, Чинченко, авторитет будет основательно подорван. «По-видимому, этот парень и в медицинских, и в хозяйственных делах разбирается неплохо. Кольке абсцесс вскрыл, Нюся рассказывала, тот и ойкнуть не успел, и время-то на это каких-нибудь пять минут потратил», – думал он.

А Борис и на самом деле, узнав от Нюси о парне с нарывом, сразу же велел вести его в процедурную. В шкафу нашлась ампула хлорэтила. Антон Иванович пользоваться этим препаратом не умел, вот он и лежал около года без пользы. Заморозив кожу больного хлорэтилом, Алёшкин

вскрыл абсцесс и вставил в рану турунду с риванолом. Обычно, как сообщила Нюся, когда Чинченко вскрывал нарыв, то больные визжали и кричали на всю станицу, а Колька даже и не пикнул. Она, было, отнесла это к терпеливости парня, но тот заверил медсестру, что боли почти не чувствовал. Конечно, при первой же встрече с Антоном Ивановичем Нюся об этом случае ему доложила.

«Так вот, – продолжал свои размышления фельдшер, – не хочется мне тут в подчинённых ходить, давно уж привык я сам командовать... Но куда поедешь? Мест, правда, много, и меня всюду с удовольствием возьмут, да жалко Александровку оставлять, ведь здесь порядочное хозяйство завёл, а на новом месте когда ещё обживёшься, и года у меня уже не те. Да, Борис Яковлевич, задал ты мне задачу! Вот только одна надежда: может, они с Текушевым не сойдутся, вон он, какой ершистый. Директор таких не любит, а он ведь сила. Подожду-ка я, пока они схлестнутся, а сам в отпуск пойду – я уже три года без отпуска. Пусть-ка новый доктор сам тут повертится. Съезжу к сыну в Таганрог, а когда через месяц вернусь, может, тут уже новый начальник или голову сложит, или спесь ему собьют. Так и сделаю, завтра же заявление подам!»

Глава третья

Утром следующего дня Борис с Катей, нарядившейся в одно из своих самых целых платьев (да, не удивляйтесь, именно целых: за всё время учения Бориса Катя не имела возможности тратить деньги на что-то, кроме еды, и потому её одежда, как, впрочем, и одежда самого Бориса, и их детей оставляла желать много лучшего), отправились на завод. В таком, откровенно говоря, не очень-то презентабельном виде они и предстали пред очи грозного Текушева. Однако, надо отдать должное: несмотря на бедную одежду и на троих детей, Катя Алёшкина в свои 32 года выглядела как изящная молодая девушка. Стройная тонкая фигура, прекрасные густые каштановые волосы, задорный блеск зеленоватых глаз и всегда приветливая улыбка придавали ей неизъяснимую прелесть. Борис, поглядывая на жену, гордился и её красотой, и её умом, и умением себя держать. И даже сейчас, войдя в кабинет Текушева, встав недалеко от двери и глядя на развалившегося в кресле директора завода, считавшего себя в Александровке чуть ли не владельцем князем, Борис удивился, с какой непринуждённостью и спокойствием стояла рядом с ним Катя.

Едва взгляд Текушева скользнул по фигуре Кати, как глаза его загорелись, он вскочил из-за стола, поспешно подошёл к ним, поздоровался за руку с Катей, а затем с Борисом, и

заговорил:

– А-а, это жена доктора! Ты на машинке печатаешь? Валлаги-беляги, вот хорошо, мне как раз в Наркомат ответ написать надо! Вот от них запрос пришёл, – он схватил со стола какую-то бумагу, сунул её Кате и, продолжая всё также её рассматривать, вывел их из своего кабинета в небольшую комнату, в которой стоял письменный стол, заваленный большим ворохом беспорядочно разбросанных бумаг.

Рядом с ним находился маленький столик с пишущей машинкой.

– Вот твой рабочий места будет. Садись, работай.

Катя посмотрела на ворох бумаг, осмотрела машинку, села за неё и сказала:

– Хорошо, Исуф Банович, я сейчас выполню ваше поручение. Даже приберу здесь немного, постараюсь разобрать бумаги, но как сделаю это, сейчас же и уйду. К работе я не приступлю, пока вы не выполните своего обещания о квартире. Жить в халупе на краю станицы я не намерена.

Текушев хлопнул себя руками по бёдрам:

– Ай-яй-яй, доктор, какой у тебя серьёзный женцин, твоя жена! Я за тобой свой лошадь присылать буду, пешком ходить не нада.

– Нет, – отрезала Катя, – пока не перееду в обещанную квартиру, я здесь не появлюсь.

Она гневно сверкнула глазами, сердито отодвинула стул и стала копаться в ящике машинописного столика, доставая

бумагу и копирку.

– Ай, валлаги-беляги (позже Борис и Катя узнали, что это выражение было в ходу у всех кабардинцев, желавших как-нибудь скрыть своё смущение)! Так меня строители подвели, должны были вчера новый детсад кончить, а вот, наверно, только через неделю кончат, тогда сразу переедешь.

– Ну, вот тогда я и к работе приступлю, – невозмутимо ответила Катя, закладывая бумагу в машинку. – Что же будем писать? Диктуйте!

Текушев был явно не готов ни к такому ответу, ни к такому хладнокровию молодой женщины, кроме того, он толком не знал, что и как отвечать на запрос Наркомата. В вопросах сношения своего завода с внешним миром он разбирался слабо, а письмо требовало объяснения, почему завод не выполнил план поставки крахмала. Конечно, показать свою неосведомлённость перед новой сотрудницей ему казалось неудобным, и он, смешавшись, заявил:

– Там какие-то цифры спрашивают, я сейчас главбуха Топчинянца пришлю, он расскажет, – и директор быстро вышел из комнаты через другую дверь.

Строительство нового здания детсада действительно несколько задержалось, но главное было не в этом. На старый дом, занимаемый детсадом, зарились многие служащие заводской конторы, и Текушев уже немного раскисался в своём не очень-то обдуманном обещании, которое он опрометчиво дал райздраву. Правда, ему действительно был нужен

опытный секретарь, нужна была и грамотная машинистка. Ведь и он сам, и главбух, и многие другие сотрудники конторы русским языком владели плохо, а получать нагоняи из Москвы за неграмотно составленные бумаги было неприятно. Завод подчинялся не только Совнаркому Кабардино-Балкарии, но и Наркомату пищевой промышленности СССР.

Дав необдуманное обещание, Текушев теперь уже жалел о нём. Не зная способностей новой машинистки, он решил устроить ей некоторое испытание в течение недели или двух, и если она с ним не справилась бы, то можно было забыть о своём обещании. И вдруг эта девчонка, как мысленно окрестил её Текушев, сразу ставит какие-то условия! «Ну, ладно, посмотрим, может быть, так и останешься жить у Маркеловны, – думал Исуф Банович, идя в бухгалтерию. – А ведь бабёнка-то хороша!»

Тем временем Борис, всё время тихонько сидевший на стуле, поднялся и сказал:

– А ты молодец! Сразу взяла быка за рога.

Катя улыбнулась:

– Зато ты, как в рот воды набрал! Ладно, со своим начальством уж я буду сама воевать, беги в свою амбулаторию, мыслями-то ты, наверно, давно там.

Она пересела за большой стол и стала разбирать на нём бумаги. Борис встал, вышел из комнаты и, пройдя через коридор и заводской двор, открыл дверь здравпункта. Пётр Кузьмич сидел за столом и, водя пальцем по строчкам, читал

какую-то книгу. Увидев вошедшего Алёшкина, он вскочил и по-солдатски вытянулся перед ним. Поздоровавшись, Борис взглянул на книжку, которую читал фельдшер, это был «Справочник для средних медработников». Внутренне он улыбнулся, но сделал вид, что ничего не заметил. Между тем Пётр Кузьмич, немного оправившись от смущения, постарался спрятать злополучную книжку в ящик стола, и, взяв лежавшую на краешке стола бумагу, протянул её врачу.

– Борис Яковлевич, вам телефонограмма из здравотдела, я как раз хотел сейчас в больницу идти, вас искать.

Борис прочёл: «2 августа к 9 часам прибыть на совещание в райздрав, имея при себе данные по проведению профилактических прививок».

«Ну, что ж, поеду! Кстати, о своих впечатлениях расскажу», – подумал Алёшкин, затем сказал:

– Сегодня вечером в шесть часов, Пётр Кузьмич, приходите в больницу, у нас собрание будет, да захватите свой журнал по приёму больных.

Вскоре Борис Яковлевич уже входил в помещение амбулатории. В кабинете он застал медсестру Нюсю, которая протянула ему хорошо выстиранный и отглаженный халат и сказала:

– А больных уже набралось порядочно! Все так и хотят скорее к доктору попасть, ведь Антон Иванович вчера многим в приёме отказал, сказав, что сегодня уже вы их начнёте лечить.

Борис невольно подумал: «Опять этот Чинченко хочет мне каверзу устроить... Ну, да ничего, меня этим не испугаешь». Вслух же он спросил:

– А почему, Нюся, вы сегодня здесь?

– После суточного дежурства нам целых два дня отдыха дают, что же их дома-то сидеть, вот мы по очереди и работаем здесь по восемь часов, а остальное время тётя Поля дежурит, это здешняя штатная медсестра. Она ведь даже сама и приём больных ведёт, когда Антона Ивановича нет, а мы в перевязочной.

– Ладно, а вы всем передали, что у нас в шесть часов собрание?

– Да, все уже знают.

– Тогда займёмся приёмом. Идите в перевязочную, больных я буду сам вызывать, а если кому надо будет какую-нибудь перевязку сделать, то к вам пришлю и зайду посмотреть.

Надев халат, Борис Яковлевич приоткрыл дверь и произнёс:

– Чья очередь? Пожалуйста, входите!

Он и не представлял себе, как много раз в жизни ему придётся повторять эту незатейливую фразу.

Мы не будем описывать, как проходил у Алёшкина первый самостоятельный амбулаторный приём, скажем только, что очень часто он с большой благодарностью вспоминал своих учителей, давших ему твёрдые знания и замечательную практику в Архипо-Осиповке.

Алёшкин выяснил, что медсестра Нюся, как и остальные сёстры, с которыми он познакомился позднее, умели достаточно сноровисто работать в перевязочной. Почти всегда ему нужно было дать лишь краткие указания, что нужно сделать, а как это делается, сёстры знали, пожалуй, даже лучше его.

К трём часам дня все больные были приняты, и, когда Борис вышел из кабинета, он увидел Чинченко, стоявшего за прилавком аптеки и продававшего медикаменты по рецептам. Подойдя к нему, Борис сказал:

– Добрый день, Антон Иванович! Ну, как дела в больнице?

– Сейчас в больнице осталось десять человек, Колю я тоже выписал, на перевязки будет сюда ходить.

– Хорошо, вечером я всех больных осмотрю. А истории болезни завели?

– Завёл. Только извините, я уже давно их не писал, может, что и не так.

– Это ерунда, исправим. А вы что же, и в аптеке работаете?

– Да вот, приходится... Настоящий филиал районная аптека здесь открывать не хочет, на помещение колхоз средств не выделяет, а людям за каждой малостью в Муртазово ездить невозможно, ближайшая-то аптека там, да и выручка пойдёт в другой район. Вот они меня и уговорили торговать здесь самыми необходимыми лекарствами за небольшой процент, ведь кое-что надо развешивать и смешивать.

В перерыве часа два-три я и работаю в аптеке. Но, если вы против, я откажусь: с этой аптекой хлопот много, а заработок грошовый.

– Нет, Антон Иванович, работайте, как и раньше, – ответил Алёшкин, а про себя подумал: «Ну, уж не такой я простак! Не из-за одного процента, дорогой, работаешь, на врачебный пункт порядочно бесплатных лекарств отпускается, а в больнице и в амбулатории я что-то запасов медикаментов не заметил».

– Да, – сказал он вслух, – Антон Иванович, меня завтра в райздрав вызывают на совещание, так тут на это время замените меня, я не знаю, во сколько вернусь.

– Слушаюсь, подменю, – ответил Антон Иванович. – Только вот у меня заявление есть.

– Какое заявление?

– Да понимаете, Борис Яковлевич, я почти три года в отпуске не был, не на кого было оставить участок. Теперь вы приехали, так я хочу недельки на две к сыну съездить, отдохнуть немного.

– Что ж, это правильно. Давайте ваше заявление, я завтра Раисе Иосифовне доложу. Если она не будет против, то я тоже возражать не буду.

Чинченко немного растерялся и, конечно, обиделся. Он полагал, что новый доктор будет его упрашивать отложить отпуск и уже приготовился к спорам и доказательствам его необходимости, решив сдать и отказаться от отпуска толь-

ко после долгих уговоров и просьб, а тут вдруг неожиданно такое быстрое согласие! Борис же был даже рад тому, что фельдшер хоть ненадолго, но уедет из станицы. Ему казалось, да так оно получилось и на самом деле, что без Чинченко будет удобней выяснить все недостатки работы участка, а также легче и проще утвердить свой медицинский авторитет.

В начале четвёртого Борис вернулся домой. Катя пришла раньше и уже успела приготовить нехитрый обед, немного привести в порядок детей, и все они сидели на лавочке около ворот и ждали прихода главы семьи. Обед, как всегда, у них прошел весело и быстро, ели все с аппетитом. Девочки наперебой рассказывали отцу о своих приключениях: о купании в Лезгинке, о путешествии в колхозный виноградник, о хозяйской кошке Машке, у которой было целых четыре котёнка, одного из которых им уже обещали подарить, и о многом, многом другом.

Катя молчала, старательно подливая всем борщ или подкладывая картошки, но по её движениям и выражению лица, на котором тогда мелькало что-то вроде улыбки, Борис понял, что новая работа её заинтересовала и в то же время чем-то встревожила. Он попытался расспросить жену о том, что же было на заводе, но она коротко сказала:

– Вечером поговорим.

Борис и сам был поглощён своими новыми заботами, уже мысленно проводил совещание с медиками участка, и по-

этому с расспросами особенно не приставал. Пообедав, он сейчас же отправился в больницу, там в этот день он ещё не был. Осмотрев больных, проверив назначения, сделанные Чинченко, кое-что изменив, кое-что добавив, он стал готовиться к вечернему совещанию.

В шесть часов вечера на веранде больницы собрались все служащие врачебного участка. Пришёл и заводской фельдшер Пётр Кузьмич, пришла заведующая детскими яслями колхоза, пришла и Матрёна Васильевна. Алёшкин поздоровался со всеми, представился своим подчинённым и сказал:

– Сегодня мы с вами знакомимся впервые, но я надеюсь, что знакомство наше не будет коротким. Мне понравилась станица, больница и амбулатория. Я думаю, что после проведения некоторых дополнительных мер мы с вами, товарищи, сможем занять одно из первых мест в районе. Сейчас мне бы хотелось послушать каждого из вас. Расскажите кратко о хорошем и плохом, что есть в вашей работе, а мы постараемся помочь, кому нужно. Если не сумеем сами, будем просить помощи у колхоза, сельсовета, райздравицы. Я надеюсь, что в случае необходимости все эти учреждения пойдут нам на встречу. Пожалуйста, товарищи, говорите. Начнём хотя бы с вас, Антон Иванович. Во-первых, потому, что вы среди нас здесь самый опытный и знающий медик, во-вторых, потому, что вы давно работаете, ну, а в-третьих, потому, что вы являетесь моим первым заместителем и помощником, а точнее, даже и учителем, так как я ещё многого, многого не

знаю.

Чинченко даже порозовел от таких лестных отзывов. Он ожидал, что на этом совещании Алёшкин будет предъявлять ему претензии за каверзы, которые он подстраивал, может быть, будет упрекать его за выявленные недостатки, может быть, сделает какие-нибудь замечания и насчёт пользования продуктами больницы (завхоз ему уже успел рассказать о запрещении, полученном от Алёшкина), но этого не последовало. И вместо того, чтобы оправдываться или давать какие-нибудь объяснения, фельдшеру пришлось своё выступление перестроить. Он очень толково рассказал и об эпидемическом состоянии станицы, и о малярии, и о тех мерах, которые проводятся для борьбы с нею. Рассказал он о тренингах, довольно часто возникавших с дирекцией завода, подчеркнул недостаточную помощь врачебному участку со стороны правления колхоза и сельсовета, затем, по просьбе Бориса, коротко охарактеризовал работу каждого сотрудника. Алёшкин умышленно попросил сделать это всенародно и, очевидно, был прав: критика сверху невольно вызвала ряд возражений и, в свою очередь, критических замечаний снизу. Собрание прошло оживлённо, хотя и затянулось чуть ли не до полуночи. Обсудили отрицательные и положительные моменты в работе участка, каждый сделал для себя соответствующие выводы и, даже без какого-либо нажима со стороны заведующего, намеревался исправить свои упущения. Большинство недостатков были мелкими и легко устрани-

мыми и касались главным образом дисциплины, аккуратности в работе, повышении своих медицинских знаний и т. п.

Довольно серьёзно встал вопрос о фельдшере Петре Кузьмиче Горностаеве, о его частых выпивках и даже появлении на работе в состоянии опьянения. Об этом начал речь Антон Иванович, затем выступили медсёстры и Матрёна Васильевна. Пётр Кузьмич пытался оправдываться, даже оспаривать некоторые приведённые факты, но припёртый к стене, в конце концов, вынужден был дать слово всему коллективу, что больше пьяным на работе его никто никогда не увидит.

В своём заключительном слове Алёшкин тоже коснулся этого вопроса и категорически заявил, что людей, слабых по отношению к алкоголю, он не потерпит. Если уговоры не помогут, то с такими сотрудниками участок без сожаления расстанется. В общем, Борис Яковлевич остался доволен собранием: выступили почти все присутствовавшие, и из их слов он понял, что его помощники – старые и молодые, большие и маленькие – болеют за свою работу, за работу участка и искренне хотят, чтобы она была качественной и действительно полезной населению станицы и рабочим завода. Это и радовало, и воодушевляло. Потому в конце речи он сказал, что очень рад, что ему придётся работать с такими хорошими людьми, и он со своей стороны сделает всё возможное, чтобы употребить имеющиеся знания как можно лучше, и не только в оказании помощи больным, но и передавая их в возможно большей степени всем своим помощникам. Алёшкин

слышал, как люди говорили, расходясь, что такого интересного собрания в их больнице никогда ещё не было. Он в душе, конечно, радовался этому и, что скрывать, гордился.

По дороге домой он, между прочим, обдумывал два особенно запомнившихся ему выступления. Одно – Матрёны Васильевны. Она сетовала на то, что за всё время её работы в роддом не заглянул ни один врач, и что всех рожениц, даже с самым простым осложнением, ей приходится отправлять в Муртазово. Своевременно транспорт получить бывает трудно, поэтому врачебная помощь запаздывает, и имелось уже несколько случаев гибели новорождённых и осложнений у матерей именно по этой причине. Отмечала она также и то, что на участке совсем не оказывалось никакой гинекологической помощи больным женщинам, из-за этого им приходилось идти к знахаркам, что иногда приводило к гибели некоторых из них после такой «медицинской» помощи. После этого выступления Борис понял, что ему нужно срочно вытаскивать учебники по акушерству и гинекологии и принимать на свои плечи и эту нагрузку.

Второе выступление поразило Бориса ещё больше, и не только своей смешной стороной, но и вопиющим нарушением элементарных санитарных правил. Это было выступление заведующей детскими яслями. Колхозные ясли не имели никакого помещения и организовывались прямо в поле. Около каких-нибудь кустов, вблизи протекавшего ручья или небольшого пруда из куска брезента делалось подобие па-

латки, на земле расстилались привезённые матерями с собой рядна, ватные одеяла или что-нибудь другое, и на них укладывались грудные дети. В течение трудового дня матери несколько раз приходили с поля и кормили детей грудью, а вечером все вместе уезжали домой. Обязанностью заведующей было нянчить и присматривать за этими ребятами, пока матери работают. На её попечении находилось около двадцати младенцев, ей приходилось перепелёнывать их, застирывать и сушить пелёнки, ну а уж очень капризных малышей иногда качать и на руках. Сама заведующая была такой же колхозницей, как и другие, никакого медицинского образования не имела и попала на эту должность потому, что страдала «грызью» (Антон Иванович пояснил, что у этой женщины грыжа, он ей дал справку об освобождении от тяжёлого физического труда). Внешне она выглядела очень опрятно, к порученным ей детям относилась с искренней лаской и заботой, но оказалось, что она была почти неграмотной, могла только с трудом расписываться, и медицинских знаний совсем не имела. Он вспомнил её выступление и невольно улыбнулся.

– Я вот что скажу, – начала она, – наши ясли безнадзорные! За всё лето медсестра заходила всего один раз, да и то только чтобы дать акрихина матерям. Антон Иванович не был ни разу, председатель колхоза тоже не был, а вдруг я чего не так делаю? У нас в яслях никаких лекарств нету, даже марли – и той нету. Уж прошу Антона Ивановича, прошу!

Я бы хоть через неё воду цедила, которую из ручья берём, чтобы детишек поить, всё-таки какие-нибудь самые крупные микробы в ней бы задержались...

Борис невольно прервал её:

– Вы что же, водой из ручья детей поите, и не кипятите?

– А где же её кипятить? Стряпуха с полевой кухни не даёт, ей и на готовку воды не хватает – котлы маленькие. А у нас не скипятишь, не на чем! Так вот, через тряпочку чистую процежу, да и даю.

Алёшкин от её слов пришёл в ужас. С одной стороны, было и смешно такое невежество, чтобы «крупных микробов» марлей улавливать, но с другой стороны, это было страшно, ведь жизнь младенцев висела на волоске! В своём заключительном слове он сказал, чтобы заведующая яслями никогда больше не давала детям некипячёной воды, и обещал добиться от председателя колхоза обеспечения яслей кипяtilьниками.

Катя ещё не спала, хотя было уже очень поздно.

– Что же, Борис, ты теперь так каждый день будешь приходить? – спросила она.

– Да понимаешь, здесь столько дел, столько дел, что не на две ставки, а на все четыре надо работать! Наверно, первое время так и буду приходить. Ну, а ты как?

Поставив перед Борисом большую кружку чая, Катя села напротив него и сказала:

– Я что же, я ничего. В дирекции канцелярская работа за-

пущена до безобразия. Я уже узнала, что последняя секретарша сбежала от Текушева больше чем полгода тому назад, сам он в бумагах не разбирается, а другим до них дела нет. На некоторые срочные запросы больше месяца не отвечали. Кое-что особенно срочное я напечатала, немного разобрала, рассортировала бумаги, но сказала, что, пока на обещанную квартиру не переедем, я работать у них на заводе не буду – и директору, и главбуху сказала.

Потом, когда супруги лежали в постели, Катя, прижав голову к груди мужа посетовала:

– А вообще-то, Борька, какие вы мужчины все бабники! Текушев этот и главбух Топчинянец меня прямо-таки ели глазами. Неужели и ты так на женщин и девушек смотришь? Ну, да эти-то двое не на такую напали, я за себя постоять сумею! Да и поддержку я уже себе там нашла: есть такая Дуся Прянина, заведующая складом, очень приятная женщина, и, видать, этого Текушева нисколько не боится. Она и тебя откуда-то знает. Мы домой вместе шли, так она мне прямо сказала: «Если Текушев приставать станет, ты, Катя, мне скажи, мы его быстро укоротим». Ну, да я пока никому жаловаться не собираюсь, думаю, что сама справлюсь.

Между тем, почти в то же самое время, сидя на скамейке около своей квартиры, Текушев обсуждал с Топчинянцем достоинства новой служащей. После того, как они увидели, с какой пулемётной быстротой печатает эта машинистка, как быстро и толково, буквально по одному намёку составляет

всякие деловые бумаги, эти двое единогласно решили, что такого работника упускать нельзя. Несомненно, в этом решении сыграло роль и внешнее обаяние молодой женщины. Мы уже говорили, что в ту пору Катя была в самом расцвете женской красоты. Перенесённые заболевания не отразились на её внешности, а подвижность, быстрота суждений, смелость и врождённая непринуждённость делали её ещё более привлекательной. Оба немолодых ловеласа вместе с желанием иметь в конторе завода отличного работника втайне один от другого надеялись добиться её расположения и как женщины. Текушев заметил:

– Я уже строителей вызвал и дал им пять дней на окончание работ в детсаду, а Любимовой (зав. детсадом) сказал, чтобы она потом переезжала в новое помещение, даже если оно и не будет готово. Ставинскому приказал, чтобы Алёшкину зачислил с сегодняшнего дня, она заявление всё-таки написала.

Топчинянец, в свою очередь, поддержал директора:

– Она квалифицированный работник. Я думаю, ей надо самый высший оклад по этой должности дать.

В шесть часов утра следующего дня Василий Прокопыч подъехал к дому заведующего и постучал кнутовищем в ставню. Наскоро умывшись, дожёвывая на ходу кусок хлеба с маслом, Алёшкин вскочил в телегу, и небольшой гнедой меринок бодрой рысью покатил её по мягкой пыльной улице станицы. Когда телега поравнялась с правлением колхоза,

Борис попросил Василия Прокопыча остановиться:

– Я только забегу в правление колхоза, может быть, кого-нибудь поймаю, договорюсь насчёт кипячёной воды для яслей, – сказал он, – я быстро!

Зайдя в контору, Борис Яковлевич застал в большой, светлой и почти пустой комнате, именуемой кабинетом, самого председателя колхоза и секретаря партячейки Прянина. Войдя, он начал возбуждённо говорить:

– Вы знаете, что у вас в полевых яслях делается? Знаете, что там грудных младенцев сырой водой поят? Ведь это же преступление!

– Подожди, Борис Яковлевич, не кричи, давай разберёмся, – прервал его Прянин. – Это, конечно, безобразие, если так на самом деле происходит. Я, правда, в этих яслях ещё не был, да и ты, наверно, не заглядывал, – повернулся он к председателю, – ну, а где же ваши медики были? Почему они об этом не говорили?

Борис снова взорвался:

– Да Антон Иванович против вас слово боится сказать!

Председатель усмехнулся:

– А ты доктор молодой, вот поэтому, видать, и храбрый. Антон Иванович человек основательный, понимает, что ссориться ему с колхозом не с руки, ведь всё целиком от нас зависит, а криком нас не испугаешь. На нас все кричат – и председатель РИКа, и секретарь райкома, и каждый уполномоченный, так что мы привычные...

Алёшкин понял, что он действительно зря начал с крика. И потому уже значительно спокойнее сказал:

– Я понимаю, что ссориться с вами мне невыгодно, но сырая вода для питья грудным детям, да ещё из первой попавшейся лужи или ручья – ведь это опасно! Вы своими руками вредите своим детям! Я завтра же в этих яслях буду, вернусь вечером из района, а утром обязательно туда поеду, но и вы должны принять меры.

– А ты, товарищ Алёшкин, в район едешь? Зачем? – спросил Прянин.

– Да совещание в райздраве! Сегодня поеду и скажу, что больше ездить не буду, ведь целый день терять нужно, а здесь работы непочатый край, пусть уж пока и без меня посовещаются.

Прянин засмеялся:

– А ты, видать, парень ершистый. Ну что же, я сам такой. Эти районные совещания у меня вот где сидят, – он стукнул себя по шее и вздохнул. – Мне вот тоже сегодня ехать надо – в райком вызывают, вон уже и лошадь запрягли, – Прянин показал в окно.

На дворе стоял приличный тарантас, в который был запряжён красивый вороной жеребец. На козлах тарантаса сидел парнишка лет пятнадцати, очевидно, очень гордившийся своей ролью ответственного кучера. Не давая увести себя в сторону от затронутой темы, Борис вновь обратился к председателю:

– Ну, так как же насчёт кипячёной воды для яслей? Неужели мне в районе этот вопрос поднимать придётся?

– погоди, не ерпенься, – снова остановил его Прянин, заметивший сердитую складку меж бровей председателя.

Он знал, что если председатель разозлится, то не только ничего не сделает для этого чем-то понравившегося ему доктора, а вообще постарается выжить настырного медика из станицы.

– послушай-ка, Дмитрий Васильевич, – сказал Прянин, обращаясь к председателю, – на днях мы три переносных титана получили, они ещё на складе стоят, давай один яслям дадим?

– Так эти титаны в бригады назначены.

– Ну а бригада матерей – разве не бригада? поставим титан в яслях, заведующая будет воду кипятить, ей всё равно ведь трудодни идут. Да и матери, когда детей кормить прибегают, тоже горяченькой водички попьют, а? Давай-ка так сделаем?

Лоб председателя разгладился, под чёрными усами появилось некоторое подобие улыбки:

– Ну, доктор, хорошего ты себе защитника нашёл! С Фёдором мне ссориться не пристало. Ладно, распоряжусь, завтра отвезут в ваши ясли титан.

У Бориса было правило: куй железо, пока горячо, и он поэтому возразил:

– Зачем завтра? Пишите распоряжение кладовщику, вон

моя телега стоит, Василий Прокопыч сейчас и отвезёт, и наладить его поможет, а меня, наверно, Фёдор Николаевич не откажется подбросить. Да, кстати сказать, Дмитрий Васильевич, ясли-то эти не мои, а ваши, и не вы мне, а я вам одолжение делаю, если на больничной лошади титан в них везу. Ну, это я так, к слову.

Председатель только руками развёл:

– Ну, брат, ты языкаст и цепок, как я погляжу, с тобой ухо остро держать надо! – он взял лист бумаги и начал писать распоряжение кладовщику, а Алёшкин, довольный, что так быстро и хорошо всё обернулось, заметил:

– Что же, Дмитрий Васильевич, если надо, оттыпаю и обратно пришью, ведь я всё-таки хирург.

На это замечание председатель колхоза и Прянин громко захохотали. Фёдор, смеясь, сказал:

– Ну, мы от твоего ножа подальше держаться будем!

Получив записку, Борис выскочил на улицу, приказал завхозу немедленно ехать за титаном, отвезти его в ясли и наладить там кипячение воды. Тем временем на крыльцо вышел и Прянин. А ещё часа через полтора Борис Алёшкин, прибыв в Майское в шикарном тарантасе председателя колхоза на его знаменитом вороном жеребце, вылезал у крыльца здания райздрави и договаривался с Пряниным о том, чтобы и обратно поехать вместе.

Между прочим, приезд его из окон и с крыльца райздрави видели собравшиеся медработники других участков, слу-

жащие отдела и сама заведующая, которая как раз в этот момент подходила к райздраву. Все эти люди очень удивились тому, что врача привезли на председательском тарантасе. Большинству на всякие собрания в райцентр приходилось являться пешком или на попутных подводах. Как исключение, иногда выделялись на такие поездки лошади, но, конечно, ни в коем случае не председательские.

Совещание, посвящённое борьбе с малярией, как и все подобные собрания, прошло в оглашении сводок с различных участков. Было ясно, что малярия в районе значительно распространена, и борьба с ней ведётся недостаточно организовано. Досталось тут и заведующим участков, и главному эпидемиологу района, должность которого занимал фельдшер Крылин. Этот пожилой, рыжеволосый, с веснушчатым лицом, полный мужчина обладал каким-то невозмутимым спокойствием, и все упрёки в свой адрес принимал с привычным безразличием. Молоденькая женщина-врач, сидевшая рядом с Борисом, заметила:

– Мы вот мучаемся, переживаем за малярию, а Крылину всё нипочём. От него это как от стенки отскакивает, и сделать с ним ничего не могут. Раиса Иосифовна его боится, ведь на весь райздрав он один партийный, а она беспартийная, вот и молчит.

Передав данные, полученные от Антона Ивановича, где всё выглядело гладко и благополучно, Алёшкин на совещании не выступал, зато после, оставшись с Раисой Иосифов-

ной и попросив задержать Крылина в её кабинете, где проходило совещание, Борис не вытерпел:

– Вот что, дорогие товарищи. Я только два дня как приехал на участок, и поэтому ещё не успел как следует осмотреться, но даже то, что я увидел во время первых амбулаторных приёмов, подсказывает мне, что те цифры, которые я привёл, истине не соответствуют. Боюсь, что другие докладчики положение на своих участках тоже приукрасили. Мне кажется, что дело с малярией обстоит гораздо хуже, чем это представлено на сегодняшнем совещании. И, конечно, главная ответственность за это падает на вас, товарищ Крылин, и не только как на районного эпидемиолога, но и как на коммуниста. Разбираться в районных масштабах – не моё дело, а вот по своему участку я скажу. Уже третий год на участке ждут бонификаторов (специально подготовленные работники для борьбы с малярией путём расчистки и осушения водоёмов. Прим. ред.). У нас протекают две реки – Терек и Лезгинка, около них много болот, озёрков, остающихся после паводка, да есть болота и у предгорий. Все эти места кишмя кишат комарами. Бонификаторы нужны срочно, когда мы их получим?

После этого монолога, такого резкого и, пожалуй, даже грубоватого, Раиса Иосифовна прямо побелела от страха. Она всеми силами держалась за тёпленькие местечки в районе, которые занимала сама и её муж. В райкоме ВКП(б) её поддерживал Крылин, поэтому она действительно боялась

сказать против него хоть слово, хотя и видела порой, что действия главного эпидемиолога, или правильнее – его бездействие, приносит вред. Он же, достаточно хитрый и, очевидно, малопартийный человек, руководя фельдшерами, умел добиваться средних показателей заболеваемости малярией по району, соответствующих средним по республике. В его распоряжении был отряд бонификаторов, но отпускаемыми средствами и материалами, как впоследствии выяснилось, он пользовался прямо-таки в корыстных целях, проводя уничтожение комаров вокруг районного центра, на подсобных хозяйствах районных организаций и далее, давая их на прокат в другие районы.

Если заврайздоровом побелела, то Крылин под своими веснушками побагровел. Он посмотрел на Алёшкина с такой злобой, что, если бы взглядом можно было убить человека, он бы, вероятно, так и сделал. Крылин понял, что этот молодой врач подозревает, какую нехитрую политику он ведёт, и, вероятно, поэтому они будут постоянными врагами. Между прочим, через несколько лет он-таки сумел свою злобу на Бориса реализовать, а сейчас, хотя и был взбешён (здесь с ним никто из медиков так ещё не разговаривал), всё же немного испугался. Заметив, что Алёшкин приехал с Пряниным, как они дружески беседовали, договариваясь о совместном возвращении в Александровку, зная, что Фёдор – член бюро РК ВКП(б), Крылин подумал, что с новеньким надо вести себя осторожно. Поэтому он сдержал свою злобу

и довольно спокойно сказал:

– Раиса Иосифовна, доктор Алёшкин напрасно горячится, я уже подготовил приказ о направлении на его участок бонификаторов. Выдадим ему и акрихин, и плазмоцид, и даже немного настоящего хинина. Раньше, до него, там работать было некому, – добавил он иронически, – вот поэтому и не посылали. Я сейчас вам принесу на подпись приказ, – и Крылин вышел из кабинета.

– Ну, вот видите, Борис Яковлевич, как всё хорошо устраивается, а вы так резко разговаривали с товарищем Крылиным! Он человек партийный и всё хорошо понимает, надо бы помягче с ним...

Борис невольно усмехнулся:

– Не волнуйтесь, Раиса Иосифовна, иногда с такими партийцами, как Крылин, только так и надо говорить, я-то уж это знаю! Уверен, что он только сейчас сел написать тот приказ, о котором говорил, а если бы я промолчал, так никакого приказа и не было бы. Я сдержался, на совещании не выступил, чтобы перед всеми его не конфузить, да и вам неприятности не получить, а мне-то его бояться нечего, – не утерпев, подчеркнул Борис.

Заврайздравом, стремясь поскорее перевести разговор на другое, спросила:

– Ну, как вас приняли в станице? Как Текушев? Доволен вашей женой? – ехидно подчеркнула она.

– Приняли нас хорошо. Правда, квартиру мы получим, ве-

роятно, через неделю, но, в общем, пока обижаться не на что. Да, кстати, Антон Иванович очень обрадовался моему приезду и сразу вот заявление подал, говорит, что не был в отпуске уже несколько лет, хочет отдохнуть немного. Я не возражаю, пусть отдохнёт недели две-три, – и Борис протянул зав. райздравом заявление Чинченко со своей пометкой.

Та некоторое время разглядывала это заявление, потом взяла красный карандаш и написала в углу: «В приказ. Отпуск с 1 августа 1940 года на две недели», – и расписалась. Про себя она подумала: «Этот Алёшкин что-то очень горячо берётся за дело. Пусть-ка один останется, повертится как следует, может быть, тогда поймёт, что надо потише жить, а может быть, и вовсе зашьётся, тогда мы его в Наркомздрав откомандируем. А то, кажется, это беспокойный человек, он и в районе нам покоя не даст. Да, вот и с Пряниним сразу подружился, а если ещё и с Текушевым сговорится, тогда, того и гляди, под меня подкапываться начнёт».

Может быть, Раиса Иосифовна так и не думала, слишком мало мы её знаем. В нашем рассказе она промелькнёт коротеньким эпизодом, и ни к чему нам её особенно чернить, но многие последующие действия зав. райздрави, к сожалению, подтверждают наше предположение именно о таком образе её мыслей.

Поговорив немного с ней и узнав, что он с 20 июля зачислен заведующим врачебным участком и заведующим больницей в Александровке, т. е. на две врачебных ставки, Борис

выяснил, что его заработок будет составлять 400 рублей в месяц. Он, не стесняясь, признался, что сейчас испытывает значительные материальные трудности и что ему очень нужны деньги. Раиса Иосифовна удивилась:

– А разве вы подъёмных не получали?

– Нет, конечно, – ответил Борис.

Он и не знал, что ему должны выдать какие-то подъёмные.

– Как же, вам положен месячный оклад на вас и пол-оклада на семью. Они наверняка выписаны, зайдите в финотдел и получите. Кстати, получите зарплату за июль на всех сотрудников, а ведомость потом пришлёте с Василием Прокопычем. Обычно зарплату получает он, но в этот раз вы его замените, я сейчас сообщу в райфо. Потом зайдите в аптеку, познакомьтесь с заведующим, они с женой тут вместе работают, расскажут вам о новых препаратах. Заявку им подадите, а потом пришлёте кого-нибудь за медикаментами.

Взяв в райфо чек и ведомость, Алёшкин получил деньги в отделении Госбанка и зашёл в районную аптеку, где познакомился с добродушным старичком-евреем и его женой, бывшими когда-то владельцами этой самой аптеки, а теперь уже более 20 лет работавшими в ней же на положении служащих. Ознакомившись с заявками на медикаменты, которые поступали в аптеку из Александровки, Борис убедился в правильности своего предположения о том, что далеко не всё, что выписывалось и получалось Чинченко, попадало в больницу и амбулаторию для бесплатного лечения. Попутно выясни-

лось, что продажа аптечных препаратов в станице была организована самим Чинченко. Аптекарь сказал, что в Александровке предполагалось открыть филиал аптеки, нашлась девушка-фармацевт из района, согласная там работать, но Антон Иванович категорически заявил, что ни помещения под аптеку, ни жилья для фармацевта сельсовет и колхоз выделить не могут.

Борис Яковлевич договорился с аптекарем, что на август список медикаментов он напишет сам, сам за ними приедет, тогда же договорится и о филиале аптеки. Он не скрывал, что продажу медикаментов фельдшером считал неудобным. Аптекарь, видимо, уже давно догадывался о махинациях Чинченко, потому что сразу же согласился с предложением Бориса:

– Хорошо, доктор, готовьте помещение. Человек будет, товаром мы его обеспечим.

Затем Борис вернулся в райздрав, получил от Крылина противомаларийные средства и копию приказа о направлении в Александровку бонификаторов. Во время их разговора вошёл Прянин. При виде его Крылин прямо-таки расцвёл и, здороваясь, заговорщически подмигнул, сказал:

– Ну, кажется, вам, наконец, подвезло с доктором!

Прянин улыбнулся, но ничего не ответил. Он обернулся к Алёшкину:

– Борис Яковлевич, вы готовы?

Получив положительный ответ, добавил:

– Ну, так едем. Я купил хлеба. В Котляревской арбузами закусим.

Борис предполагал, что они зайдут в сельпо станицы Котляревская, лежавшей на середине пути к дому, купят арбуз и поедят, оказалось совсем не так.

Около дороги, ведущей из Майского в Александровку, при въезде в Котляревскую стоял большой, на первый взгляд, совсем заброшенный сарай. Прянин направил к нему свою лошадь. Выскочив из тарантаса и привязав вороного к небольшой коновязи у ворот сарая, он крикнул:

– Ну, Борис Яковлевич, пойдём арбузами угощаться. Захватите там сумку с хлебом.

Не совсем понимая, в чём дело, Алёшкин вылез из тарантаса и, помахивая сумкой, направился к воротам сарая, в которые уже зашёл Прянин. Заглянув в темноту сарая, Борис с удивлением рассмотрел посередине грубо сколоченный стол, врытый в землю, по бокам которого находились лавки. Около стола стояла большая бочка, а в углу сарая, прямо на земле, лежала гора прекрасных больших арбузов. Такие арбузы даже на базаре в Краснодаре не всегда можно было увидеть! Когда Борис входил в сарай, Прянин уже выбрал один из самых крупных и водружал его на стол.

– Ну, сейчас будем есть «арбуза от пуза».

Присаживаясь к столу, Борис спросил:

– Чьи же это арбузы? Кто их продаёт? Я что-то не вижу продавца. Да такой арбуз, наверно, и стоит дорого! Вряд ли

мы его съедим. Хорошо было бы домой такой привезти, мои девчонки арбузы любят...

– А вот этого-то и нельзя, – ответил Прянин, орудуя ножом.

Арбуз показал свою ярко-красную мякоть, утыканную чёрными, гладкими семечками.

– Здесь можно есть арбузов, сколько хочешь, а с собой брать нельзя.

– Почему? – удивился Борис.

– Это семенные арбузы – самые лучшие, самые крупные и спелые. Их свозят сюда с колхозной бахчи. Сами эти арбузы колхозу уже не нужны, а вот семена необходимы. Нанимать людей, чтобы выбирать семена, невыгодно, вот и придумало правление колхоза, чтобы эту работу выполняли проезжие и прохожие. Дорога здесь довольно оживлённая, народа мимо идёт много, желающих полакомиться хорошими арбузами тоже находится немало. Видите бочку? В неё сбрасываются семена, а вон в углу ящик – туда корки. Каждый, поев, за собой убрать должен.

– Ну а разве их тут не воруют?

– Может быть, иногда и случается, но редко. Пеший такой арбуз не унесёт, с куском идти неудобно, ну а за шофёрами и подводчиками вон тот дед присматривает, ему за это трудодни идут, – и Прянин указал на старого, совсем белого сторожа, который, обняв какую-то немисливо уродливую клюку, мирно дремал, прислонившись спиной к прохладным ар-

бузам, и был почти невидим из-за их кучи.

– Ты не гляди, что он спит, он всё замечает.

Прянин шутливо крикнул:

– Эй, дед Пантелей, ты что, опять на работе спишь?

– Ась, – встрепенулся дед, высовывая свою взлохмаченную голову из-за огромного арбуза, – это кто же спит? Это я, старый терский казак, на посту заснул? Да ты што, Федька, ополоумел? Я посмотрел, что это ты заехал, а я тебя знаю, так что не сумлевайся: пост – это пост, и Пантелей своё дело знает.

С этими словами дед повернулся на другой бок и покрепче обнял свою клюку. Однако подремать ему не дали. С визгом и хохотом в сарай вбежало несколько девушек, работниц спиртзавода, находившегося в двух километрах от станицы. В свой обеденный перерыв девчата всегда прибегали поесть даровых арбузов. Дед Пантелей вылез из своего убежища и, опираясь на клюку, подошёл к столу и сел на скамейку:

– Ну, теперь эти стрекотухи пришли... За ними глаз да глаз нужен, а то унести не унесут, а, как козы, могут не один арбуз испортить: поковыряют, поковыряют и обратно бросят. Он и сам сгниёт и другие от него гнить начнут. Эх, молодёжь, вечно ветер в голове!

– Дедушка, – крикнула одна из девушек, – выбери нам самый лучший арбуз.

– Так-так, ишь, ухажёра нашла, сама бери! Здесь все хорошие, а лучше всех – вон тот с краю. Да не тот, а вон тот,

выше, выше. Вот бестолковая, ну-ну, вот этот.

Девчата уселись на противоположном от Алёшкина и Прянина конце стола и с аппетитом принялись уплетать огромные куски действительно замечательного арбуза. Между тем Борис и Фёдор, с трудом справившись со своим арбузом, убрали корки, собрали со стола семечки и выбросили их в бочку, увидев при этом, что она уже почти до половины заполнена. Простившись с дедом Пантелеем и отдуваясь от пресыщения, они отправились к тарантасу. Руки, губы и почти вся нижняя часть их лиц были липкими и привлекали к себе тучи мух, которых и в сарае, и около него было очень много. Заметив смущение Бориса, Прянин сказал:

– Потерпим до конца станицы! На окраине есть колодец, там помоемся, да и вороного попоим.

Около колодца, стоявшего немного на отшибе от последней хаты станицы, действительно лежала большая колода. Прянин налил в неё несколько вёдер воды, разнуздал вороного, который, почмокивая губами, с жадностью начал пить холодную чистую воду. Достав новое ведро воды и раздевшись до пояса, Прянин попросил Бориса полить ему на спину. Вздрагивая и побряхтывая от обжигавшей холодной воды, он с наслаждением вымыл не только руки, лицо и голову, но и спину, и грудь. Повторить такое купание Борис не захотел, но с наслаждением вымыл руки, лицо и шею.

В течение последующих двух часов дороги, а ехали, не торопясь, шажком, они долго разговаривали, причём в основ-

ном говорил Борис. Его спутник лишь изредка вставлял свои замечания и задавал вопросы.

Фёдор Прянин был незаурядным партийным работником (это через несколько лет подтвердилось во время его службы в армии). Он так ловко построил беседу, что Борис почти незаметно для себя рассказал ему всю свою жизнь, в том числе и о том огромном несчастье, случившемся с ним, когда его исключили из партии. Пожалуй, впервые после Медниса, которого во Владивостоке Борис, как коммуниста, уважал больше других, он так откровенно и с таким внезапным доверием говорил об этом деле. Их беседа затухла как-то сама собой, когда они приблизились к станице. Некоторое время ехали молча, каждый думал о чём-то своём. Борис, между тем спрашивал себя: «А не зря ли я так разоткровенничался с Пряниным? Действительно ли он такой, каким показался мне? Может быть, весь мой рассказ он истолкует по-другому, и в будущем я буду иметь только лишние неприятности и придирки, ведь в НКЗ Кабардино-Балкарии, наверно, именно поэтому меня не оставили в хирургическом отделении больницы, несмотря на дополнение к моему диплому с отличием прекрасного отзыва от профессора Керопьяна, под руководством которого я работал в неотложной хирургии... Несмотря на это, какими глазами на меня посмотрел заведомом кадров НКЗ, когда дочитал в анкете до графы, что я был исключён из рядов ВКП(б)! Неужели и Прянин окажется таким же? Будет обидно, ведь я ему, как луч-

шему другу (хотя и знаю-то его всего три-четыре дня), выложил всё. И что меня за язык тянуло? Небось, в райздраве я ни с кем этим не делился, хотя там были люди, которые мне близки по профессии, по общему делу. А Фёдору почему? Чем он так меня расположил к себе? Да, наверно, язык мой – враг мой», – всё более угрюмо думал Борис, обратив, наконец, внимание, что вот уже минут 15 они едут молча, и что вороной, пофыркивая и кося глазом, уже ступает по дну Лезгинки, разбрасывая тучи радужных водных брызг, а тарантас прыгает по камням этой мелкой горной речки. По мосту на лошадях ездить опасались, больно уж разбит был его настил, и лошадь легко могла попасть ногой в одну из его многочисленных дыр и покалечиться. Поэтому все местные жители предпочитали переезжать Лезгинку вброд.

И вот, когда вороной ступил на сухую землю и почувствовал запахи родной конюшни, самостоятельно с шага перешёл на рысь, тряхнув седоков так, что они стукнулись друг о друга, Прянин повернулся к Борису, хлопнул его по плечу и, не сдерживая жеребца, спросил:

– Тебя, Борис Яковлевич, куда – домой или в больницу?

– Конечно, в больницу, ведь я лекарства везу и, главное, зарплату! Людям деньги нужны, наверно, ждут. Так что, если можно, подбросьте меня до больницы.

Прянин ждал ответа Бориса, и, видно, то, что он услышал, ему понравилось. Он придержал вороного, так как они уже успели подъехать к больнице, и, нагнувшись к вылезавше-

му из тарантаса попутчику, вытаскивавшему из-под сиденья свёрток с лекарствами, вполголоса сказал:

– Ничего, Борис Яковлевич, не грустите. Ошибок у нас за последние пять лет было наделано немало, многие хорошие люди пострадали при этом. Хочу думать, что и вы оказались одним из них. Ничего я пока не обещаю, всё будет зависеть от вас. Работайте честно, отдавайте людям полученные от советской власти знания. Я думаю, народ это поймёт, и станете вы опять коммунистом. Можете рассчитывать на мою помощь и поддержку. Я рад тому, что вы мужественно перенесли такой тяжёлый удар и не только не пали духом, но нашли в себе достаточно сил, чтобы поступить в институт и с честью его закончить. Думаю также, что в этом деле большую поддержку вы получили от своей жены. Она, кажется, у вас очень хороший человек, во всяком случае, они с моей Дусей вроде как подружились. Надеюсь, что и мы с вами подружимся... Ну, пока, до завтра. Но, пошла, – шевельнул он вожжами, и нетерпеливо перебиравший ногами вороной рванулся с места.

Алёшкин поднялся на крыльцо больницы. Там находилось человек пять служащих, среди которых был и фельдшер Чинченко. Зайдя на веранду, Борис передал фельдшеру банки с акрихином и плазмоцидом, пакет с хинином решил пока оставить у себя. Затем весело сказал:

– Я вам, товарищи, зарплату привёз, не ждали?

Но медсестра Нюся весело возразила:

– А вот и не угадали! Василий Прокопыч из сельсовета в Майское позвонил, чтобы узнать, ехать ли завтра за деньгами, а ему ответили, что с вами переслали. Вот мы тут и собрались, ждём вас. Вон даже Матрёна Васильевна идёт.

Борис передал находившемуся тут же завхозу ведомость и деньги, завёрнутые им ещё в Майском в отдельную пачку. Свои деньги, а их было триста рублей, он заранее положил во внутренний карман пиджака. Усевшись за маленький столик, стоявший в углу веранды, завхоз начал выдавать жалование столпившимся около него сёстрам и санитаркам.

Алёшкин, зайдя в кабинет, спрятал хинин в стоявший там шкаф, где хранились ядовитые и наиболее ценные медикаменты, ключ от которого в первый же день Чинченко передал ему, надел халат и быстро обошёл больных. Затем, выяснив у фельдшера результаты амбулаторного приёма, Борис отправился домой.

Дома его уже ждали. Катя и девочки, как всегда, обрадовались его приходу и пустились в рассказы о мелких домашних новостях, которых всегда бывает много в семьях, где есть дети. Между прочим, Катя сказала, что за ней была прислана лошадь с завода, и ей пришлось-таки съездить в контору, чтобы написать какую-то срочную и важную бумагу для Госбанка. Она сказала также, что директор обещал освободить помещение, предназначенное для их квартиры, не позднее воскресенья, до которого оставалось всего четыре дня. Одновременно он заявил, что весь дом, как обещал вначале,

отдать не может: нужно срочно дать квартиру ещё кое-кому. Таким образом, там будут жить сразу две семьи.

– Но, – заметила Катя, – дом этот большой, я в нём уже была вместе с Дусей Пряниной. Там одна большая комната с плитой, затем две маленьких, одна из них сообщается с верандой, выходящей в огород и сад, и у самого крыльца, ты только подумай, такая же огромная шелковица растёт, как в Краснодаре! Опять, значит, девчонки все перемазанные ходить будут, не настираешься на них! Все помещения, о которых я рассказала, будут наши. Кроме выхода в сад, есть другой вход, через другую веранду со двора. Эта веранда перегороджена, за перегородкой налево от входа есть ещё большая комната, в ней и будут жить соседи. Двор большой, есть сарайчики, уборная, а в самом конце стоит саманный домик, в котором уже сейчас живёт старый рабочий завода со своей женой и сыновьями. Вообще, квартира мне понравилась, большая она, вот только где мы мебели наберём? А расположена очень удобно: почти рядом магазин сельпо, школа и твоя больница, да и до завода недалеко... Наконец-то мы тоже, может быть, по-человечески поживём, – закончила Катя свой рассказ.

Она очень обрадовалась деньгам, привезённым Борисом, и заявила:

– Ну, Борька, нам теперь сам чёрт не страшен!

Время в августе 1940 года для семьи Алёшкиных летело с непостижимой быстротой. Все дни были насыщены до такой

степени, что Борис и Катя, расставшись рано утром, встречались только поздно вечером и были настолько утомлены дневными заботами, что еле успевали добраться до постели.

Сразу же после переезда встал вопрос о домработнице, ведь оба они целыми днями должны были находиться на работе. Борис должен был работать на две ставки, то есть не менее 12 часов в сутки. Меньше времени уделять работе он не мог, и не только в силу привычного отношения к своим обязанностям, но и потому, что ситуация требовала почти целого дня его пребывания то в больнице, то в амбулатории. У Кати сложилось так, что из-за запущенной канцелярской работы ей пришлось разгрести прямо-таки Авгиевы конюшни, что, естественно, не позволяло уложиться в нормальное время работы. Поэтому после перерыва на обед, который она обычно съедала в заводской столовой, Катя часто оставалась в конторе дотемна.

Благодаря соседям, для помощи по хозяйству нашли Нюру. Сама из большой многодетной казачьей семьи, эта девушка оставила школу после четвёртого класса, некоторое время, как старшая, нянчилась с младшими братишками и сестрёнками, затем, после 16 лет поступила в роддом санитаркой, но выдержала там всего около двух месяцев. Не хотелось ей работать и в колхозной бригаде. Вообще, было довольно трудно понять стремления Нюры. Она и из Александровки уезжала, как делали многие её сверстники, и на Крахмальном заводе работать пробовала – найти себя не могла.

Без особого энтузиазма она выслушала предложение о работе в семье Алёшкиных, однако на переговоры пришла. Екатерина Петровна обладала особым даром общения с окружающими её людьми, сумела она уговорить и Нюру. Правда, это предложение имело материальную выгоду для будущей домработницы – оклад в 50 рублей. Что касается обязанностей, они заключались в ежедневной уборке квартиры, пребывании вместе с детьми с 8 часов утра до 6–8 часов вечера, совместной с ними еды (завтрак, обед, а часто и ужин). С точки зрения любого сельского труженика эта работа была совсем необременительной, ведь и приготовление пищи, и стирка белья оставались на плечах хозяйки. Но Кате пришлось всё-таки долго уламывать эту упрямую белобрысую девушку. Однако не прошло и недели, как Нюра настолько обжилась в семье Алёшкиных, привыкла к тому, что к ней относились как к равноправному члену семьи, а работы требовали не так уж много, что осталась вполне довольной и, по существу, полностью переселилась в этот дом. Да и в своей родной семье она стала пользоваться некоторым почётом: во-первых, она не бездельничала, а зарабатывала, и, по мнению многих соседей, неплохо, а во-вторых, она всё-таки служила не у кого-нибудь, а у самого доктора, единственного на всю станицу. Вот так и устроились дела семьи Алёшкиных.

16 августа 1940 года, как всегда, без особой торжественности, но с очередным Катиным пирогом, отпраздновали день рождения Бориса – ему стукнуло 33 года. Вечером, по-

сле сытного вкусного ужина Нюра пошла домой, а дети улеглись в постели. Борис и Катя сидели на крылечке, выходявшем в их небольшой огородик, в котором, правда, ещё ничего не росло, кроме самосейки укропа, различных полевых цветов и сорняков (детсад в доме находился несколько лет, и за это время огородом никто не занимался). Стояла тёмная-тёмная южная августовская ночь. На небе многочисленными бриллиантовыми искрами горели крупные яркие звёзды. Было очень тихо. Прижавшись друг к другу, супруги, уставшие после трудового дня и празднества, устроенного в честь рождения Бориса, долго молча смотрели на это небо, на сонную тихую улочку, видную через невысокий плетень, отгораживавший огород от неё, и думали, может быть, каждый о своей работе, о детях или друг о друге. Но вот нарушила молчание Катя:

– Кажется, Борька, мы с тобой окопались! Теперь только бы с работой всё наладилось, а там дела пойдут. Жить здесь мне даже нравится: и климат хороший, и местоположение станицы, вот только Текушев...

– А что Текушев? – быстро прореагировал Борис.

– Да, что-что? Ты же знаешь. Ведь тебя предупреждали, какой он. Как только вечером задержусь, так и он тут как тут! А жена его под окнами бродит, караулит... Просто и смешно, и противно. Правда, он пока только смотрит на меня, как волк на овечку, но думается мне, что ему и сорваться недолго.

– Пусть только попробует! Я ему такой скандал закачу, что он и с места полетит! – возмутился Борис.

– Ладно, ладно храбриться! – засмеялась Катя. – Ничего он со мной не сделает, будь спокоен. Ну, а у тебя как? Ведь вчера вернулся из отпуска Чинченко, как он отнёсся к твоим нововведениям?

– Да у меня всё хорошо, и с Антоном Ивановичем встретились по-товарищески, и народ у меня работающий, а Матрёна Васильевна – просто замечательная бабка! Да, она очень звала нас к себе в преферанс поиграть. Может, завтра сходим, ведь воскресенье.

– Что же, сходим, я тоже отдохнуть хочу, всё равно в моей конторе ещё больше месяца разбираться нужно. Чёрт знает, до чего там всё запущено! Ну, шут с ним, главное то, что мы, наконец-то, на постоянном месте. Никуда нам ехать не нужно, никто не ждёт, чтоб мы квартиру освободили, не нужно каждый день думать о том, где взять денег на завтра. Одним словом, теперь у нас, Борька, настанет тихая и спокойная жизнь, – закончила Катя и, потянувшись, добавила. – Пойдём-ка спать. Устала я за сегодняшний день.

Она поднялась с крыльца и направилась в тёплую комнату, которая служила им спальней, являясь в то же время и кабинетом Бориса. Последнее название она получила потому, что в своё время являлась кабинетом заведующей детсадом, и в ней «по наследству» остался большой письменный стол, который Текушев милостиво разрешил Алёшки-

ным временно оставить у себя. Кроме двух стульев, в этой комнатке стояла простая железная койка, при помощи деревянных щитов расширенная до размеров полутораспальной кровати. Именно на ней и спали наши счастливые хозяева квартиры. В соседней комнатке стояла такая же койка, на ней спала старшая дочка Эла, а на двух маленьких детских кроватках, купленных по случаю на базаре в Муртазове, спали Нина и Майя. Впрочем, они часто забирались в одну и спали вместе. Из фанерных ящиков, покрытых какой-то скатертью, Катя соорудила здесь некое подобие комода. В кухне стоял большой кухонный, он же и обеденный, стол и несколько стульев и табуреток. Вот, собственно, в этом и заключалась вся более чем скромная обстановка их квартиры. Но они были довольны и этим.

– Что вещи? – говорили они оба. – Вещи появятся сами собой. Важно то, что мы теперь на постоянном месте живём и основательную почву под ногами имеем!

Рассуждая так, они и не думали, что все их мечты и планы полетят прахом уже через несколько дней, а менее чем через год и вовсе развеются. И действительно...

Глава четвёртая

25 августа 1940 года совершенно неожиданно Борис Алёшкин получил вызов из военкомата, в котором ему предписывалась немедленная явка. Сообщая Кате об этом вызове, Борис сказал:

– Наверно, на очередную подготовку в лагеря собираются послать. Ну, буду отбиваться всеми силами, ведь я только что участок принял, только что начал работу налаживать! Неужели они этого не поймут?

Однако, когда он явился в военкомат и выслушал от военкома майора Еременко причину его вызова, он своё решение изменил и ответил немедленным согласием. А дело оказалось вот в чём.

В райвоенкомат поступила путёвка из Москвы, из Центрального института усовершенствования врачей с предложением направить врача для обучения по профилю «Сельский участковый хирург». Военком предложил эту путёвку мужу Раисы Иосифовны, но тот, никогда не служивший в армии, и, как потом стало известно, смертельно боявшийся всего, что было связано с военкоматом, сперва сам, а потом при помощи жены – зав. райздравотделом, от направления категорически отказался. Ища выхода из создавшегося положения, Раиса Иосифовна вспомнила об Алёшкине и рекомендовала военкому послать на эти курсы увлечённого хи-

ругрией нового врача, и её не смутило то, что Борис только что окончил медицинский институт, а на курсы рекомендовалось направить врача-хирурга со стажем (между прочим, её муж имел врачебный стаж около пяти лет). Когда военком услышал фамилию, он невольно вспомнил о личном деле какого-то лейтенанта Алёшкина, которое пришло из Краснодара несколько дней тому назад. Он ещё поручал кому-то выяснить, где проживает и работает этот лейтенант. «Может быть, он и есть новый врач? Но почему лейтенант, у врачей ведь такого звания нет, – подумал Еременко. – Нет, это наверно не тот, однофамилец».

– Ну, что же, – ответил он, – раз вы рекомендуете Алёшкина, пусть будет он. Мне-то всё равно, а разрядку надо выполнить. Только вот я не понимаю, почему за подготовку сельских хирургов управление кадров Наркомата обороны берётся, что-то здесь не так...

Услышав про Наркомат обороны зав. райздравом ещё с большей настойчивостью стала доказывать невозможность поездки на эти курсы её мужа и необходимость послать на них Алёшкина. В результате этого разговора и был отправлен вызов в Александровку.

Из беседы с Борисом военком узнал, что он и есть тот самый лейтенант, на которого пришло дело, что до учёбы он уже имел это звание, поскольку отслужил действительную службу, а нового врачебного звания получить не успел, так как институт окончил только в этом году. Выясненные дан-

ные военкому понравились, и он утвердился в своём решении отправить на курсы Алёшкина. В свою очередь Борис с желанием ухватился за это предложение. Ему очень не хотелось расставаться на несколько месяцев с семьёй, не хотелось оставлять только что начатую работу на участке, но он прекрасно понимал и другое: во-первых, от распоряжения военкома отказаться нельзя (он это знал, как всякий военный человек), а во-вторых, и это было, пожалуй, главным, что курсы были бы ему чрезвычайно полезны. Его не смущало, что путёвка шла через военкомат, он даже не обратил на это внимания, главное – возможность учиться в Москве у известных хирургов. Борис знал, что многие врачи такого счастья ждут годами и даже десятками лет, поэтому он вернулся домой в самом радужном и весёлом настроении.

Его состояние Катя поняла. Ей очень не хотелось расставаться с Борькой, да, признаться, и перспектива остаться один на один с Текушевым немного её страшила, но она всегда рассуждала здраво. Жена понимала, что подобной возможности усовершенствоваться Борису может не представиться много лет.

Алёшкины начали готовиться к отъезду Бориса в Москву, надо было решить материальный вопрос. Из путёвки, полученной в военкомате, явствовало, что за Борисом на время учёбы сохранится зарплата по всем занимаемым должностям, и его обеспечат общежитием и стипендией. Этот вопрос для семьи был самым важным, но, как видим, он ре-

шался просто. Кроме этого Бориса волновали взаимоотношения Кати и Текушева. В своей жене он был уверен, а вот в порядочности директора завода – не очень. Чтобы уберечь свою семью от всяких случайностей, он в первый же вечер по возвращении из Майского переговорил с Фёдором Пряниным, прося его, в случае необходимости, взять Катю и детей под свою защиту. Тот, конечно, согласился. Хотя он и жалел об отъезде Бориса, но понимал, что повышение квалификации врача, обещавшего к тому же по окончании курсов обязательно вернуться в Александровку, улучшит медобслуживание станицы.

Фельдшер Чинченко был откровенно рад отъезду начальника. Он со своей стороны обещал всячески поддерживать семью Алёшкиных, а на участке продолжать ведение дела по тому порядку, который установил Борис Яковлевич. Тем более что этот порядок, как убедился фельдшер, принёс положительные результаты. Но кроме этого, в глубине души Антон Иванович надеялся, что после окончания курсов Борис Яковлевич обратно в станицу не вернётся, захочет работать где-нибудь в более крупном лечебном учреждении, и таким образом он, Чинченко, опять на какое-то время станет полновластным хозяином врачебного участка.

Узнав об отъезде Алёшкина в Москву, был рад этому и Текушев. Его радость, однако, объяснялась довольно подленькими мыслишками: уедет муж, молодая жена останется одна, атаковать её будет легче, да и результатов добиться проще.

Как потом оказалось, это своё решение он пытался осуществить, но пока этого никто не знал. Текушев сохранял самый благодушный вид, обещал позаботиться о семье врача и без возражений выдал Борису двести рублей на приобретение медицинского инструментария для здравпункта.

Кстати сказать, Алёшкин, зайдя от военкома в райздрав, чтобы доложить о своей поездке в Москву, выпросил денег и у заведующей на приобретение хирургического инструментария и лабораторного оборудования для больницы. Та согласилась выдать 200 рублей, так как очень боялась его отказа от поездки на курсы, что могло бы вновь поднять вопрос об отправке туда её мужа.

После довольно длительного колебания, по совету жены, Борис всё-таки решился послать телеграмму о предстоящей поездке Дмитрию Болеславовичу Пигуте. Перед отъездом Борис рассказал Кате, какое глупое, самонадеянное и оскорбительное письмо он послал в своё время дяде Мите с Дальнего Востока. Как мы помним, в этом письме он с грубой мальчишеской откровенностью обвинял Анну Николаевну, если не в измене, то, во всяком случае, в легкомысленном отношении к своим супружеским обязанностям, хотя на самом-то деле никаких веских доказательств у него не было.

Когда Борис и Катя гостили у дяди Мити в 1932 году, тот ни одним намёком не дал ему понять, что получил это письмо. Но Борис знал, что если это письмо попало в руки его тётки, та молчать не будет, выскажет ему своё возмущение

в глаза, а, может быть, даже не захочет с ним и зняться. В глубине души он признавал, а Кате это прямо сказал, что, пожалуй, в своём гневe Анна Николаевна будет права. Тем не менее телеграмму дяде Мите он отправил.

Много разговоров у супругов было и об экипировке Бориса, ведь как-никак он ехал в столицу, в Москву, а гардероб его находился в плачевном состоянии. Из верхней одежды у него имелся старый замызганный серый плащ, в котором он ходил весь холодный период во время учёбы. В этом плаще зимой в Москве не проходишь, а дело шло к зиме. Пришлось извлечь на свет Божий чудом уцелевший ещё с Дальнего Востока жёлтый овчинный полушубок, когда-то бывший довольно щегольским, но теперь превратившийся в потрёпанный козух. Около трёх дней Катя потратила на то, чтобы отчистить и заштопать его многочисленные дырки. В сельпо купили две пары нового белья, носков и полотенец.

Наконец, всё было собрано, деньги получены. Борис, распрощавшись с семьёй, отправился в Майское. Там при помощи Василия Прокопыча забрался в проходивший поезд, и через два дня уже был в Москве. На Курском вокзале его встретил дядя Митя. Как всегда, встретил с распростёртыми объятиями, но после поцелуев и кратких расспросов о здоровье семьи спросил:

– А где ты думаешь жить, Борис? Ведь у нас теперь нельзя: Анна Николаевна живёт в Москве, да и Костя наш женился, они с женой тоже у нас.

Алёшкин ответил:

– Ты, дядя Митя, не беспокойся, у меня общежитие будет. Вот в путёвке и адрес указан: Большой Новинский переулок, 5. Я только не знаю, как туда проехать, ты мне расскажи.

– Ну, это замечательно! Я тебе не только расскажу, а и покажу, ведь это почти в центре Москвы, около Смоленской площади. Мы сейчас на троллейбус «Б» сядем, и он нас прямо к этому переулку подвезёт.

Примерно через час они входили в вестибюль общежития ЦИУ. Это здание используется с той же целью и сейчас, оно расположено рядом с Институтом курортологии и, окружённое крупными современными многоэтажными домами, почти затерялось среди них, но тогда вокруг него стояли маленькие двухэтажные, большей частью деревянные дома, и лишь три здания выделялись своими размерами: само общежитие, Институт курортологии, имевшие по пять этажей, и несколько ближе к реке Москве одинокий огромный восьмиэтажный дом, первый этаж которого занимали аптека и почта.

По улице, находящейся чуть ниже общежития, шла трамвайная линия. На одном из трамваев, проходивших здесь, можно было, как сказал дядя Митя, доехать до метро «Сокол», ну а оттуда уже довольно просто добраться и до их дома во 2-м Песчаном переулке.

Попрощавшись с дядей, Борис отправился к администратору общежития, который – вернее, которая, так как это бы-

ла седая, суровая на вид женщина, – рассмотрев предъявленную путёвку, сказала:

– Молодой человек, вам надо было вначале в канцелярию ЦИУ явиться, они вам ордерок на общежитие выдали бы. Ну, да ладно, в виде исключения я вас сейчас размещу, а вы сегодня же зарегистрируйтесь в канцелярии ЦИУ и мне принесите ордер.

С этими словами она взяла у швейцара ключ от какой-то комнаты и направилась к лифту, Борис молча последовал за ней. Между прочим, это было его первое пользование лифтом.

Когда они поднялись наверх, администратор прошла по коридору и, открыв дверь одной из комнат, сказала:

– Входите, здесь вас будет четверо. До вас двое уже разместились, вы третий, а четвёртого поселим позже. Да, не забудьте, пожалуйста, когда принесёте ордер, захватить паспорт – мне вас надо будет прописать.

Комната, в которой очутился Борис, была невелика и походила на больничную палату: также вдоль стен стояло четыре кровати с никелированными спинками и тумбочками рядом. Единственное, правда, большое окно выходило на какой-то двор, из него виднелись только крыши близлежащих домов с дымившими кое-где трубами. Стена около двери была занята вешалкой с висевшими пальто. Рядом стоял новенький шкаф, считавшийся тогда самым модным (его можно было увидеть в наиболее обеспеченных домах), так на-

зываемый шифоньер. Одна половина его представляла собою вместилище для одежды, а вторая, меньшая, была разделена полками и ящиками и служила для хранения посуды, продуктов и белья. На внутренней стороне одной дверцы имелось большое зеркало. В противоположном углу комнаты помещался умывальник. Обе кровати у окна были заняты, на что указывали повешенные на спинках полотенца и не очень-то аккуратно заправленные плюшевые одеяла.

Борис облюбовал себе кровать, приставленную спинкой к шифоньеру. Достав самое необходимое – бельё, бритву, тетрадки и «вечное перо» – подарок Кати ко дню рождения, он повесил свой плащ рядом с висящими пальто, а фанерный чемоданчик засунул под кровать. Позднее он узнал, что чемоданы хранить в комнате не разрешалось, и поэтому, хотя в нём фактически ничего не было, сдал его в камеру хранения.

Вниз он спустился по лестнице (лифт работал только на подъём). У входа была доска, на которую вешали ключи от комнат, Борис повесил свой. Рядом стоял стол, за которым сидела дежурная – лифтёрша или швейцар, Борис так и не понял. Он решил расспросить её, как найти здания ЦИУ. Эта женщина, немного удивившись, ответила:

– А разве вы там ещё не были? Как же это вас Мария Семёновна пустила? Она у нас женщина сурьёзная! А ЦИУ найти просто, это недалеко. Выйдете на Садовое кольцо, вверх к Площади Восстания подниметесь, перейдёте её, там Воспитательный дом и есть, а в нём и ЦИУ ваше помещается.

Алёшкина заинтересовало, почему это ЦИУ помещается в каком-то «воспитательном» доме, но тратить время на расспросы было некогда.

Действительно, ЦИУ оказалось найти несложно. Помимо толкового объяснения, полученного от дежурной, его здание сразу бросалось в глаза тем, что перед входом, на лестнице, около двери с вывеской ЦИУ толкалось много людей. То же самое делалось и в коридорах. Среди этих людей были и молодые, и пожилые.

Разыскав дверь, на которой было написано «секретарь», Борис зашёл в кабинет. Там стояло несколько человек в очереди к небольшому столику. За ним сидел старичок в пенсне, он просматривал протянутую ему путёвку и, выдавая какие-то листки, что-то негромко говорил.

Когда очередь дошла до Бориса, и тот предъявил свою путёвку, старичок сказал:

– Ага, вот и ещё один хирург, это хорошо! Вот вам ордер на общежитие, вот анкета, которую прошу срочно заполнить в соседней комнате. После заполнения сдадите мне.

В смежном кабинете стоял длинный стол, окружённый стульями, почти все они были заняты людьми, старательно заполнявшими анкеты. Сел и Борис. Положив анкету перед собой, он заметил в правом верхнем углу крупные буквы, нанесённые резиновым штампом: «Цикл с/х хирургов».

Заглянув в анкеты сидевших рядом с ним, с одной стороны – молодой женщины, а с другой – пожилого мужчины, он

заметил другие штампы: «Терапия» и «Акушерство». Вскоре его соседи, написав всё и проверив, ушли, а на их места сели новые люди. Когда они положили свои анкеты, Борис заметил на них такой же штамп, как и у него.

Он начал записывать ответы, это давалось ему без особого труда: в своей жизни он заполнил уже не один десяток подобных опросников. Немного смутили только два пункта: один о том, состоял ли он в ВКП(б), и другой – о стаже врачебной работы. После некоторого раздумья он написал, что в ВКП(б) состоял с 1927 по 1934 год и был исключён «за преступление классово-бдительности», т. е. так, как было сформулировано в последней выписке, полученной им из ЦК ВКП(б). Отвечая на другой вопрос, немного приврал и поставил стаж один год.

Заполнив анкету, Борис расписался и приготовился отнести её выдавшему старичку, как вдруг заметил, что сидевший справа от него сильно загорелый брюнет, кроме фамилии, в своей анкете не написал ничего, и, видно, был в большом затруднении, как отвечать дальше. Видя, что Алёшкин собирается вставать, этот человек обратился к нему с просьбой помочь заполнить анкету. По-русски он говорил достаточно понятно, но с каким-то незнакомым акцентом. Недоумение Алёшкина разъяснилось, когда на вопрос о национальности, этот человек спросил:

– А что такой за национальность? Никак понять не могу.
Борис попытался объяснить ему:

– Ну, это значит какой нации. Вот я, например, русский, а вы?

– Ах, это значит какой нации я? Ну, так бы и спрашивали! А то какой-то «национальность» пишут, шут их разберёт! Ты, пожалста, пиши за мене, а то у меня почерк очень плохой. Пиши, греки мы.

Тут Борис понял, откуда этот странный акцент. С греками до сих пор ему встречаться не приходилось. Под диктовку своего нового знакомого, он довольно быстро заполнил всю анкету, и только когда дошёл до врачебного стажа, то ему пришлось потратить несколько минут на объяснение сути вопроса Грегору. Грегор Мекуополос, как было написано в анкете. Борис пояснил, что спрашивают, сколько лет он работает врачом. Наконец, тот понял и ответил:

– Пиши, десять, хотя в этом году скоро будет одиннадцать... Пиши, десять.

Алёшкин решил, что грек его не понял, и снова стал объяснять, но тот даже рассердился:

– Ты что, Борис, думаешь, что я по-русски не понимаю, что ли? Всё понимаю и очень хорошо! Я врачом работаю десять лет, так и пиши. Шесть лет на Севере работал, там и женился, жена у меня русская, а теперь уже пятый год в Крыму живём, там греков много, мой греческий нужен, я в районной больнице хирургом работаю. Пиши, пожалуйста, пиши!

Борис невольно подумал: «Ишь ты, у него десять лет стажа, а у меня всего ничего... Интересно, а какими другие вра-

чи будут? Такими же, как он, или такими же, как я?..»

Когда они с Грегором подходили к старичку, чтобы отдать свои анкеты, Борис был остановлен возгласом:

– Алёшкин, здравствуй, ты тоже здесь?

Обернувшись на голос, Борис с удивлением обнаружил знакомого, это был ординатор с кафедры профессора Керопьяна, Артёмов, окончивший институт год назад. Алёшкин его хорошо знал, так как не один раз приходилось дежурить с ним на кафедре неотложной хирургии. Оказалось, что Артёмов Краснодарским военкоматом тоже направлен в ЦИУ на цикл сельскохозяйственных хирургов. Он не понимал, зачем ему эти курсы: в клинике Керопьяна он и так получил достаточно знаний, да и не собирался перебираться в деревню. Но ЦИУ находился в Москве, «а в Москве всегда поучиться лестно», – объяснил свой приезд Артёмов.

Сдав бумаги помощнику секретаря ЦИУ (такова, оказывается, была должность старичка), Борис и Грегор получили пропуска в столовую. Секретарь сказал им явиться в девять часов утра в понедельник в главную аудиторию ЦИУ. Аудитория находилась на втором этаже этого же здания. Дал он им также и пропуск в библиотеку, чтобы они могли взять необходимые на время учёбы книги.

Выйдя из канцелярии ЦИУ, два новых приятеля решили вернуться в общежитие, а затем уже отправиться бродить по Москве. Грегор совершенно не знал Москвы и ориентировался в ней плохо. Шум и сутолока большого города ошелом-

мили его, и без Бориса он, вероятно, долго бы плутал, пока нашёл бы своё общежитие. Алёшкин же, немного освоившись, быстро сообразил: чтобы попасть в общежитие, совсем не нужно выходить на Садовое кольцо, а наоборот – спуститься немного вниз и по узенькой улочке подойти к общежитию. Эта дорога оказалась и более короткой, и более спокойной, движения на ней почти не было.

Придя в общежитие, они, к своему немалому удивлению, узнали, что, оказывается, живут в одной комнате. Ключа от комнаты на доске не оказалось, видимо, его взял их третий товарищ.

Конечно, ни Борис, ни Грегор не стали пользоваться лифтом. Для них взбежать на четвёртый этаж было делом одной минуты. Открыв дверь своей комнаты, они увидели за столом высокого, чуть лысоватого человека, с аппетитом уплетавшего огромный бутерброд с колбасой и запивавшего его горячим чаем из большой алюминиевой кружки. Заметив вошедших, этот человек привстал и, проглотив очередной кусок, сказал:

– А-а, вот и мои соседи! Будем знакомы! Николай Соколовский из Воронежа, врач-хирург из областной больницы. Вы тоже на цикл сельской хирургии? – подчёркивая последние слова, спросил он.

– Да, конечно, – ответил Борис за обоих.

– Ну, так и знал! И, конечно, военкоматом присланы?

– Да-а, – неуверенно протянул Алёшкин.

– Ха-ха, сельские хирурги! Новая профессия! Вы хоть знаете, чему вас, т. е. нас, учить-то собираются? Нет, конечно! Приехали-то только сегодня? А я уже третий день здесь околачиваюсь, всюду уже успел побывать, и ЦИУ излазил, и в магазинах уже кое-что приобрёл. Да что вы там у дверей-то топчетесь? Идите к столу, будем чай с колбасой пить, а попозже в столовую ходим. Садитесь, – и Соколовский гостеприимным жестом пригласил вошедших к столу.

Он развернул бумажный свёрток, в котором оказался большой кусок варёной колбасы и половина батона белого хлеба. На блюде лежало несколько кусков сахара.

– Кружки в шкафу есть, это принадлежность общежития, а чайник всегда в буфете можно взять.

Борис проглотил слюну. До этого о еде он как-то не вспоминал. Последний раз поужинал вечером в поезде, а здесь, в Москве, пока было не до еды: встреча с дядей Митей, потом оформление в ЦИУ... Теперь же, когда, наверно, было уже часов 12 дня, он почувствовал настоящий голод. Видимо, нечто похожее испытывал и Грегор, в чемоданчике которого оказались крымские яблоки и груши, их он и высыпал на стол. Борис вспомнил, что и у него ещё остались пирожки с мясом и капустой, напечённые ему на дорогу Катей, за время пути он их съел не все. Оставшиеся, завёрнутые в газету пирожки лежали на одной из полок шкафа. Открыв дверцу, Борис взял свой свёрток и две кружки, стоявшие с краю. Соколовский рассмеялся:

– Ну, ребята, пир у нас будет на славу, пожалуй, и обедать не захотим. Рассаживайтесь, да расскажите хоть немного про себя.

Через полчаса они уже знали друг о друге почти всё. Все оказались женатыми, у всех были дети, правда, только у одного Бориса трое, у остальных по одному. Все работали хирургами, любили свою профессию, были молоды и полны желания учиться.

Соколовский, или, как он просил себя называть, Коля, происходил из поляков, хотя указывал в графе «национальность» – русский. Он работал в воронежской больнице пятый год, но был недоволен своим местом. У него не сложились отношения с главным врачом больницы. И если бы не жена, работавшая там же терапевтом, родители которой жили в Воронеже, он бы давно уже оттуда сбежал.

О том, где работал Грегор, мы уже знаем.

Коротко рассказал о себе и Борис. Стесняясь своего маленького врачебного стажа, он умолчал о нём, а так как по возрасту был самым старшим из троих, то его новые товарищи решили, что он опытный хирург со значительным стажем работы, и сразу как-то стали относиться к нему уважительно. Друг друга они называли «Коля» и «Грегор», но к Алёшкину иначе как «Борис Яковлевич» не обращались.

Во время завтрака-обеда Соколовский рассказал всё, что ему удалось узнать об их цикле, а узнал он следующее. Главной дисциплиной, которую им предстояло изучать, была во-

енно-полевая хирургия, кроме неё – травматология, военно-санитарное дело с химической службой и топографическая анатомия с оперативной хирургией. На это отводилось более трёх четвертей всего учебного времени, в оставшуюся четверть изучались все остальные дисциплины, в том числе и обществоведение. О сельском хозяйстве, кроме как в названии цикла, не упоминалось нигде. Рассказав об этом, Соколовский закончил следующим выводом:

– Так что, друзья, готовьтесь быть не сельскими, а военными хирургами, вот чему нас учить собираются. Ну, а название цикла – это маскировка. Что касается меня, так я только доволен: может быть, после этих курсов в военный госпиталь переберусь и от своего чёртова зава избавлюсь.

После того, как все трое хорошо подкрепились, решили пойти погулять. Побывали в Парке культуры им. Горького, а когда стало темнеть, направились в кинотеатр «Художественный». Большую часть своего путешествия они проделали пешком, чтобы получше рассмотреть Москву, поэтому, возвращаясь в общежитие, ноги их гудели. По дороге они зашли в большой гастроном на Смоленской площади и купили там сыра, масла, колбасы, сахара, хлеба и три бутылки молока. Борис и Грегор удивлялись обилию и разнообразию продовольственных товаров, имевшихся в этом гастрономе. В их районных и сельских магазинах, хотя и продавались самые необходимые продукты, но такого разнообразия не было. Соколовский заметил, что и в Воронеже то же самое.

Нагруженные покупками, новые друзья, весело переговариваясь, пришли в свою комнату. Соколовский сходил в буфет за кипятком, и они отлично поужинали.

Между прочим, перед выходом в город на прогулку Николай Соколовский довольно придирчиво оглядел костюмы своих соседей по комнате, и если одежда Грегора его более или менее удовлетворила, то старый, весьма потрёпанный, хотя и тщательно заштопанный, пиджак Бориса ему явно пришёлся не по вкусу. На нём самом был новенький, серый, с какими-то блестящими точечками костюм, новый галстук, белоснежная сорочка и коричневые, тоже совсем новые полуботинки модного фасона. Осмотрев Алёшкина, Соколовский заявил:

– Нет, так не пойдёт! Я понимаю, что, имея троих детей и служа в какой-то там Александровке, не расшикуешься. Да, для этой самой Александровки твой костюм, может, и сойдёт, но для Москвы он не годится! Может быть, в клинике в нём и можно ходить – под халатом не видно, ну, а по столице так ходить нехорошо. Вот что, Борис Яковлевич, ты не обижайся! Видишь, какой костюм я себе отхватил, а сюда приехал тоже почти в новом. Он вон там, в шкафу висит. Так что, давай переодевайся, и когда по Москве гулять будем, его надевать будешь.

Он не стал слушать никаких возражений Алёшкина, а так как к его просьбе присоединился и Грегор, то Борис в конце концов согласился. Правда, не на весь костюм, а только на

пиджак. Они с Николаем были одного роста и телосложения и поэтому тёмно-серый, почти новый пиджак Соколовского сидел на нём прекрасно. С тех пор всегда, отправляясь в какое-либо путешествие по Москве, не связанное с учёбой, Борис надевал пиджак Николая. Так было и на следующий день (в воскресенье), когда он отправился с визитом к дяде Мите.

Как мы уже знаем, не очень-то приятно было ему идти туда, но он сказал себе: «Пусть меня Анна Николаевна и выгонит, но я всё-таки пойду к ним и прямо при дяде Мите и Косте извинюсь перед ней за свою мальчишескую глупость и грубость». Как всё неприятное, так и это посещение Борис решил осуществить как можно быстрее, и поэтому, едва проснувшись, он принёс чайник с кипятком, побрился, наскоро перекусил кое-чем оставшимся со вчерашнего дня и отправился на трамвайную остановку. Своим соседям, которые ещё мирно похрапывали, он оставил записку с просьбой не ждать его обедать, если он не вернётся к двум часам.

Глава пятая

Расставаясь с дядей Митей, они договорились о визите в воскресенье, и Борис надеялся, что дядя как-нибудь подготовит Анну Николаевну к его появлению, а та, излив свой гнев на супруга, его встретит уже перекипевшей. Но всё случилось не совсем так, а вернее, совсем не так.

Когда Алёшкин нашёл нужный дом и отворил калитку, то первым, кого он увидел, был сам дядя Митя. Одетый в какой-то невысказанно грязный, ободранный костюм, он копался на большом и замечательно обработанном огороде с разнообразными овощами. Большинство из них находилось в поре окончательного созревания.

Увидев входящего и с восхищением любующегося огородным великолепием Бориса, дядя Митя поднялся к нему навстречу и с нескрываемой гордостью сказал:

– Видишь, как у меня всё вызревает, не то, что у соседей! А всё мой гумус!

Перед этим Алёшкин проходил мимо многих огородов, они находились почти у каждого дома в этих Песчаных переулках, но такого огородного богатства и такой свежей и яркой зелени он не видел нигде.

– Ну, пойдём домой, Анна Николаевна уже ждёт тебя.

– Ждёт?.. – с тревогой в голосе воскликнул Боря.

– Ждёт, ждёт, я сказал, что ты сегодня утром придёшь.

Эх, и попало же мне вчера за тебя...

– За меня? – с ещё большим беспокойством переспросил Борис.

– Ну да, за тебя. Тётка-то телеграмму твою раньше меня прочитала! Мне, конечно, ничего не сказала, а Косте и Кате объявила. Я вчера с вокзала возвращаюсь, а они все трое сидят и ждут, и первым вопросом было, а где Борис. Ну, я, конечно, сказал, что проводил тебя в общежитие, тут же и влетело. Как это я смел родного племянника, которого столько лет не видел, вместо дома сразу в какое-то общежитие тащить? Одним словом, попало, – говорил довольно весело дядя Митя, подымаясь с Борисом по скрипучей лестнице на второй этаж.

Их разговоры и шаги слышал прежде всех пёс, лежавший в прихожей, и глухо гавкнул (у Дмитрия Болеславовича, как мы знаем, страстного охотника, никогда не переводились собаки, был у него и в то время тёмно-коричневый породистый сеттер по кличке Азор), а затем услышала шум и находившаяся на кухне Анна Николаевна. Она открыла дверь и вернулась к плите, на которой что-то шипело и потрескивало. Дядя Митя молча прошёл через кухню в маленькую тёмную комнатку и, гремя стулом, стал снимать с себя рабочую одежду.

– Опять, Дмитрий, ты мне всю комнату запачкаешь своим барахлом! Когда только ты от этой своей земледельческой затеи откажешься? – недовольно заметила Анна Николаевна

и вышла из кухни навстречу стоявшему у порога Борису, которого с любопытством обнюхивал Азор.

Увидев тётку, племянник густо покраснел и после бесвязного приветствия невнятно проговорил:

– Анна Николаевна, вы уж простите меня за мою глупость!

– Ах, «простите»? Так ты, значит, всё-таки к развратной женщине в гости пришёл!.. – сурово начала она, но в это время откуда-то из самого далёкого угла квартиры раздалось:

– Мама, ты же обещала!

– Что я обещала? – откликнулась Анна Николаевна. – Что я обещала? Что встречу Борю как родного племянника. Я так и встречаю, и говорю с ним, как с родным. Пирог вон к его приезду испекла, а вам с отцом всё не так! Чем матери замечания делать, вставали бы лучше, ведь давно уж там с Катериной шушукаетесь да хихикаете! Вставайте, завтракать будем. А ты чего стоишь истуканом? Проходи в столовую, – и она слегка подтолкнула Бориса за плечи.

Только тут он осмелился посмотреть на неё и увидел в её чёрных, всё ещё красивых глазах лукавые, чуть насмешливые огоньки, а на лице добродушную, и какую-то как бы беззащитную улыбку. Почти шёпотом она сказала:

– Иди, иди! Знаю, что ты по глупости, по молодости то письмо написал, хотя оно очень обидело меня тогда, ну, да теперь всё перегорело. Да и ты, наверно, поумнее стал. Вон, у тебя уже трое детей есть, когда только успел? Иди, садись,

сейчас и молодожёны встанут, будем завтракать.

Она ещё раз подтолкнула Бориса ко входу в столовую, а сама вернулась на кухню.

Алёшкин прошёл в эту единственную, более или менее большую комнату в квартире. В наружной уличной стене столовой имелась застеклённая дверь, которая вела на закрытую веранду. В другой стене было два окна с видом на двор, между которыми стоял большой обеденный стол, хорошо знакомый Борису по Кинешме. У внутренней стены стоял старый угловой диван, одной своей стороной прислонённый к печке. Диван этот, рябковский, Борис тоже сразу вспомнил. Рядом с дверью, выходящей на веранду, громоздился старый кинешемский буфет, рядом с ним пианино – вещь новая, заменившая рояль. Стол окружали несколько кресел и стульев. Дверь в стене около дивана вела в маленькую комнатку, из которой раздавались шорохи одевавшихся людей и их весёлое перешёптывание.

В столовую можно было попасть и из прихожей через маленькую проходную комнатку, большую часть которой занимал письменный стол, заваленный книгами и рукописями. На стенке над ним помещались многочисленные полки с книгами. У противоположной стены стоял старенький узкий диванчик. Впоследствии Борис узнал, что он служил спальным местом дяди Мити, который каким-то чудом умещался на нём. В углу, ближе к выходной двери, лежала подстилка Азора.

Анна Николаевна вышла из кухни и, желая дать Борису возможность почувствовать себя своим, а также и для того, чтобы у молодых было время привести себя в порядок, сказала:

– А ведь с Азором-то ещё сегодня не гуляли! Борис, возьми-ка поводок, выведи, пожалуйста, его. Да только во дворе не выпускай, а то тут «нижняя» крик поднимет. У неё плюгавенькая собачушка есть, как только Азор её увидит, так и кидается на неё. Он с ней поиграть хочет, а она, дура, визг на всю улицу поднимает, ну и хозяйка ей помогает. Ты его в конец улицы к сосенкам веди. Он там побегает, а потом сам прибежит.

Дядя Митя, услышав распоряжение жены, вышел полуодетый из тёмной комнаты:

– Не надо, Аня, я его сам выведу.

– Ладно, ладно, одевайся скорее, а то тебя опять полчаса ждать придётся! А с Борисом ничего не случится, пусть прогуляется с Азором, ему это тоже только на пользу пойдёт.

– Конечно, конечно, – заторопился Борис.

Надев кепку и взяв в руки поводок, он крикнул:

– Ну, Азор, пойдём.

Тот вскочил, спокойно подождал, пока ему прицепят к ошейнику поводок, и лишь потом рванулся к выходу. Это был сильный пёс, и Борису стоило немалого труда удерживать его стремление как можно скорее оказаться на полной свободе.

Через несколько минут они подошли к концу переулка. Перед ними была небольшая сосновая рощица из трёх десятков сосен, а дальше простирался большой пустырь, кое-где прорезанный огородами. Подойдя к рощице, Борис отстегнул поводок и с некоторой тревогой посмотрел на весело помчавшегося к пустырю Азора. «А ну, как он от меня убежит? Тут уж на меня дядя Митя на всю жизнь обидится, да и жалко такого пса потерять!»

– Азор, Азор! – крикнул Борис и свистнул.

Азор обернулся и с ещё большей быстротой понёсся к пустырю. Какое-то время он был невидим, скрывшись в густых зарослях полыни и лопуха, затем, наверно, справив свои собачьи дела, пёс, весело повизгивая, с такой же скоростью примчался к Борису и, ткнувшись носом в его колени, чуть не сбил его с ног.

Борис погладил собаку по мягкой голове и сказал:

– Так-то вот, Азорка! А хорошие люди на свете есть! Как только я плохо ни думал про Анну Николаевну, как плохо про неё ни говорили, а она... Да, мне ещё надо многому учиться, Азор: не умею я в людях разбираться, а воображаю о себе много... Ну, а ты? – спросил он собаку, смотревшую на него своими умными глазами и как будто понимавшую те тихие слова, которые он в этот момент произносил.

– Впрочем, что ты... Нагулялся? Что ж, пойдём домой.

После этих слов Азор, точно услышав команду, также стремительно помчался к дому. Помня наставление тётки,

Борис чуть ли не бегом последовал за ним, боясь какого-либо происшествия, но Азор терпеливо сидел у калитки. Он позволил взять себя на поводок, и лишь после этого толкнул лапой легко подавшуюся дверцу.

Когда Борис и Азор вернулись с прогулки, молодые уже встали, умылись и встретили их в дверях. Они очень радостно и приветливо поздоровались. Гость старался в полутьме прихожей рассмотреть Костю и его жену. Вообще-то в его голове не очень укладывалось понимание того, что Костя женат. Он его помнил маленьким, довольно-таки капризным мальчиком, затем своенравным юношей, но представить себе Костю мужем он просто не мог. Однако это было так. Невольно у Бориса мелькнула мысль: «Неужели и наши девчонки когда-нибудь станут чьими-то жёнами? Интересно, как они будут выглядеть тогда, а какими мы будем сами...» Но его мысли прервал довольно громкий возглас тётки:

– Ну, познакомились? Идите к столу, я завтрак уже собрала.

При этих словах молодые переглянулись, Костя снял свою руку с плеча жены, которая стояла, прижавшись к нему, и молча рассматривала Бориса, взял из рук его поводок, дёрнул за него, водворил Азора на подстилку, а Катю подтолкнул к Борису:

– Нет, мама, они ещё знакомятся.

Катя при этих словах смутилась, однако протянула Алёшкину руку и произнесла:

– Катя, – после чего быстро шагнула в проходную комнату, ведущую к столовой.

Из кухни выглянул дядя Митя, вытирая лицо полотенцем, он обратился к Борису:

– Иди-ка, помой руки, с собакой ведь гулял.

Пока Борис мыл руки, вся семья уже уселась за стол. Войдя в столовую, в которую в это ясное солнечное утро через стеклянную дверь веранды, наконец-таки, проникли солнечные лучи и весело заиграли на блестящих боках старого кинешемского самовара, на стаканах и вазочках с каким-то вареньем, Борис остановился. Ещё в прихожей он успел заметить, что Костя раздался в плечах, вытянулся и стал выше своего отца почти на полголовы, и почти на столько же выше Бориса, и значительно выше своей маленькой жены. Теперь стало ещё более заметным его сходство с матерью: такие же живые, тёмные – почти чёрные глаза, густые чёрные брови, прямой ровный нос и волевой, почти квадратный подбородок. От дяди Мити ему достался только большой выпуклый лоб.

Его жена Катя имела светло-русые выющиеся волосы, серо-голубые глаза, красиво очерченный рот, маленький, немного вздёрнутый носик, миниатюрную головку и тонкую шею. Вся она по сравнению с Костей выглядела маленькой, хрупкой и, как почему-то показалось Борису, какой-то беззащитной.

Поскольку Борис входил в столовую последним, то всё се-

мейство рассматривало его с головы до ног самым пристальным образом. В этот момент он был очень рад, что надел почти новый добротный пиджак Соколовского, а не свой собственный, потёртый и многократно заштопанный.

Тётка показала на свободное место рядом с собой и Костей, и Борис поторопился его занять. Внимательные взгляды его смущали. Пододвигая к нему тарелку с сыром и колбасой и маслёнку, указывая на хлебницу, Анна Николаевна говорила:

– Ладно уж! Кто старое помянет, тому глаз вон. Кушай-ка, Борис. Теперь не то, что в двадцатые годы: со своим мёдом за стол садиться не надо, да и куриц тоже воровать не придётся... Позавтракаем бутербродами, а курицу буду на обед готовить.

Услышав про какую-то ворованную курицу, Костя, конечно, не вытерпел и воскликнул:

– Что это за история, почему я о ней ничего не знаю?

Анна Николаевна улыбнулась:

– Мало ли, чего ещё ты не знаешь! Узнаешь когда-нибудь, расскажем, а пока это наша с Борей тайна. Ведь правда?

При замечании о курице Борис порядочно покраснел, но в ответ на слова тётки, только кивнул головой, делая вид, что он очень поглощён приготовлением бутерброда с колбасой.

Анна Николаевна между тем, поглядывая на него, обратилась к мужу:

– Смотри-ка, Дмитрий, а ведь из нашего-то Борьки, ка-

жется, всё-таки человек получился! Признаться, я не очень ожидала, что он в люди выбьется, а смотри-ка, уже и вуз закончил, теперь доктор, как же! Ну-ка, Борис, расскажи нам про себя, про то, как учился, про семью, ты ведь женат и дети у тебя есть.

Тут Костя опять не вытерпел:

– Конечно, мама, женат! И жена у него замечательная, её, как и мою, тоже Катей зовут. Я... – он неожиданно прервал свою фразу, заметив предостерегающий жест отца.

Эту неловкость увидели и Анна Николаевна, и Борис, и Катя. Первая готова была вспылить. По её нахмуренным бровям и блеснувшим огонькам в глазах Борис сразу узнал ту молодую горячую казачку, которая в прежних ссорах с мужем не выбирала выражений, а иногда и действий. Борис решил вмешаться:

– А разве вам, Анна Николаевна, дядя Митя не говорил? Лет восемь-девять тому назад были мы с моей Катей в Москве – я в командировке, она в отпуске. У вас тогда эта квартира ещё не построена была. Мы заходили, вот Костя её и видел. Да, наверно, это такое незначительное событие было, что дядя Митя и внимания ему не придал, вот они с Костей и забыли вам сказать.

За время этой тирады Анна Николаевна успела немного остыть. Кроме того, ей не хотелось при невестке демонстрировать свой характер, она сдержалась, только вполголоса с обидой произнесла:

– Дмитрий почему-то всегда забывает мне о встречах со своими родственниками рассказывать! Тогда промолчал, а теперешнем твоём приезде я случайно из телеграммы узнала. О том, что здесь недавно Елена Болеславовна с дочерью были, тоже случайно мне стало известно... Ну, да Бог с ним, расскажи про себя, Борис.

– Мама, – сказал Костя, – давайте спокойно позавтракаем, а потом и поделимся новостями, ведь Боре про нас тоже знать интересно.

– Да, тебе хорошо говорить! Вы будете новостями делиться, а я-то буду на кухне обед готовить...

Борис счёл своим долгом опять вмешаться:

– Анна Николаевна, мы посидим, поговорим, а потом за приготовление обеда возьмёмся. Я вам помогать буду, помните, как в Кинешме?

Анна Николаевна усмехнулась:

– А ты не разучился? Неужели и сейчас на кухне жене помогаешь?

– Ну, конечно, не так, как вам помогал, но всё же и борщ, и котлеты, и кашу сумею приготовить. Когда я учился, в основном-то работала и семью содержала она, а я, хоть и повышенную стипендию получал, но всё же это были гроши по сравнению с её заработком. Так что мне приходилось и самому готовить... Ни Катя, ни девочки мои не обижались, ели с аппетитом. Особенно все у нас мелекес любят.

– Так ты мой мелекес им готовил? – воскликнула Анна

Николаевна.

– Ну, конечно! И говорил, что это ваше фирменное блюдо 20-х годов.

– Вот у тебя жена-то, наверное, счастливая! А мне ни муж, ни сын на кухне никогда не помогают. Смотри, Катюша, воспитывай нашего Костьку, пускай он тебе на кухне как следует помогает.

– Мама, – закричал Костя, – теперь же время другое, много ли мы дома-то обедаем? Папа – на работе в столовой, мы – в студенческих, иногда вот только так, по воскресеньям, дома-то. Да ты сама нас с кухни гонишь!

Так, в шутках и весёлом разговоре прошёл завтрак, и к концу его Борис чувствовал себя в этой семье так, как будто никуда из неё не уезжал.

После завтрака все уселись на угловой диван, и он со свойственным ему красноречием и некоторой долей иронического юмора постарался кратко изложить свою жизнь с момента отъезда из Кинешмы до вот этого приезда в Москву.

Дядя Митя и Костя кое-что уже знали по встрече в 1932 году, а для Анны Николаевны и Кати всё было совершенно новым, и поэтому достаточно интересным. Само собой разумеется, что, рассказывая о себе, Кате и дочках, Борис передал далеко не все подробности, которые теперь известны нам. Кое о чём он умолчал из естественного чувства стыда, а о некоторых событиях (исключение из партии) он не счёл нужным сообщать никому из членов этой семьи. Закон-

чил свой рассказ он тем, что вот, мол, теперь командирован в Москву для усовершенствования, как хирург, и что после этого будет заведовать хирургическим отделением. Конечно, Борис немного прихвастнул: будущее его после окончания этих не очень-то понятных курсов ему и самому казалось туманным, но его апломб подействовал на тётку, и она заметила:

– Вот видишь, Костя, каков Борис-то! А всё потому, что по-серьёзному учился. Слышишь, повышенную стипендию получал! А ты еле-еле на троечки тянешь.

– Ну, поехала, – недовольно протянул Костя.

Борис поспешил вмешаться:

– Ну вот, я про себя всё рассказал, очередь за вами! Кто из вас докладчиком будет? – спросил он шутливо.

Все засмеялись, а Костя сказал:

– Давай, я, а то, если мама начнёт рассказывать, так она про меня такого наговорит, а если папа, так они с мамой на каждой фразе спорить будут, – и он начал свой рассказ.

Из него Борис узнал, что ремонт в квартире был закончен в 1937 году, тогда же мама, т. е. Анна Николаевна, наконец, приехала из Кинешмы, и они стали жить по-человечески. В тот же год Костя закончил первый курс Московского мединститута, где продолжал учиться и сейчас. Его тоже влекла хирургия, хотя папа, как сказал Костя, «предпочёл бы, чтобы я копался в мусоре, т. е. был санитарным врачом». Тут в его рассказ вмешалась Катя, которая воскликнула:

– Так это, по-твоему, я буду копать в мусоре?!!

И Борис узнал, что Катя учится на санитарно-гигиеническом факультете того же института, что и Костя, и как будто довольна выбранной ею специальностью. Она только что перешла на четвёртый курс, Костя заканчивал пятый. Знали они друг друга уже около двух лет, а поженились две недели тому назад.

Из рассказа Кости и Кати Борис узнал и о том, что дядя Митя служил санитарным инспектором в какой-то водной лаборатории, а Анна Николаевна – в ближайшей городской поликлинике фельдшером-эпидемиологом. Несколько слов сказали о Катиной семье, что её старшая сестра Александра не здорова – болезнь сердца, что Катина мать – домохозяйка, а отец – продавец в универмаге на Серпуховке. Они коренные москвичи, жили на Шаболовке в полуподвальном этаже какого-то старого дома, а сама Катя, кроме как в Москве, нигде не была.

За этими рассказами время пролетело быстро, и, взглянув на часы, Костя и Катя заторопились: они обещали встретиться со своими друзьями в Парке культуры им. Горького в 12 часов, поэтому должны были выезжать немедленно. Дядя Митя отправился на свой огород, а Анна Николаевна и Борис, снявший пиджак и надевший фартук, остались на кухне. Там тётка смогла убедиться, что её кулинарные уроки племянником не забыты, и он с удовольствием ей помогал. Закончив дела на кухне, Борис заявил, что остаться на обед

он не может, так как у него много дел: на следующий день начинались занятия на курсах, а он ещё ничего не подготовил. Несмотря на уговоры Анны Николаевны, гость быстро собрался и ушёл. Он боялся показаться навязчивым, а кроме того, ему хотелось подчеркнуть свою самостоятельность и то, что обеды на дармовщинку его совершенно не интересуют. На самом-то деле это было не так, денежные дела Алёшкина обстояли очень неважно. Все деньги, полученные в аванс, он оставил Кате, и кроме тех, которые были ему выданы на приобретение инструментов, у него оставалось около 20 рублей. Поскольку не было известно, когда выдадут стипендию, на эту сумму предстояло жить неопределённо долгое время.

Так закончилась первая после долгих лет разлуки встреча Бориса с его тёткой, которую все его родные с материнской стороны почему-то не любили и несправедливо обижали. Теперь, будучи взрослым, Алёшкин в полной мере мог оценить эту несправедливость. В Анне Николаевне он разглядел самолюбивого, вспыльчивого, но, в общем-то, весьма справедливого человека. Она отличалась к тому же здравым смыслом и большой практической смекалкой. Даже в этот первый недолгий период его пребывания в семье Дмитрия Болеславовича Борис понял, что если бы не её оборотистость и трудоспособность, то дядя Митя со своими «прожекторами» и «опытами» давно бы запутался в долгах и вряд ли бы смог так беспрепятственно и сравнительно широко их осуществ-

лять. Да вряд ли бы он справился и с Костей. Несмотря на весёлый нрав и большую общительность, парень рос очень взбалмошным, и если бы не достаточная твёрдость Анны Николаевны, возможно, он бы не сумел успешно окончить школу и учиться в институте. А Костя всё-таки, хоть и не на очень высоком уровне, но институт заканчивал. Вот только не смогла Анна Николаевна удержать своего сынка от слегка поспешной женитьбы, ему предстояло учиться ещё целый год, а его жене два. От её родителей помощи ждать не приходилось, они сами еле сводили концы с концами, поэтому содержание этой молодой семьи легло на плечи дяди Мити и Анны Николаевны. Да, опять Анне Николаевне приходилось выкручиваться...

Всё это бродило в голове Алёшкина, пока он на трамвае ехал от «Сокола» до Большого Новинского. Дорога была длинной, почти сорок минут, времени для раздумий хватало.

Пользуясь авторским правом, забежим немного вперёд и скажем, что эта встреча оставила в душе Бориса очень хорошее впечатление и чувство, что он побывал действительно в близкой и родной семье. Почти все последующие воскресения и другие праздничные дни он проводил у дяди Мити. Каждый раз, приезжая, он привозил кое-какие лакомства или закуски, обязательно помогал Анне Николаевне, да и дяде Мите в домашних делах, вёл дружеские беседы с Костей и его молодой женой, участвовал в их домашних развлечениях.

ниях, ходил вместе с ними в кино и, благодаря своему умению легко сходиться с людьми, очень скоро завоевал расположение в том числе членов семьи Кати. Таким образом, всё его свободное от учёбы время проходило с Пигутами. По окончании курсов, расставаясь с ними, Борис обещал часто встречаться. Во время предстоящего отпуска в 1941 году он предполагал вместе с Катей навестить эту семью, и заранее приглашал молодёжь к себе в Александровку на отдых после окончания института. Но эти мечты и планы, к сожалению, так и остались только мечтами. С некоторыми из этих людей Борису удалось встретиться лишь через много лет, а с Костей он так больше никогда и не виделся.

Глава шестая

Вернёмся к учёбе Алёшкина, ведь более 90 % времени его пребывания в Москве уходило именно на это.

Как мы помним, у своего дяди Борис был в воскресенье, а на следующий день, т. е. в понедельник, весь цикл хирургов собрался в главной аудитории ЦИУ, находившейся в только что построенном семиэтажном доме напротив Зоологического сада. Это была очень красивая и, по тому времени, самая совершенная аудитория. Сидения для студентов полукруглыми рядами обнимали площадку, на которой помещалась кафедра лектора. Ряды эти, отделённые друг от друга узенькими пюпитрами, поднимались чуть ли не к самому потолку помещения. Борис и Грегор постарались сесть как можно ниже – поближе к кафедре, и, хотя Соколовский упирался, они усадили и его на один из первых рядов. Вскоре вся аудитория была заполнена до отказа. Когда Алёшкин оглядывался по сторонам, то видел, что почти все слушатели цикла были достаточно взрослые и даже пожилые люди. Молодых, окончивших институты два-три года тому назад, он заметил всего несколько человек. Конечно, и сам Борис никак не выглядел только что сошедшим со студенческой скамьи, ведь ему уже было 33, а институт обычно заканчивали в 23-24 года. Как потом выяснилось, почти все его товарищи по учёбе считали Алёшкина солидным хирургом со стажем

около 10 лет. Если бы они знали истину! Ну, а сам Борис о своём стаже особенно не распространялся.

Когда все собрались, к кафедре подошёл невысокий человек с седой бородкой, постриженной аккуратным клинышком. Он тихонько звякнул колокольчиком и объявил, что руководить циклом назначили его. Цикл этот, по его словам, был не совсем обычным и во многом отличался от тех, которые в ЦИУ проводились до сих пор. Главная его особенность заключалась в том, что слушатели прикреплялись к определённым клиникам, в которых проводились занятия по специальности. Поэтому в формировании хирургов будут отражаться принятые там тенденции и взгляды на лечебный процесс и хирургические мероприятия, и лишь в конце цикла каждая группа в течение нескольких дней сможет ознакомиться с методами лечения в других клиниках.

Это заявление начальника цикла, как он сам себя назвал, вызвало некоторое недоумение у тех врачей, которые проходили усовершенствование раньше (а таких оказалось немало), и было встречено сдержанным гулом. Услышав этот шум, тот улыбнулся, снова звякнул колокольчиком и сказал:

– Знаю, знаю, что всё это для вас непонятно и непривычно. Мне тоже называть себя начальником непривычно. Но вы ведь все направлены сюда по путёвкам военкоматов, значит, должны были знать, что вас ждёт не совсем обычное положение, поэтому не волнуйтесь и не возмущайтесь.

Затем профессор Петров (так звали начальника цикла)

объяснил порядок занятий, начиная со следующего дня. Из него следовало, что в течение двух недель весь цикл в две смены будет ежедневно проходить занятия по топографической анатомии и оперативной хирургии. Занятия будут начинаться с 9:00 и продолжаться до 16:00 ежедневно с обеденным перерывом на один час. Половина цикла пойдёт на лекцию профессора Огнева Б. П., а другая в это время будет на практических занятиях с ассистентами. Списки разбивки по группам вывесят в вестибюле ЦИУ вечером. Кроме этих занятий, каждый четверг с 17:00 до 19:00 будет проходить лекция по истории партии и международному положению профессора Николая Михайловича Свердлова, брата Я. М. Свердлова, в этой же аудитории. Все слушатели по окончании занятий по топографической анатомии и оперативной хирургии должны сдавать экзамены, не сдавшие будут отчислены. О дальнейшем ходе занятий профессор Петров обещал рассказать на собрании цикла, которое состоится после экзаменов. Затем он предложил на следующий день всем группам собраться в вестибюле и холлах общежития и избрать старост групп, посоветовал всем записаться в библиотеку, получить необходимые учебные пособия, а в киоске приобрести кое-какие новейшие учебники, там же запастись и письменными принадлежностями.

– Я знаю, – сказал профессор, – что большинство из вас не очень-то располагают материальными ресурсами, знает об этом и нарком здравоохранения товарищ Смирнов, по ини-

циативе которого проводятся эти курсы. Поэтому стипендию, полагающуюся каждому из вас, решено выплатить вперёд. Сегодня вечером вы сможете её получить в канцелярии общежития. Объявление о времени выдачи будет вывешено.

Напоследок профессор пожелал всем слушателям успехов в учёбе и попросил, чтобы все дела, связанные с подготовкой к занятиям, были закончены сегодня же:

– Каждый день и час пропущенных вами занятий будет рассматриваться как прогул на работе, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Считайте, что вы находитесь на военной службе.

Как раз в этом году правительство СССР приняло весьма строгий закон о прогульщиках, и потому слова начальника цикла вызвали у некоторых слушателей ропот недовольства. Позже Алёшкин узнал от более пожилых врачей, проходивших усовершенствование не один раз, чем было вызвано это недовольство. Они говорили, что занятия в ЦИУ обычно рассматривались как дополнительный отпуск. Большинство слушателей охотно посещали различные клиники, присутствовали на операциях, слушали лекции о новейших достижениях медицины, а кто этого не хотел, гуляли себе по Москве, являясь на так называемые практические занятия от случая к случаю. Никто раньше за дисциплиной особенно не следил, а здесь что-то новенькое! Судя по разговорам, многие из приехавших уже сожалели, что каким-нибудь образом не отвернулись от этих путёвок.

Надо сказать, что ни Алёшкин, ни его друзья по комнате таких мыслей не держали. Единственное, что беспокоило Соколовского и Грегора, это экзамены по топографической анатомии и оперативной хирургии. Они изучали эти дисциплины давно, несколько лет тому назад. В своей практической деятельности как-то не очень ими пользовались, хотя оба и оперировали довольно много. Теперь предстояли экзамены, а срок для повторения этих знаний отводился очень короткий. Борис чувствовал себя более уверенно и только жалел, что не захватил с собой студенческих конспектов, которые он бережно хранил.

Возвращаясь после собрания в общежитие, они зашли в главное здание ЦИУ и в коридоре его увидели вывешенные списки групп и расписание занятий. Оказалось, что цикл разбили на 25 групп по 16 человек. Алёшкин и Соколовский попали в группу № 12, а Грегор в № 10. Таким образом, они оказались во второй половине цикла, и, следовательно, все лекции по топографической анатомии и хирургии должны были слушать вместе. Первая лекция была назначена на завтра с 13 до 16 часов, а с 9 часов утра – практические занятия. Весь учебный день проводился на кафедре ЦИУ, находящейся на Беговой улице.

Ознакомившись с расписанием и списком групп, они обнаружили там же объявление, в котором указывалось, где какая группа должна была собраться этим вечером, чтобы избрать старосту. На собрании 12 группы, по предложению Со-

коловского, Борис Алёшкин единогласно был избран старостой. Через час-полтора после собрания, в канцелярии общежития всем курсантам выдали стипендию в размере ста рублей. Для Бориса это было большое подспорье.

Со вторника потянулась однообразная и очень напряжённая учебная жизнь. «Старики» возмущались: обстановка на этих курсах совсем не походила на ту, которую они ожидали увидеть, её никак нельзя было назвать «дополнительным отпуском». Та половина слушателей цикла, в которой занимался Борис, работала так: каждый день с 9 и до 14 часов курсанты были на практических занятиях, изучая на трупах участки тела и органы, с 14 до 15 часов – перерыв на обед, с 15 до 16 часов повторяли практический материал с ассистентами, а с 16 до 19 часов слушали лекции профессора Огнева. Через неделю обе половины цикла менялись временем. На многих практических занятиях, кроме ассистентов, присутствовал и сам профессор. Уже на третий день вместо трупов курсантам были выделены собачки. Обычно на одну собаку приходилось 4-6 слушателей, и ей одновременно делалось несколько операций.

Профессор Огнев, как-то подойдя к группе, в которой работали Алёшкин и Соколовский, посмотрел на объект их работы, на их действия и, оставшись удовлетворённым тем, что увидел, всё-таки спросил:

– Та-ак-с, значит, у собачки открытый перелом левого бедра, рваная рана правой скулы и прободная рана желудка.

Что же вы решили, коллеги?

Ответил ему Борис, который каким-то образом стал как бы руководителем этой маленькой группы. Ответил довольно толково, обстоятельно и хорошо обосновал начатые ими действия. Видимо, профессору ответ понравился, потому что он усмехнулся и заметил:

– Ну, что же, хорошо, продолжайте работу, но помните, что после ваших манипуляций собачка должна прожить не менее недели. Умрёт раньше, получите «неуд». Да, не забудьте также и про то, что собачки очень чувствительны к эфирному наркозу.

Профессор отошёл, а Борис и Николай убедились, что пёс уже спит, благодаря стараниям женщины-врача. Впоследствии они узнали, что эта врач приехала из Якутии и никогда в жизни до этого не была в Москве. Она потом не раз пользовалась услугами их как проводников, чтобы посмотреть те или иные достопримечательности столицы. В деньгах она не стеснялась, и оба приятеля сопровождали её довольно охотно, хотя из-за чрезвычайной перегрузки занятиями это происходило редко.

В данный момент она выполняла довольно старательно и умело роль наркотизатора. Наркоз, как тогда было принято почти повсеместно и по отношению к людям, был эфирный, маска для собак отличалась только формой. Пока ещё одна женщина-врач (молодая, симпатичная, черноглазая, похожая на грузинку) внимательно следила за пульсом живот-

ного, двое пожилых мужчин занялись сломанным бедром, а Борису и Соколовскому достался желудок. Рану на скуле оставили на потом, временно закрыв её повязкой. После бритья шерсти и вскрытия брюшной полости они хотели ушить рану желудка, нанесённую каким-то режуще-колющим инструментом, но, осмотрев её как следует, пришли к выводу, что необходима резекция части желудка. Это же посоветовал им сделать и находившийся поблизости один из ассистентов профессора.

На трупах Борис и Николай эту операцию проводили, и поэтому технику её представляли, но на живом существе делали её впервые. Им пришлось трудно. Тем более что те, кто оперировал на бедре, управились относительно быстро: перевязали повреждённые сосуды, очистили рану от грязи, шерсти, кусочков раздробленной кости, более или менее правильно сложили обломки и наложили гипсовую повязку с окном против раны. Всё это заняло около получаса. Затем они, усмехнувшись, пожелали успеха оставшимся и отправились курить.

Около собаки остались потеть и пыхтеть Борис и Николай. Помимо того, что сама операция представляла большую сложность, собака, видимо, потеряла много крови. Вредный эфирный наркоз сильнее влиял на сердечную деятельность, и женщина-врач, следившая за пульсом на сонной артерии, всё чаще посматривала на работавших Алёшкина и Соколовского и шептала:

– Пульс падает...

Услышав этот шёпот, наркотизаторша снимала на несколько секунд маску с морды собаки.

Наконец, главное было сделано, стали зашивать брюшную полость, и тут женщина воскликнула:

– Пульса нет!

Борис крикнул ей:

– Камфару!

Та сейчас же схватила заранее приготовленный шприц и ввела собаке под кожу два кубика раствора камфары. Соколовский начал делать собаке непрямой массаж сердца, а Борис торопливо заканчивал зашивание операционной раны. Потом он сам проверил пульс и, убедившись, что под его пальцами, хотя и слабо, но всё же ощущаются толчки – быстрые, но довольно равномерные, решил заканчивать обработку животного и зашить последнюю рану на скуле. На это потребовалось несколько минут.

Всё было закончено. Собака ещё спала, когда за ней пришли два санитары, осторожно положили её на носилки и понесли в питомник. Старика, хозяина этого питомника, все звали дядя Вася. И теперь от этого дяди Васи зависело многое. Он должен был так обеспечить уход за истерзанным животным, чтобы оно оставалось живым как можно дольше, а, может быть, и поправилось совсем.

Все, кому приходилось оперировать этих несчастных собак, искренне их жалели, помимо того, что от длительности

их жизни зависела оценка их деятельности, как врачей-хирургов. Поэтому все обращались к дяде Васе с просьбами об обеспечении наилучшего ухода именно за их пациентом. Конечно, эти просьбы сопровождались табачными, винными и даже денежными подношениями. Дядя Вася от них не отказывался, но он и без того старался ухаживать за всеми пострадавшими животными так, как будто это были его самые близкие и родные люди. Он и от санитаров, бывших в его подчинении, требовал такого же отношения к этим собакам и настаивал на немедленном увольнении того из них, кто отнёсся к доверенным пациентам грубо или небрежно. Дядя Вася гордо называл свой питомник «Клиника профессора Огнева», и от всех своих подчинённых, а также и врачей, приходивших делать перевязки оперированным «больным», требовал самого серьёзного отношения к делу.

«Клинику» довольно часто навещал и профессор Огнев. Дядя Вася обстоятельно докладывал ему о поведении и положении своих пациентов. Все они были под соответствующими номерами, а некоторые, уже старые, имели и клички. По номеру всегда можно было узнать, кто оперировал ту или иную собачку.

Многим из курсантов пришлось основательно краснеть, когда профессор Огнев перед очередной лекцией просил таких-то и таких-то встать и суровым голосом произносил:

– Так вот, малоуважаемые, ваш пациент-то сдох. Да-да, сдох-с! А патологоанатом нашёл, что в операции были до-

пущены такие ошибочки! Вот проштудируйте-ка эту главу! Павел Семёнович, – обращался он к ассистенту, – подзаймитесь-ка с этими «хирургами» дополнительно. А вообще, по практике всё равно пока получите «неуд». Да-с.

Со страхом и нетерпением Борис Алёшкин и вся его группа каждый день старались поймать дядю Васю, чтобы узнать о состоянии здоровья своего пациента. Конечно, эти посещения были для дяди Васи достаточно выгодны. Особенно расщедривалась «якутская помещица», как прозвали врача из Якутии Алёшкин и Соколовский. Она проработала более 15 лет, была одинока, и, как сама говорила, не знала, куда девать деньги. То ли заботливый уход дяди Васи, то ли то, что все в группе Алёшкина к своей работе отнеслись достаточно ответственно, то ли просто повезло, но их собачка, одна из немногих, оставалась живой не только через семь дней после операции, но и до конца курса на этой кафедре. Поэтому на экзамене профессор Огнев поставил всем членам группы за практическую операцию на животном «отлично». Также «отлично» получили они за операцию на трупе. Тут и Алёшкину, и другим оказала большую помощь якутский врач, которая, будучи чуть ли не единственным хирургом в одной из больниц Якутии, самостоятельно делала почти все операции, доступные хирургам того времени, по некоторым даже имела свою методику. Она щедро делилась опытом с более молодыми коллегами, её советы очень помогли Борису. Кроме того, он усердно наблюдал, а при возможности и ассистиро-

вал, всем остальным из своей группы при проведении операций. Операции на трупке делались каждым курсантом по указанию ассистента и под его наблюдением. Борису досталась ампутация в средней трети голени. С ней он справился удачно, заслужил похвалу ассистента и оценку «отлично».

Конечно, никто из его группы, а также из преподавателей, даже и не догадывался, что Алёшкин только в этом году окончил институт. Все считали, что он уже, по крайней мере, имеет 7-8 лет врачебного стажа, ну а сам Борис никого в этом не разуверял. Очевидно, анкеты, которые они заполняли при зачислении на курсы, были чистой формальностью, и руководители их содержанием не интересовались. А Борис, между прочим, всё время тревожился: «Вдруг, в конце концов, разберутся? Увидят, что я ещё врач почти никакой и отчислят с курсов – мол, сперва поработайте, а потом и усовершенствоваться будете». Но так, до конца, стажем Алёшкина никто и не заинтересовался.

А вот его недавние госэкзамены и старательная подготовка к ним сослужили свою службу. Через две недели курс топографической анатомии и оперативной хирургии закончился, начались экзамены, их проводил сам профессор Огнев. Все говорили, что он очень строг и самое главное – спрашивает не по привычным вопросам, которые существуют в учебниках, а по какой-то своей методике, например: вам нужно ампутировать нижнюю конечность на уровне средней трети бедра, расскажите по порядку, с какими сосудами,

нервами, мышцами вы встретитесь, начиная с наружной стороны от кожи; или – пуля пробила грудь на уровне пятого межреберья, слева, по сосковой линии, что она повредила, ваши действия; или – ножевое ранение в живот, в правом подреберье, глубина 10 сантиметров, что повреждено? Ну и всё в подобном роде. Алёшкину даже понравилась такая методика, только немного удивляло, почему почти все вопросы касались ранений, ожогов, ушибов и не было ни одного, относящегося к заболеваниям.

Группа № 12, в которой старостой был Алёшкин, сдавала экзамены на третий день, да и то уже поздно вечером (более трёх групп в день профессор принять не мог). Правда, на экзамене присутствовали и ассистенты, но они вопросов не задавали, а только старались как-нибудь помочь тем из курсантов, с которыми проводили практические занятия. Борис Петрович Огнев на них сердился, кричал:

– И что вы лезете со своей помощью? Там, где он (или она) работать будет, вас ведь рядом не окажется! Пусть сами думают!

И, к не малому огорчению некоторых уже довольно опытных врачей-хирургов, им приходилось уходить с очень скромными оценками знаний, а то и вовсе сдавать повторно.

Как-то так случилось, что в дни подготовки к экзаменам, в комнате, где жили Алёшкин и Соколовский, собиралась почти всегда вся их группа. Они усиленно повторяли пройденный материал, во-первых, по конспектам лекций профессо-

ра Огнева, которые очень хорошо вели Алёшкин и молодая врач-украинка Черненко, и, во-вторых, по тем ответам на вопросы, которые использовал Борис при подготовке к госэкзаменам. Благодаря такой совместной работе, а также тому, что, наслушавшись жалоб от курсантов, сдававших экзамены до них, вся группа готовилась очень тщательно, они сумели получить оценки «хорошо» и «отлично».

На экзамене с Алёшкиным произошёл очередной казус. Во время лекций профессор очень часто задавал аудитории вопросы, относившиеся к предыдущему материалу. Одним из первых вызывался отвечать Борис. Профессор Огнев обладал даром искусного оратора, читал лекции в своеобразной, но очень живой манере, а курсант Алёшкин старательно конспектировал сказанное, да ещё потом работал с конспектом, поэтому его ответы всегда оказывались достаточно исчерпывающими и правильными, что вызывало громкое одобрение Огнева. Наверно, поэтому, когда группа явилась на экзамен, профессор начал опрашивать слушателей не по порядку алфавитного списка, а по какой-то ему одному известной схеме. В результате Борис отвечал последним. Для сдачи экзаменов в аудиторию заходила вся группа, расаживалась на передних рядах и, поглядывая на стены с рисунками и муляжами различных частей человеческого тела, напряжённо замирала в ожидании каверзных вопросов профессора. Алёшкин привык отвечать первым, но на этот раз ему пришлось выслушать ответы всех, пережить ошибки тех,

кто отвечал не особенно уверенно, и основательно поволноваться. Но вот уже все ответили, он остался один с профессором и тремя ассистентами, и тогда Борис Петрович Огнев сказал:

– Ну что же, товарищ староста (в списках указывалась фамилия старосты), пока ваша группа единственная, из которой я не отправил для повторной подготовки ни одного человека. Думаю, что в этом не только наша заслуга, а немного и ваша. Я вам благодарен, давайте вашу зачётную книжку.

Борис смущённо протянул свою зачётку (такую же, как у студентов), профессор взял её, поставил против своих дисциплин «отлично» и расписался.

– Ну, а спрашивать я вас не буду. Вы достаточно много и часто отвечали и на лекциях, и на практических занятиях. Да и собачка-то ваша всё ещё жива и, пожалуй, поправится, – и он вернул зачётку Алёшкину.

Борис растерянно пробормотал слова благодарности, и сам не помнил, как выскочил из аудитории. Большая часть его группы толпилась в коридоре. Увидев его смущённое лицо, многие подумали, что у него не всё в порядке, но тут Соколовский не выдержал, выхватил из рук Бориса книжку и воскликнул:

– Тут «отлично» стоит! Чего ж ты такой потерянный?

Борис неуверенно выдавил из себя:

– Да ведь он меня совсем не спрашивал...

– Как это не спрашивал? А за что «отлично»?

– Да я и сам не знаю...

Лишь через несколько дней почти все курсанты цикла от ассистентов узнали, что это был первый и, пожалуй, единственный случай в работе кафедры, чтобы строгий профессор Огнев вот так, не задав ни одного вопроса на экзамене, поставил слушателю «отлично», согласившись с ассистентами по практике.

После сдачи экзаменов у всех групп, в том числе и у двенадцатой, целых два дня были свободны. Решили, что в один из этих дней все торжественно пообедают в каком-нибудь ресторане Москвы, а затем сходят в театр. Алёшкин хотел было отказаться, как и некоторые другие, жившие недалеко от Москвы и предпочитавшие съездить на эти дни домой, но ни Соколовский, ни другие курсанты ничего и слушать не хотели. Якутянка быстро поняла, почему Борис отказывается от ресторана и театра (на это хорошо указывал внешний вид Алёшкина) и заявила:

– Товарищи, поскольку мысль о ресторане подала я, то, естественно, что основные расходы я беру на себя. Ваше дело организовать это торжественно и в хорошем месте, я ведь Москвы-то совсем не знаю. А о расходах не думайте, вносите товарищу Соколовскому, кто сколько может, я предлагаю его избрать организатором. И вот вам на предварительные расходы, – она добыла из своей объёмистой сумки две купюры по 30 рублей и протянула их Николаю.

Тот, не мешкая, забрал деньги и громко заявил:

– Пожертвования на обед и театр принимаются сегодня и завтра до двух часов дня в комнате номер 346 (номер комнаты, где жили Алёшкин и Соколовский). А вас, любезная барышня, в 14:00 завтра жду у себя. Я полагаю, что обед мы начнём в пять в «Арагви», а в восемь часов перейдём в Театр кукол, это рядом. Надеюсь достать билеты.

После этого все со смехом и разговорами отправились ужинать в ближайшую столовую (фабрику-кухню), а затем поехали в общежитие.

Вечером в комнате Борис смущённо достал кошелёк и хотел, вынув из него деньги, дать хотя бы пять рублей Соколовскому. Тот возмутился:

– Да ты с ума сошёл! У тебя и так ветер по карманам свищет, а ты такие деньги хочешь транжирить, и не выдумывай! То, что нам «якутская помещица» выделила, на всех хватит, а если и ещё кое-кто из «заможных» пожертвует, то мы и вообще в барыше будем. Убери, убери свою пятёрку, лучше потом что-нибудь на неё ребятам купишь, – и он решительно оттолкнул протянутые Борисом деньги.

Узнав о готовящемся торжестве, очень захотел принять в нём участие и их товарищ по комнате грек Грегор. Соколовский сказал:

– Вообще-то, этот праздник устраивается нашей группой, но поскольку ты наш сосед, я думаю, что мы тебя примем в компанию. Только это ведь денег стоит.

– Что деньги! – воскликнул Грегор. – У меня денег во, –

и он показал туго набитый бумажник. – Сколько надо?

– Ну, давай десять рублей, если не жалко.

– Возьми двадцать и не говори, что я жадный!

Соколовский взял протянутые ему Грегором деньги и, подмигнув Борису, сказал:

– Ну вот, а ты, милая моя, боялась!

На следующее утро Борис решил поехать к дяде Мите. Более двух недель он не был у Пигуты, не получалось. Учёба отнимала столько времени, что ложились спать в двенадцать, а в семь уже поднимались, чтобы мчаться на кафедру Огнева. В оправдание Борис захватил свою зачётку. Впрочем, её он взял не только для оправдания, но и чтобы похвастаться своими первыми московскими успехами.

Как всегда, он получил разрешение надеть пиджак Николая, который предложил также воспользоваться его сорочкой и брюками, а Грегор выдал один из своих галстуков (их у него было штук 15). Таким образом, из всего костюма Бориса только его собственные ботинки выглядели плачевно, всё остальное было хоть куда.

Условились, что к пяти часам вечера Борис придёт на площадь Маяковского к ресторану «Арагви». К этому времени туда же подойдут и остальные участники «культпохода», как его окрестил Соколовский. Забегая вперёд скажем, что описываемый «культпоход» прошёл замечательно, в «Арагви» все наелись вкусных блюд до отвала, а кукольное представление «Необыкновенный концерт» Образцова покорило всех.

Но вернёмся к Алёшкину. Приехав к дяде Мите, Борис застал его и Анну Николаевну в огороде за сбором урожая, который, на зависть всем соседям, оказался действительно богатым. Капуста и даже помидоры были необыкновенной для Москвы величины и спелости. Отличными выросли и морковь, и свёкла, и брюква, хороша была и картошка. В этом деле, безусловно, сыграло огромную роль изобретение Дмитрия Болеслаовича Пигуты – компост. Теперь многие из соседей, ранее относившихся с некоторой иронией и насмешками к чудаку-доктору, занимавшемуся сортировкой и аккуратным сбором мусора, ранее выбрасываемого в помойную яму, стали приходить к нему за советами о том, как делать гумус.

Дело в том, что большая часть района Москвы, где жил тогда Дмитрий Пигута, т. е. все Песчаные улицы и переулки и соседние с ними ещё не успели утратить своего дачного пригородного облика: почти у каждого дома был свой огород, а у некоторых и сад. Именно на этой улице, почти рядом с домом дяди Мити, находился знаменитый сад Колесникова, который вывел столько замечательных сортов сирени. В то же время здесь ещё не имелось общей канализации, мусор и всякие отбросы вываливались в простейшие выгребные помойные ямы, надворные туалеты были тоже самого простейшего типа.

Алёшкин хотел было присоединиться к дяде Мите и Анне Николаевне и помочь им в уборке овощей, но последние,

увидев его шикарный костюм, категорически запротестовали. Они велели ему идти в дом, будить молодых.

– Я тоже сейчас приду собирать завтрак, – добавила Анна Николаевна.

Ещё около метро «Сокол» в огромном гастрономе Борис купил колбасы, сыра и торт. Завтрак прошёл весело. Конечно, не обошлось без того, чтобы дядя Митя и Анна Николаевна, посмотрев в зачётку Бориса, не подкусили своих:

– Вот как учиться надо! А у вас у обоих одни тройки, – сказала Анна Николаевна.

Костя, как всегда, лишь отмахнулся от маминых слов, а Катю они, очевидно, задели, и она возразила:

– Ну, у меня, положим, тоже отличные отметки есть. А то, что пара троек промелькнула, так это потому, что уж очень нелюбимая у меня дисциплина.

Борис, конечно, поинтересовался, что же это за предмет. Катя, немного смущённо взглянув на дядю Митю, тихо сказала:

– А, да эта противная гигиена, ненавижу её!

В свою очередь Борис с некоторым испугом взглянул на дядю, но тот довольно спокойно воспринял это заявление невестки и, оторвавшись от газеты, которую он имел обыкновение читать за едой, буркнул:

– Гигиену вы не любите только потому, что учебник написал для вас такой бездарный человек, как Кравков. Он способен самую интересную вещь изложить так, что любому от

неё тошно станет.

Из разговоров с дядей Борис уже знал, что профессор Кравков, в то время являвшийся одним из видных гигиенистов Союза, в своё время учился вместе с дядей Митей в ВМА, они даже дружили. Потом их взгляды на некоторые вопросы гигиены, в частности, на тему санитарной очистки населённых пунктов, разошлись, и в последние годы они стали чуть ли не врагами. Во всяком случае, любая статья по этому вопросу, написанная Дмитрием Болеславовичем Пигутой, встречалась Кравковым в штывы, в свою очередь все предложения по очистке городов, выдвигаемые школой Кравкова, вызывали ожесточённую критику со стороны Пигуты. Правда, последнему приходилось труднее. Кравков был уже известной, можно даже сказать, знаменитой личностью, а Пигута – обыкновенный рядовой санитарный врач, да ещё с неуживчивым, принципиальным и поэтому трудным характером.

Так вот, как впоследствии Борису пришлось не раз убеждаться, и происходит «война» между учёными, расходящимися во мнениях иногда по пустяковым поводам, но часто из-за этого мешающим друг другу и задерживающим развитие науки. Говорят, что в спорах рождается истина, и это, пожалуй, верно, но следовало бы оговориться, что в спорах чисто полемических, когда они не переходят в «войну Алой и Белой розы», если спорящие ограничиваются словесными или письменными диспутами, а не стараются для доказатель-

ства своей правоты вставлять противнику палки в колёса при практическом проведении той или иной работы. Но, впрочем, это уже философия, хотя и не лишённая определённого смысла.

После завтрака молодёжь решила отправиться в кино. А дядя Митя и его жена опять взялись за огород. Оба они уговаривали Бориса после кино вернуться обедать, но он сослался на занятость и отказался.

В кино шла новая комедия «Светлый путь». Как всегда, в главной роли была обаятельная Любовь Орлова, да и вообще картина всем понравилась. После кино Костя и Катя провожали Бориса до ближайшей остановки трамвая, и, обсуждая достоинства картины, Катя между прочим сказала:

– Вот ведь, всё хорошо так у неё получилось, потому что она избрала для себя тот путь, который её захватил, который ей нравился... Ну, а вот я? Учусь на этом самом гигиенфакультете, хотя к санитарному делу не только никакого пристрастия не имею, а даже, наоборот, отвращение какое-то!

– Так зачем же ты пошла на этот факультет? – изумился Борис.

Костя заметил:

– Видишь ли, родители Кати очень хотели, чтобы она стала врачом, а сейчас девушке попасть в мединститут очень трудно. Она сдавала, по конкурсу не прошла, ну, а на сангигиенический недобор был. Ей предложили, она согласилась, так и учится сейчас на санитарного врача.

– А почему же ты, Катя, через год не перешла на лечебный? – спросил Борис.

– Пришлось бы целый год терять, переводили только на курс ниже, ну, а у нас в семье очень тяжело: работает один папа, старшая сестра Саша всё время болеет, с сердцем у неё неладно. А тут ещё и с мужем у них ссоры пошли. Вот мне и хочется поскорее на ноги встать.

– Ну а теперь? Теперь же ты с Костей, для семьи обузы не представляешь, надо теперь переходить!

Костя рассмеялся:

– Ты что, папу не знаешь? Да об этом и заикнуться нельзя! Он так рад, что в его семье будет санитарный врач, который, может быть, продолжит его борьбу по тем вопросам, по которым он ещё пока победить не может! Нет, сейчас об этом мы и мечтать не можем. Вот закончим институт, тогда что-нибудь и придумаем. А может быть, и Катя в конце концов смирится со своей специальностью.

– Ни за что! – вырвалось у Кати. – Но пока приходится покориться, – закончила она уже другим тоном.

– Вот, Борис, твой трамвай, садись. До воскресенья, – и они замахали руками.

В течение всего пребывания на курсах Борис почти каждое воскресенье проводил в семье Пигуты и чувствовал там себя очень хорошо. Дядя Митя относился к нему как к коллеге, т. е. как к равному, а так как в лечебных вопросах он был не силён, то все замечания и высказывания Бориса на

эти темы воспринимал с уважением и доверием.

Анна Николаевна, убедившись, что из разгильдяйского, хотя и способного, подростка вырос серьёзный, развитой и достаточно умный человек, к тому же, похоже, грамотный врач (а она об этом судить могла, так как работала в городской поликлинике № 71 бок о бок с врачами и имела представление об их медицинской эрудиции), прониклась к нему большим уважением. Зная по прежней жизни Бориса его хозяйственную смётку и ум, она очень часто советовалась с ним по многим домашним делам и всегда получала не только дельный совет, но часто и практическую помощь. Благодаря этому Борис у Анны Николаевны стал пользоваться непрекаемым авторитетом. Часто, принимая какое-либо решение, она говорила:

– Так посоветовал Борис. Так сказал Боря, – и это было окончательным аргументом, против которого никто в семье Пигута не возражал.

Нечего и говорить, что Борис, видя такое отношение к себе, старался изо всех сил не ударить лицом в грязь. Благодаря своей общительности, своему весёлому и бодрому настроению, он быстро завоевал расположение молодёжи и семьи Кати.

Глава седьмая

Вернёмся к курсам. Там события развивались своим чередом. После сдачи экзаменов у профессора Огнева все курсанты были распределены по различным клиникам. Выше мы уже говорили, что часто учёные к одному и тому же вопросу подходят с различных точек зрения. Это касалось гигиены, то же самое имело место в терапии и в хирургии. В тот период времени в Москве было несколько видных хирургов, разработавших свои принципы в лечении заболеваний, имевших свои, можно даже сказать, причуды, но в то же время и свои школы. Работавших у них ассистентов и ординаторов они заставляли следовать своей методе. Тогда не было Академии медицинских наук, где споры о том, чья система более правильная, могли бы решаться на заседаниях в научной полемике. Каждый руководитель говорил, что только его метод, только его способ лечения является наилучшим, а то, что делает его противник, в лучшем случае дилетантство или даже недостаточная медицинская грамотность, а то и просто блажь.

В то время было несколько хирургов, известных своими школами. Профессор С. С. Юдин – знаменитый хирург, виртуоз, прославившийся на весь мир и часто приглашаемый для проведения операций за границу. Профессор А. В. Вишневский, также известный во всём мире благодаря введён-

ной и разработанной им технике местной инфильтрационной новокаиновой анестезии и применению масляно-бальзамической повязки. Профессор Гориневская, прославившаяся своими знаменитыми трудами по травматологии. Профессор Шаак, издавший самый распространённый учебник по хирургии, служивший много лет настольной книгой почти для всех хирургов. Профессор Фридлянд, проводивший уникальные операции на почках. И это только в Москве, а были такие же знаменитости, внесшие огромный вклад в дело развития медицины СССР, и в других городах: профессор Джаналидзе в Ленинграде, профессор Богораз в Ростове-на-Дону и многие, многие другие.

Так вот, видимо, желая максимально воспользоваться достижениями медицины, руководство Наркомздрава и ЦИУ решило этот особый цикл так называемых сельских хирургов разбить между всеми школами, чтобы к каждому из ведущих хирургов прикрепить по две-три группы. Благодаря этому Борис Алёшкин вместе со своей и ещё одной группой попал на постоянное обучение в клинику профессора А. В. Вишневого. Здесь они сразу же столкнулись с целым рядом особенностей, которые многих из слушателей, имевших за плечами уже несколько лет хирургической практики, огорошили.

В клинике Вишневого не было никаких наркозных аппаратов, и начисто отсутствовали такие вещества, как эфир и хлороформ. Все операции, а их делалось немало, и многие

из них были очень сложны (например, резекция желудка, резекция лёгкого и др.), проводились под местной анестезией.

Некоторым немолодым курсантам проведение серьёзных операций под местной анестезией казалось страшным и даже просто невозможным, но, побывав в операционной клиники, а также убедившись в благополучном послеоперационном периоде у больных, почти все они уверовали в этот метод. Про таких же зелёных новичков как Борис Алёшкин, хотя их было и мало, и говорить нечего: методика Вишневского их просто покорила своей простотой, доступностью и эффективностью. Многие, правда, не сразу поняли, что хороший результат можно ожидать лишь в том случае, если техника местного обезболивания будет доведена оперирующим хирургом до совершенства. Такой совершенной техникой в клинике А. Б. Вишневского в то время обладали, прежде всего, его сын А. А. Вишневский, профессор В. И. Пшеничников, доцент Ю. О. Зак и некоторые другие.

Это основное правило Борис понял и усвоил. Поэтому с первых же дней занятий он изо всех сил старался как можно лучше овладеть техникой инфльтрационной анестезии, и это ему удалось. К концу занятий ему доверяли анестезию при самых сложных операциях, в которых он принимал участие как ассистент. Так с В. И. Пшеничниковым Алёшкин оперировал (ассистируя и проводя местную анестезию) резекцию коленного сустава, у А. А. Вишневского анестезировал и ассистировал на операции по удалению части право-

го лёгкого, с Юлием Осиповичем Заком, который был непосредственным руководителем их группы, Борис сделал не один десяток самых разнообразных операций, причём в конце цикла он уже весь процесс апендэктомии также, как и анестезии, для каждой операции вёл самостоятельно, хотя и под наблюдением Зака.

В качестве зачётной экзаменационной работы Алёшкину была поручена мамэктомия (полное удаление грудной железы) при раке этой железы, естественно, под местной анестезией. Операция прошла удачно, ассистировал ему Соколовский, а в качестве наблюдателей, кроме курсантов их группы, находились Ю. О. Зак и сам А. В. Вишневский. Больная ни разу не вскрикнула, и Борис, и Александр Васильевич во время операции с ней разговаривали.

За эту работу Алёшкин и Соколовский получили отличную оценку. Вишневский, ставя отметку в зачётной книжке Бориса, предложил ему остаться у него в клинике ординатором. Борис был очень польщён таким предложением, но рассказал профессору о своём семейном положении, о тех трудностях, в которые попала его семья из-за его учёбы, о том, что у него ещё почти нет врачебного стажа и что ему просто необходимо поработать самостоятельно. Александр Васильевич его понял. Пожимая Борису руку, он сказал:

– Ну что же, молодой человек, я думаю, что хирург из вас получится. Ваше решение одобряю, поезжайте домой, поработайте на селе – это полезно. А когда надумаете пойти в

большую хирургию – милости прошу, напишите, работу для вас найду.

Николай Соколовский присутствовавший при этом разговоре, конечно, разболтал о нём среди курсантов, и многие советовали Алёшкину изменить своё решение, воспользоваться предложением Вишневого и остаться в Москве. Борис даже засомневался, но как вспомнил, в каком бедственном положении находится его семья, как представил себе всех своих дочек, одетых в старенькие ситцевые платица, к тому же единственные, как подумал, что и у него, и у его Катеринки тоже, по существу, нет ни одежды, ни белья, а тут ещё надо будет суметь найти квартиру, да ведь и зарплата ординатора будет почти втрое меньше того, что он получает. «Нет, нет, – решил он, – пока наука не для меня! Надо опериться, хоть немного поставить на ноги семью, а там уж можно будет и о дальнейшем совершенствовании подумать».

Между прочим, единственным человеком, кому Борис рассказал о полученном предложении и о принятом решении, была Анна Николаевна Пигута. Выслушав его, она задумалась, а затем сказала:

– Правильно, Борис. Семья – это большое дело! Хорошо, что ты о ней подумал. Твой дядя как-то никогда путём о своей семье, т. е. о нас с Костей, не думал, вот ничего путного и не получилось, – и она тяжело вздохнула.

Дней за десять до окончания курсов руководство решило всех курсантов ознакомить с работами каждого из веду-

щих хирургов. Таким образом, группа Алёшкина побывала в клиниках Юдина, Гориневской, Приорова и др. Из всех этих посещений Борису запомнилось больше всего время, проведённое в клинике Юдина. Может быть, это произошло потому, что нигде больше не говорили с такой злобой об А. В. Вишневском (ставшим для Бориса кумиром), как это делал С. С. Юдин. Он прямо-таки ненавидел Вишневского. В его критике местного обезболивания было столько яда и желчи, что Алёшкин просто недоумевал (как, впрочем, и многие): как это такой талантливый и одарённый человек в своей злобе мог пасть столь низко.

В первый день Юдин прочёл группам, прибывшим от Вишневского, три лекции: «Об искусственном пищеводе», «О полной резекции желудка», «О ликвидации поврежденной подвздошной артерии». Сергей Сергеевич обладал даром отличного оратора и, конечно, его лекции по своей эффективности и артистизму во многом превосходили лекции Вишневского. Последний рассказывал очередную тему спокойным, будничным тоном, даже как бы нехотя, и не очень интересуясь тем, слушают его или нет. У Сергея Сергеевича всё было рассчитано на эффект: каждая фраза, каждый жест и даже то, что его речь сопровождалась демонстрацией кинофильма, снятого у него же во время той или иной операции, о которой он рассказывал.

На второй день группы присутствовали на показательной операции, которую делал С. С. Юдин. Это была обычная ре-

лекция желудка, курсанты видели их уже довольно много в клинике Вишневого, а Борис в одной из них даже принимал участие, но здесь, как и на лекциях, всё было обставлено, словно в театре. Когда курсанты заняли свои места, в операционную была привезена уже спящая больная (её ещё в палате усыпили гексоналом), следом появились две молоденькие сестры и встали за предназначенные им столики, затем зашли два ассистента и приступили к обработке операционного поля, т. е. стали мазать живот пациентки йодом. Одна из сестёр подала им стерильные простыни, которыми они укутали больную, оставив живот открытым. Затем плавно и с какой-то особой важностью вошла уже немолодая, милостивая женщина – старшая операционная сестра и встала за главный инструментальный стол. При её появлении младшие сёстры замерли, как кролики перед глазами удава, а оба ассистента как-то подобрались.

— Это Марина, она с ним на все операции ездит. Он без неё ни одной операции не делает, – шепнул всезнающий Соколовский.

Но вот в открытую дверь из предоперационной вошёл, наконец, и сам Сергей Сергеевич Юдин. Оперировал он сидя. Опустившись на высокий крутящийся табурет, хирург начал разминать свои длинные тонкие пальцы, как это делают пианисты. Руки у него действительно были необыкновенными: белые пальцы казались невероятно длинными и гибкими.

Марина протянула Сергею Сергеевичу скальпель, кото-

рый он даже не взял, а как-то на лету подхватил, и одним быстрым движением рассёк брюшную стенку от мечевидного отростка чуть ниже пупка. Одним движением прошёл сквозь кожу, подкожную клетчатку, фасцию и брюшину. Ассистенты быстро защёлкали зажимами, останавливая кровотечение из перерезанных сосудов, а Марина уже протягивала им новую стерильную простыню, чтобы обложить её вокруг раны.

В клинике А. В. Вишневого весь этот процесс происходил постепенно и неспешно: после вскрытия очередного слоя тканей проводилась новая инъекция новокаина в следующий слой. Но в тоже время там на такой операции было занято всего три человека: хирург, ассистент и операционная сестра. Здесь же было четыре врача (раньше мы забыли упомянуть о враче-анестезиологе, который появился в операционной вместе с больной и всё время находился около её головы, рядом стоял маленький столик с эфиром и маской) и три операционных сестры.

Сергей Сергеевич сказал:

– Итак, мы рассекли брюшную полость, теперь нам предстоит отделить желудок, вывести его в рану, резецировать и сшить культю с двенадцатиперстной кишкой. У больной пенетрирующая язва желудка, и мы будем делать операцию по Бильрот II. На всякий случай, чтобы больная не проснулась и не почувствовала боли, мы в полость брюшины вольём ещё раствор пентотал натрия.

Получив поданный пинцетом Марины маленький флакон, он жестом фокусника содержимое его вылил в брюшную полость пациентки.

– Как видите, нам не чужды методы и местного обезболивания, но мы не являемся, как некоторые фанатики, вроде профессора Вишневого, его слепыми поклонниками. Мы используем тот вид наркоза и ту комбинацию наркотических веществ, которая наиболее удобна.

– Тебе хорошо говорить! – сердито прошептал Соколовский. – А попробуй-ка, достань где-нибудь гексонал, а уж о пентотале натрия и вообще говорить нечего! Это средство только из Америки присылают. Да и народу-то сколько в операционной, а у меня всего один хирург и одна операционная сестра! Да, такие условия не для нас...

Кто-то из соседей толкнул локтем Николая, и тот вынужден был замолчать.

Слушая Соколовского, Борис, тем не менее, внимательно следил за работой профессора Юдина. Пальцы того мелькали с непостижимой быстротой и ловкостью. Персонал был настолько хорошо обучен, можно было даже сказать, выдрессирован, что хирургу не пришлось сказать ни одного слова. Нужный ему в данный момент инструмент всегда оказывался протянутым к его руке, он брал его не глядя, и всегда получал то, что хотел. Более того, Марина успевала смотреть и за действиями ассистентов и помощниц и какими-то, почти неуловимыми жестами и взглядом своих чёрных глаз подска-

зывала им, что они должны взять или делать.

Операция была закончена через 35 минут. Алёшкин знал, что у Вишневого на неё уходило более часа, а то и полутора. Расходясь, курсанты переговаривались об удивительной быстроте, ловкости хирурга и замечательно слаженной работе всего персонала, но почти все делали те же замечания, что и Соколовский. Борис молчал. Он был восхищён работой Сергея Сергеевича и в душе, соглашаясь с замечаниями Соколовского и с тем, что здесь очень много показного, рассчитанного на эффект, он не мог не признать, что все действия Юдина настолько безупречны по своей точности и аккуратности, что как бы там ни было, а он действительно не только хирург с большой буквы, но ещё и артист своего дела. Как же Борису хотелось хоть немного научиться той отточенности и ловкости движений, которые он сейчас наблюдал!

Одновременно с постоянной работой в клинике Вишневого группа Алёшкина, как и другие, посещали замечательные лекции по истории партии, читавшиеся Н. М. Свердловым. Курсанты слушали лекции и принимали участие в практических занятиях по военно-санитарной практике, проходили курс военно-полевой хирургии, курс противохимической защиты и дежурили раз в неделю в отделении неотложной хирургии в институте имени Склифосовского или в больнице имени Боткина. Ко всем занятиям Борис Алёшкин относился с большой серьёзностью и увлече-

нием. Немудрено поэтому, что в последний день занятий, 30 декабря 1940 года, когда все курсанты собрались в аудитории, его вызвали в числе первых, чтобы вручить свидетельство об окончании курсов сельских хирургов, в котором против всех дисциплин стояла отметка «отлично». Ему, как и ещё пяти курсантам, от имени руководства ЦИУ был вручён подарок – «Справочник хирурга», только что вышедший из печати.

За день до этого, в воскресенье, Борис попрощался с семьёй дяди Мити, и поэтому сразу же после окончания торжественного собрания в ЦИУ бросился по магазинам, чтобы купить что-нибудь из продуктов и из одежды в подарок своим. Ещё ранее он приобрёл весь намеченный им хирургический инструментарий, после этого осталось немного денег. Кроме того, ему удалось сэкономить кое-какие деньги из стипендии. Его товарищи давно поняли, в каком стеснённом материальном положении находился Алёшкин, и поэтому все расходы на развлечения, а часто и на питание – ужин и завтрак, брали на себя. Это стесняло Бориса, но его друзья делали это в такой форме, что отказаться от их помощи было просто неудобно. Таким образом, он и сумел приобрести кое-что для детей и Кати. Из писем жены он знал, что в последнее время в Александровке стало плохо с продуктами, особенно с такими, как масло, сахар, сыр; колбасы не было и раньше. Среди курсантов ходили слухи, что вывозить продукты из Москвы не разрешается, и якобы на вокзалах

сотрудники линейных отделений Транспортного отдела ГПУ отбирают у пассажиров продукты, которые они с собой пытаются увезти. Но несмотря на это, врачи делали покупки и упаковывали их в чемоданы.

Действительно, перед отъездом на Курском вокзале у Алёшкина, как и у других пассажиров его поезда, чемоданы были проверены, но, видно, количество увозимых Борисом продуктов было настолько незначительным, что не привлекло внимание проверявших. Может быть, некоторое послабление ему было сделано и потому, что он ехал по воинскому билету (и туда, и обратно он предъявлял литер, выданный военкоматом). Так или иначе, он беспрепятственно сел в поезд со всем своим багажом и поздним вечером 31 декабря 1940 года уже выходил на станции Котляревская в своём районном центре – посёлке Майское.

Телеграмму о времени приезда он не давал, но, на его счастье, с этим же поездом откуда-то ехал директор завода Текушев. Они встретились на вокзале, и последний, узнав Бориса, предложил ему место в своей машине. В Александровке директор вышел около завода, а Борис доехал до дома и, к великой радости всех своих дочерей, Кати и даже домработницы Нюры, за несколько часов до нового, 1941 года торжественно появился в своей большой кухне, где в тот момент собралась вся семья. Нечего и говорить, что всё привезённое им – обувь, материя, платья и продукты – было встречено с ликованием.

Глава восьмая

Вскоре после приезда Бориса Нюра, получив свой подарок из Москвы, ушла встречать Новый год домой. Дети кое-как дождались двенадцати часов, причём Майя уже совсем спала за столом, покушали приготовленных закусок и тоже отправились спать. Не спали лишь Борис и Катя. Они забрались на свою импровизированную двуспальную кровать, и тут, оставшись одни, смогли спокойно поговорить. Катя рассказала, как сумела отбиться от назойливых притязаний Текушева, преодолеть вражду и даже достичь более или менее нормальных взаимоотношений с его женой; как ей, благодаря огромной природной трудоспособности, настойчивости и достаточному опыту в канцелярской работе, удалось фактически стать не только необходимым, но, собственно, почти незаменимым работником конторы завода; как вследствие этого, умея сходитья с людьми, она наладила достаточно хорошие отношения с бухгалтером Топчинянцем, главным инженером Котовым и его женой, начальником отдела кадров Станицким, секретарём партячейки Любавиным, председателем месткома и многими другими. У неё завязалась настоящая дружба с зав. складом Пряниной.

Рассказала Катя, что почти весь медперсонал больницы и амбулатории к ней относился очень хорошо, исключение только составлял один А. И. Чинченко, который, хотя от-

крыто своей враждебности не проявлял, но был подчёркнуто официален и сух.

Совсем по-другому сложились отношения между Катей и акушеркой Матрёной Васильевной и её сестрой. Эти две пожилые женщины приняли Катерину как близкого, почти родного человека, и она у них всегда находила самое дружеское расположение и помощь.

– Так что, – закончила свой рассказ Катя, – я без тебя тут совсем уже обжилась, и мне кажется, что можно прожить в Александровке долгие годы, пока не вырастут дети, а уж тогда, окрепнув материально, оперившись, так сказать, и переезжать в какой-нибудь большой город. А ты как думаешь? – немного обеспокоенно спросила она молчавшего до сих пор Бориса.

Её беспокойство было понятно: дело в том, что среди медперсонала больницы и амбулатории циркулировали слухи, что, дескать, теперь, когда Борис Яковлевич повысил свою квалификацию как хирург, он вряд ли захочет сидеть в какой-то участковой больнице, а будет стремиться перебраться в город. Как потом стало известно, источником этих слухов был Чинченко, которому очень хотелось, чтобы они сбылись, и врач Алёшкин, как и его предшественники, поскорей бы убрался из Александровки, оставив её в полном распоряжении старого фельдшера. Даже недолгое пребывание молодого, но значительно более эрудированного медика, уже в какой-то мере подорвало авторитет Чинченко, и ему доволь-

но часто приходилось слышать в ответ на свои советы такие замечания больных: «А доктор Алёшкин советовал делать вот так» или «А доктор Алёшкин мне выписывал вот это лекарство, и оно мне помогло». Эти и подобные им замечания больно били по самолюбию старого фельдшера, и он очень хотел, чтобы новый врач как можно скорее покинул станицу. Как опять-таки потом выяснилось, Чинченко даже предпринял в этом деле некоторые шаги, посоветовав новому зав. райздравом фельдшеру Симоняну перетащить Алёшкина в Майскую больницу.

Выслушав рассказ своей Катеринки, Борис некоторое время молчал, затем твёрдо сказал:

– Ну что же, Катя, ты права! Как бы мне ни хотелось вплотную заняться хирургией, но надо, в конце концов, подумать и о тебе с детьми! Кроме того, я и здесь свои хирургические стремления не заброшу. Думаю, что колхоз и завод мне помогут, и мы пристроим к своей больничке хирургический блок, ведь если большая часть хирургических больных будет лечиться здесь, на месте, а не отправляться в Майское или Муртазово, то это и для колхоза, и для завода будет только выгодно. Так что проживём здесь ещё лет десять, нам ведь спешить некуда.

Услышав этот ответ, Катя радостно засмеялась, обняла своего Борьку и, прижавшись к нему, прошептала:

– А я так и знала, что ты так решишь, так и знала!

И не думали они тогда, счастливые, любящие друг друга,

что очень скоро, даже слишком скоро все их планы поломаются, все их мечты рассыплются в прах, и что жизнь, которую они уже рисовали себе, как спокойную, весёлую и радостную, поставит перед ними огромные трудности и испытания.

На следующий день, 1 января 1941 года, наскоро позавтракав, Алёшкин помчался в больницу. Там уже собрался почти весь коллектив. В селе, а также, естественно, и в станции, новости распространяются с удивительной быстротой, и уже весь медперсонал станции знал о его возвращении. Это известие опровергло первый слух о том, что Борис Яковлевич вообще в Александровку не вернётся. Многие надеялись, что и второй – о том, что он в станции не останется, тоже будет опровергнут. Почему-то всем он пришёлся по душе. Персонал встретил его радостно и приветливо. Не успел он сбросить свой старенький кожаный халат, как медсестра Нюся протянула ему накрахмаленный халат и с гордостью сообщила, что теперь у них достаточно белья и халатов. Перед отъездом на курсы Борис поручил Василию Прокопычу обязательно получить в райздраве и на заводе деньги для приобретения материала, нового белья и халатов, об этом он заранее договорился в райздраве. Раиса Иосифовна, до смерти обрадовавшись тому, что Алёшкин согласился заменить её мужа, без сопротивления выделила за счёт Майской больницы необходимые деньги для приобретения инвентаря. Удалось уговорить и Текушева, он тоже расщедрился на неболь-

шую сумму. Теперь, к возвращению заведующего, уже был создан довольно значительный запас белья и халатов. Нечего и говорить, что Бориса это очень обрадовало.

Обрадовало его и то, что порядок, заведённый им в больнице, продолжал неукоснительно соблюдаться. На каждого больного велась история болезни, и у каждой кровати висел температурный лист. Госпитализированных было всего пять человек, и документы на них содержались в образцовом порядке. Правда, из-за занятости, а в последнее время и по состоянию здоровья Антона Ивановича, записи в историях болезни делались медсёстрами, и по своей медицинской грамотности они оставляли желать много лучшего, но всё-таки делались, а это главное.

Осмотрев больных, находившихся в больнице, и дав назначение дежурной сестре, Борис посоветовал всем свободным работникам поскорее разойтись по домам и праздновать Новый год как положено, а сам отправился в амбулаторию. Выходя из больницы, он обратил внимание на большую кучу камней, порядочный штабель самана и десятка два брёвен, сложенных у плетня рядом со входом в больницу. Василий Прокопыч объяснил, что этот материал доставлен управлением колхоза для пристройки к больнице:

– Товарищ Прянин сказал, что как только Борис Яковлевич вернётся и даст чертежи пристройки, так колхоз сейчас же выделит строителей.

Это была радостная весть, поэтому в амбулаторию Алёш-

кин пришёл в самом приподнятом настроении духа.

Амбулатория не работала уже несколько дней, так как фельдшер Чинченко был болен. Борис прошёл чёрным ходом прямо в квартиру Антона Ивановича. Там его, очевидно, не ждали, и появление врача внесло некоторое смятение.

Войдя в кухню, Борис увидел празднично накрытый стол, за которым сидели жена Чинченко – деbeatая, солидная женщина лет пятидесяти и фельдшер заводского здравпункта Горностаев, самого Антона Ивановича не было. Завидев Алёшкина Пётр Кузьмич вскочил и стал поспешно прощаться с женой Чинченко. Приоткрыв дверь в комнату, где находился больной, он и ему крикнул прощальные слова. После этого Горностаев, беспрестанно извиняясь и пятась как-то боком, поспешно выскочил в сени. Даже за это очень короткое время Алёшкин успел заметить, что фельдшер находился в сильном подпитии: движения его были порывисты, и равновесие он сохранял с трудом.

Жена Чинченко, с которой Борис почти не был знаком, стала зачем-то вытирать табуретку и приглашать его к столу. Он разделся и сказал:

– Спасибо, я только что позавтракал. Разрешите мне пройти к Антону Ивановичу и посмотреть, что с ним такое.

Чинченко, услышав голос Бориса, крикнул из своей комнаты:

– Пожалуйста, Борис Яковлевич, сделайте милость, уж посмотрите старика, что-то я расклеился совсем, больше неде-

ли валяюсь.

Алёшкин прошёл в комнату. Фельдшер лежал в постели осунувшийся, небритый несколько дней, укутанный двумя ватными одеялами. В комнате было душно и жарко.

– Здравствуйте, Борис Яковлевич, с приездом! Как, совсем или скоро опять уедете? – задал Антон Иванович, видимо, самый волнующий его вопрос.

– Здравствуйте, – ответил Борис и, решив поставить все точки над и, продолжал, – совсем, Антон Иванович, совсем! Решил ускорить строительство хирургического блока. Больницу расширим, так что работы нам прибавится, будем работать вместе. Поправляйтесь скорее, а пока дайте-ка я вас послушаю, раздевайтесь.

После опроса, осмотра, простукивания и выслушивания больного, Алёшкин пришёл к выводу, что у Чинченко воспаление правого лёгкого. Вынося это заключение, он пожалел, что в Александровке нет рентгеновского аппарата, чтобы подтвердить установленный им диагноз, а везти температурящего больного в Муртазово или Майское не было смысла. Тем более что, как решил Борис, кризис уже миновал. Чинченко сказал, что температура до 40 у него держалась несколько дней, а вот уже второй день, слава Богу, упала до 37,2 градусов. Лечился он аспирином, да чаем с сушёной малиной. Приходил Пётр Кузьмич.

– Да от него толку, как от козла молока, – заметил больной. – Он, кажется, и трубку-то держать разучился, а не то,

чтобы в неё что-либо услышать.

Хотел было Алёшкин заметить, что в том, что Горностаев так опустился и дисквалифицировался, большая вина и его самого, да вовремя сдержался.

Во время обследования Антона Ивановича он выявил, что сердце у этого пожилого человека со своими обязанностями справляется неплохо, очевидно, разрешение пневмонии идёт вполне удовлетворительно. Если к этому добавить отхаркивающую микстуру и порошки белого стрептоцида, который Борису удалось достать в Москве, то фельдшер дней через десять встанет на ноги.

Взяв у больного ключи от аптечного шкафа, Борис прошёл в амбулаторию. Смешав из имевшихся настоек и кодеина необходимую микстуру от кашля, налил её в пузырёк и принёс Антону Ивановичу. Здесь он наказал его жене, чтобы она регулярно, три раза в день поила лекарством больного и давала ему порошки, которые он пришлёт. Аспирин и малинового чая больше пить не советовал.

– Хорошенько кормите мужа, он теперь есть будет. Курочку ему сварите, – сказал он на прощание. – А вы, Антон Иванович, лежите и не смейте вставать с постели, пока я вам не разрешу.

– Да, удержишь его, – сказала жена, – он завтра амбулаторный приём проводить собирается.

Алёшкин засмеялся:

– Ну нет, этого мы ему не позволим. Приём буду прово-

дить я, а его с постели не спускайте, пока я не скажу. Спрячьте штаны и сапоги подальше, вот он никуда и не уйдёт!

Через полчаса Борис уже сидел в уютной, чистой и тёплой комнатке акушерки Матрёны Васильевны, где за весело шипевшим самоваром его уже ждали и обе сестрицы-старушки, и его Катеринка. После чая с очень вкусными пирожками, испечёнными Надеждой Васильевной (она любила кулинарить), все четверо засели за преферанс и проиграли до вечера. Их дочери под присмотром Нюры с кучкой собранных ими подруг играли дома, рассматривали привезённые папой подарки. Конечно же, Борис, помимо продуктов, материи и одежды, купил своим дочерям и книжки, и игрушки. Всё это было новое, московское, и потому возбуждало всеобщий интерес.

Вечером в заводском клубе шло кино – вещь для Александровки довольно редкая. Старшие Алёшкины отправились в клуб, показывали картину «Юность Максима». Собственно, это была уже не новая картина, и в Москве Борис успел посмотреть все три фильма, посвящённых Максиму, но для александровских жителей это была ещё новинка. Конечно, всем, в том числе Кате и Борису, понравился замечательный Максим (Борис Чирков). Пожалуй, именно с этой картины киноартист стал одним из любимейших в семье Алёшкиных.

В кино они встретились с Пряниными, и пока Катя и Дуся занимались обсуждением своих женских и заводских дел, сам Прянин решил прощупать Бориса. Он спросил напря-

мую:

– Ну, что же, Борис Яковлевич, попрощаться приехал? Выучился, теперь, наверно, в Майском, а может быть, и в Нальчике хирургом работать будешь?

Борис улыбнулся:

– Успокойся, Фёдор Николаевич, никуда я от вас не уеду, по крайней мере, в течение нескольких лет. Очень хочется больницу до ума довести и поработать в ней. Да и по семейным делам мне пока никуда трогаться нельзя. Сам видишь, семья у меня немаленькая, а все ведь голенькие! Ну-ка, прокорми да одень такую ораву, тут уж не до переездов. А знания, которые я получил, и здесь пригодятся. Так-то вот.

Прянин, обрадовавшись словам Алёшкина, сказал:

– Вот за это молодец! Сразу же начнём пристройку к твоей больнице, колхоз во всём поможет. Да и на директора поднажмём. Только давай, работай!

Больше поговорить им не пришлось – свет в зале потух, и началось кино.

На другой день, после осмотра больных и двухчасового приёма в амбулатории, Алёшкин решил ехать в Майское: нужно было доложить о прибытии в военкомат и райздрав, получить кое-какие медикаменты. Вчера, когда он готовил лекарства для Чинченко, заметил, что аптечный шкаф был почти пустым.

Военком, к которому зашёл Борис, принял его очень тепло, расспросил об успехах. Когда Алёшкин предъявил своё

свидетельство об окончании курсов с отличными оценками, остался очень доволен. С некоторым смущением он заметил:

– Знаешь, Борис Яковлевич, до сих пор не пришло из Нальчикского облвоенкомата присвоение тебе специально-врачебного звания «военврач третьего ранга». Понять не могу, чего они там так долго валандаются, ну да я на днях поеду в Нальчик, попробую пробить это дело. Так что пока, товарищ лейтенант, давайте не взводом командуйте, а лечите больных.

В райздраве были новости. Бывшая зав. райздравом Раиса Иосифовна, уехав с мужем в отпуск в Ростов-на-Дону, где они закончили институт, сообщила, что назад не вернётся, так как останется жить у больной матери. Райисполком временно назначил на эту должность её заместителя – фельдшера Симоняна.

Возвращение Алёшкина после окончания московских курсов Симоняном было встречено без особого энтузиазма: он полагал, что Борис будет претендовать на должность заведующего хирургическим отделением в Майской районной больнице (эта должность была теперь свободна), а обосновавшись в Майском, может стать кандидатом и на должность зав. райздравом. Симонян же к командным высотам, даже в районном масштабе, привык и очень любил их, ведь до приезда в Майское Раисы Иосифовны именно он в течение нескольких лет заведовал райздравом. С её назначением вынужден был перейти на второе место и теперь, когда появи-

лась возможность выбраться наверх, приехал Алёшкин, и его положение стало неустойчивым. Симонян уже успел узнать, что райвоенком звонил в райком ВКП(б) и рекомендовал именно Бориса на должность зав. райздравом. Их встреча прошла довольно холодно, тем более что не успел Алёшкин появиться в райздраве, как туда позвонили по телефону из райбольницы и просили направить его для срочной консультации по поводу хирургического заболевания только что доставленной жены директора Котляревского конопляного завода. Симонян передал эту просьбу Борису, тот, разумеется, отправился туда, но попросил своего начальника дождаться его в райздраве для серьёзного разговора. С большим неудовольствием Симонян дал согласие на эту встречу. Он предполагал, что Борис будет настаивать на переводе его в Майское, и уже заранее подготовил ряд возражений, одним из которых было то, что фельдшер Чинченко болен, и оставлять такой большой участок без медицинской помощи сейчас просто нельзя. Он, конечно, помнил просьбу Антона Ивановича забрать Алёшкина из Александровки, но сейчас рассуждал по-другому: своя рубашка ближе к телу. Разумеется, ничего этого Борис в то время не знал, и все эти «тайны мадридского двора» стали ему известны лишь через несколько месяцев.

Придя в больницу, Борис Яковлевич застал растерянных и немного испуганных врачей, заметно обрадовавшихся его появлению. Там по штату полагался заведующий и два заве-

дующих отделениями, на тот момент в больнице находился заведующий – терапевт со стажем около десяти лет и зав. терапевтическим отделением – совсем ещё молоденькая врач, окончившая институт два года тому назад, хирурга не было. В поликлинике и больнице эти должности занимал муж Раисы Иосифовны. Когда в райздраве узнали о том, что супруги в Майское не вернутся, то Симонян послал запрос в Наркомздрав Кабардино-Балкарии. Ему ответили, что раньше осени 1941 года хирурга ждать не следует. Пока всех хирургических больных, требовавших врачебного вмешательства, отправляли в больницу на станцию Прохладное или в Нальчик. Приём амбулаторных больных и простейшие операции проводил старый фельдшер Костенко, в тот момент он тоже находился в больнице, но никакой помощи больной оказать не мог. Вызывая Алёшкина, заведующая больницей не рассчитывала на то, что он сумеет что-то сделать, но надеялась, что он хотя бы уговорит больную на отправку в Прохладное.

Борис узнал, что женщина около месяца тому назад родила, и после родов у неё всё время болела правая грудь. Несколько дней тому назад температура внезапно поднялась до 40 градусов, грудь стала твёрдой, как дерево, и при малейшем прикосновении вызывала сильную боль. Даже ещё до осмотра, со слов врачей, описавших ему вышеприведённые симптомы, Алёшкину стало ясно, что здесь речь идёт о гнойном мастите. Единственный способ, который мог помочь в этом случае, а может быть, даже и спасти больную, –

это немедленное вскрытие глубокого воспалительного очага (ведь никаких терапевтических средств для борьбы с гнойной инфекцией тогда не было – ни пенициллина, ни стрептомицина, ни сульфаниламидных препаратов – о них тогда ещё просто не знали). Ехать на операцию в прохладненскую больницу больная отказывалась потому, что туда не брали с ребёнком, следовательно, его пришлось бы отнимать от груди и переводить на искусственное вскармливание в месячном возрасте, что в то время тоже было немалой проблемой. Здесь же, в Майском, их госпитализировали вдвоём, да и до дома было всего несколько километров. Врачи-терапевты и фельдшер Костенко не решались оставлять больную без хирургического вмешательства, а операцию делать было некому.

После того, как Борис узнал от врачей о положении больной, он захотел её осмотреть. Ему дали халат. Зайдя в палату, где находилась женщина, а на соседней койке – спящий ребёнок, Алёшкин понял, что операция необходима прямо сейчас, промедление могло привести к сепсису. Как выяснилось, больную и так привезли уже поздно: более недели её лечили дома самыми различными средствами – всевозможными компрессами и припарками из печёного лука и даже из сырого мяса. Женщина была почти без сознания, с заострившимся носом, сухими потрескавшимися губами и ярким румянцем на смуглых щеках. Она тяжело и прерывисто дышала.

Алёшкин решился. Повернувшись к сопровождавшим его врачам, он твёрдо сказал:

– Ну что же, сейчас мы её прооперируем, и всё будет в порядке.

– Доктор, – вполголоса обратилась к нему заведующая больницей, – я её недавно слушала – тоны сердца аритмичны, пульс слабый, очень частый. Сейчас наркоз и операция очень опасны.

Также тихо Борис ответил:

– А переезд в Прохладное она не перенесёт, её нужно оперировать здесь, сейчас, немедленно. Стерильный материал есть? А операционная сестра?

Услышав на оба вопроса положительный ответ, повернулся к фельдшеру Костенко:

– Помогать мне будете вы.

Заведующая больницей сказала:

– Наркоз могу дать я. У Марка Веняминовича, когда он оперировал, я всегда давала наркоз.

Борис улыбнулся:

– Наркоза не потребуются, применение его для больной действительно будет очень тяжёлым. Мы сделаем операцию под местной анестезией.

– Под местной?! – почти одновременно воскликнули и врачи, и фельдшер. – Таковую операцию? Но это невозможно!

Костенко под местным обезболиванием вскрывал фурункулы и небольшие абсцессы, и больные почти всегда гром-

ко кричали, испытывая сильную боль. По-видимому, техникой местной анестезии он не владел, а тут этот молодой и, очевидно, очень самонадеянный врач берётся вскрывать почти всю грудную железу под местным обезболиванием – дикость!

Оба врача и Костенко, опасаясь неблагоприятного исхода операции, уже жалели о том, что позвали этого Алёшкина. Положили бы больной спиртовой компресс, может быть, рассосалось бы, может быть, самостоятельно вскрылся бы нарыв, ведь многие грудницей болеют (так тогда часто называли мастит), и не все помирают. Но Алёшкина позвали, он уже взял в свои руки руководство делом, и ничего не оставалось, как со страхом ждать, чем кончится операция.

Между тем, Борис вызвал операционную сестру и, узнав, что в операционной есть все необходимые простерилизованные инструменты и материал, попросил дополнительно приготовить 20-граммовый шприц, иглу длиной 10–12 см и другую – 6–8 сантиметров. Затем, узнав, что в больнице нет новокаина в порошке, велел послать в аптеку заказ на два порошка новокаина по 2,5 грамма каждый. Он остался очень доволен, когда выяснилось, что есть свежий физиологический раствор в бутылках. В то время его довольно часто вводили тяжёлым больным под кожу, иногда это делали и внутривенно, ведь крови для переливания в районной больнице, конечно, не было.

После этих распоряжений Борис отправился в предопера-

ционную, чтобы помыть руки, то же самое он заставил сделать и фельдшера. У операционной сестры нашлись и стерильные халаты, и простыни. Пока Алёшкин и Костенко мылись, она успела разложить на своём столике все необходимые инструменты. На подоконнике стояли три литровые бутылки с физраствором. На вопрос о наличии мази Вишневского сестра ответила, что они никогда такой мазью не пользовались, и её у них нет. К счастью, Костенко вспомнил, что эта мазь есть в амбулатории, он применял её очень редко, и поэтому банка была почти целой. Послали человека за мазью.

В это время принесли порошки с новокаином. Борис попросил заведующую больницей, не нарушая стерильности, открыть одну из бутылок с физиологическим раствором и всыпать туда порошок новокаина. Когда порошок растворился, она по его просьбе вскрыла ампулу адреналина и накапала в ту же бутылку десять капель. Сестре поручили приготовить чистый стакан или банки.

Когда всё было готово, привезли больную. Обнажённая женщина лежала на операционном столе. Её воспалённая грудь, из которой, наверно, уже несколько дней не отсасывали молоко, и в глубине которой, несомненно, находился основательный очаг инфекции, имела огромные размеры, тёмно-багровый цвет и необычайную плотность. Увидев подошедшего к ней врача, больная слабым голосом спросила:

– Доктор, это не будет больно?

– Нет, нет! Вы ничего чувствовать не будете, только первый небольшой укол, – успокоил её Борис.

По его приказанию Костенко намазал йодной настойкой всю правую половину грудной клетки пациентки, а Борис, взяв у операционной сестры стерильную простыню, обернул ею эту половину тела так, что осталась видна только грудь и небольшой участок кожи вокруг неё. Затем он в нижнем наружном квадранте её нащупал небольшое размягчение:

– Ага, флюктуация. Значит, разрез будем делать здесь.

Он обратился к женщине-врачу, стоявшей около двери операционной:

– Доктор, пожалуйста, подойдите к голове больной и постоит около неё. Мы сейчас начнём.

В это время к Алёшкину приблизилась заведующая больницей и предостерегающе шепнула:

– Вы забыли привязать больную!

Борис снова усмехнулся. Ему был понятен некоторый испуг в шёпоте заведующей. Дело в том, что основным препаратом для наркоза, применяемым всюду, был эфир. Как известно, прежде, чем заснуть, больной проходил стадию возбуждения. Во время неё он не только двигал руками и ногами, но мог даже свалиться с операционного стола. Поэтому в операционной всегда имелись ремни, которыми больного крепко фиксировали. Большинство врачей техникой местной анестезии владело слабо, и поэтому привязывать оперируемого считалось необходимым. Правда, иногда вместо

этого две или три дюжих санитарки просто крепко держали больного.

Алёшкин только что прошёл хорошую школу в клинике А. В. Вишневого, там таких удручающих приспособлений, как привязные ремни, не было и в помине, да и к услугам санитаров фактически не прибегали. За время учёбы Борису пришлось не один раз оперировать гнойные маститы. В отличие от других клиник, у А. В. Вишневого эта операция часто проводилась амбулаторно, а Борис работал на амбулаторном приёме два раза в неделю не менее чем по два-три часа. Правда, все хирургические вмешательства также, как и обезболивание, делались им под руководством ассистента, проводившего практические занятия, да и по тяжести течения они были намного слабее. А здесь?.. «Постараемся не ударить лицом в грязь», – подумал Борис.

Набрав в шприц раствор новокаина, и надев на него длинную иглу, он спросил женщину:

– Как вас звать?

– Шура.

– А по отчеству?

– Александра Михайловна, – слабым голосом произнесла больная.

– Так вот, Александра Михайловна, сейчас я сделаю небольшой укольчик, и после него вы уже больше никакой боли чувствовать не будете. Ну, а если она всё-таки появится, то вы не кричите, не дёргайтесь, а только скажите мне об

этом, и я сейчас же сделаю так, что боль прекратится. Хорошо? Договорились?

– Хорошо, – так же слабо проговорила больная.

Алёшкин сделал укол. Помня наставление своих недавних учителей, едва введя кончик иглы в кожу, Борис сейчас же нажал на поршень шприца и лишь после этого продвинул иглу глубже. Так и продолжал обезболивание всё время, посылая раствор новокаина перед кончиком иглы. Наконец, вся игла была введена под молочную железу параллельно грудной клетке, раствор в шприце закончился. Отсоединив шприц, Борис набрал в него новую порцию раствора и, осторожно передвигая иглу в разных направлениях, ввёл ещё около ста кубиков обезболивающего раствора. Всё это время больная лежала спокойно, не шевелилась, не кричала, лишь иногда тихим голосом жаловалась склонившейся над ней женщине-врачу, что ей что-то давит в груди.

Закончив эту первую стадию обезболивания, хирург набрал новую порцию раствора, укрепил на шприце более короткую иглу и начал обезболивать кожу в предполагаемом месте разреза, стараясь сделать так, чтобы раствор сперва попал в толщу кожи и лишь потом в подкожную клетчатку. Наконец с этим тоже было покончено.

Затем Алёшкин попросил Костенко, до сих пор лишь с интересом наблюдавшего за действиями врача, взять в руки лоток и крепко прижать его к телу больной под оперируемой грудью. Женщина слегка ойкнула. Борис

спросил:

– Вам больно?

– Нет, доктор, совсем не больно, холодно, – ответила больная.

– Ну, это ничего, пустяки. Сейчас всё закончим, и поедете в палату к своему малышу, он, наверно, уже есть хочет, – говорил Борис, протягивая руку к операционной сестре, в которую та молча вложила скальпель.

Почувствовав инструмент в руке, Борис благодарно взглянул на сестру, та кивнула головой. Алёшкин невольно подумал: «А девчонка-то молодец, дело знает! Вот бы такую мне в больницу, когда хирургию откроем, – и тут же вздохнул. – Нет, эту не возьмёшь, нужно будет своих учить».

Одновременно с этими мыслями он продолжал работать, и его раздумья скользили где-то по поверхности сознания, при этом всё внимание, всё основное мысленное напряжение было сосредоточено в пальцах. Левая рука плотно держала кожу груди, растягивая её в намеченном месте разреза, в правой находился скальпель, который в этот момент своим острым концом вошёл в эластичную ткань кожи и, пройдя в нужном направлении, оставил после себя тонкий, серповидный, покрытый капельками крови след. Сейчас же из раны потёк, как будто выдавливаемый какой-то внутренней силой, густой жёлтый гной, частично смешанный с молоком.

Положив скальпель на салфетку, Алёшкин вновь протянул руку к сестре, и та сунула ему нужный инструмент –

корнцанг с зажатым в его концах марлевым тампоном. Вставив его вглубь раны, Борис разрушил перегородки между отдельными гнойниками, образовавшимися в долях молочной железы, это вызвало ещё более активное выделение гноя. Вскоре лоток, который старательно держал Костенко, заполнился до краёв, а полость грудной железы была очищена. Заполнив её большим тампоном, смоченным в мази Вишневского, и прикрыв рану салфеткой с этой же мазью, хирург удовлетворённо вздохнул и с облегчением сказал:

– Ну, вот и всё, Александра Михайловна! Сейчас вас забинтуют и отвезут в палату. Кормить пока будете только из левой груди. Денька через два-три я вас навещу, а фельдшер с сестрой будут делать вам перевязки каждый день.

– Как, уже всё? – удивлённо спросила больная. – Но мне же совсем не больно и не было больно.

– Ну, вот и хорошо, что так, – ответил Борис.

Конечно, в душе он ликовал: такую сравнительно большую гнойную операцию, да ещё по методу Вишневского, он делал самостоятельно, без нравственной, моральной опеки более опытных людей, и она как будто прошла очень удачно.

Оставив больную на попечение фельдшера Костенко и сестёр, Алёшкин и врачи вышли из операционной. Пока он переодевался, т. е. менял халат и мыл руки, обе женщины с восхищением обсуждали только что виденную операцию. Заведующая больницей сказала:

– Ну, Борис Яковлевич, теперь и я уверовала в действие

местной анестезии. Должна вам признаться, всё время, пока вы оперировали, я с замиранием сердца ждала того момента, когда больная закричит и начнёт сучить ногами, как бывало почти всегда, когда Марк Веняминович удалял под местной анестезией аппендикс. Ему почти всегда приходилось завершать операцию под общим эфирным наркозом, а нам с Зочкой, – показала она на молодую подругу, – затем восстанавливать больного от этого наркоза.

Когда они все были уже в кабинете заведующей, та обратилась к Алёшкину:

– Борис Яковлевич, а что вы думаете теперь дальше делать?

– Как что? – удивился Борис. – Поеду домой в Александровку, ведь меня там больные ждут.

– Нет, я не о том, не о сейчас, а вообще... Ведь вы знаете, что у нас хирурга нет? Может быть, вы перейдёте работать к нам?

Это было соблазнительное предложение, но, как мы знаем, Алёшкин уже всё решил, и потому твёрдо ответил:

– Нет, товарищ Васильева, этого я сделать не могу. Моя жена, семья уже обосновались в Александровке. Колхоз и завод по моему плану начали строить при больнице хирургический блок, – немного приврал он. – Так что я теперь буду держаться за свою станицу, ну а там, лет через пять будет видно. Пока же во всех случаях, когда понадобится очень срочная хирургическая помощь, я всегда готов приехать, только

транспорт присылайте.

Этот ответ немного обидел заведующую больницей, которая на своё предложение ожидала услышать благодарность и согласие. Она поджала губы и довольно холодно попрощалась с хирургом.

Вся операция, которую мы с такой подробностью описали, заняла намного меньше времени, чем рассказ про неё, но она была у Бориса Алёшкина первой, сделанной им вполне самостоятельно, с обезболиванием по методу А. В. Вишневого, и потому запомнилась ему на всю жизнь. С тех пор ему пришлось сделать не один десяток тысяч операций, некоторые из них были гораздо более сложными, и их приходилось проводить в более трудных условиях, но ни одна из них не врезалась в его память, как эта.

Чтобы уже не возвращаться к этому случаю, скажем, что при заботливом уходе медперсонала больницы прооперированная женщина сравнительно быстро поправилась и, вероятно, через какой-нибудь месяц забыла и свою болезнь, и врача, спасшего её от грозного осложнения – сепсиса, который мог закончиться очень печально.

Дня через три Алёшкин снова приехал в Майское, осмотрел пациентку во время перевязки, которую проводили медсестра и фельдшер Костенко, остался удовлетворён состоянием раны и ходом её заживления, выслушал от больной слова благодарности и больше никогда её не видел.

Глава девятая

Вернёмся в день 2 января 1941 года.

Из больницы Борис вновь пришёл в райздравотдел для продолжения своего разговора с Симоняном. Он сообщил, что не собирается уезжать из Александровки, во всяком случае, в течение пяти лет, наоборот, хочет там расширить имеющуюся больницу за счёт пристройки хирургического отделения и рентгеновского кабинета.

Это известие, не затрагивавшее личных интересов Симоняна, последнему пришлось по душе, и он сразу же переменял своё отношение к Алёшкину, одобрил расширение александровской больницы – наиболее удалённой от районного центра, и обещал в этом вопросе своё содействие и помощь. Чтобы не быть голословным, он сразу же предложил Борису Яковлевичу получить имевшуюся в резерве райздрава лабораторию, обещал добиться к концу года и рентгеновского аппарата, но с увеличением штата Симонян пока просил подождать, так как финансовый план по району на 1941 год уже был утверждён. Запланировать увеличение единиц медперсонала можно было только в 1942 году. Симонян сказал:

- Просить добавление к штатам для ещё пока не существующего отделения просто бесполезно, начальник районного финотдела на это никогда не пойдёт.

Единственное, что обещал Симонян, это выделить деньги

на содержание лаборанта, если Алёшкин развернёт лабораторию в течение ближайшего месяца.

Борису пришлось согласиться с его доводами. Получив в райфо несколько больших деревянных ящиков с лабораторным оборудованием и реактивами, а также выписанные в аптеке медикаменты, он в самом прекрасном настроении выехал домой.

Уже на следующий день Борис Яковлевич занялся планированием пристройки больницы. Сделав примерный план, он полюбовался, как должна была выглядеть «его» больница. До сих пор её здание, имевшее форму буквы «Г», выходило длинной стороной в проулок, а короткой – на главную улицу. После возведения пристройки положение менялось: длинная сторона уже шла по главной улице, а проулочная превращалась в более короткую.

Когда Борис начертил план больницы для себя, он показал его Прянину и, получив хороший отзыв, сделал подробный чертёж пристройки, которую надлежало построить, показал его председателю колхоза. Тот вначале даже рассмеялся:

– Вот это пристроечка! Это всё равно, что пиджак к пуговице пришивать! Её надо ровно в два раза уменьшить.

Но Алёшкин твёрдо стоял на своём, его поддержал Прянин, а так как последний заявил, что он уже договорился с директором завода о выделении транспорта для подвоза необходимого материала, а также и о материале для кровли (шифере), то предколхозу, в конце концов, пришлось утвер-

дить предложенный проект.

Вскоре бригада колхозников приступила к копке канавы под фундамент пристройки, а недели через три он был забутован привезённым с берега Терека булыжником и залит раствором цемента. Плотники приступили к обтёсыванию брёвен для каркаса здания и балок для полов и потолков. Обе бригады с работой справились сравнительно быстро. Но пришёл февраль, а в Александровке, как и во всех станицах и аулах Кабардино-Балкарии, расположенных в долинах, начались полевые работы: пахота, сев, подготовка почвы для овощей, бахчи, обработка виноградников и т. п. Ведь это был юг, где весна в свои права вступает рано. Все строительные работы пришлось отложить: каждая пара рук в колхозе была на счету. Строители ушли на сельхозработы, а плотники занялись подготовкой полевых бригадных станков.

Борис загрустил, но Прянин обещал, что в этом 1941 году пристройка будет закончена. Как только можно будет выделить хоть несколько человек, строители вернуться к прерванным работам по больнице.

Алёшкин, конечно, понимал, что для колхоза на первом месте стоят свои обязательства перед государством, и потому примирился с задержкой строительства. Да, откровенно говоря, у него и самого не было возможности уделять достаточное внимание заботам о строительстве, ведь амбулаторный приём больных, ведение стационара, вся противоэпидемическая служба на участке и, в первую очередь, организа-

ция противомалырийной борьбы отнимали много времени и сил. Регулярный контроль за санитарным состоянием станции и завода, практическая помощь фельдшеру в амбулаторном приёме на здравпункте завода, врачебная помощь родильному дому, посещение и лечение тяжелобольных на дому и, наконец, обучение простейшим лабораторным исследованиям одной из сестёр больницы – всё это была его повседневная работа. Лабораторию всё-таки развернули, выгородив для неё фанерными перегородками часть застеклённой веранды больницы.

Вся перечисленная деятельность требовала того, чтобы Борис вставал в шесть утра, работал до часу и, пообедав в два часа, снова уходил из дому, возвращаясь лишь поздно вечером. И так было ежедневно почти без всяких выходных. А ведь необходимо было кое в чём помогать и Катеринке, она тоже была загружена до предела. Наступила весна, следовало подготовить огород, посадить самые необходимые овощи, так что дел у них было хоть отбавляй.

Бывало, что и ночью привозили какого-нибудь тяжёлого больного или, что случалось чаще, его вызывала Матрёна Васильевна в роддом.

– Почему-то, – возмущался Борис, – почти все женщины умудряются рожать именно ночью!

До тех пор, пока в Александровке не было хирурга, Матрёна Васильевна патологических родов не принимала, а, проявляя огромную энергию, требовала транспорт или у

колхоза, или у завода и сопровождала роженицу в Муртазово. С появлением Алёшкина она решила, что такие роды можно проводить здесь, в станице, и их должен принимать участковый врач. Акушерка стала во всех случаях патологии вызывать Бориса. Это не только льстило его самолюбию, но и доставляло ему определённое удовлетворение. Матрёна Васильевна обладала большим опытом в своём деле и, несомненно, во многих случаях могла бы справиться и сама, но она хотела, чтобы Борис Яковлевич, который, как и его жена, пришёлся ей по душе, стал действительно умелым и знающим врачом – таким, каким она представляла себе врача старой земской квалификации, не каким-то узким специалистом, а мастером на все руки, настоящим сельским медиком, как она говорила.

Алёшкин не отказывался. Каждые новые трудные роды, в которых он с помощью Матрёны Васильевны проводил те или иные медицинские манипуляции, учили, обогащали его опыт. Впоследствии это ему пригодилось.

С её же помощью, а вернее, под её руководством, Борис сделал и свой первый в жизни аборт. В те годы правительством нашей страны аборт был запрещен, а забеременевших вопреки желанию было более чем достаточно. Все эти женщины после неудачных самостоятельных попыток избавиться от беременности, отправлялись к известным бабкам, которые за соответствующую плату деньгами или какой-нибудь сельскохозяйственной «натурой», при помощи верете-

на, вязальной спицы или ядовитого отвара вызывали кровотечение, а за ним и выкидыш. Иногда, в 15–20 случаях из ста, это сходило для женщины более или менее благополучно: она оставалась жива, лишь впоследствии мучилась чуть ли не всю жизнь разными женскими болями. А в остальных случаях дело заканчивалось таким обильным кровотечением, что больную едва успевали привезти в роддом к Матрёне Васильевне. Та, расспросив и осмотрев женщину, быстро определяла, в чём дело, хотя, боясь наказания, многие говорили неправду. Сама она, как медицинский работник со средним образованием, делать аборты не имела права, и поэтому исходившую кровью женщину приходилось отправлять в Муртазово, за четыре километра. Не всегда такое путешествие было благополучным. Теперь во всех этих случаях Матрёна Васильевна немедленно вызывала врача, и тот, как тогда говорилось, доделывал криминальный аборт. А было их немало, каждый месяц не меньше трёх.

Но, конечно, главным в деятельности Бориса была не гинекология. Главной его работой и заботой в течение дня были больница и амбулатория. Количество принимаемых им в амбулатории больных в день редко оказывалось менее сорока, причём объём, разнообразие болезней, с которыми к нему обращались, было настолько велико, что иногда вечером, придя домой, он терялся, за какой учебник или справочник схватиться, чтобы на следующий день по-настоящему начать лечить того или иного больного. Приходилось ра-

ботать и с грудными детьми, и со стариками, пациенты имели внутренние, кожные, гинекологические, хирургические и ещё добрый десяток самых различных заболеваний, для лечения которых сейчас существуют не только отдельные специалисты, но даже целые институты и клиники. Естественно, что в некоторых случаях он под каким-либо благовидным предлогом откладывал начало лечения на один-два дня, чтобы, сверившись с конспектами и книгами, правильно его диагностировать, а затем и правильно лечить. Поступать так, как Чинченко и некоторые его предшественники, т. е. во всех затруднительных случаях отправлять пациентов в районную поликлинику или больницу, Борис не мог. Он понимал, что далеко не каждый, к нему обратившийся, найдёт возможность отправиться за нужной медицинской помощью в Майское за 18 километров, а значит, запустит болезнь. Да ему и из чувства собственного достоинства хотелось проявить себя настоящим лечащим врачом, а не диспетчером, выписывающим направление в районную поликлинику. Вот и работал он, как его дед, т. е. как старый земский врач Пигута, оказывая помощь почти всем больным, которые к нему обращались.

Но к тому времени уровень медицинских знаний, объём лечебной помощи по сравнению с тем, какой был при деде Алёшкина, значительно изменился. Понимал, конечно, это и сам Борис. Он уже представлял себе, что правильное лечение многих заболеваний теперь невозможно без рентгеновского

обследования больного и без, хотя бы простейших, лабораторных анализов крови и мочи. Вопрос с рентгеном пока не решался, с лабораторией дело обстояло лучше. Поэтому чуть ли не в первую неделю после своего возвращения из Москвы Алёшкин был в Муртазове и беседовал с главным врачом местной больницы. Тот оказался отзывчивым серьёзным человеком, понимавшим устремления молодого специалиста, и поэтому его не пришлось долго уговаривать на проведение рентгеновских и лабораторных обследований больных по направлениям Бориса. Главврач муртазовской больницы руководствовался и другим соображением, ведь раньше очень часто в его село поступали десятки больных из Александровки, которых приходилось полностью лечить амбулаторно или стационарно. С появлением хирурга пациентов стало поступать меньше, а если помочь дополнительными исследованиями, то их количество ещё более сократится. Как же было не пойти навстречу молодому врачу? Но Бориса эта договорённость не вполне устраивала: часто анализы необходимы немедленно, и вопрос об организации собственной лаборатории следовало решать срочно.

Мы уже упоминали, что вскоре после приезда, заняв часть веранды под лабораторию, Алёшкин начал в ней работать, пока делая все анализы самостоятельно. К концу февраля, после месячной практики в районной больнице посёлка Майское, медсестра Клава могла делать основные анализы, правда, под постоянным контролем со стороны Бори-

са. Она умела определять количество гемоглобина, лейкоцитов и РОЭ. Лейкоцитарную формулу, а также наличие плазмодия, Борису приходилось по вечерам определять самому. Лишь в марте Клава научилась находить возбудителя малярии в капле крови, и это оказало огромную помощь в проведении целенаправленной борьбы со всё ещё свирепствовавшей малярией. Также примитивно проводилось и исследование мочи: определялся её удельный вес, наличие белка и сахара. Но и эти самые простейшие анализы стали большим подспорьем в лечении амбулаторных и в особенности стационарных больных.

Кроме лаборатории, довольно значительное место в лечебной работе Алёшкина занимало наблюдение за онкологическими больными. Таких пациентов, главным образом с запущенными случаями рака желудка и молочной железы, к моменту приезда в Александровку Бориса имелось семь человек. Все они лежали в своё время в больнице, но так как активному лечению не подлежали, то были выписаны для амбулаторного наблюдения на дому. К ним приходилось ходить не менее двух-трёх раз в неделю, осматривать, выписывать необходимые медикаменты и перевязывать. Так как медсёстры больницы были загружены, то эту работу брал на себя или фельдшер Чинченко, или сам Алёшкин.

Кроме сочувствия к тяжело страдающим больным, тем более что некоторые из них по характеру своего заболевания очень напоминали Борису его бабуся, он испытывал чувство

огромного стыда и обиды за врачебную науку, за своё бессилие перед этой страшной болезнью. Он теперь хорошо представлял себе, как болела и страдала и его так рано ушедшая из жизни мать. Посещение этих больных было тем более ужасно, что многие из них уже знали, чем они болеют, знали о своей обречённости и просили не об излечении, а о том, чтобы приходивший к ним доктор, хоть немного, хоть ненадолго, облегчил те невероятные страдания, которые они испытывали.

Конечно, Борис Яковлевич без колебания применял доступные ему средства обезболивания, а это был морфий и его препараты.

После возвращения из Москвы Алёшкин, по примеру клиники Вишневого, стал и в своей больнице раз в неделю проводить совещания медиков, на которых разбирались происшедшие в течении недели ошибки и недостатки в работе, выслушивались жалобы и претензии медиков по тем или иным вопросам. Борис Яковлевич рассказывал о тех задачах, которые ставились перед врачебным участком на следующую неделю. Иногда на этих совещаниях зачитывались письма, получаемые из райздравотдела.

После первого же посещения онкологических, или, как их тогда обычно называли, раковых больных, Борис потребовал от всех, кто вёл приём в амбулатории, в здравпункте, в роддоме и посещал заболевших на дому, самого серьёзного выявления всех случаев, подозрительных на рак, и направ-

ление таких больных к нему. В течение первого полугодия 1941 года удалось выявить двух женщин с подозрением на рак молочной железы. Они были направлены в г. Нальчик, там прооперированы и вернулись в Александровку с благодарностью к медикам станицы. За время лечения в Нальчикской республиканской больнице, женщины успели насмотреться на большое количество запущенных случаев этой болезни и поняли, что ожидало их, если бы лечение не было начато своевременно.

Был выявлен один случай рака желудка, пациента также направили для лечения в Нальчик, но его судьба Алёшкину осталась неизвестной.

Ну и, конечно, самым любимым и самым главным, что Борис считал в своей работе, оставалась хирургия. До открытия хирургического отделения Алёшкин приспособил для производства простейших операций свой маленький процедурный кабинет. Инструментарием, с учётом того, что Борис приобрёл в Москве, он был обеспечен в достаточной мере, но все операции (чистые и гнойные) ему приходилось делать в этой крошечной процедурной. Не хватило смелости проводить в ней полостные операции, но и без того работы было хоть отбавляй, ведь на долю врача участка, помимо всяких абсцессов, панарициев, маститов и тому подобных заболеваний, приходилось и большое количество травм, всевозможных резаных и рваных ран, ушибов, вывихов и переломов. Большинство этих травм ранее отправлялись в Майское или

Муртазово. Из-за отсутствия транспорта пострадавшие, как правило, получали помощь с опозданием, что приводило к значительным осложнениям. Из-за этого такие травмы часто лечились домашними средствами, которые иногда приводили к тяжелейшим последствиям.

Главным специалистом по переломам и вывихам в Александровке был признан старик Евсей, работавший сторожем колхозного сада. К нему для вправления костей иногда приезжали даже из Майского. На первых порах он составлял серьёзную конкуренцию Алёшкину, но уже через два-три месяца после того, как Борис успешно вылечил открытый перелом большеберцовой кости у одного тракториста, слава деда Евсея пошла на убыль, и пострадавшие стали активнее обращаться к доктору.

Из этого периода времени Борису запомнился один особенно трагический случай. Однажды вечером в начале апреля, в субботу, Борис и Катя собрались идти в заводской клуб – привезли какую-то новую картину. Дети были выкупаны, накормлены и чинно сидели на крыльчке. Эла читала вслух «Сказку о царе Салтане» Пушкина, а младшие, подперев кулачками щёчки, были целиком поглощены описываемыми событиями и, глядя на сестру блестящими глазёнками, временами вскрикивали от возмущения и испуга, иногда хлопали от восторга в ладоши и раскатисто хохотали. Нюра сидела возле них и тоже была увлечена сказкой. Поцеловав ребятшек, Катя сказала:

– Пошли, Борис, хоть один вечер побудем вместе, а то за последнее время я тебя и видеть перестала. Отвыкну ещё, пожалуй, – улыбнулась она.

– Так я тебе и дам отвыкнуть! – возмутился супруг. – Только попробуй!

С этой шуточной пикировкой они спустились во двор. В этот момент открылась калитка, и в ней показалась запыхавшаяся испуганная санитарка:

– Ой, Борис Яковлевич, идите скорей в больницу! Там раненую девчонку привезли, вся голова в крови. Они её дома полотенцем обмотали, так оно всё промокло...

Борис взглянул на жену и, разведя руками, сказал:

– Ну, видишь, Катя, ничего не поделаешь, надо идти в больницу. Посмотрю, что там такое, перевяжу и приду в клуб. Ты пока иди одна. Предупреди контролёра, что я пойдю.

Катя нахмурилась, но, понимая, что её Борька иначе поступить не может, ответила:

– Одна я не пойду. Пойдём вместе в больницу, ты окажешь больной помощь, и оттуда отправимся в клуб. Времени ещё достаточно, не опоздаем.

Весь этот разговор происходил уже по пути в больницу, куда Алёшкин и его жена шли быстрыми шагами, почти бежали. Санитарку Борис отправил за медсестрой Нюсей, которая, кроме дежурства по больнице, исполняла обязанности и операционной сестры. Делала эту работу она с охо-

той и становилась для хирурга всё более полезной помощницей. Нюся довольно быстро усвоила действия сестры во время операции, хорошо выучила названия инструментов и, хотя ещё самостоятельно не могла предугадать, какой из них понадобится в данный момент, но по просьбе врача быстро разыскивала нужное на инструментальном столике и правильным образом подавала в протянутую хирургом руку.

Придя в больницу и надев халат, Борис зашёл в женскую палату, где временно положили пострадавшую. На веранде сидели её родители, которые успели рассказать появившемуся врачу, что произошло с их дочкой. Они были на кухне, а дети – Юля 15 лет и Коля 12 лет – сидели в комнате. То ли ребята поссорились, то ли играли во что-нибудь, но только Коля внезапно схватил висевшее на стене охотничье ружьё и, направив его на сестру, крикнул:

– А вот я тебя сейчас застрелю!

Услышав этот возглас, отец бросился в комнату, но было уже поздно. Мальчик нажал на спусковой крючок, и ружьё, заряженное дробью, выстрелило. Дуло было направлено в сторону девочки, расстояние до неё – несколько шагов. После выстрела она упала, из её лица хлынула кровь. Испугавшийся мальчишка бросил ружьё и с криком выскочил на улицу. Вбежавший отец, увидев, что из левой половины лица дочери хлещет кровь, схватил висевшее на спинке кровати полотенце, обмотал им голову находившейся без сознания девочки, схватил её на руки и побежал в больницу, до кото-

рой идти было минут 10–15.

Дежурная медсестра, увидев окровавленную, бессильно свесившуюся голову девочки и кровь, продолжавшую сочиться из-под полотенца и тяжёлыми каплями падавшую вниз, велела положить пострадавшую на кровать и послала санитарку за Алёшкиным. Сама, не рискуя разматывать полотенце, положила сверху грелку, наполненную холодной водой.

Когда Борис вошёл в палату и увидел посиневшие пальцы рук девочки, понял, что произошло очень сильное кровотечение и, видимо, ранение было более серьёзным, чем полагал отец. Все ещё не снимая полотенца, хирург вместе с палатной сестрой перенёс раненую в перевязочно-операционную комнату и уложил её на перевязочный стол. Сняв с головы ребёнка полотенце, Борис увидел страшную картину. Весь заряд дроби угодил в левую половину лица девочки, был выбит глаз, вырвана щека. Часть кожи этой половины лица висела вокруг рваными лохмотьями, а сгустки крови, заполнявшие всю рану, видимо, закрывали носоглотку – она дышала с большим трудом. При виде этой раны у медсестры закружилась голова, на её помощь рассчитывать было нельзя. Нюся ещё не пришла, а раненая нуждалась в немедленном лечении. Нужно было обследовать рану, обработать её, остановить кровотечение и, конечно, хорошо было бы перелить кровь. О том, чтобы девочку куда-либо отправлять, не могло быть и речи.

Борис выслал из перевязочной еле державшуюся на ногах медсестру и, увидев на веранде Катю, крикнул:

– Надевай халат, иди сюда, будешь мне помогать, пока Нюся не придёт! А вы пошлите кого-нибудь за завхозом, быстрее!

К счастью, за прошедшее время в больнице уже привыкли к внезапному появлению больных с травмами, и поэтому в перевязочной были всегда наготове и стерильный материал, и инструмент. К тому времени, когда туда зашла Катя, Борис, вымыв руки, успел открыть бикс, стерилизатор и, расстелив стерильную простыню, раскладывал на ней необходимые инструменты. Увидев вошедшую и в нерешительности остановившуюся в дверях жену, он сердито крикнул:

– Ну, чего же ты стоишь? Мой руки сперва под умывальником, а потом вон в тазу с нашатырным спиртом. Да побыстрее, канителься некогда!

Он умышленно говорил грубо и сердито, не давая опомниться жене. Борис очень боялся, что и эта его помощница потеряет присутствие духа или, чего доброго, упадёт в обморок. Но его Катя была молодцом, выполнив распоряжение мужа и вымыв руки, она подошла к столу. Он подал ей марлевую салфетку, велел вытереть руки, а затем – смоченный в спирте тампон:

– Катя, протри как следует пальцы и ногти, а затем смажь их йодом, надо быстрее начинать, девочка задыхается.

Пока Катя мылась и готовила руки, Борис успел набрать

в шприц раствор новокаина и начал обезболивать края раны – торчавшие кровавыми лохмотьями мышцы щеки и скуловой области. Далее работать стало легче: у инструментального стола стояла Катя и, хотя она была бледна, вздрагивала, глядя на страшную рану, и при каждом всхлипывающем сто-не раненой, однако все распоряжения мужа выполняла тол-ково и быстро.

Убрав сгустки крови из полости раны и носоглотки по-страдавшей, Борис увидел, что повреждена одна из крупных артерий лица, он её немедленно пережал зажимом. Кровоте-чение значительно ослабло, а после удаления сгустков и ды-хание больной стало свободнее. Она продолжала оставаться без сознания.

Алёшкин приступил к обработке раны. Осторожно извле-кая осколки костей и отсекая обрывки мышц и кожи, он об-наружил, что вся левая верхняя челюсть была разбита на мелкие осколки, левая скуловая кость и нижняя часть глаз-ницы были раздроблены, глазное яблоко разрушено. Когда он заканчивал эту работу, то пришёл в ужас от величины ра-ны: размеры её только теперь выявились в полном объёме. По существу, отсутствовала вся левая половина лица вместе с глазом. Только чудо могло спасти больную, да и то в том случае, если дробины не пробили заднюю стенку глазницы и не проникли в мозг, но даже и тогда состояние больной бы-ло бы почти безнадежным. Затампонировав обработанную и переставшую кровоточить рану, бинтование её Борис пору-

чил прибежавшей, наконец, Нюсе и Кате, а сам вышел на веранду.

Встревоженные, но ещё не знавшие всей опасности родители умоляюще смотрели на врача. Он не смог им сказать правды, но и обнадеживать их напрасно тоже не хотел. Поэтому тихо произнёс:

– Рана очень серьёзна и велика, постараемся сделать всё, что возможно.

– А она будет очень обезображена? – спросила мать.

Алёшкин внутренне вздрогнул: «Эх, о чём спрашивает эта женщина... Ведь сейчас решается вопрос совсем не о красоте, а о жизни её дочери», – подумал он и ничего не ответил.

В это время на веранду вошёл завхоз, Борис направился с ним в свой кабинет:

– Вот что, Василий Прокопыч, седлай нашего конягу и скачи в Муртазово. Пусть немедленно приедет сюда их районный хирург и невропатолог, а с собой возьмут хотя бы пол-литра крови первой группы. Скачи быстрее.

Проводив завхоза, Борис тяжело опустился на свой стул и закрыл глаза. Ему всё ещё виделась эта ужасная рана на лице девочки. Он мысленно определял те огромные разрушения, которые причинил злосчастный выстрел. Он не хотел об этом думать, но в глубине души понимал, что выжить после такого ранения девочка не сможет.

Таким, с бледным лицом, покрытым капельками пота, с

закрытыми глазами и стиснутыми пальцами рук, лежавшими на столе, и застала его Катя, которая после того, как голову девочки забинтовали, вместе с Клавой перенесла и уложила её в чистую постель. Видя состояние, в котором находился муж, сердцем понимая, как ему тяжело сознавать своё бессилие, и догадавшись, что положение раненой почти безнадежно, Катя тихонько сняла халат, подошла к Борису и, положив ему свою прохладную ладонь на лоб, тихо сказала:

– Ты, кажется, всё возможное сделал. Надо бы ещё врачей вызвать, может быть, что-нибудь можно ещё сделать? Я пойду на завод, и мы позвоним в Нальчик, вызовем специалистов оттуда...

– Я уже послал за врачами в Муртазово, они раньше успеют приехать. Но всё равно, пусть приедут и из Нальчика, – как-то безразлично ответил Борис.

– А потом я пойду домой, посмотрю, что ребята делают, уложу их. А ты ведь пока здесь останешься? – полуутвердительно-полувопросительно сказала она.

Борис поцеловал руку жены, открыл глаза и вдруг совсем неожиданно для неё сказал:

– Эй, Катеринка, Катеринка, зачем ты не работаешь медиком? Как бы мне с тобой славно работалось! Ну, хорошо, иди. Иди, звони, хотя, по-моему, это бесполезно, а потом иди к ребятам, да и сама ложись. Меня не жди, видишь, не могу...

Через два часа Василий Прокопыч привёз кровь, Нью-

ся ещё раньше простерилизовала систему для переливания (она была приобретена Борисом в Москве). У них не было сывороток для определения группы крови, поэтому он не мог узнать, какая у пострадавшей, но первую группу, как известно, можно переливать всем.

Часов в шесть утра в больницу прибыли вызванные из Муртазова специалисты. Они не смогли добраться раньше, дело было в том, что село от станицы Александровки отделялось рекой Терек. Из-за бурного и беспокойного нрава этой реки, переправа через неё была очень затруднена, постоянного настоящего моста не существовало. Делался наплавной, из брёвен, связанных верёвками. По нему с трудом проезжали верхом и проходили пешком; на подводе, а тем более на машине, проехать было невозможно. Поэтому врачей на санитарной машине довели до реки, а после того, как они переправились через Терек, до больницы им пришлось добираться пешком.

Прибывшие врачи – пожилые мужчины со значительным стажем работы и большим опытом славились в районе и, хотя лично их Алёшкин не знал, но слышал, что это очень хорошие специалисты. Ему приходилось уже пользоваться их консультациями по поводу больных, посылаемых из амбулатории. Заключение этих докторов всегда были ясными, точно определяющими диагноз заболевания и дававшими рациональные советы по лечению.

Внутренне Алёшкин был рад познакомиться с такими

опытными медиками и, хотя всё-таки и побаивался их критики (ведь формально он мог просто замотать девочке голову бинтом и отправить её в Муртазово, не занимаясь обработкой на месте), но надеялся, что специалисты его поймут и действия одобряют. Он также надеялся, что они опровергнут его пессимистический прогноз, и, дав какие-нибудь дополнительные советы, помогут спасти жизнь раненой. К сожалению, этого не произошло.

Осмотрев девочку, хирург нашёл все действия Бориса Алёшкина правильными и даже немного удивился, что в сельской участковой больнице сумели настолько квалифицированно, как он сказал, обработать такое тяжёлое ранение. Он озвучил и то, о чём думал, но пока не решался произнести вслух Борис: ранение подобного характера несовместимо с жизнью.

Ещё более удручающим явилось заключение невропатолога, который пришёл к выводу, что повреждено мозговое вещество (очевидно, несколько дробинок попало в мозг). Он удивился, что после такого серьёзного поражения больная не погибла на месте. Борису было очень тягостно это слушать. Это была его первая огнестрельная рана в практике. Много, очень много ему пришлось увидеть и лечить огнестрельных ран в будущем, причём не менее тяжёлых, чем только что описанная, но эту он не мог забыть никогда.

Консультанты, позавтракав в кабинете Алёшкина, сели писать своё заключение и рекомендации по лечению. Вопрос

о транспортировке больной отпал сразу же. Её предстояло лечить здесь, в Александровке. Оба врача, одобрив действия Алёшкина, дали ему дополнительные советы и заявили, что вызывать для консультации каких-либо других врачей нет необходимости. Теперь остаётся ждать, как организм сумеет справиться с тяжёлым повреждением. Перед отъездом в Муртазово они пообещали связаться с Нальчиком и предупредить, что выезд специалистов не требуется. Напоследок ещё раз осмотрев пострадавшую и выйдя от неё, в один голос сказали, что часы жизни девочки сочтены. При осмотре присутствовал и Борис, он тоже видел это. Когда в больницу пришли родители раненой, он так им и сказал.

Действительно, муртазовские врачи не успели доехать до Терека, как девочка умерла. Несмотря на это, никто из родных, никто из жителей станицы ни одним словом не упрекнул врача. Все поняли, что и он, и остальной медперсонал больницы сделали всё, что могли.

В памяти Алёшкина сохранились и другие случаи травматологической помощи за этот период времени. Запомнил он, потому что они были первыми в его жизни или необычными, потребовавшими от него немало сообразительности, хладнокровия и, конечно, медицинской грамотности.

Оказывая помощь тому или иному пострадавшему, Борис не раз вспоминал как свою работу в клинике профессора Керопьяна в Краснодаре, так и замечательную учёбу у Вишневского в Москве. А травматических случаев было много. Так,

в апреле один из колхозников упал с сеновала и грудью напоролся на стоявшие зубьями вверх железные вилы. В грудной клетке было две сквозных раны. К счастью, они прошли вдоль рёбер и не проникли в полость грудной клетки. Этот случай был удачно вылечен в Александровской больнице.

В марте в больницу поступил четырёхлетний мальчик, которому колесом телеги была сорвана вместе с волосами кожа головы примерно с третьей части черепа. После тщательной обработки, скальпированный участок кожи, державшийся на сравнительно узкой ножке, был пришит на место и, хотя избежать нагноения не удалось, тем не менее, через полтора месяца ребёнок поправился, и оторванный лоскут кожи прижился.

В середине мая в больницу попала внучка костоправа деда Евсея. Каким-то образом косою у неё были перерезаны икроножные мышцы. После перевязки крупных сосудов и сшивания мышц эта больная тоже поправилась, к началу июня уже смогла передвигаться и была выписана из больницы.

Все эти случаи приносили Борису Яковлевичу большое моральное удовлетворение и определённую известность как в самой станице и её ближайших селениях, так и в Муртазове, и во всём Майском районе.

Заведующая районной больницей в посёлке Майском, где пока так и не было хирурга, всё чаще и чаще ставила вопрос перед зав. райздравом Симоняном о переводе Алёшкина на работу к ним в районную больницу. Последний ничего

менять не торопился, формально оттягивая решение вопроса до получения нового врачебного пополнения из выпуска 1941 года. Ну, а сам Алёшкин ехать на работу в Майское совсем не хотел, он всё более осваивался в станице Александровке, его жена приобрела уже весомый авторитет на заводе, дети были хорошо устроены. Климатические условия Александровки были отличными. Материальное положение семьи с каждым днём становилось всё более прочным. Помимо заработной платы – своей и жены, Алёшкины, как уважаемые в станице люди, почти самыми первыми получали все дефицитные товары из сельпо и со склада завода, причём без каких-либо усилий с их стороны. Кроме того, как это было принято в сельской местности, в том числе и в Александровке, выздоровевшие пациенты стремились чем-то отблагодарить врача за лечение. Благодарность эта выражалась, прежде всего, в подношении чего-либо натурой: сливочного масла, сала, яиц, курицы и т. п. Колхозник, раненый вилами, после своего излечения пригнал овцу. Борис Алёшкин и его жена Екатерина Петровна еле-еле сумели уговорить его забрать свой дар обратно. Вероятно, они многое из того, что им приносили, не брали бы, но их домработница Нюра, казачка, уроженка этой же станицы, подобной щепетильностью не отличалась, всё приносимое безотказно принимала, иногда даже не сообщая своим хозяевам о том или ином подарке.

Правда, поговорив с Матрёной Васильевной и фельдшером Чинченко, Борис выяснил, что приношения в знак бла-

годарности здесь в порядке вещей, и отказ от них может даже обидеть дарителя, так как он решит, что врач слишком гордый и что принесённое ему кажется малым. После этого Алёшкины на подарки махнули рукой, но эти дары, конечно, улучшали материальное положение семьи.

Мы ещё не сказали об одной хирургической деятельности Бориса: кроме травм и различных гнойных заболеваний, ему пришлось сделать немало так называемых чистых операций – удаление самых разнообразных кожных и подкожных опухолей: атером, липом, фибром, хондром и т. п. Пациентов с такими опухолями в Александровке имелось очень много. Чинченко называл их все одним именем – жировики, и зная, что, как правило, они для жизни не опасны, успокаивал станичников, сравнительно редко посылая их на операцию в Майское или Муртазово. Эти опухоли не тревожили больных, большинству они доставляли только косметические неудобства, что местных жителей не особенно беспокоило.

Первой пациенткой, у которой Борис Алёшкин удалил довольно крупную, величиной с куриное яйцо, липому на лопатке, была сестра Матрёны Васильевны – Надежда Васильевна. Операция прошла удачно, женщина не чувствовала боли, зашитая операционная рана быстро зажила первичным натяжением. Конечно, Надежда Васильевна о своей удачной операции рассказала своим знакомым, а их у неё в Александровке было немало. Да и сам Борис, видя подобную добро-

качественную опухоль у кого-либо из своих пациентов, предлагал её убрать. В результате желающих оперироваться по этому поводу, набралось несколько десятков человек. Пришлось установить очерёдность, так как более двух-трёх операций в день в условиях станичной больницы делать было нельзя, а операционных дней больше двух дней в неделю выделить не удавалось.

Вот так, загружаясь работой по 13–14 часов в сутки, видясь с женой и детьми только рано утром и поздно вечером, Борис и проводил своё время. Почти все выходные дни он тоже вынужден был отдавать больнице, поэтому время летело быстро. Незаметно прошла зима, весна и началось жаркое южное лето.

Наступил июнь 1941 года.